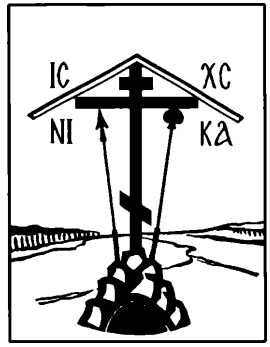

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ

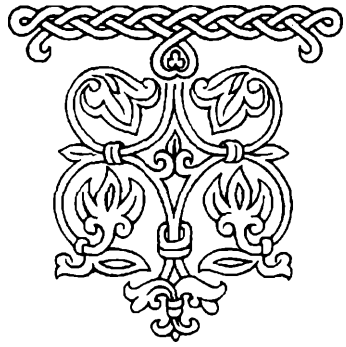

МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Воробьев
(*главный редактор*)
Протоиерей Александр Салтыков
Иерей Александр Щелкачев
Н. Е. Емельянов

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

ПИСЬМА ВЛАДЫКИ ГЕРМАНА

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ГЕРМАНА,

ЕПИСКОПА ВЯЗНИКОВСКОГО

Москва 2004

ББК -3*63.3
Г 38

Подготовка к изданию, предисловие и примечания
А. Г. Воробьевой

Г 38 **Письма владыки Германа**: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа, епископа Вязниковского / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Воробьевой. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2004. – 363 с., ил. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви / Редколлегия: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.)

ISBN 5-7429-0181-X

© Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2004
© А. Г. Воробьева, 2004 (составление, предисловие, примечания)

ISBN 5-7429-0181-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Письма владыки Германа» – под таким заглавием Наталья Александровна Верховцева (1893–1991) многократно в течение своей жизни переписывала от руки для своих друзей письма священномученика епископа Германа (Ряшенцева), адресованные ей и ее матери, Вере Тимофеевне Верховцевой (1862–1940). В конце тридцатых годов, опасаясь ареста, Наталья Александровна отдала подлинники писем на сохранение одному из знакомых, и в дальнейшем, очевидно, они погибли. В ее архиве оставались только два письма и несколько открыток, которые отмечены нами звездочками, а также три рукописные тетради, содержащие переписанные ею все письма Владыки. По ним, кроме утраченной третьей тетради, и подготовлено настоящее издание. Письма из последней ссылки (1934–1936 годов) публикуются нами по машинописной копии, с уточнением ряда мест по другим известным нам рукописным копиям Натальи Александровны, менее полным.

В настоящее издание, *посвящаемое 120-летию со дня рождения святителя Германа*, включены также письма священнику Михаилу Шику и его жене Наталье Дмитриевне Шаховской-Шик, которые публикуются по оригиналам, хранящимся в семейном архиве Шаховских, письма схиигумении Олимпиаде (Ивановой), бывшей настоятельнице Акатовского монастыря, и рясофорной послушнице Татьяне Харламовой, сопровождавшей Владыку в первую ссылку, ранее опубликованные в «Вестнике русского студенческого христианского движения» (Нью-Йорк – Париж, 1973, № 107, 108–109), а также письмо выпускников Вифанской семинарии и ответ архимандрита Германа, известные только в копиях и публикуемые впервые.

Без ведома Натальи Александровны копия писем Верховцевым была передана на Запад, и большая их часть была напечатана, почти без примечаний, в пятом выпуске альманаха «Надежда» (Франкфурт-на-Майне, 1981). Ранее, в 1979 году, в третьем выпуске этого альманаха, были помещены письма отцу Михаилу Шику и Н. Д. Шаховской-Шик. Это зарубежное малотиражное издание

сейчас практически недоступно, к тому же, по понятным причинам, оно не могло быть вполне исправным, архивные же материалы, необходимые для составления комментария, в то время оставались закрытыми для исследователей. То же самое можно сказать и об издании писем к схиигумении Олимпиаде и послушнице Татьяне.

Наше издание снабжено комментарием, с возможной для настоящего времени полнотой, насколько это оказалось в наших силах, и включает также впервые составленное жизнеописание святителя Германа.

Чтобы облегчить читателям понимание эзопова языка Владыки, укажем, что «санатории», «больницы», «дома отдыха» означают тюрьмы, «уголки» и «Сион» – храмы, «трапеза» – литургия, а «доктора», «друзья», «благодетели» и «радетели» – это сотрудники карательных органов. Сокращения, не вызывающие сомнений в их расшифровке, раскрыты нами в большинстве случаев без скобок, цифры, за исключением дат, заменены числительными.

Некоторые примечания, с указанием авторства, взяты нами из незаконченного комментария (к письмам Верховцевым 6–14) покойного В. М. Борисова, бывшего сотрудником журнала «Новый мир», о котором нам сообщил Д. М. Шаховской. Эта работа была задумана им еще в восьмидесятых годах как обширное исследование по истории Церкви советского периода, но не была завершена.

Благодарим давних почитателей памяти священномученика Германа – его внучатого племянника иеромонаха Варнаву (Столбикова), передавшего в издательство машинописный экземпляр писем Владыки, с которого и началась подготовка этой книги, священника Михаила Осколкова, Я. В. Белодеда и Х. М. Запрометову, лично знавших Н. А. Верховцеву и поделившихся своими воспоминаниями о ней, Г. П. Струкову, предоставившую некоторые фотографии и другие материалы из архива Н. А. Верховцевой, а также Д. М. Шаховского, Е. М. Шик, И. С. Мечёву, А. А. Егорова, в особенности же И. И. Ковалеву, указавшую ряд ценных архивных документальных свидетельств, и всех сотрудников Православного Свято-Тихоновского богословского института, работающих над собиранием сведений о пострадавших за веру православных христианах (адрес базы данных в интернете: http://kuz1.pstbi.ccas.ru), без совместных усилий которых было бы невозможно составление комментария.

«ВЫСШЕЕ ИЗЯЩЕСТВО ВЕРЫ»

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ГЕРМАНА, ЕПИСКОПА ВЯЗНИКОВСКОГО

И сказал Господь: «Симон! Симон! Се, сатана просит,
чтобы сеять вас как пшеницу;
но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя...»
Лк. 22, 31–32.

Имя священномученика епископа Германа (Ря́шенцева) не часто упоминают историки Русской Православной Церкви. После рукоположения во епископа он пробыл на Волоколамской кафедре недолго, немногим больше года, как последовал арест. Еще меньше, всего четыре месяца, был он епископом Вязниковским. Не сохранились его проповеди – а проповеднический дар он имел выдающийся, – не оставил он и богословских трудов. Но его богатая дарованиями, глубокая личность замечательно выразилась в письмах. Этому уникальному документу, переписке Владыки, ставшей памятником исповеднической эпохи, суждено было дойти до наших дней.

Наша Церковь всегда порождала святых, во времена ли духовного взлета, как это было в эпоху преподобного Сергия Радонежского, когда Русь собирала силы для великого дела освобождения от иноземного ига, во времена ли, казавшиеся благочестивым современникам почти бесплодными, каков был XIX век. Уже тогда дальновидные умы, наблюдая совершающийся подрыв православной веры во всех сословиях, ожидали «последствий беспримерных», «по беспримерности характера народа»[1].

«Среди ветров лжеучений, среди мутных яростных волн злобы, лжи и клеветы неистовых врагов как скала стоит Церковь, та Русская Православная Церковь, о которой так любили недавно повторять, что она в параличе, что лишь полицейской силой государства держится она, – говорил святитель Иларион (Троицкий) в 1920 году при наречении его во епископа. – Но вот силы государства направились против нее, и наша Церковь дала больше мучеников и исповедников, нежели

[1] Письмо П. А. Брянчанинова Н. Н. Муравьеву-Карскому от 24 декабря 1862 года. – *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1998, с. 135.

предателей и изменников»[2]. Временные болезни земной Церкви, которые так заметны всякому, оказались той мелкой правдой, которая подчас равносильна лжи, если ей придается неподобающее значение, заслоняющее ту вечную правду, которой служит и которую хранит Церковь.

В наше время, когда русский народ стоит вновь перед великой национальной задачей возрождения России, нам важно осознать не человеком измышленное, но от Бога определенное наше духовное призвание, о котором неустанно напоминали нам наши святые. Первое условие успеха в созидании нашего Отечества святитель Иоанн (Максимович), подвижник русского зарубежья, определил так: «Россия восстанет, когда полюбит веру и исповедание Православия, когда увидит и полюбит православных праведников и исповедников».

***

Епископ Герман (в мире Николай Степанович Ряшенцев) родился 10 ноября 1883 года в Тамбове, в семье купца второй гильдии Степана Григорьевича Ряшенцева. Мать его, Мария Федоровна, урожденная Затонская, происходила также из купеческой семьи. Уже через четыре дня, 14 ноября, в день памяти апостола Филиппа и святителя Григория Паламы, перед началом Рождественского поста, младенец был крещен в тамбовском Христорождественском соборе[3] протоиереем Алексеем Петровским и наречен Николаем, в честь святителя Николая Чудотворца. Восприемниками его были дед по матери, купец Федор Васильевич Затонский и «купеческая вдова» Мария Федоровна Шилова[4]. Тогда же новорожденный был вписан в тамбовский «купеческий список». Тамбовским купцом он и продолжал числиться вплоть до принятия монашеского сана. Но на этом младенце поистине запечатлелся, по молитве священника при наречении имени, свет лица Божия и крест Христов, «в сердце и помышлениях, во еже бегати суеты мира и от всякаго лукаваго навета», и другая «торговля» увлекла его ум.

Николай был пятым из восьми детей. Уклад семьи был традиционно православным, в доме строго соблюдались посты. Это не мешало родителям быть чуткими к положительным веяниям времени:

[2] *Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Церковь как союз любви. М., 1998, с. 30.
[3] Этот собор не сохранился до наших дней – в конце тридцатых годов XX века он был разрушен (*В. А. Кученкова*. Святыни Тамбовской епархии. М., 1993, с. 38).
[4] Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ), ф. 427, оп. 1, д. 4110, л. 20.

сыновья, кроме Леонида, и младшая дочь получили высшее образование (Александр – экономическое, Виктор и Николай – богословское, Вера и Владимир – медицинское). Старшая дочь Ольга была замужем за провизором Казанским, Зинаида – за священником Владимиром Бусыгиным. Очевидно, наследственной в семье была музыкальная и художественная одаренность, легкий и жизнерадостный нрав. Виктор и Николай, лицом более других похожие на мать, унаследовали и ее особую религиозность.

Степан Григорьевич, выходец из крестьян, имел мануфактурный магазин на главной улице города, семья жила в большом двухэтажном доме. Но после его смерти (по-видимому, в начале 1890-х годов) вдова, мать Владыки, не смогла вести дела и разорилась, магазин купили приказчики. Спустя несколько лет пришлось продать и большой дом и переселиться в маленький, одноэтажный.

О своих детских годах Владыка вспоминает в письме Н. Д. Шаховской-Шик, отвечая на ее письмо о заботах, связанных с детьми: «Что Сережа Ваш больше похож на девочку и в некоторых отношениях „совершенно еще младенец", конечно, не плохо, а хорошо. Вообще, мне кажется, ничего в детях не надо форсировать, а религиозно-нравственную стихию надо поддерживать примером и всем тем, что обычно называется обрядом, чем-то как будто внешним, даже, с точки зрения иных, ненужным для истинного религиозного роста. Зажженная лампадка, образочек в изголовье, благословляющий крест отца или матери на сон и со сна, если возможно, хоть кратенькие общие молитвы – это все такая сила, при искренней религиозности родителей, какую никогда не вытравят все хоть и сильные, но пустые ветры модных настроений и безверия. В воспитании я сторонник дисциплины, но согретой любовью, которой у Вас в сердце хватит не только на своих близких и родных. Но хорошо знаю, как вредна односторонняя строгость и требовательность, и „покорную съеженность" знаю из своего детства. Надо по пословице: строгостью не ожесточать, ласковостью не расслаблять. Конечно, власть над душой ребенка любви более могуча, чем одна разумная, но часто холодная дисциплина. А вот с раздражительностью и нетерпеливостью всячески надо бороться, так как это страшно портит характер детей, да и тех, кто раздражается. Я по себе знаю, как во многом была испорчена моя нервная система с детства благодаря горячности и нервозности моей матери (у ней было нас восемь человек). Насколько ее горячность обижала, настолько впоследствии ее кроткая снисходительность стыдила и от многого удерживала».

Уже в раннем детстве Николай ощутил призвание Божие, которое определило выбор его жизненного пути. В 1902 году, после окончания классической гимназии, он поступает в Казанскую Духовную академию, которую незадолго до того окончил его старший брат Виктор – иеромонах Варлаам. Это были годы ректорства епископа Алексия (Молчанова), сменившего на этом посту епископа Антония (Храповицкого). На третьем курсе Академии, в Великую субботу 1905 года, в возрасте двадцати одного года, он принимает монашеский постриг с именем Герман, в честь святителя Германа Казанского.

«У бабушки, Марии Федоровны, – вспоминает Гали Леонидовна Солопова, племянница Владыки, – единственно что сохранилось по смерти мужа, – это небольшое имение под Тамбовом, недалеко от станции Ляда. Там был выстроен большой рубленый дом, а с появлением на свет многочисленных внуков к нему была сделана пристройка. Летом на дачу съезжалась вся большая семья, братья и сестры со своими детьми. Всем хватало места, у всех была своя комната. Дача была окружена лесом. Сразу за забором начинался сосновый и дубовый лес, какой-то участок был посажен Марией Федоровной и назывался „бабушкин лес". Вся детвора должна была каждый день отправляться на сборы ягод и грибов, их было великое изобилие поблизости от дома. А вечером на костре отваривались грибы и варилось варенье, детям при этом полагались душистые пенки, которые намазывались на кусок черного хлеба. В отдалении от большого дома, примерно в полукилометре от него, среди поля, был построен маленький деревянный домик для монашествующих, Варлаама и Германа, там они жили, когда приезжали на дачу. Этот домик назывался „скит". Мы, дети, а нас было семь человек, сами понимали, что здесь особый мир, и не бегали, не шумели около него. Отец Варлаам был необыкновенно добр и кроток, глаза его так и сияли лаской. Никогда нельзя было услышать от него повышенного, сердитого тона. Всегда ровный, спокойный, самоуглубленный, удивительный... Недаром в семье его называли „кроткий ангел", „тихий ангел". Он был какой-то неземной! К отцу Варлааму мы относились с невольной почтительностью, удивлением и даже страхом. Мы считали его святым, хотя никто не говорил нам этого. Отец Герман в то время был более земным, и мы его не боялись, он любил поговорить и пошутить с нами.

Семья была очень дружная, и я не помню ни одной ссоры. Помню такой эпизод: дети решили строить шалаш, притащили веток, устроили основу, но не успели закончить – настал вечер. Утром проснулись, побежали к шалашу и замерли в удивлении и восторге – шалаш

был полностью закончен! Мы решили, что „это, наверное, волшебник приходил"... А отец Герман решил сделать детям сюрприз, он вечером закончил шалаш и потом посмеивался, говоря: „Упустили волшебника!.."»

Помимо академических занятий юный брат Герман участвует в работе студенческого кружка, о котором впоследствии он вспоминал с благодарностью: «Этот кружок устраивал внебогослужебные собеседования, религиозно-нравственные чтения в самых разнообразных аудиториях, при самом разнообразном подборе слушателей, начиная от зажиточного фабричного люда одного многомиллионного предприятия и кончая босяками в одной из трущоб. Велись религиозно-нравственные чтения студентами и в некоторых церковно-приходских школах. Собирались сюда старушки, старики, мелкие торговцы, бывало два-три интеллигентных слушателя и довольно много детей школьного возраста и старше. Начинались эти чтения общей молитвой, потом велась беседа катехизаторского характера, потом все вместе пели молитвы и второе чтение исторического или бытового характера иллюстрировалось световыми картинами.

Я знал некоторых из наших слушателей, которые приходили сюда совершенно из другого конца города, сделав добрых верст пять. Эти чтения возбуждали во всех нас однородные чувства. И наши слушатели и мы уходили с чтений воодушевленные, согретые общей молитвой, умиленные простою беседой о Боге и Его правде. Этих чтений никогда не забыть!»[5].

В студенческие же годы отец Герман находит себе и духовного наставника. Как и многие студенты Казанской академии, он начинает окормляться у старца схиархимандрита Гавриила (Зырянова), бывшего в то время настоятелем Седмиезерной пустыни под Казанью. «Красотой своего служения он положительно умилял и удивлял всех, кто знал его, например, в годы его настоятельства в сане архимандрита, – писал о старце Гаврииле его духовный сын, архимандрит Симеон. – Действительно, редко можно встретить такое счастливое сочетание в одном человеке наружных и внутренних качеств...»[6]. И позднее, будучи ректором Вифанской духовной семинарии и архимандритом, отец Герман навещает своего старца, вынужденного переселиться из Седмиезерной пустыни. Когда в 1915 году здоровье старца ухудшилось, он пожелал вернуться в Казань, где его приютил

[5] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 18–19, часть неоф., с. 282.

[6] *Архимандрит Симеон* (*Холмогоров*). Един от древних. Повесть о жизни и подвигах схиархимандрита Гавриила (Зырянова). М., 1996, с. 52.

в Казанской Духовной академии архимандрит Гурий (Степанов, впоследствии архиепископ и священномученик), сокурсник и товарищ отца Германа, и где он 24 сентября мирно почил, «по неисповедимым путям Промысла Божия», в академический «храм Небесных Сил был изнесен, там и в присутствии своих духовных чад – академических иноков был благочестно отпет»[7]. Отпевание состоялось 28 сентября. Оставив семинарские дела, отец Герман приезжал в Казань, чтобы принять участие в отпевании старца и проводить его в последний путь. Преподобный старец, наставник истинного монашеского делания, всегда веселый, деятельный, от природы мягкий и простосердечный, должен был быть особенно близок по духу отцу Герману. Это, конечно, дар Божий в начале монашеского пути, тот «талант», который надлежало многократно умножить.

В 1906 году отец Герман принимает священный сан и оканчивает академию со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию на тему «Нравственные воззрения преподобного Симеона Нового Богослова».

17 августа того же года последовало назначение его в Псковскую семинарию преподавателем Священного Писания. Ректором семинарии в то время был архимандрит Никодим (Кротков; архиепископ Костромской с июня 1932 года, священномученик), с которым позднее, в 1926–1927 годах, Владыка отбывал ссылку в Средней Азии и о котором отзывался тепло в письме Н. А. Верховцевой, а епархиальным архиереем – архиепископ Арсений (Стадницкий), впоследствии митрополит, выдающийся иерарх Русской Православной Церкви. Молодой иеромонах сразу же включается в работу местного Кирилло-Мефодиевского братства[8], имевшего целью, по определению архиепископа Арсения, «оживление и возрождение церковно-приходской жизни»[9].

1 декабря 1907 года иеромонах Герман назначается на почетную, но и хлопотливую должность инспектора семинарии. Кирилло-Мефодиевское братство также оценило энергию своего нового соработника – 26 августа 1908 года «инспектор духовной семинарии иеромонах Герман» избран председателем братства[10]. На этом заседании он выступил с докладом об устройстве при церквах народных библиотек.

---

[7] Там же, с. 150.

[8] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 23, с. 332 (список членов братства в 1906–1907 годах).

[9] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 18, часть неоф., с. 393.

[10] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 17, часть неоф., с. 383.

Отец Герман говорил с горячей верой в то, что намечавшийся им путь деятельности братства – «не плод кабинетно-теоретических соображений, а веление времени, невысказанная и, пожалуй, еще мало сознанная потребность глухой деревни».

«Всем известны, – продолжает вновь избранный председатель, – широкие просветительные начинания наших законодательных учреждений – разумею вопрос о всеобщем обучении, которое скоро станет уже реальным фактом; всем ведомо то своеобразное пробуждение деревни, которое широко уже пользуют те, про которых сказано, что они мудрее сынов света. Не умолкая проповедуют представители иноверия, сектантства и раскола – тем более опасные для деревни, что они имеют образ благочестия, хотя и без его духа, неся с собой дух смущения, недовольства и разрушения, не дремлют и агенты разных политических толков. И посмотрите, наша полуграмотная деревня там, где она встретилась с ними лицом к лицу, была почти всегда послушною струной, на которой они играли свои песни. Это были песни бури, и эта буря произвела громадные опустошения в душе нашего простолюдина и много его святых навыков, традиций, освященных мудрой стариной, унесла на своих темных крылах...

Самый злой недуг нашей деревни и самый сильный тормоз всякого действительного просвещения и духовного роста – алкоголь. Если и встарь „веселием Руси было пити", то теперь это уже обращается в страсть, в хроническую болезнь, и наш народ не только пропивает последнее свое достояние, избытком которого его почти никогда не баловала судьба, – он, что всего ужаснее, пропивает свой ум, свою совесть, свою душу, пропивает человека. На почве, богато орошенной алкоголем, развивается картежная игра, разнообразящаяся перлами сквернословия, растут семейные раздоры и драки, эти вечные спутники пьянства.

К этим недугам прибавляются и новые: сеяния наших политических новаторов дают обильные всходы: развивается неуважение к личности, непочтение к родителям, легкий взгляд на чужую собственность, учащаются случаи воровства и разбоя; прибавьте к этому уродливое проявление неправильно понятой свободы личности, сказавшееся в упадке нравственности среди молодежи, и вы получите довольно полную картину духовной жизни деревни.

Алкоголь и распутство, эти старые истребители древних царств и культур, скоро могут совершенно исказить духовный облик нашего народа, и о борьбе с ними надлежит крепко подумать.

Где же искать противоядие этому? Кто или что способно освежить, оздоровить эту больную атмосферу? Вы, конечно, скажете – свет просвещения, страшный всякой духовной тьме. Но он еще очень слабо мерцает в деревне, чувствуется острая потребность в школах, но в школах с религиозным направлением, нужны просвещенные руководители, но руководители христиански воодушевленные, а их мало в деревне.

Мы так подчеркиваем, что нужны школы с религиозным направлением, с христиански настроенными руководителями потому еще, что метод современного обучения и воспитания часто, конечно не злонамеренно, совершенно вырывает у своего питомца единственную облагораживающую силу деревни – смирение веры и терпение любви»[11].

Кроме школ, влияние которых часто оказывается непрочным, необходима и постоянная духовно-просветительская работа среди народа, которая требует создания множества библиотек. Они должны стать «врагами всякого духовного мрака, и при помощи их только и возможно бороться с духовным одичанием деревни и с ее страшною язвою – пьянством». (Надо сказать, тема пьянства как народного бедствия постоянно поднимается церковной печатью. Также 26 августа 1908 года в Пскове состоялся Епархиальный съезд духовенства, на котором один из выступавших говорил: «Народное пьянство с каждым годом прогрессирует, а в последние годы достигло такого предела, что всякий любящий свое отечество, всякий, кто болит душою за свой народ, должен задуматься над тем, как помочь народному горю, как отрезвить народ... Это тоже эпидемия, эпидемия самая страшная как по быстроте распространения, как по количеству своих жертв, так особенно потому, что она губит у больных ею и тело, и душу»[12]. Митрополит Московский Владимир в 1910 году обратился к духовенству с призывом неустанно проповедовать о вреде пьянства, создавать общества трезвости в каждом приходе. «Принимая близко к сердцу цели борьбы с народным пьянством, – говорил митрополит Владимир, – и будучи убежден в том, что ни от кого другого, а именно прежде всего от нас, от православного русского духовенства, вправе ожидать наш народ помощи и врачевания своего закоренелого и гибельно-

[11] Псковские епархиальные ведомости. 1908, №18–19, с. 275–276. Повторно доклад опубликован в № 21, в составе «Журнала общего собрания Псковского Кирилло-Мефодиевского братства от 26 августа 1908 г.».

[12] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 24, с. 116.

го недуга, настойчиво призываю все подведомственное мне духовенство к святому и великому делу народного отрезвления»[13]. Стихи Сергея Бехтеева:

Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет.
Пьяный народ под зловещий набат
Совесть навеки хоронит[14], –

написаны в ноябре 1917 года «с натуры». Очень важная черта, которую обычно предпочитали обходить «певцы революции».)

Заседание Кирилло-Мефодиевского братства проходило в Псковской семинарии и, «вследствие множества дел, затянулось до 12-ти часов ночи»[15].

В городских условиях возможна была и другая форма деятельности братства – велись внебогослужебные беседы: в кафедральном соборе причтом – ими руководил протоиерей Николай Стягов, бывший ключарем собора (впоследствии епископ Боровичский Никита), а в Алексеевской церкви иеромонахом Германом, причтом и воспитанниками шестого класса семинарии последовательно объяснялось Евангелие от Матфея и жития святых. В ведении братства к началу 1910 года находилось 16 библиотек и братская церковная лавка. В отчете о работе братства за 1909 год, представленном в начале 1910 года, уже после отъезда отца Германа из Пскова, специально отмечено, что «своим обновлением, как внешним, так в особенности внутренним, лавка главным образом обязана бывшему председателю братства иеромонаху Герману, положившему много сил и энергии по благоустройству ее»[16].

В конце июня 1908 года, по пути в Спасо-Елеазарову пустынь, в Псков прибывает любимый старец отца Германа, схиархимандрит Гавриил. Близость старца, поселившегося теперь недалеко от Пскова, стала большим утешением для отца Германа, но он не мог, конечно, не разделить и скорби своего духовного наставника: старец, оклеветанный лжебратиями, не по своей воле оставил благоустроенную им Седмиезерную пустынь. Настоятель Спасо-Елеазаровой пустыни, также выпускник Казанской академии игумен Ювеналий (Масловский;

[13] Московские церковные ведомости. 1910, № 48, с. 383.
[14] *С. Бехтеев.* Песни русской скорби и слез. М.,1996, с. 20.
[15] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 18–19, с. 384.
[16] Псковские епархиальные ведомости. 1910, № 17, с. 289.

впоследствии архиепископ и священномученик), привез старца из Пскова в своей коляске, и у входа в обитель их встретила вся братия с чудотворным образом Всемилостивого Спаса пением тропаря. Старец, окруженный любовью и почитанием, был устроен в настоятельских покоях, пока для него не был выстроен домик. Сюда к старцу стали постоянно приезжать духовные чада, выпускники Казанской Духовной академии, приезжала и его духовная дочь Великая княгиня Елизавета Федоровна. Здесь отец Герман мог видеть многих своих друзей, казанских «академиков», и отдохнуть душой от утомительных инспекторских обязанностей.

Иногда в семинарии устраивались литературно-музыкальные вечера светского образца, как, например, 17 февраля 1908 года, с танцами «под звуки военного оркестра». «В это время большой семинарский зал, – пишет корреспондент „Псковских епархиальных ведомостей", – представлял красивое зрелище: в центре находилась масса танцующей молодежи, а по сторонам ее окружали любующиеся весельем папаши и мамаши. В антракте между танцами публика гуляла в изящно убранном фойе или пребывала в буфете»[17]. Однако семинарская жизнь не всегда была столь идиллической. По собственному признанию отца Германа (в ответном письме выпускникам Вифанской семинарии), он приехал в Вифанию из Пскова «измученный». Измученность, состояние крайней нервной усталости было вызвано, конечно, не просто утомлением от множества дел, оно явилось следствием болезненного искажения в самом характере того высокого служения, которому целиком отдавал себя отец Герман. Прошедший сходный путь после окончания академии архимандрит Феодор (Поздеевский), размышляя о положении ученого монашества, писал в 1909 году (вероятно, ему был известен и печальный опыт своего друга, отца Германа): «...что собственно он (ученый монах. – *А. В.*) может вносить в духовную школу ценного? ...Быть может, он вносит религиозную настроенность, полезную для учебного заведения? Это, конечно, так, только ведь эта религиозная настроенность и идеализм без всякого духовного опыта, да еще при современном настроении в духовно-учебных заведениях дает только одно: самому юному монаху-администратору одни скорби и искушения». Семинарии не являются пастырскими школами, они «были и остаются сословными школами общеобразовательными, полусветского-полудуховного характе-

[17] Псковские епархиальные ведомости. 1908, № 4, часть неоф., с. 110.

ра[18]... Всякий появляющийся монах, и притом почти всегда в единственном числе, сразу встречается воспитанниками недружелюбно, как олицетворение какого-то иезуитизма, понимаемого обычно в смысле удлиненных церковных служб, проповедей, отмены светских развлечений и т. п. Побороть это настроение невозможно, создать новое религиозное настроение один бессилен»[19].

Начало XX века было временем, когда стал очевидным глубокий кризис системы духовного образования, как и многих других областей жизни русского общества. Ряд очень красноречивых свидетельств этого приводит владыка Арсений, ставший в 1905 году членом Учебного комитета при Святейшем Синоде с целью разработки реформы духовной школы. Вступив в январе 1906 года в должность председателя этого комитета, он «застал полную деморализацию духовно-учебных заведений». Следующие его дневниковые записи[20] дают наглядное представление о псковских семинаристах того времени и о самом времени, поэтому приводим их с возможной полнотой.

1905 год

1–15 января

«Звезда Рождественского праздника омрачилась падением Порт-Артура и пленением целой русской армии... К этой общероссийской скорби присоединилась еще местная: вследствие скрытого недовольства – а чем? Бог их знает, – ... кем-то под 6 декабря брошен был адский снаряд в окно ректорской квартиры, и если не разорвался, то исключительно по милости Божией и молитвам святителя Николая».

После этого события епископ Арсений поспешил переместить из Псковской семинарии своих учеников и ставленников – ректора

[18] О том же писал и архимандрит Иларион (Троицкий): «У нас нет никакой церковной школы. Школа у нас – духовная, то есть для детей духовенства» *(Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Церковь как союз любви. М., 1998, с. 396), которую либералы того времени всячески старались приблизить к светской, чтобы ее выпускники могли избирать себе мирские профессии. Неудивительно, что лишь небольшая часть выпускников семинарий действительно пополняла ряды духовенства. Из 2148 выпускников семинарий 1911 года рукоположены к 1913 году были лишь 574 (*Д. В. Поспеловский.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995, с. 62).

[19] Об ученом монашестве. – *Иеромонах Зосима (Давыдов)*. ...Положил основание камне (1876–1906). Архиепископ Феодор (Поздеевский) (1876–1937). Жизнь, деятельность, труды. М., 2000, с. 181–182.

[20] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 550, оп. 1, д. 507–510. Дневники митрополита Арсения, охватывающие несколько десятилетий, готовятся к изданию сотрудниками Православного Свято-Тихоновского богословского института.

архимандрита Бориса (Шипулина) и инспектора иеромонаха Алексия (Симанского), будущего Патриарха, за которых он чувствовал себя лично ответственным. Но, видно, безопасных семинарий в то время не было: переведенный в Тулу на должность ректора, архимандрит Алексий и там не избежал покушения на его жизнь – 7 мая 1907 года семинаристы стреляли в окно его кабинета. В том же году, 18 мая, был убит ректор Пензенской семинарии архимандрит Николай (Орлов), который, как писала газета «Новое время», «пробыл в Пензе всего четыре месяца и за это время ничем, кроме доброжелательности и доброты к ученикам семинарии, себя не заявил. Его красивая, симпатичная наружность невольно располагала в его пользу».

4 апреля

«Ректор семинарии донес мне, что ученики волнуются, угрожая скандалом, если их в мае месяце не переведут без экзаменов и раньше занятия не окончатся. Ссылаются на пример многих семинарий».

3 октября

«На общественном горизонте темно, и просвета нет и не предвидится. Душевная и мысленная анархия, эпидемически распространяющаяся, угрожает нам полным хаосом разрушения, на нас надвигается такой грозный вандализм, который встряхнет Россию хуже татарщины и надолго, если не бесповоротно, вычеркнет ее из совместной жизни народов».

16 октября

«Сегодня забастовала семинария... Это просто требование самой коренной реформы с уничтожением всяких стеснений, взысканий, инспекций – словом, принятых правил для высших заведений от 27 августа 1905 года. Мне жаль родителей, на шею которых пойдут теперь эти дармоеды».

18 октября, после обнародования царского манифеста о даровании конституции, владыка Арсений записывает в дневнике:

«Не опьянит ли дарованная свобода русских граждан, которые еще не навыкли быть ими? Не поймут ли ее как свободу разнузданных страстей? Как раз когда мысль моя с усилием работала в данном направлении, приходит ко мне причт, совершивший отпевание „псковского Трубецкого"[21]. Со слезами на глазах рассказывали они мне о своем душевном потрясении от тех кощунств, какие были допущены во время несения тела и на могиле. Молодежь, сопровождавшая гроб в громад-

[21] Некоего Лопатина, псковского революционного агитатора (князь С. Н. Трубецкой – ректор Московского университета, видный представитель либерального движения, незадолго до того скончавшийся).

ном количестве, в числе которой были преимущественно забастовавшие семинаристы, все время пели русскую „Марсельезу". „Я хотел разоблачиться и уйти, но мне пригрозили, что хуже будет. Я и не знал, что делать, и решил со слезами на глазах идти. По внесении в храм, где имела начаться тотчас заупокойная литургия, родственники попросили не служить ее, якобы по завещанию самого покойника, а прямо отпеть. Затем на могиле произносились революционные речи, и вместо креста на могиле водружен был красный флаг". Я как мог успокоил почтенного старца. И подумал – не этим ли начинается свобода? Под видом свободы совести насилуют совесть другим. Добиваясь неприкосновенности личности, они сами посягают на нее. Борясь против деспотизма, они сами допускают еще более ужасный деспотизм. После этих кощунственных похорон весь этот сброд молодежи с хулиганами отправился по улицам с красными флагами, на которых были революционные надписи: „Долой самодержавие!", „Русский народ жаждет крови!", и такими же песнями, оскорбляя встречных мирных граждан, заставляя шапки снимать, глумясь над полицией, разбивая в иных местах окна. Отправились к тюрьме с требованием выпустить арестованных. Подъехали солдаты и оттеснили их. Часов до четырех так они разбойнически ходили по улицам. Но тут начали роли переменяться. Оскорбленный в своем религиозном чувстве народ, преимущественно в лице торговцев, приказчиков и рабочих, стали чинить расправу над юными демагогами. Стала литься кровь, потянулись дрожки с окровавленными седоками, бережно поддерживаемыми тою же полициею, над которой они так недавно глумились. Начали распространяться фантастические рассказы о массах избитых и убитых учащихся. К шести часам все учащиеся запрятались, и начались патриотические манифестации с портретами Государя, пением гимна, „Спаси Господи". Эти манифестации теперь вообще называются черносотенными».

19 октября

«Вечером опять ходила по городу патриотическая манифестация... Когда манифестанты проходили мимо семинарии с пением народного гимна, какой-то семинарист-дурак из шестого класса через открытое окно заорал: „Долой самодержавие! Проклятое!" Толпа уже двинулась было в ограду, чтобы разгромить семинарию, как за это, так и за проводы кощунственные Лопатина, но ворота оказались на запоре, да и полиция попридержала и успокоила их».

Революционные беспорядки сопровождались осквернением святынь. Немало примеров подобного рода можно найти в газетах того времени. Владыкой Арсением вырезано газетное сообщение 18 марта

1905 года: когда отец Иоанн Кронштадтский в Андреевском соборе вышел на амвон со Святым Причастием, неизвестный ударил по чаше палкой со свинцовым набалдашником. Часть Святых Даров пролилась.

1906 год

20 апреля

«Из Пскова тоже пишут мне о нахальстве семинаристов и епархиалок. Так дальше продолжаться не может. Думаю, что постепенно придется закрыть все семинарии, которые действуют под давлением какого-то революционного семинарского союза».

1 мая

«Только что пришел от митрополита, как получаю телеграмму из Пскова от ректора семинарии, что „псковские семинаристы, за исключением пятого класса, забастовали по сочувствию к рабочим"... Полное безначалие!»

5 мая

«Доложено мною Синоду о закрытии Псковской семинарии и увольнении воспитанников, кроме пятого класса и некоторых второго, за забастовку 1 мая и вообще за постоянное нарушение дисциплины».

25 мая

«Семинария закрыта. Функционирует теперь пятый класс, который теперь сдает репетиции. После каникул „Союз учащихся" собирается его бойкотировать. Три первые класса женского училища уже отпущены на каникулы. Последние три класса безобразничают, но, кажется, дотянут до конца».

1907 год

10 января

«Грустны вести о семинариях! Существует семинарский союз, который руководит семинаристами. В каждой семинарии свое бюро, свой журнал. Прислан номер „Семинариста" в красной обложке с рисунком семинариста, держащего в одной руке развевающееся знамя с девизом „Свобода и наука", а другая сжатая в кулак. Издается в Саратовской семинарии. Содержание самое революционно-террористическое. Они проповедуют полную свободу и самоуправление... Причины разложения духовной школы – общие».

17 января

«Наша школа еще больная, особенно после прошлого года; нужно к ней бережно относиться, особенно к начальствующим, которые теперь являются мучениками».

4 мая

Семинаристы «намерены бойкотировать экзамены. Обер-прокурором разослано циркулярно архиереям секретное отношение, в котором сообщает, что Центральным комитетом общесеминарского союза в Вятке ведется по семинариям агитация об одновременном, по условной телеграмме, бойкоте экзаменов. Я написал своему ректору, чтобы он собрал у себя преподавателей и сообщил им об этом, пригласив воздействовать на воспитанников разъяснением безумной затеи их. А затем, если они решатся на эту затею, моментально закрыть семинарию. Больше ничего не остается. Это действительно безумие, не оправдываемое ничем, так как семинариям все дано. Очевидно, семинарии накануне окончательного распада их под влиянием революционной пропаганды».

16 мая

«В Псковской семинарии был поджог, как пишет ректор. Бойкот экзаменов не удался, так как большинство стоит за экзамены, и вот, вероятно, часть, стоявшая за бойкот, и вздумала каким-нибудь герострато́вским образом достигнуть этого. Раскрыты также сношения с Общецентральным семинарским союзом в Вятке. Во многих семинариях беспорядки по поводу экзаменов даже с террористическим актами. Все ведет к разрушению этих семинарий и созданию специально пастырских школ, то есть к тому, на чем я настаивал в Пятом отделе...»

Несомненно, что и в последующие два года (дневники владыки Арсения этих лет, к сожалению, не сохранились), во время инспекторства отца Германа, подобные происшествия продолжались. А вот как показали себя воспитанники семинарии вскоре после отъезда своего инспектора. В «Псковских епархиальных ведомостях» в 1910 году помещена примечательная заметка: «26 сентября мирное течение жизни в Псковской духовной семинарии было нарушено неожиданно самым диким образом. В этот день исполняющим должность помощника инспектора были замечены в нетрезвости несколько воспитанников старших классов. За это последние еще во время ужина стали выражать свое недовольство свистом и неприличными выкриками по адресу помощника инспектора. После же вечерней молитвы, потушив огни в спальнях и прилегающих к ним коридорах, учинили дебош, выразившийся в битье стекол, ламп и сокрушении электрических лампочек. Затем, „палимые" гневом на виновника изобличения их товарищей в пьянстве, воспитанники толпою направились искать его сначала на квартиру другого помощника инспектора и эконома,

а когда там его не оказалось, пошли искать его в квартиру ректора, сокрушая по дороге лампы, люстру возле церкви, часы и пр. Разбив все стекла в двери ректорской квартиры, буяны пытались ворваться в нее, но подоспевший наряд полиции помешал этому и прекратил дальнейшее буйство». На следующий день на собрании правления семинарии пять воспитанников были исключены. «Но и этим дело не закончилось. Желая смягчить участь уволенных, воспитанники обратились в правление с просьбой: одного из них принять обратно, а другим повысить балл по поведению. В случае неисполнения этого их желания грозили прекратить занятия, причем задним числом добавляли, что причиной происшедших беспорядков является их прошлогоднее недовольство ректором». 30 сентября перед началом занятий в коридоре собрались учащиеся (кроме шестого, выпускного класса), объявившие в этот день забастовку, но скоро по предложению ректора все разошлись по классам, и учебные занятия пошли обычным порядком. «Так закончилась эта печальная история. К сожалению, и на этот раз местные газеты, всегда враждебно относящиеся к духовному ведомству и деятелям в нем, немало способствовали шуму и раздутию инцидента, сообщая или совершенно лживые, или заведомо тенденциозные сведения (за ложное освещение событий „Псковская жизнь" оштрафована в административном порядке на 300 р.)...»[22].

В том же выпуске «Псковских епархиальных ведомостей» помещена редакционная статья «К беспорядкам в духовной семинарии», в которой делается попытка разобраться в причинах описанного дикого случая. Беспорядки в духовных семинариях, в особенности Волынской и Псковской, говорит ее автор, «сделались как будто обычным явлением. К сообщениям о них ухо так привыкло за последние годы, как к повседневной газетной хронике: „холера в России", „чума в Одессе". Как только начинается в духовно-учебных заведениях учебный год, немедленно же возникают семинарские волнения или, выражаясь ученическим языком, бунты, с обычными стеклобитиями, лампобитиями, часо- и прочими „битиями". В нашей Псковской семинарии беспорядки из года в год повторяются с 1903 года. Невольно задаешь себе вопрос: да во что же превратилась духовная семинария?

Очевидно, что вдохновители и участники семинарских беспорядков забыли, где они учатся и к чему готовятся. Находясь в последние годы под влиянием всякого рода „товарищей" и их литературы,

[22] Псковские епархиальные ведомости. 1910, № 19, отд. неоф., с. 312–314.

духовные юноши и на семинарию усвоили взгляд как на своего рода фабрику, где налицо две враждующие стороны: „работодатели" – начальство и „рабочие" – учащиеся. Ну, а где идет вражда, там, по учению „товарищей", возможны всякие средства борьбы: забастовки, разгромы мебели и здания, калечения лиц администрации (Тамбовская семинария[23])... Семинария, как и всякая школа, может существовать только на авторитете старших: начальствующих и учащих. К сожалению, в последние годы этот авторитет, вследствие пропаганды различных кружков, сильно расшатан. Учащиеся, помня освободительные годы, мнят и теперь себя господами положения и при всяком удобном случае готовы третировать старших»[24].

Такова была обстановка в семинариях, свидетельствовавшая о глубоком неблагополучии в духовной среде. Воздух был насыщен уже ядовитым дыханием надвигавшейся революционной бури, приведшей к крушению монархии, все труднее становилось дышать бескорыстным делателям на ниве Христовой, каким был отец Герман.

30 января 1910 года иеромонах Герман определением Святейшего Синода перемещен на должность инспектора в Вифанскую семинарию. Вифанией стали называть местность около Сергиева Посада, после того как в 1783 году митрополит Московский Платон основал здесь Спасо-Вифанский монастырь и духовную семинарию и где располагались и его архиерейские покои. Митрополит Платон любил эти места, здесь он провел последние годы жизни и был погребен в 1812 году (уникальная библиотека митрополита Платона, включавшая русские и иностранные издания XVIII – начала XIX века, явилась ядром библиотеки Вифанской семинарии, которая к моменту ее передачи в 1919 году в библиотеку Московской Духовной академии, ставшую филиалом Румянцевского музея, насчитывала десятки тысяч томов[25]).

Это назначение, несомненно, означало повышение по службе. Инспектор, второе лицо после ректора в семинарии, постоянно участвовал в совместных богослужениях с приезжавшими владыками,

[23] В Тамбовской семинарии в 1905 году выстрелом из револьвера учеником-террористом был ранен только что назначенный ректор архимандрит Симеон (Холмогоров), выпускник Казанской академии и духовный сын старца Гавриила. После ранения архимандрит Симеон остался парализованным до конца своих дней (расстрелян в 1937 году), а после приезда старца в Спасо-Елеазарову пустынь также был перевезен туда и помещен в домике старца.

[24] Псковские епархиальные ведомости. 1910, № 19, с. 295–296.

[25] *С. А. Волков.* Последние у Троицы. М., 1996, с. 271.

митрополитом Московским Владимиром[26], ректором Московской Духовной академии епископом Феодором, не без ходатайства которого, возможно, устроился этот перевод. Епископ Феодор, товарищ по Казанской академии брата отца Германа, Виктора, в те годы ректора Полтавской духовной семинарии архимандрита Варлаама, был давним другом и отца Германа. А так как в 1904–1905 годах архимандрит Феодор был ректором Тамбовской семинарии, то, по-видимому, в Тамбове он еще больше сблизился с семейством Ряшенцевых. В 1909 году владыка Феодор пригласил в Сергиев Посад на должность эконома академии брата отца Германа, Леонида Степановича[27], и тот принял предложение. Вместе с женой Антониной Владимировной и двумя маленькими дочерьми он поселился в Сергиевом Посаде. «Условия жизни были предоставлены прекрасные, – вспоминает Гали Леонидовна Солопова, – огромная квартира на двух этажах, готовые обеды на всю семью из академической кухни, право пользоваться лошадью с кучером для поездок на работу и другие привилегии. На этом месте Леонид Степанович успешно проработал до первой мировой войны, когда он был мобилизован на военную службу».

Ректором Вифанской семинарии был в это время архимандрит Филипп (Гумилевский, впоследствии архиепископ). Вот небольшая бытовая зарисовка, сделанная духовной дочерью и биографом епископа Серафима (Звездинского) схимонахиней Иоанной (Анной Патрикеевой) со слов владыки Серафима, преподававшего там в 1909–1912 годах церковную историю: «Ректор был человек добрый, простой, приветливый. Жил он просто, на внешнее не обращая внимания. У него часто гостили родные, в покоях было хорошо, но где что висело криво, где что оборвалось, так это все и оставалось на произвол. К ученикам он относился не строго, они его не боялись, дисциплина была слабовата. Инспектор отец Герман, из купеческой семьи, был всегда опрятен, даже наряден, строг к воспитанникам и к себе... В Вифании Владыка (Серафим. – *А. В.*) уединялся от всех и от всего. Ректор отец Филипп и инспектор отец Герман, опасаясь чрезмерного подвижничества, видя его созерцательность, силой любви, уговоров и настоянием брали отца Серафима из келии с собой на прогулку, кататься на лодке по серебристому Вифанскому пруду»[28].

[26] Священномученик Владимир (Богоявленский) был первым архиереем, принявшим мученическую кончину в 1918 году, будучи митрополитом Киевским.

[27] Л. С. Ряшенцев служил в армии и был произведен в прапорщики интендантской части.

[28] Жизнь архиепископа Серафима (Звездинского). [Сост. А. Патрикеева]. Машинописная копия, с. 43–44. (Церковно-исторический архив Православного Свято-Тихоновского богословского института.)

Как мы уже отметили, инспектору семинарии по должности приходилось принимать участие во многих торжественных праздничных богослужениях – в самой Лавре, семинарском и академическом храме, близлежащих монастырях. Так, 17 августа 1910 года в Гефсиманском скиту, как всегда торжественно, праздновалось Вознесение Божией Матери[29]. Служил сам митрополит Московский Владимир, в сослужении ректора Академии епископа Феодора, наместника Лавры архимандрита Товии, ректора семинарии архимандрита Филиппа, игумена скита Илария, иеромонахов Германа и Серафима. Молебствие перед Черниговской иконой во время литургии совершалось на воздухе, а после литургии, «под красный звон колоколов», по обители шел крестный ход с хоругвями, плащаницей и Черниговской иконой. Через много лет, в северной ссылке, Владыка не раз вспоминал этот светлый праздник «в наполненном народом тихом скиту», с радушной братской трапезой.

26 сентября, день памяти святого апостола Иоанна Богослова – храмовой праздник Вифанской семинарии – был главным семинарским торжеством. В 1910 году, когда отец Герман впервые принял в нем участие, в праздничной всенощной и литургии он вновь сослужил, вместе с отцом ректором и иеромонахами-преподавателями, митрополиту Владимиру.

Но очень скоро, всего через два с половиной года, отца Германа ждало новое поприще: он становится, с возведением в сан архимандрита, ректором Вифанской семинарии, в то время как архимандрит Филипп назначается ректором Московской семинарии (находившейся в то время в Москве, а не в Сергиевом Посаде, как теперь). Назначение произошло 28 июня 1912 года.

1 июля преподаватели Вифанской семинарии и их семьи устроили архимандриту Филиппу торжественные проводы. После Божественной литургии и молебна в семинарской церкви к отцу Филиппу обратился от лица корпорации и учащихся отец Герман. Приводим эту речь в изложении «Московских церковных ведомостей» почти целиком.

«Дорогой отец ректор! Если всякий христианин должен сделать ощущением своего сердца Божественное слово, что здесь на земле все мы – странники и пришельцы, то нас, монахов, несущих бремя учебного труда, особенно часто сама жизнь научает этой истине. Общий удел почти всех нас сеять и не видеть жатвы, работать и не иметь

[29] Празднование было установлено при святителе Филарете (Дроздове) специально для Гефсиманского скита.

услады войти в покой трудов своих... И твой труд здесь уже окончен, и время отшествия твоего приспело. Позволь же мне в этот прощальный час, в храме, посвященном Апостолу любви, сказать тебе от всех нас слово правды, слово любви. Не встревожить твое смирение, не смутить лестным фимиамом лукавой похвалы покой души твоей, а только ободрить тебя хотим мы.

Если и всегда, то особенно теперь больше чем когда-либо необходимо мужество и терпение тем, на кого возложен тяжелый крест власти. Ты знаешь лучше меня, что около того пути, которым идешь ты и каким волею Промысла пойду теперь и я, почти всегда вздымается ропот человеческой зависти, и самый путь этот представляется ей таким легким, блестящим и радостным. Не знает она, что весь покой его – бессонные ночи, а безоблачная радость – тревожные думы, безотрадные нравственные огорчения и страдания.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что твое делание здесь всегда отмечали именно спокойное мужество и деликатная терпеливость. Я сказал бы очень мало, если бы только сказал, что ты всегда был спокоен и ровен, постоянно деликатен и терпелив. Все это не являлось каким-то счастливым придатком, каким наградила тебя сама природа, а было плодом работы над собой, победы над собой во имя идеалов Христа, во имя Его. Ты каждое мероприятие, из каких слагалось твое „послушание", продумывал сердцем, им судил каждый твой шаг.

Скажу тебе слово любви и от себя, как инспектора семинарии – помощника ректора. Ты сам знаешь, какое единодушие должно быть между ними и как, к сожалению, его мало и редко бывает. Я уверен, что выражу не только свои личные чувства, но и чувства моих помощников – членов инспекции, если скажу, что в той трудной, черновой работе, какая является их уделом, ты всегда был нашим мудрым помощником, был нашим другом, за что от всей души бью тебе челом.

Скажу тебе слово любви, любви самой теплой, самой чистой и искренней и от лица тех, кто волею времени здесь не присутствует, но сердцем здесь – от лица наших учеников. Ты был для них отцом, это всегда они чувствовали и еще сильнее почувствуют, когда сами выйдут в жизнь и оглянутся назад. В заботах и попечениях о них ты являл любовь без слабости, и твое беспристрастие особенно ясно сказывалось там, где по долгу своего положения ректору приходится быть педагогическою совестью. И в тех случаях, где, быть может, некоторым казалось, что ты был нерешителен – ты был только спокоен; там, где, казалось, была не всегда безопасная для дела снисходительность – была только разумная терпеливость; и то, что иные могли

принять за недопустимую слабость и уступчивость – было только справедливостью». В заключение, высказав добрые пожелания отцу Филиппу на новом месте служения, отец Герман объявляет об общем подарке преподавателей, «на молитвенную память», отцу Филиппу – и иеромонах Серафим подносит ему архимандричий крест, украшенный камнями.

Это не были слова официального красноречия – отец Филипп был растроган до слез. В ответной речи он благодарил сослуживцев за совместное несение креста: «Лобызаю любовь вашу... Кланяюсь вашему снисхождению. Всем же скажу мой завет – храните мир и любовь. Простите». Преподаватели в последнее напутствие отцу Филиппу спели «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево» и величание святому апостолу Иоанну Богослову, покровителю семинарии. На другой день, 2 июля, преподаватели вместе с новым ректором отцом Германом простились с архимандритом Филиппом на вокзале, у самого поезда.

Прежде всего на новом посту отец Герман затеял ремонт семинарии. Он придавал этому, казалось бы, сугубо хозяйственному предприятию особое значение. В 1917 году, в ответном письме выпускникам-семинаристам, вообще замечательном по глубине и искренности, он писал: «В чувстве красоты или эстетизма заключается основной тон моих настроений и, пожалуй, стремлений. ...Это не нажитое, не искусственно культивированное чувство красоты, а данное мне самой природой сильнее других руководило мной и в большой, сложной работе по переустройству семинарии. Вместо прежней, мрачной мне хотелось создать что-либо светлое, изящное, красивое. Ваш курс знал прежнюю семинарию, и, думаю, когда вы приехали в нее же после окончательного ремонта, вы должны были почувствовать всю глубокую разницу между старой и новой. Я знал, что внешняя изящная простота непосредственно влияет на душу и пролагает в ней путь к влиянию или, по крайней мере, помогает влиянию другой, более совершенной красоты – красоты духовной. Поэтому я глубоко страдал, не как хозяин, а как художник и педагог, когда все это чистое и изящное стало очень и очень скоро ломаться, заплевываться, грязниться и разрушаться. То или иное отношение к красоте говорит об известной глубине души... об ее чуткости к более сложным явлениям высшего порядка. Душа, зачарованная красотой, всегда чутка, гибка и нравственно подвижна. Обратное явление говорит об ее холодности, рассудочности, замкнутости и черствости. Теперь вам станет понятно, почему я так странно болезненно реагировал на всякую

небрежность или неряшливость в одежде воспитанника, в обращении его с казенными вещами и помещениями и т. п. Человек не может жить без красоты, но он, сознательно или бессознательно раболепствуя самодержцу-рассудку, притупляет и уничтожает в себе начало вселенскости, всечеловеческой соборности, начало синтеза всех своих психических и нравственных сил, которое заключается в его сердце и присущем ему ощущении ритма истинной жизни. Притупляет то, что я называю чувством красоты. В этом чувстве заложено начало истинного духовного аристократизма, а вне его – та узкая область духовного мещанства и повседневных будней, в которой топчутся люди, в атмосфере которой задыхаются и звереют. Посмотрите, сколько волнующей душу красоты в природе, которую еще не успел исказить человек, и как мало ее в его личной жизни. Мы не воспитываем в себе этого чувства. Отсюда мы мало и плохо чувствуем безобразие греха и порока и еще меньше чувствуем красоту добра и совсем почти не понимаем высшего средоточия этой красоты, всей ее поэзии, беспредельности и глубины – красоты веры и молитвы... Для меня богослужение – высшая поэзия, совершенная, „неизреченная" музыка, преображающая душу красота».

В отремонтированной семинарии особенно нарядным выглядело праздничное убранство в день храмового праздника апостола Иоанна Богослова. «Московские церковные ведомости», за обилием другого материала почти не помещавшие сообщений о жизни Вифанской семинарии, отметили, что «к этому дню семинария была украшена трудами воспитанников зеленью, которая гирляндами расположена была по иконостасу храма. Главный вход в храм также был украшен зеленью и транспарантами с вензелями Владыки митрополита, митрополита Платона и епископа Феодора»[30].

В том же году широко отмечался важный для Вифанской семинарии юбилей – столетие со дня кончины митрополита Платона. Накануне, 10 ноября, состоялось празднество в Спасо-Вифанском монастыре, где все напоминало о его основателе, а поминальная трапеза была устроена в бывших келиях митрополита. 11 ноября Вифанская семинария торжественно отмечала у себя юбилейную дату. Литургию, вместе с епископом Феодором и архимандритом Германом, служили архимандрит Товия, ректор Московской семинарии архимандрит Филипп, инспектор Казанской академии архимандрит Гурий и другие, был приглашен знаменитый протодиакон Константин Розов.

[30] Московские церковные ведомости. 1912, № 41, с. 925.

Семинария, как и Спасо-Вифанская обитель, отмечают «Московские церковные ведомости», вновь украсилась гирляндами зелени и цветов[31]. В 1935 году, в день тезоименитства этого выдающегося святителя, епископ Герман писал Н. А. Верховцевой: «Вспоминаю сегодня и Вифанию, и еще больше сегодняшнего ее основателя и именинника. Его облик духовный очень много говорит моему сердцу, и в его уменье все небесное и вечное облечь в самые изящные и изысканные формы земной действительности, онебесивая тем земное и небесное доводя до реального ощущения „душевного" человека, как непререкаемую эстетичную и моральную ценность, я всегда слышал невысказанные потребности моей собственной природы. Но я не завидую тому, что путь моей жизни так не похож на путь этого блестящего человека и прекрасного иерарха...»

Последнее знаменательное событие 1912 года, в котором участвовал архимандрит Герман – прощание с митрополитом Петербургским Владимиром, покидавшим, в связи с новым назначением, Московскую кафедру, на которой он прослужил четырнадцать лет. 4 декабря вечером на станции в Сергиевом Посаде Владыку встречали епископ Феодор и архимандрит Герман вместе с преподавателями академии и семинарии. Митрополит Владимир сразу же отправился в Лавру и отслужил молебен у мощей преподобного Сергия, а затем в актовом зале состоялось его прощание с корпорацией Московской духовной академии и Вифанской семинарии и студентами академии. Он обратился к собравшимся с теплыми словами благодарности, в заключение же своей речи «преподал студентам академии совет не бояться обвинений в отсталости, если отсталыми называют тех, у которых разум прислушивается к голосу веры»[32]. На следующий день митрополит отбыл из Сергиева Посада. На вокзале вновь его провожали епископ Феодор и архимандрит Герман, наместник Лавры, преподаватели и студенты академии.

В последующие годы на семинарском празднике в храме святого апостола Иоанна Богослова не раз служил митрополит Московский Макарий. А весной 1913 года, 14 мая, семинария торжественно принимала у себя Патриарха Антиохийского Григория. Об этом событии архимандрит Герман представил особый рапорт епископу Волоколамскому Феодору, в котором привел и свою приветственную речь, сказанную после отслуженной Патриархом краткой литии, при поднесении ему иконы святого Иоанна Богослова:

[31] Московские церковные ведомости. 1912, № 47, с.1033–1035.
[32] Московские церковные ведомости. 1912, № 50, с. 1104.

«Блаженнейший Патриарх, Ангел Церкви Антиохийской и всего Востока! С сыновней любовью и благоговейной радостью вместе со своим основателем и незримым хранителем, приснопамятным митрополитом Московским Платоном пустынная Вифания сретает Тебя. В Твоем лице мы встречаем преподобного Ефрема Сирина – этого новозаветного Иеремию, дивного Исаака, глубины богословия коего доведомы разве только Ангелам небесным, Златоустого Иоанна, в сердце которого не тесно было всей вселенной, первоверховного пламенного Петра, которому Пастыреначальник вверил словесных овец. Вместе с Тобой с Востока к нам грядет Сам „Восток свыше"... и мы живее теперь ощущаем действие Святого Духа, из многих верных и многочисленных единоверных Церквей таинственно образующего одно тело нашего Господа и Спасителя.

Помолись же, Блаженнейший, в этом святом храме своею теплою ко Господу молитвой, чтобы изошли отсюда на ниву Христову ревностные Божии пастыри, чтобы за дело Христово вышла отсюда святая рать новых Ефремов, новых Исааков, новых Златоустов, новых Григориев».

В ответной речи, через переводчика архимандрита Игнатия, араба, питомца Вифанской семинарии, Патриарх Григорий сказал: « ...Я счастлив, что стою на том месте, в той семинарии, которая находится вблизи гробницы приснопамятного митрополита Платона, ее основателя. Мне приятно видеть всечестных отца Ректора, брата которого (епископа Гомельского Варлаама) я недавно видел и добродетелям которого так радовался... Молю Бога, чтобы Он помог отцу Ректору, отцу Инспектору и учащимся здесь, подобно евангельскому купцу, преумножить свои таланты, а ученикам желаю быть чистыми телом и духом, пребывать в послушании своим начальникам и преуспевать в добром учении. А всем, возлюбленные, скажу, что как Лазарь восстал из гроба для новой жизни, так и мы, спогребшись Господу в крещении, должны восставать для праведной жизни».

После речи Блаженнейший Патриарх преподал благословение всем ученикам и преподавателям с их семьями и прошел в квартиру ректора, где уже собрались преподаватели и где был устроен чай.

«Здесь, в оживленной и полной простоты и сердечности беседе, Патриарх знакомил присутствующих со своей свитой, говорил об устройстве своей Бейрутской семинарии, ректором которой состоит вышеназванный архимандрит Игнатий, и неоднократно высказывал свое удовольствие по случаю посещения им Русской Вифании». В конце беседы Патриарх оставил по-арабски «письменную памятку

о своем посещении»: «Мы не можем жить для Бога, если не умрем для мира – и Вифания, лучшее место в Сирии, научает нас этому через праведного Лазаря, а Вифания в России учит нас этому через свою духовную семинарию, воздвизающую питомцев ее из гроба неведения к благой, духовной жизни. Да будет всегда благоустроена семинария и Господь да споспешествует всечестным отцу Ректору и отцу Инспектору, отцам и господам преподавателям в их добром, духовном научении и благовоспитании, а ученикам – в послушании, разумении и принятии доброго учения, чтобы таланты всех принесли плод свой».

Затем Патриарх, преподав каждому из присутствующих свое благословение и целование, под пение преподавателями «ис полла эти, деспота» и «многая лета» воспитанниками, отбыл на вокзал.

«Доводя до сведения Вашего Преосвященства все вышеизложенное, долгом почитаю свидетельствовать о высоком духовном и религиозном воодушевлении как учащих, так и учащихся, которое было вызвано высоким посещением Вифанской духовной семинарии Его Блаженством, Блаженнейшим Патриархом Антиохии и всего Востока Григорием», – добавил в заключение архимандрит Герман[33].

Семинарские будни были более спокойными, чем в Пскове, но и здесь не обходилось без взысканий: пьянство наказывалось отправкой на несколько недель «в домы родителей», карточная игра на уроках и в спальнях, грубость со старшими – снижением балла по поведению. В 1914 году произошел из ряда вон выходящий случай: инспектор иеромонах Симеон (Нарбеков) доложил педагогическому собранию, «что в день роспуска воспитанников на каникулы учениками первого класса разбито много стекол в спальных помещениях своего класса, отломаны дверки у всех почти тумб и испачканы чернилами стены и полы в классе»[34].

Вообще семинарское хозяйство требовало многих забот. Семинария насчитывала около трехсот пятидесяти воспитанников, которые не только учились, но и жили в ней. Квартиры большинства преподавателей находились при ней же. В феврале 1914 года был начат капитальный ремонт, о котором правление семинарии вело переписку с Синодом с 1910 года. Производилась также реконструкция некоторых помещений, устраивалась современная канализация, сооружался новый колодец с водонапорной башней и проч. Основная часть работ была завершена в следующем году, но и после кое-что продолжало доделываться.

[33] ЦИАМ, ф. 427, оп. 1, д. 4236.
[34] ЦИАМ, ф. 427, оп. 1, д. 4281, л. 19 об.

В августе 1916 года по железной дороге прибыл заказанный у Оловянишниковых колокол весом 1 1/4 пуда и 3 фунта...

Помимо административной работы в семинарии, отец Герман не оставлял и преподавания Священного Писания. Труды архимандрита Германа на посту ректора были оценены священноначалием: 24 мая 1916 года он был награжден орденом святого равноапостольного князя Владимира четвертой степени.

Живя в Сергиевом Посаде, отец Герман посещает процветавшую в то время Смоленскую Зосимову пустынь, где подвизались два знаменитых старца – схиигумен Герман и иеросхимонах Алексий[35], и сближается там с некоторыми монахами, особенно часто посещает Гефсиманский скит, с настоятелем которого игуменом Израилем его связывали особенно тесные дружеские отношения, и конечно, Свято-Троицкую Сергиеву Лавру – среди ее насельников он находит близких себе по духу (опровергая, между прочим, тем самым расхожее мнение о непримиримых противоречиях между ученым и монастырским монашеством. Очевидно, что причина проявляющихся иногда противоречий лежит не в появлении института ученого монашества как такового, а в более глубокой, духовной области).

Ко времени жизни в Сергиевом Посаде относится также знакомство с семейством Верховцевых, Верой Тимофеевной и ее дочерью Натальей Александровной, поселившихся там в 1916 году. Вера Тимофеевна была духовной дочерью отца Иоанна Кронштадтского и оставила воспоминания о нем – прекрасный образец высокой культуры слова, почти полностью утраченной в советское время, – в которых виден и ее собственный прямой, порывистый характер и пламенная вера. Ею было написано несколько больших писем Льву Толстому, в 1904 году, когда он был отлучен от Церкви (два письма, которые тогда же были опубликованы), и позднее, в 1909 году, с тщетной надеждой пробудить в нем если не сознание всей гибельности своих заблуждений, то хотя бы раскаяние в оскорблении искреннего религиозного чувства своих читателей. В том же году было напечатано ее «Открытое письмо духовенству». Настроение, его вызвавшее, нельзя признать правильным, но письмо это действительно написано, по словам самой Веры Тимофеевны, «кровью сердца». Печальное несоответствие между высотою священного сана и личностью, его носящей, встречающееся в жизни, больно ранило Веру Тимофеевну и вызывало желание «подсказать», что следует

[35] Оба прославлены ныне в лике святых.

исправить. Письмо начинается с безотрадной картины нравственного состояния общества, и хотя автор отмечает, что есть еще достойные священники, любимые своими прихожанами, это только усиливают ее боль, ибо их немного. Именно в нерадивости пастырей ей видится причина упадка веры в современном обществе.

Несомненно, что предреволюционные годы в нашей истории были временем ослабления веры в народе, но христиане никогда не должны предаваться унынию. Еще святитель Иоанн Златоуст, утешая блаженную диакониссу Олимпиаду, скорбевшую о несовершенствах земной Церкви, писал из ссылки: «Пребывай сильною и радостною[36]... Когда услышишь, что одна из Церквей пала, а другая колеблется, третья заливается свирепыми волнами, иная претерпела другие непоправимые бедствия, одна взяла волка вместо пастыря, другая морского разбойника вместо кормчего, третья – палача вместо врача, то хотя скорби – потому что не должно переносить этого без боли, – но скорби так, чтобы печаль не переходила должных границ... сатанинское и пагубное для души дело малодушествовать и сокрушаться о погрешностях других»[37]. Этому ложному настроению нужно противопоставить память Страшного Суда, на котором мы дадим ответ только о себе самих. Не следует искать совершенства в земной жизни, достаточно с нас благодати Божией, живущей в Церкви (2 Кор. 12, 9), напоминает святитель[38].

Много говорят о характере Веры Тимофеевны следующие два эпизода, описанные Натальей Александровной в ее воспоминаниях: «Даже среди великих духом людей бывают недоразумения, досадно разлучающие их. Таковое недоразумение существовало между дорогим батюшкой отцом Иоанном Кронштадтским и Воронежским святителем Анастасием». Вера Тимофеевна, особенно чтившая святителя Митрофана Воронежского, часто бывала в Воронеже. Как только она узнала об этом, сразу же, «полная любви и благодарности к батюшке», она «ринулась на посильное исправление их взаимоотношений. С помощью Божией ей удалось в первый же приезд Владыки Анастасия

[36] *Св. Иоанн Златоуст.* Полное собрание творений в 12-ти томах. Т. 3. Кн. 2. СПб., 1897 (репр. М., 1994), с. 573.

[37] Там же, с. 574.

[38] В одном из «перестроечных» сборников был опубликован другой вариант письма В. Т. Верховцевой к духовенству (очевидно первый, написанный сгоряча, который она не сочла возможным опубликовать), с рядом красочных примеров из жизни, резко выделяющийся, однако, по духу из общего диссидентского контекста (*В. Т. Верховцева.* Несколько слов о нашем духовенстве (Храм Христа Спасителя). – Религия и демократия. На пути к свободе совести. II. М., 1993, с. 142–148).

в Петербург соединить их и помочь объяснению и полному душевному их единению. Подобное повторилось между митрополитом Московским Макарием и ректором Московской Духовной академии архиепископом Феодором. Последний после целого ряда лет недоброжелательства и непонимания[39] познал и глубоко полюбил Владыку Макария, благодаря маму за приложенное ею к этому делу усердие и дерзновенную молитву»[40]. Отношение отца Германа к Вере Тимофеевне было глубоко почтительным, хотя он и не всегда соглашался с ее суждениями. По словам Натальи Александровны, это было отношение духовного сына. Очевидно, благодаря Вере Тимофеевне отец Герман сблизился и с митрополитом Макарием, и тот подарил ему, после рукоположения во епископа, свою архиерейскую мантию. С Натальей Александровной отца Германа сразу же соединили глубокие дружеские чувства – они были действительно родные по духу. Святая личность отца Иоанна Кронштадтского, бывавшего в доме Верховцевых, оказала сильнейшее влияние на маленькую Наташу, вызвала горячую любовь. Отец Иоанн говорил о ней: «У Наташи в глазах Христос светится», – и ласково называл ее «моя овечка»[41]. Замирая от счастья, с разрешения батюшки она куталась в его шубу, висевшую в прихожей, и надевала его меховую шапку. С отцом Иоанном были связаны «первые сознательные порывы детской души к Господу, к молитве». Глубоко укоренившаяся потом в сознании православная вера отвергла все соблазны атеистического общества, и Наталья Александровна стала одной из тех живых нитей, которые связали воспитанное до революции церковное поколение с нашими современниками.

Переписка с Верховцевыми продолжалась до самого последнего ареста епископа Германа. Письма Владыки, сохраненные Натальей Александровной, – это не только документ эпохи, важный для историка нашей Церкви, это и духовное сокровище, которое, несомненно, послужит многим для пользы душевной.

Отец Герман бывал также в семье своего брата Леонида Степановича, находил время и для занятий со своими маленькими племян-

[39] Епископ Феодор мог разделять предубеждение некоторых духовных кругов против митрополита Макария, миссионера и святого старца, в частности, из-за того, что его назначение на Московскую кафедру совершилось якобы согласно желанию Распутина. См.: *С. А. Волков.* Возле монастырских стен. М., 2000, с. 211–212. Святитель Макарий не был лично знаком с Распутиным и не поддерживал его (*С. Л. Фирсов.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х–1918 гг.). [Б. м.], 2002, с. 474).

[40] «Благодарю Бога моего». Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М., 2001, с. 11–13.

[41] Об этом Н. А. Верховцева рассказывала посещавшему ее в 1970–1980 годы Я. В. Белодеду.

ницами. «Когда епископ Герман жил в Вифании, – вспоминает Гали Леонидовна, – он брал нас с сестрой с собой на прогулку в Платоновскую рощу. Считалось, что митрополит Платон любил в ней гулять. Он старался обратить наше внимание на природу, как меняется все кругом от освещения солнца, как солнечные блики на листьях деревьев создают совершенно новую картину. Какая во всем гармония, как пение птиц дополняет эту красоту. Это было так давно, но Платоновскую рощу и уроки в ней очень ярко помню по сей день...

Наша семья была музыкальная, и в доме часто звучало фортепиано. Мне навек запомнилось выражение лица Владыки во время исполнения Бетховена. Он сосредоточенно слушал, с каким-то самоуглубленным вниманием. Казалось, он отрешен от людей, от окружающей обстановки. Ни у кого я не видела больше такого выражения лица».

«Помню кабинет Владыки в Вифании. Большая комната, два окна. Большой письменный стол, стоящий торцом к окну. На столе замечательный письменный прибор кастильского ажурного литья. Некоторые части от него сохранились в нашем доме. Много книжных шкафов. На противоположной стене против окна стоял черный кожаный диван. Фисгармония – на другой стороне, у стены под прямым углом к этой. Играл Владыка не учась, по слуху. У него был хороший голос, и он пел за церковными службами.

Еще осталась в памяти молельня. Это небольшая комната, вся увешанная иконами, среди которых были старинные, несколько икон современного художника, который расписывал академическую церковь в Сергиевом Посаде. В молельне стоял аналой, пахло ладаном и горели лампады, было уютно и строго, как в церкви».

Начало первой мировой войны вызвало патриотическое воодушевление русских людей. «26 октября воспитанники семинарии, – сообщал отец Герман в ежемесячном представлении епископу Феодору, – устроили патриотическую манифестацию: у гроба преподобного Сергия всей семинарией был отслужен молебен, после которого, в сопровождении классных воспитателей и лиц инспекторского надзора, воспитанники семинарии, к которым примкнули студенты академии и местные обыватели, с портретом Государя, окруженным национальными флагами, прошли по улицам Посада с пением гимна и молитвы „Спаси Господи"»[42]. За несколько дней до этого семинаристы горячо и с глубокой серьезностью приняли участие в сборе вещей в пользу раненых воинов, провели сбор денег

[42] ЦИАМ, ф. 427, оп. 1, д. 4287, л. 7.

для Красного Креста. При академии и позже (осенью 1915 года) при семинарии были устроены воинские лазареты.

30 мая 1915 года архимандриту Герману в семинарию было доставлено письмо епископа Феодора: «Согласно определению Св. Синода... имею долг предложить Вам: не пожелаете ли Вы взять на себя, в течение каникулярного времени, труд по удовлетворению религиозных нужд для воинских чинов, состоящих ныне в запасных батальонах?.. О последующем прошу уведомить». В ответном рапорте от 8 июня отец Герман пишет: «... честь имею сим заявить Вашему Преосвященству о своей полной готовности выполнить предлагаемое мне послушание. Со своей стороны я только осмеливаюсь просить благословения Вашего Преосвященства несколько изменить по отношению себя условия этого труда. Мой брат, епископ Гомельский Варлаам, имеющий попечение о госпиталях Могилева, одного из более близких к театру войны тыльного города, просил меня помочь ему в этом деле. Мне казалось бы, что я исполнил бы по существу предложение Св. Синода, взявши на себя определенные обязанности по обслуживанию религиозных нужд воинских чинов, находящихся в г. Могилеве, предварительно испросив на это разрешение о. Протопресвитера. С другой стороны, это дало бы мне возможность, принимая во внимание обстоятельства моего непосредственного дела (расчет по заканчивающемуся ремонту семинарии и окончательная приемка произведенных подрядчиками работ и сооружений...), если бы это потребовалось, беспрепятственно приехать на несколько дней в Вифанию для непосредственного руководства делами, требующими моего личного участия». Разрешение протопресвитера армии отца Георгия Шавельского было получено, и архимандрит Герман был прикомандирован к Могилевской военно-местной церкви «для исполнения пастырских обязанностей», где он и пробыл июль и август 1915 года[43].

Весной и летом 1917 года, с 1 апреля по 10 августа, отец Герман, уже не по предложению Синода, а по своему личному побуждению, отправляется как священник в действующую армию. Там он и получил письмо выпускников, наставником которых, инспектором и ректором, он был в течение шести лет, и прочитал слова, которые воистину явились великой наградой его самоотверженного служения семинарии:

«Наше *искреннее* слово к Вам, окидывая взором протекшие шесть лет, в то же время может и Вами считаться как итог Вашей жизни в Вифании.

[43] ЦИАМ, ф. 427, оп.1, д. 4393, л. 1–4.

После шестилетней, точнее, пятилетней жизни с Вами как нашим начальником мы Вам единодушно говорим: дух святителя Платона, небесного покровителя и управителя (Ректора) нашей семинарии, невидимо руководил Вашей деятельностью, благодаря тому, что Вы благоговели перед его личностью и жили теми заветами любви, которые оставил семинарии ее устроитель. Любовь к юношеству и забота о нем диктовалась Вам этими заветами, а также и Вашим юношески искренним и добрым характером.

Только теперь, простившись с Вами, как это всегда бывает, мы во всей полноте, и притом все до единого, *искренно* поверили в Вашу любовь, не жалеющую себя. Поверьте же, наш отец Ректор, и в искренность нашей постоянной благодарной любви. В наших глазах Вы *выросли* много выше других наставников: поэтому в своем дальнейшем возрастании мы постоянно будем просить *Ваших* советов, *Ваших* молитв.

Некоторые из нас никогда не забудут того светлого настроения, которое мы выносили в великие праздники из храма нашего Апостола Покровителя. Именно Вы сообщали службе церковной светлую праздничность, ту торжественность, которая поднимает молитвенное настроение».

Это замечательное письмо, начинающееся признанием в том, что сначала семинаристы считали своего ректора «карьеристом» и «человеком помпы», – чрезвычайно важный документ, рисующий личность владыки Германа и с избытком восполняющий скудость наших сведений об этом периоде его жизни. О такой высокой оценке своего труда, превосходящей все официальные награды, может мечтать любой педагог.

«В жизни мало чистой радости и еще меньше благодарной любви, – писал в ответном письме отец Герман. – Я получил глубокую, убаюкивающую встревоженную душу радость и живо, живо, всем сердцем принял и почувствовал вашу любовь. Ведь педагогический труд, более чем другой труд, не только тернистый, но и всегда почти безблагодарный. Мы делаем, тратим массу нравственных и физических сил, отдаем часть своей души и сердца и почти никогда не видим и не можем видеть результатов своей работы... К нашей работе, тем более работе в духовной школе, более чем к другой какой-либо, приложимо вечное слово: „Мы ходим верой, а не видением". Крестоносность нашей работы, и конечно, главным образом в ее воспитательной части, почти обычное явление. В этом святость педагогического труда, в этом и его гнетущая тяжесть. Любовь вашу я чувствовал еще

раньше вашего письма, но оно было очень ценно, так как показало мне, что это великое чувство прошло у вас через некоторое испытание. Оно меня тронуло еще и тою правдивою откровенностью, какую я сам очень люблю».

Вернувшись с фронта, отец Герман продолжает свое прежнее служение. Над семинарией, в которую им было вложено столько любви и молодых сил, нависала угроза закрытия.

Но еще можно было радоваться радостью близких. 1 декабря, «в день рождения мамы, – вспоминает Гали Леонидовна, – я вошла в столовую и невольно ахнула: вся комната была наполнена дивным ароматом, а на столе стояло множество горшочков с гиацинтами, не поместившиеся на столе стояли на полу. Это было как в сказке – сюрприз Германа. Кроме цветов, было подарено стихотворение в прозе „Тридцать три года"». Семнадцатый, судьбоносный для нашего Отечества год он сам встретил в этом возрасте. Потрясения войны и революции, очевидно, пробудили в нем ненадолго желание погрузиться в мир поэтического творчества. «...Тридцать три года – волны с отравою знанья, волны думой встревоженные, волны с невозвратным былым... Волны могучие, волны полуденные, волны безгрезные... Но они еще не вечерние... Они творящие, они бурно-ищущие, они огнистые, они сильные и красивые... годы полуденные... годы мистические... тридцать три». Среди бумаг Н. А. Верховцевой сохранилось несколько листков, исписанных рукой Владыки – это четыре «стихотворения в прозе», два из которых помечены сентябрем и декабрем 1917 года[44]. К этому времени относится и поэтический опыт другого рода – участие в работе над одним из лучших акафистов, появившихся в XX веке, – акафистом преподобному Даниилу, Великому князю Московскому. Первые семь кондаков и икосов были ранее написаны неизвестным автором[45]. По-видимому, отцом Германом составлена заключительная часть, начиная с восьмого кондака. Епископу Феодору, по его собственному свидетельству, принадлежит редакторская правка, главным образом с целью сокращения[46].

[44] В настоящем издании мы помещаем три стихотворения. Вполне закончено и перепечатано на машинке, с пометками Владыки, только одно, «Тридцать три года», четвертое – наименее завершенное из всех.

[45] Святой благоверный князь Даниил Московский. 1303–2003. 700 лет со дня преставления. М., 2003, с. 163–167 (материалы И. Л. Алехиной).

[46] *Протодиакон С. Голубцов.* Профессура Московской Духовной академии в сетях Гулага и чека. М., 1999, с. 30. Епископ Феодор мог не докладывать следователю обо всем подробно, поэтому можно предполагать совместную работу епископа Феодора и архимандрита Германа как в редактировании, так и в завершении этого акафиста.

Вифанская семинария была закрыта в сентябре 1918 года, и до последних дней ее существования архимандрит Герман оставался ее ректором[47]. После закрытия семинарии отец Герман уезжает в Москву и там живет в Свято-Даниловом монастыре, настоятелем которого с мая 1917 года стал епископ Феодор.

В 1918 году продолжалась работа Поместного Собора Русской Православной Церкви, за которой внимательно следило все духовенство и многие миряне. Преимущественно материалами Собора заполнены и «Церковные ведомости». Других сообщений немного, но некоторые из них, как четкие фотоснимки, позволяют увидеть то далекое время. В мае, например, еженедельник поместил сообщение о праздновании Пасхи 22 апреля/5 мая: «В пасхальную ночь Москва была погружена в полный мрак. Даже Тверскую не осветили... И в этом мраке с глухим шумом и говором двигались тысячи людей, спешивших к светлой заутрене... Все храмы были переполнены. С разрешения совета народных комиссаров в пасхальную ночь доступ в Кремль был свободен... О пропуске в Кремль знали немногие, но, несмотря на это, сюда собралось около 20 тысяч человек. Быстро заполнились молящимися кремлевские соборы и монастыри... В Успенском соборе пасхальную утреню служил всероссийский Патриарх Тихон, в сослужении епископа Дмитровского Димитрия и другого многочисленного духовенства...»[48].

После «окаянных дней» двух революций вся Церковь, пастыри и миряне, видя начало грозного Божьего суда, со слезами припадали к своему Главе Христу, просили предстательства Божией Матери и святых, молились об укреплении и милости Божией. А «сколько, – по словам Ивана Бунина, – стояло тогда в церквах людей, прежде никогда не бывавших в них, сколько плакало никогда не плакавших!» Новые потрясения и бедствия надвигались на Россию.

В 1919 году происходит важнейшее событие в жизни отца Германа. 14/27 сентября, в праздник Воздвижения Честного Креста Господня, совершается его рукоположение во епископа Волоколамского, викария

[47] Митрополит Мануил (Лемешевский) ошибочно отнес к отцу Герману сообщение «Церковных ведомостей» (1918, №7–8, с. 36) о назначении 17 января ректора Владимирской семинарии архимандрита Германа епископом Вольским, вторым викарием Саратовской епархии и счел, что хиротония по каким-то причинам не состоялась (Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы. Т. 2. Erlangen, 1981). Но это сообщение относилось в действительности к ректору Владимирской семинарии архимандриту Герману (Косолапову), который и был возведен в феврале того же года в сан епископа Вольского, а в 1919 году расстрелян.

[48] Церковные ведомости. 1918, № 17–18, с. 585.

Московской епархии. Церковная печать к этому времени уже практически прекратила свое существование, и речь, произнесенная им по традиции при наречении во епископа, не была опубликована. Не раз в письмах Н. А. Верховцевой Владыка вспоминал о ней: «Пока Мася (так епископ Герман часто называет себя в письмах, одновременно подшучивая над собой и конспирируясь[49]) не лишена той радости, о какой она просила Его в самый торжественный час своей жизни, обещая и среди волков остаться кротким агнцем, и среди хищных – Его чистым голубем. Если у Вас сохранился этот отрывок, начатый 8 сентября в скиту у Ивана Израилева (игумена Израиля, начальника Гефсиманского скита, в мире Ивана Андреевича Андреева. – *А. В.*) и оконченный 9 сентября, в день Иосифа Волоцкого в Вифании, перед 14 сентября 1919 года, то я был бы очень признателен Вам за его переписку и присылку мне сюда. В эти минуты, я убежден, говорит не только дух человека, предощущающий еще неведомое, но и Дух Божий, испытующий глубины и указующий будущее...» (1935 год).

В год рукоположения епископа Германа, среди продолжавшейся братоубийственной войны, святитель Тихон писал в своем обращении к всероссийской пастве: «Господь не перестает являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал Ей испытать Себя и проверить Свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего Ее благополучия, а и во дни гонений. День ото дня прилагаются Ей новые испытания. День ото дня все ярче сияет Ее венец»[50]. Близилось начало исповеднического пути и для епископа Германа.

По-видимому, вскоре после хиротонии епископ Герман служил в Троицком соборе Лавры. На службе присутствовала Гали Леонидовна, племянница Владыки, которой в то время было двенадцать лет, и ей запомнилось, как Владыка, в малиновом облачении, горячо произносит проповедь, и чьи-то восхищенные слова среди богомольцев: «Это второй Иоанн Златоуст!»

К этому же времени или немного раньше относится начало окормления Владыки у московского старца протоиерея Алексея Мечёва (ныне прославленного в лике святых), о чем имеется свидетельство близкой к отцу Алексею Марии Тимофеевой (впоследствии

[49] По свидетельству Г. Л. Солоповой, это детское имя Владыки, но может быть, ему было известно и значение слова «мася» в северных говорах, указанное в словаре Даля, – «овца».

[50] Чадам Православной Российской Церкви (Послание 8/21 июля 1919 года). – «К тебе, обольщенный, несчастный русский народ...» Послания святого Патриарха Тихона. М., 1996, с. 29.

монахини Марии)[51]. Помнила епископа Германа в маросейском храме и другая духовная дочь отца Алексея, Павла Федоровна Хватова, о чем она рассказывала Х. М. Запрометовой.

После рукоположения епископ Герман направляется к месту своего служения и там располагается в древнем Иосифо-Волоколамском монастыре. Обстановка первых послереволюционных лет обрисована им в письмах В. Т. Верховцевой: «Именующие себя „верующими" пишут мне, что они вольны как хотят распорядиться своим причтом, а наши друзья только что постановили закрыть Иосифову обитель, запретить крестные ходы с чудотворным образом Николая Угодника, который по просьбам православных обходит сейчас их поля и веси, и многое, вероятно, и другое надо ждать в этом роде... Были выборы в нашу артель. В моем личном зале были и товарищи, и бабы, и монахи. И я очень мало чувствовал, что мои братия понимают, что они делают, и еще более грустное чувство было, когда многие радовались, как один старец кричал на меня, а затем уже здесь, в своем домике, я лишний раз убедился, что часть братии все время чинила доносы... и что ставила в вину мне? Что я принял из Иерусалима изгнанных двух иноков и одного старца-архимандрита, которые оказались и прекрасными людьми, и очень полезными для обители работниками. Какая слепота и злоба, и что здесь странного, если решение закрыть обитель будет проведено в жизнь... Не подумайте, что я в унынии; просто пью ту чашу, позолоту, драгоценные камни и блеск которой видят внешне, а содержимое которой знают те, кто ее пьет» (3 мая 1920 года).

«Напишите что-нибудь про отца Зосиму (духовник Троице-Сергиевой Лавры, впоследствии схиархимандрит Захария. – *А. В.*), попросите его помолиться о мне и скажите, что я скучаю о нем. С какой бы радостью посидел у него, у Вас, у Ивана Израилева, в Зосимовой. Так я здесь одинок, и только одна отрада, когда бываю среди Божиих детей – здешних крестьян. Недавно четыре дня жил в одной деревне, служил им один всенощные, и, кажется, взаимно утешились. Ко мне по-прежнему очень и очень внимательны. На днях проверяли документы „архиерея Германа" – нельзя ли его взять в солдаты. Молитесь, чтобы Господь дал мне терпенье, смиренье и чистоту сердечную».

Ознакомившись с положением дел на приходах, епископ Герман издает указ, предписывающий благочинным организовать при церковных советах преподавание Закона Божия детям и желающим

[51] Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечёва. М., 2000, с. 386.

взрослым, а за богослужением всем священникам обязательно произносить проповеди, свои или по печатным образцам.

В связи с запретом ношения иконы святителя Николая 11 мая 1920 года Владыка направляет в Волоколамский исполком письмо, в котором пытается убедить местные власти, что их решение и его мотивы «резко расходятся с вероисповедной политикой и политикой центральных органов республики, так как <так> своеобразно толкуют закон об отделении Церкви от государства, что фактически его отменяют, и в основе своей имеют непроверенные слухи и толки, на которых едва ли возможно кому бы то ни было, тем более власти, построить решение немаловажного значения». Показав несоответствие этих мотивов провозглашенным официально принципам, Владыка в заключение отмечает, что «то явное неуважение, какое если не Исполком, то его исполнительные органы обнаруживают в отношении святыни края – образа святителя Николая», дискредитирует власть. «Согласитесь – называть народную святыню „идолом", который должен быть водворен на его обычное место „стоянки", не значит ли совершенно не уважать ни народа, ни его вековых верований. Как самым постановлением, так и этим всего меньше можно разрушить, как хочет того Исполком, „обманы и самообманы трудящихся масс". Запрещать и не допускать – это прежние способы борьбы, которые, как показала жизнь, приводили и приводят всегда и везде лишь к тому, что запретное становится особенно желанным, и то, что называет Исполком „обманом", даже для людей безграмотных начинало казаться истиной»[52].

Всего за год своего архипастырского служения Владыка успел стяжать горячую привязанность своей волоколамской паствы. «На Крещение в городском соборе была такая масса народа, что не запомнят. Думали, что служу я, – писал епископ Герман В. Т. Верховцевой в 1921 году. – А я служил в одном селе, где так тепло встречали и провожали, что я плакал оттого, что ясно сознавал, как жаждет народ Бога и Его правды и как мало мы ее имеем и еще меньше умеем дать ее почувствовать другим».

Управлять викариатством Владыке пришлось очень недолго. 10 декабря 1920 года на заседании волоколамского уездного комитета РКП (б) было принято следующее постановление: «...как окончив-

[52] ГАРФ, ф. А–353, оп. 3, д. 737, л. 229–232. Эта копия письма, сделанная рукой Владыки, сопровождается прошением Московского епархиального совета от 19 мая 1920 года в Губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов, подписанным председателем Епархиального совета профессором протоиереем Василием Виноградовым, обсудить вопрос об отмене запрещения ношения местночтимой иконы святителя Николая «как запрещения, противоречащего конституции Республики и Декрету об отделении Церкви от Государства» (л. 327).

ший Духовную академию, как агент патриарха Тихона, епископ Герман является для местного духовенства не с фабричным, а с земельным населением опасным контрреволюционным агентом монархизма, таящим в себе все силы, умения и настроения, действуя под религиозным флагом, повести массы против советской власти... Епископ Герман в целях усиления личного влияния совершает постоянные разъезды по окрестным деревням, шантажирует их отлучением от церкви, чем принуждает их уступать его требованиям, произносит церковные проповеди, в коих в религиозной символике говорит о пришествии антихриста, о гонении советской власти именно на православие и т. д. Епископ Герман рассылает по благочинным приказы о необходимости во всех деревнях преподавать детям закон Божий, официально стращая духовенство судом Божиим и епархиального начальства... При посещении деревни епископ Герман бессовестно обирает отсталые массы, епископ Герман является активной силой, деморализуя все духовенство Волоколамского, Рузского и Можайского уездов вокруг патриарха Тихона. Посему волоколамский райком считает необходимым просить секретно-оперативный отдел В. Ч. К. перевести епископа Германа в концентрационный лагерь – до полной победы трудящихся»[53].

Эти обвинения были поддержаны и местным «следователем Уездкомдезертир», который счел, что епископ Герман «с приездом в Волоколамский уезд и пользуясь высшим образованием, уездное духовенство повел по определенному пути, доводя до максимума затмения народных умов проповедями».

В ночь под 19 февраля 1921 года Владыка был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Тогда же там находился и митрополит Сергий (Страгородский), и первое время, пока их еще не развели по одиночкам, они служили вместе в одной из камер, а желающие заключенные могли при этом присутствовать[54]. Здесь и состоялось знакомство епископа Германа с Натальей Дмитриевной Шаховской-Шик, дочерью видного общественного деятеля Дмитрия Ивановича Шаховского[55] и женой будущего священника Михаила Шика, с которой потом, так же как и с отцом Михаилом, Владыка много лет поддерживал переписку[56].

[53] Центральный архив ФСБ РФ, д. № П-38560, л. 286.
[54] *Н. Д. Ш<аховская-Шик>*. Мои встречи с С. П. Мансуровым. – Надежда. Христианское чтение. Вып. 3. Frankfurt/Main, 1979, с. 325.
[55] См. о нем: Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М. – СПб., 1992.
[56] Н. Д. Шаховская-Шик была арестована в начале 1921 года вместе с сестрой Анной Дмитриевной. Они были освобождены в том же году перед Пасхой. – Надежда. Вып. 3, с. 305.

В деле содержатся несколько прошений – от прихожан волоколамского Воскресенского собора, Троицкой и Христорождественской церквей со многими подписями. Верующие протестовали «против поругания Церкви, веры и совести русского православного народа», писали, что епископ Герман «призывал всегда и везде к повиновению властям и терпеливому перенесению тяжелой разрухи», «глубоко возмущались», «выражали энергичный протест» и «неотступно просили» об освобождении своего епископа.

22 апреля 1921 года Владыка был освобожден, дав подписку о невыезде из Москвы до суда, и поселился в Даниловом монастыре. Об этом периоде его жизни известно мало. В письме Н. А. Верховцевой пятнадцать лет спустя он вспоминал о том, что 1/14 сентября, в праздник Донской иконы Божией Матери, сослужил Святейшему Патриарху Тихону за литургией в Донском монастыре. А в конце ноября в связи с четвертой годовщиной октябрьской революции была объявлена амнистия, дело Владыки было прекращено и ему было предписано немедленно возвратиться в Волоколамск.

В июле 1922 года епископ Герман был вновь арестован в своей московской квартире в 1-м Крестовском переулке, несколько месяцев провел в Бутырской тюрьме и затем был административно выслан в Тобольский округ сроком на три года.

Мы не располагаем, к сожалению, материалами заведенного тогда следственного дела. Очевидно, второй арест Владыки, как большинство арестов священнослужителей 1922 года, был связан с проводившейся по всей стране кампанией по изъятию церковных ценностей, якобы для помощи голодающим.

Сейчас, после опубликования секретных правительственных документов того времени, очевидна истиннная цель этой кампании – завладеть церковными богатствами (представления о которых были весьма преувеличены) для будущего хозяйственного строительства и одновременно разгромить своего главного идеологического противника. «...я прихожу к безусловному выводу, – писал Ленин 19 марта 1922 года в секретном письме к членам Политбюро, – что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»[57].

[57] Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. Москва – Новосибирск, 1997, с. 142, 143.

Неудивительно, что собранные ценности, как показывает анализ Н. Н. Покровского, «пошли в первую очередь на саму кампанию по изъятию или, точнее сказать, на кампанию по расколу и разгрому Русской Православной Церкви»[58], причем значительная их часть оказалась просто разграбленной.

В июле 1923 года Владыка под конвоем отправляется в ссылку. Тем же поездом за ним следует посланная игуменией Акатова Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря Олимпиадой послушница, Татьяна Харламова. По прибытии в Тобольск ссыльных снова отправляют в тюрьму. «Отношение к нам здешней администрации прекрасное, – пишет Владыка с присущим ему мягким юмором, – но так как давно здесь не было политических, то, как это ни странно, часто мы ставимся на одну доску с уголовно осужденными. Как знаете, даже при прежнем режиме всегда режим политических, тем более таких, как мы, высланных административно, без всякого суда, на что имеет право теперь всякий гражданин, был совершенно иной, чем уголовных, но в здешних местах от нас все хотят только отписаться и, самое нелепое, держать нас под стражей в то время и даже в той уже местности, где мы должны жить только под надзором».

Сначала Владыка живет в большом сибирском селе Самарове, радуясь величественной красоте окружающей природы и имея возможность даже служить в местной церкви – для этого он сам изготавливает себе архиерейский жезл и митру. (Впоследствии Владыка, познав грубые унижения и лишения, назовет эту ссылку отдыхом, даже «баловством».) Он начинает обширную переписку со своими многочисленными знакомыми и родными и благодаря этому не чувствует себя оторванным от друзей. В тишине невольного уединения он пытается осмыслить происходящее: «Какое счастье и какая бесконечная и неизживаемая радость быть хоть отчасти участником тех язв, какими все исцелены, и хоть маленькой частицей той могучей Вечной Силы, указавшей всей твари вечно древний и вечно новый путь к Воскресению чрез самоотречение и любовь». Свет и тени, «видимо, неминуемы в жизни мира и в жизни отдельного человека, и блажен тот, кто в этих слияниях и сцеплениях света и тьмы, добра и зла не ошибется в распознании незримой сути того, что действительно есть добро и жизнь и что действительно есть зло и смерть» (23 марта 1924 года).

«Совершенно справедливо и то, что теперь не благоуханье роз, а крепкий аромат помойки и такие чудные произрастания, как

[58] *Н. Н. Покровский.* Предисловие к книге «Архивы Кремля. Политбюро и Церковь», с. 82.

крапива, репейник – не тронь меня... и раз это так, то, конечно, вместо того, чтобы ныть и тосковать о том, „как хороши, как свежи были розы", надо лучше подумать, как парализовать „воню" помойки и во что надо одеться, если приходится в жизни идти не по роскошному лугу с душистой и сочной травой, а сквозь цепкие кусты репейника и не менее жгучие – крапивы. Конечно, логика христианской правды и должна каждому из нас говорить: стало меньше храмов – сам будь, и ты должен быть, храмом Бога; стал неудобен вход ко многим святыням – сам стань этой святыней и живой иконой; не стало многого внешнего, много влияющего на внешних и младенцев еще в вере – дай им то, что несравненно выше этого и одинаково понятно и близко и мудрому и младенцу, дай им теплоту искренней и нерассеянной молитвы и высшее изящество веры: простоту и глубину благоговения и смирения» (9 июня 1925 года).

Осенью 1924 года местное начальство перемещает епископа Германа в другое русское село, за сто пятьдесят километров от Самарова, а всего через полтора месяца ему снова приходится переселиться – в остяцкую деревню Чучелинские юрты, недалеко от Самарова. Здесь Владыка проводит весь оставшийся срок ссылки. В Чучелях он получает известие о кончине Патриарха Тихона, на которую откликается проникновенными словами: «Его смерть и проявленное к нему чувство глубочайшей и сердечной любви – только, быть может, нашим мудрым лжебратиям, думающим, что без Бога можно делать Божье дело, она ничего не скажет. Смерть, когда святая песнь радостно взывает: „Днесь спасения нашего главизна...", это паломничество, превосшедшее паломничество к новооткрытым мощам угодника Божия, самые похороны, более похожие на перенесение мощей – все это такое радостное и утешительное знамение Божие, что в моем сердце нет ни тени даже смущения и уныния около этой смерти. Видно, сделано все, что было надо, а теперь лучше это дело продолжать другому или другим» (9 июня 1925 года).

Официально ссылка оканчивается 12 июля 1925 года. В начале августа Владыка из Самарова отплывает на пароходе в Тобольск и оттуда возвращается в Москву. На свободе ему удалось пробыть только четыре месяца. Он повидался с родными и друзьями, побывал и в Сергиевом Посаде. Там он в последний раз встретился с Верховцевыми, а оказавшись в их доме, несомненно, не мог миновать и жившего у них старца иеросхимонаха Алексия Зосимовского, которого он глубоко почитал. Старец поселился там в 1923 году, после закрытия Смоленской Зосимовой пустыни. Конечно же, в Москве Владыка поклонился

мощам чтимого им преподобного князя Даниила, которые находились тогда в Троицком соборе, посетил знакомых ему насельников обители преподобного, несколько раз служил там. Известный московский священник, протоиерей Василий Серебренников вспоминал об этом времени:

«В двадцатые годы я был еще молодым человеком, бывал в Даниловом монастыре, хотя и не часто, исповедовался у отца Георгия[59]. Запомнилась одна картина. Если не ошибаюсь, собор Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. Солнечный день, солнце освещает храм, служащих; красавцы, молодые архиереи служат. А я в это время стою на правом клиросе и отец Георгий меня исповедует. Потом остановился, назвал меня по имени: „Васенька, послушай, как ангелоподобно поют!"

Службы в Даниловом монастыре в то время действительно были необычные, неземные... В один из дней я пришел на Литургию, кажется, тоже в храм Святых Отцов Семи Вселенских Соборов. И вот во время службы – в какой части, я не могу вспомнить – вышли несколько молодых архиереев необыкновенной духовной красоты. В это время диаконы кадили; солнце широкими лучами осветило собор. И эти божественного вида архиереи, и фимиам от каждения, поднимающийся клубами вверх и освещаемый солнцем, – все это произвело на меня поразительное впечатление святости и людей, и службы»[60].

Появление в Даниловом монастыре епископа Германа было замечено соглядатаями ОГПУ. Кто мог предвидеть, что эти посещения, в особенности же присутствие за чаем (по заключению следствия, именно за трапезой «для отвода глаз» проходили заседания «черносотенного[61] Даниловского синода»), навлекут на Владыку новые преследования!

[59] До ареста в 1918 году преподобноисповедник Георгий (Лавров) был настоятелем Мещовского монастыря Калужской епархии, туда он был переведен из Оптиной пустыни в 1915 году. Епископ Феодор познакомился с ним во время заключения в Таганской тюрьме, где отец Георгий самоотверженно ухаживал за больными, и после освобождения взял его «на поруки» к себе в Данилов монастырь. См. о нем: У Бога все живы. Воспоминания о даниловском старце архимандрите Георгии (Лаврове). М., 1966.

[60] *Протоиерей Василий Серебренников.* Духовные встречи. – Свеча Богу. Московский старец протоиерей Василий Серебренников (1907–1996). М., 1999, с. 31.

[61] «Черная сотня» – презрительное наименование, данное левой печатью русским патриотическим организациям, возникшим во время начавшихся революционных выступлений 1905 года («Союз русского народа») и позже и мыслившихся как всенародный фронт для отпора разрушительным революционным идеям. Однако провозглашенная высокая цель не была и, очевидно, не могла быть достигнута этими организациями, увлекшимися политической и внутрипартийной борьбой. (Выдающийся русский мыслитель И. А. Ильин назвал черносотенцев «большевиками справа».) Как для левой печати начала XX века, так и в советское время слово «черносотенный» стало просто ругательным. Основанием для обвинений в «черносотенстве» часто являлась даже не принадлежность к этим организациям, а единственно православная вера и любовь к своему Отечеству.

В день своих именин (6/19 ноября) он служил литургию в церкви Павла Исповедника у Екатерининской больницы и угощал собравшихся у него друзей именинным пирогом, а в ночь с 30 ноября на 1 декабря в его квартире в 1-м Крестовском переулке был произведен обыск, и епископ Герман был арестован, хотя ордер на арест был выписан «для порядка» 10 декабря[62].

Следственное дело хранит только один краткий протокол допроса, бывшего 16 декабря 1925 года[63]:

– Сколько раз вы по вашем возвращении из ссылки бывали в Даниловском монастыре?

– Раз пять: раза три молился и два раза служил; и в первом и во втором случае оставался на чай с братией и служащими.

– Кого из епископов Даниловского монастыря вы знаете?

– Знаю служащих там епископов Парфения, Амвросия, Дамаскина, Пахомия, Иоасафа (Удалова) – в Москве встречал, знал его еще с детских лет.

Нам неизвестно, в каких условиях допрашивали Владыку. Краткость протокола не свидетельствует о краткости и тем более о легкости самого допроса. Так, арестованный по тому же делу священник Сергий Сидоров перенес десятки изнурительных допросов, преимущественно ночных, с «неистовой руганью» и угрозами следователей. В очерке об архиепископе Николае (Добронравове) отец Сергий ярко описал обстановку одного из допросов: «Помню серую мглу сумерек, лицо Казанского (следователя. – *А. В.*), хриплый крик Тучкова (уполномоченного ОГПУ по делам религии. – *А. В.*) и нечленораздельный возглас С., который все время целился поверх моей головы в окно маленьким браунингом... Встав со стула, С. разразился такими воплями, что звякнули стекла дверей и окон». Все это довело отца Сергия до нервного потрясения, и он провел несколько месяцев в тюремной больнице[64].

Как видно из допроса Владыки, следователя даже не интересовала его церковная позиция (многих других обвиняемых подробно об этом расспрашивали), хотя согласно обвинительному заключению, вина его состояла в том, что он входил в число архиереев, составлявших так называемый «Даниловский синод» – к нему причислялись также проживавшие или служившие в Даниловом монастыре архиереи Амвросий

[62] Н. А. Верховцева среди своих рукописных копий писем Владыки также отмечает, что Владыка был «изъят» 17 ноября (старого стиля).
[63] Центральный архив ФСБ РФ, д. Н-3677, т. 5, л. 184об.
[64] См. Записки священника Сергия Сидорова. М., 1999, с. 42–43, 217.

(Полянский), Николай (Добронравов), Парфений (Брянских), Дамаскин (Цедрик), Прокопий (Титов) и Гурий (Степанов), – которые якобы служили проводниками указаний двух бывших обер-прокуроров – Самарина и Саблера. Несомненно, позиция епископа Германа как православного архиерея и русского патриота была не менее «черносотенной», однако «даниловской линии» (критика Патриарха и устранение от церковно-административных дел), как видно из его переписки, он явно не сочувствовал. Он болезненно переживал начавшееся именно по этой причине свое расхождение с архиепископом Феодором. Да и само появление Владыки в Даниловом монастыре, как признавался он в письме Вере Тимофеевне, «послужило к радости не столько заменяющих» архиепископа Феодора, «сколько простых и постоянных его почитателей».

Всего по этому делу, которое потом было названо делом митрополита Петра (Полянского), было арестовано около тридцати человек. Главным обвиняемым оказался Александр Дмитриевич Самарин, бывший в 1915 году обер-прокурором Святейшего Синода. Ему приписывалось создание «черносотенной церковной группировки, стремившейся разжигать и поддерживать постоянное обострение отношений между церковью и Соввластью». Все обвиняемые были признаны принадлежащими к этой группировке или содействующими ей.

Владыка находится под следствием сначала во Внутренней тюрьме ОГПУ, а потом в Бутырках. 21 мая вынесен приговор: три года ссылки. На этот раз Владыка решает ехать один, хотя послушница Татьяна была готова за ним последовать, и не раз он порадовался потом этому своему решению, когда пришлось «валяться на грязном полу» и неделями ждать этапа. В сентябре он прибывает к месту своей ссылки – город Турткуль в Каракалпакии, не сразу находит жилье, а найдя наконец подходящее, с обычным своим добрым юмором сообщает знакомым: «Близко и ГПУ, и друзья, и базар» (15 сентября 1926 года).

Как только ссыльные немного устроились на новом месте, произволом местного начальства им пришлось отправиться «на каюке вниз по Аму-Дарье в маленький уездный городок Ходжейли». «Плыли мы три с половиной дня... Чудные и ясные дни, месячные ночи, каракалпаки в своих огромных шапках в качестве матросов и капитана, более приветливые, иногда и прямо красивые берега, горы, подошедшие посмотреть на тех, кого Господь ради истины Евангелия сеет сейчас, как пшеницу, – все это не заставляло нервничать, а радоваться, – писал Владыка Н. А. Верховцевой. – Под Покров мы, сидя в каюке перед

заходом солнца, при чудном пении и с глубоким умилением справили все, к чему обязывает любовь к Честнейшей. Потом... мы часа полтора пели. Это так успокоило всех нас, что разлука на берегу уже в самый Покров нас не расстроила особенно». В архиве М. Е. Губонина сохранилась фотография, подаренная епископу Тихону (Шарапову) протоиереем Иоанном Благодатовым «в память совместного пребывания в Турткуле и путешествия на каюке до г. Кунграда», датированная октябрем 1926 года, на которой, кроме названных лиц, запечатлены также епископ Герман и епископ Проскуровский Валериан (Рудич).

В Ходжейли Владыка провел остающийся срок ссылки. Здесь он узнает о Декларации митрополита Сергия, на которую отзывается в нескольких письмах.

«Вы, конечно, знаете, – пишет он отцу Михаилу Шику, – о синдикате М<итрополита> С<ергия> и о том, что ему выдан патент. Многие полагают, что можно бы, пожалуй, лучше жить и без синдикатов и патентов, но я думаю, что это необходимо для середняка и бедняка, и раз это совершилось, то не без воли Божией, и, быть может, это первое как бы знамение, что начинает сокращаться попущенное всемогущество воздушного и не надо, отвергши терпение, радость тесного пути, низко в унынии опускать голову. Думаю, что, быть может, это явилось результатом творения отцов-исповедников обители Зосимы и Савватия[65]. Это замечательное слово, какое золотыми буквами должно быть написано на сердце каждого христианина, так поднимающее дух, достигающее такой христианской прямоты, церковного разумения Христовой истины и всего бываемого, недавно мы читали, восхваляя Господа за то, что через страдания Он порождает здесь на земле нечто от вышних, запечатленное несомненно Духом Святым. Какую светлую бодрость должно это вливать в сердце каждого путника и пришельца на земле сей! Да будет Господь милостив к островитянам, и особенно к тому из них, кому на сердце взошли эти чистые и сильные своей правдой истины о Церкви Православной!» (22 августа 1927 года).

В начале следующего года Владыка пишет Н. Д. Шаховской-Шик по поводу неудовольствий, которые вызывали у духовенства многие распоряжения митрополита Сергия:

«Я считаю более безопасным в духовном отношении и правильным в каноническом смысле идти за плугом даже в том случае, когда

[65] То есть так называемого Послания (или Декларации) соловецких узников (Обращения православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к правительству СССР).

хозяин его, своими ли слабостями или резкостями личного характера, затрудняет работу. Что эта работа, несмотря на многое несовершенство как самих работников, так и их инструкторов, все же Божья работа – об этом ясно свидетельствуют самые глухие уголки Севера и других наших окраин, где часто почти в буквальном смысле повторяется то, что сказано в 36 и 37 ст. Апостола, который читается перед Рождеством Христовым» (12 февраля 1928 года). [Рим. 8, 36–37: *За Тебя умерщвляют нас всякий день; считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас.*]

И еще ранее в письмах В. Т. Верховцевой епископ Герман выразил суть своего подхода – подлинно христианского – к оценке поступков людей:

«...думаю, было бы спасительней для всякого из нас останавливаться на светлом и добром даже у слабых и малодушных, чем с суровой жестокостью видеть лицемерие даже там, где, быть может, есть только простое малодушие или, еще больше, неправильная тактика. Апостол Петр был совсем не лицемер, а, однако, позорно отрекся от Христа перед простыми служанками. А всякому сильному надо помнить слова Апостола: считающий себя сильным пусть будет осторожным, чтобы не упасть» (19 марта 1925 года).

«Теперь все меньше и меньше той неуловимой духовной энергии, какая преемственно питает все высокое и живое. Настоящая среда сейчас жадно поглощает и очень мало дает вновь все то, чем люди живы. То разложение духовенства, о котором Вы вскользь упоминаете в своем письме, только свидетельство этого духовного общего измельчания. Если принять без оговорок Ваше мнение, то становится просто жутко. Только все же и среди этой среды есть новые или еще формируются и заквашиваются в горниле испытаний и лишений, и это дает надежду, что Дух Божий не окончательно еще отошел от нас и что болезнь, быть может, будет иметь благой конец» (23 сентября 1927 года).

14 января 1928 года епископ Герман получает разрешение на выезд и возвращается в Москву.

Владыка сразу же известил о своем приезде родных. «Семья наша, – вспоминает Гали Леонидовна, – получила приглашение от Владыки приехать повидаться с ним. Поехали сестра Владыки Верочка, моя мать и я. Отец был занят на службе. В Москве Владыку приютила неизвестная нам монахиня. Она жила недалеко от Ярославского вокзала, мы шли пешком. Встреча была горячая. Владыка был радостно оживлен, много рассказывал о ссылке и потом стал показывать

свои акварельные работы в большом блокноте... Несколько дней спустя я была в Сергиевом Посаде одна в доме. Раздался стук, я выбежала открывать. На пороге стоял Владыка, одетый в мирскую одежду – брюки и полукороткое пальто. Вошел, улыбается, стал шутить: „Что, не ждали?! Ну что, Лёня не захотел приехать „страха ради иудейского", а вот опальный брат сам заявился к нему в дом!"» (В этот свой приезд епископ Герман почему-то не смог повидаться с Верховцевыми, а в мае 1928 года они были арестованы и после освобождения в сентябре того же года выехали в Тулу.)

26 июня епископ Герман получает назначение в Вязники. На Вязниковской кафедре он пробыл только четыре месяца. Отвечая Н. А. Верховцевой на поздравление с днем Ангела (6 ноября старого стиля), Владыка пишет: «У меня в этот день было очень тяжелое настроение, не рассеявшееся и теперь. В этот именно день ясно обозначился поход на мой главный Сион, где Матерь Божия Казанская (Казанский кафедральный собор в Вязниках. – *А. В.*), и попутно и на меня самого. Здесь какой-то смерч и очевидно желание блеснуть нашей сознательностью и антирелигиозностью. Это был день, когда я особенно остро почувствовал тяжесть священного омофора, и особенно в обстановке здешнего захолустья и смелого оперирования не законами, а законов».

14 декабря 1928 года Владыка был арестован в Вязниках, а 15 декабря его уже допрашивали во Владимире. К этому времени, как показывает анкета обвиняемого, Владыка был временно управляющим Владимирской епархией[66]. «Тому, что случилось с Масей, радуюсь всем сердцем, – пишет он Н. А. Верховцевой из Владимирской тюрьмы. – Мне кажется, что теперь настает такое время, когда только положение, в каком сейчас она, может без слов говорить о той правде, какую мы все любим».

Материалы следственного дела содержат ряд свидетельств, позволяющих более или менее полно восстановить события, предшествовавшие аресту[67].

Городской собор, «приютивший под своим кровом всех бывших людей», «жил своей обособленной жизнью», вызывая раздражение властей. Начиналась первая «безбожная» пятилетка, разворачивалась коллективизация, сопровождавшаяся массовым закрытием церквей. Осенью 1928 года в местной газете появились заметки о предложениях

[66] После епископа Муромского Макария (Звездова), назначенного в 1928 году временно управляющим Воронежской епархией; точные даты назначений неизвестны.
[67] Архив Управления ФСБ РФ по Владимирской области, д. П-4744.

«рабочих трех крупных вязниковских фабрик об использовании здания собора под культурные цели или же под жилище для рабочих, так как вязниковские рабочие не имеют клуба, кроме нескольких тесных и неудобных клубов, и переживают тяжелый жилищный кризис». (Но, забегая вперед, отметим: собор не достался рабочим – уже в следующем году он был разрушен до основания[68], став жертвой извечной ненависти демонических сил к святыне.) Хотя официального решения по этому поводу еще не было принято, нетрудно было догадаться, что оно неминуемо должно последовать навстречу «пожеланиям трудящихся». Духовенство собора решило бороться с грозившим закрытием храма мирным и казавшимся возможным тогда способом – начать сбор подписей в его защиту. Собор в течение дня не закрывался, и заходившие в него верующие ставили свои подписи. 26 ноября небольшая группа верующих, человек пятнадцать, не получив на это благословения Владыки, пришла к зданию исполкома, где находился горсовет, полагая, что в это время принимается решение о закрытии собора. Немного постояв и узнав, что никакого заседания нет, они разошлись. Трудно судить, была ли это провокация, или же нашлись люди, еще верившие в действенность такой формы протеста. Но это явилось для ОГПУ удобным поводом для расправы с теми, кому не было предусмотрено места в «счастливом будущем». Бестолковая демонстрация пятнадцати человек превратилась под пером следователя в спланированное антисоветское выступление «большой толпы», которая якобы требовала, чтобы ей дали помещение для своего собрания. Были арестованы епископ Герман, настоятель собора протоиерей Александр Вознесенский и два соборных священника, Иоанн Орфанов (ключарь) и Константин Твердислов, а также священник Введенской церкви Пимен Сеноедов и два мирянина – староста собора Ипатий Ефремович Онахриенко и член церковного совета Федор Герасимович Устинов.

В группу входили, по выражению следователя, «вязниковские аборигены и искушенный в антисоветской деятельности, получивший в прошлом две адмссылки, епископ-староцерковник Герман Ряшенцев».

Как показывали многие свидетели (осведомители?), «епископ Герман держался очень осторожно и прямо почти не выступал, а если когда и говорил проповеди, то так, что к ним трудно придраться». Однако при желании это оказалось возможным.

[68] *А. Д. Тельчаров.* Вязники. Владимир, 1999, с. 18.

17 ноября 1928 года местная газета «Призыв» опубликовала следующую заметку.

Проповедь с «вышибалами»

На «праздник» Сергия преподобного кулаки села Пирова пригласили архиерея. Сановитый мракобес согласился читать проповедь при условии, чтобы комсомольцев и других безбожников в церкви не было. У дверей стояли два «вышибала» из кулаков, которые тщательно следили за этим. На другой день архиерей вторично проповедовал. В заключение своей речи он привел следующую фразу из «поповской политграмоты»: «Коммунизм – есть разврат».

За такие проповеди надо карать не только проповедников, но и организаторов.

Петрович

Вот рассказ о том же событии одного из участников, восемнадцатилетнего ломового извозчика из села Пирово, успевшего перековаться в нужном для власти направлении.

«25 сентября (8 октября нового стиля. – *А. В.*)... я вместе с Горшковым Петром зашли в церковь. Архирей говорил проповедь, в которой резко выражался против советской власти. Что именно он говорил, я сейчас не могу припомнить, так как в церкви я был выпивши, но услышав, что он говорит против власти, я не вытерпел и громко сказал, что „вы, товарищ архирей, советскую власть не задевайте, это ни к чему, она вас не трогает". Как я это выкрикнул, сейчас же ко мне подошли... и вывели меня из церкви».

Содержание проповеди помогает восстановить «свидетельство» благочинного.

«На служении Германа я присутствовал только один раз при его посещении прихода с. Пировы Городищи. После богослужения епископ Герман говорил проповедь о житии Сергия Радонежского, рисовал картину притока богомольцев при праздновании в честь Сергия, говорил о первых временах христианства, подводя итоги всей работы и успехов религии, в особенности выпятив момент ее роли в развитии прогресса. Говорилось это в общих дипломатических фразах, но центральный смысл был в том, что религия сделала несравненно больше, чем наука, а новая современность, кричащая о науке, несет больше разврата. К этому же прихлестнул по какому-то поводу пировских валяльщиков. Точно саму фразу не помню, но смысл сводится к тому, что для жизни наука дает несравненно меньше, чем даст религия. Мне лично такой оборот проповеди не понравился, хотя сказать об этом епископу я не осмелился.

Больше с епископом мне сталкиваться не пришлось, за исключением моих двух-трех посещений, во время которых я поднял вопрос о закрытии советской властью церквей, на что Герман ответил: „На все, видно, воля Божья". В это время Герман почему-то был в нервном настроении».

Желая получить материал для обвинения Владыки и от соборного духовенства, следователь расспрашивает всех о содержании его проповедей. Но никто из обвиняемых не подтвердил возводимых на своего епископа обвинений. В ответе отца Константина Твердислова содержится и важное для нас свидетельство о проповедях Владыки: «Проповеди епископа Германа по обыкновению были очень отвлеченны (то есть не затрагивали современных политических вопросов. – *А. В.*). Он говорил о гонениях на религию и христианство, говорил о стойкости мучеников первых времен христианства и т. п. ... о религии он говорил тоже отвлеченно, например: „Религия это такая сила, которая дает все, дает духовную мощь в жизни". О том, что „коммунизм – это разврат", от Германа я не слыхал».

Другая проповедь Владыки, привлекшая внимание тайных осведомителей, была произнесена им в вязниковской Введенской церкви и посвящена памяти святой мученицы Юлии (16/29 июля).

2 августа 1928 года во Введенской церкви в престольный праздник служил епископ Герман и говорил проповедь о святой Юлии, «которая жила хорошо и мирно и с богатыми и с бедными, и с князьями и вельможами, и все ее любили. Наша христианская Церковь и религия, подобно святой Юлии, хочет так же мирно со всеми жить, но времена теперь иные, и бедные, власть теперь имущие, притесняют святую Юлию, нашу религию, насилуют ее всякими гонениями и насаждениями „красных попов" (несомненное дополнение лжесвидетеля. – *А. В.*). Проповедь верующим чрезвычайно понравилась, и некоторые женщины плакали, повторяя, что „верно, притесняют нас, последние времена пришли..."

О епископе Германе припоминаю и такую подробность: чтобы казаться лояльным, он при всех случаях, когда начинали ругать советскую власть, говорил, что власть ругать не нужно, потому что еще в Писании сказано, что должны наступить времена, когда на веру Христову пойдут гонения и из всех верующих только один из тысячи не откажется от Самого Христа».

Дополняют материал для обвинения два обновленческих священника.

«В ослеплении в борьбе с обновленцами, – показывает отец Сергий Н-в, – они не стеснялись говорить о том, что обновленцы это агенты советской власти, помогающие ей бороться с христианством. Об этом говорили мне и Вознесенский, и Орфанов, и Твердислов, об этом поговаривал и сам епископ Герман и его „хвост" отец Пимен Сеноедов, который в разговоре с моими прихожанами назвал меня „красным" советским еретиком... В разговоре с городскими верующими я слыхал, что епископ Герман только в одной из своих проповедей открыто намекнул на зажим православия. Как передают, он говорил о святой Юлии... Совершенно очевидна его руководящая роль. Например, с его приездом церковники соборяне еще больше обнаглели в приписывании советской власти насаждения обновленчества». Не останавливается он и перед лжесвидетельством о планировании соборными священниками «организованного отпора советской власти».

Другой обновленческий священник, отец Василий К-н, доносит: отец Пимен «закатывает» проповеди против гонений власти и «начал их, по-видимому, с легкой руки епископа Германа, на службе которого 2 августа я был. Герман говорил о святой Юлии, которая, сохранив свою чистоту, ужилась и с богатыми и с бедными, и с князьями и с вельможами. Православная Церковь также хочет со всеми ужиться, но вот сами-то бедные, ныне власть имущие, этого не хотят и всячески ее притесняют и насилуют.

У епископа Германа я был одни раз, так как второй раз он меня не принял. В беседе с ним он мне заявил, что православным священником он меня не считает...»

Помимо произнесения проповедей антисоветского характера, Владыка обвинялся еще и в том, что ввел новую формулу поминовения: «о богохранимой державе Российской и о спасении ея» (вместо «о стране Российской»). В ответ на это он заявил: «Формулой поминовения мной введена „о державе Российской", без добавления „богохранимой"... Добавляю, что термин „о державе Российской" является древним славянским, коим подразумевается страна, народ и власть, им управляющая».

17 мая 1929 года Владыка был приговорен, как «идейный вдохновитель группировки», достаточно показавший «свое подлинное реакционное лицо», к трем годам лагерей. Остальные обвиняемые получили по три года ссылки[69]. Находясь в августе в Кемском лагере

[69] К делу приложены два ответа на запросы родных о дальнейшей судьбе осужденных священников Константина Твердислова и Иоанна Орфанова. Отец Константин был повторно арестован в сентябре 1937 года в Ивановской области и расстрелян (ныне прославлен как священномученик), отец Иоанн арестован в январе 1938 года в городе Гусь Хрустальный, где он служил священником, и в сентябре того же года сослан на пять лет в Казахстан, откуда не вернулся.

(здесь сторожем склада состоял епископ-исповедник Афанасий (Сахаров), который упоминает о встрече с епископом Германом в составленном им самим перечне дат своей жизни, преимущественно арестов, ссылок и заключений), он сообщает Н. А. Верховцевой о судьбе «Маси»: «Она едет, вероятно, к Ларчику (то есть в Соловецкий лагерь-монастырь, где находился в это время архиепископ Иларион (Троицкий). – *А. В.*), хотя точно ее маршрут еще не известен. Вот все, что могу сказать Вам про эту непоседу. Я глубоко верю, что так не только лучше для нее, но и спасительно для Невесты Христовой. Ничто так не будит совести, не освежает запутанной человеческим малодушием и всякими хитроумными попытками Божье построить на мамоновской платформе атмосферы, как невинные страдания. Я радуюсь и благодарю Господа за Масю. Господь дает ей возможность легким путем искупить свои грехи и, быть может, отводит от бесполезных сердечных терзаний».

В начале 1930 года Владыка попадает в Соловецкий лагерь. Там он поселяется в той же избе, в лесу, между морем и озером, где до начала декабря 1929 года жил архиепископ Иларион, и через месяц заболевает тифом. Болезнь, продолжавшаяся два с половиной месяца, превратила Владыку в инвалида. В конце 1930 года «вместе со стариками, больными и калеками» он был переведен на материк и затем на положении ссыльного, иногда в крайне тяжелых условиях, не имея даже крова над головой («на открытом воздухе»), жил на севере до февраля 1933 года. За это время ему пришлось сменить более двенадцати мест назначения. Об одном из таких перемещений, совершившемся Промыслом Божиим, – из Деревянска в Вочь, Владыка писал Н. А. Верховцевой: «В день памяти князя Даниила, то есть в день Герасима-грачевника, проделали с пройденным до района сто километров по глубокому, часто по колено снегу и в сильную метель, переходящую в буран, и 21 марта по старому стилю дошли в село Вочь...

Сион здесь был закрытый. Совершенно неожиданно, как будто в ответ на чьи-то незримые, но горячие мольбы (странников и пришельцев здесь, кроме пятидесяти кабардинцев, до ста человек), без предварительных даже просьб официальных лиц, прежде ведавших Сионом, позвали старичка монаха, здешнего батюшку, отдали ключи и коротко сказали: служи. С чтения 12-ти евангелий начались службы – услышали мы церковный звон, увидели святые огоньки, и не только слухом, но устами своими и сердцем вознесли хвалу Его Страстям, потом и радостному Воскресению. Не знаю, как Мася, а я после восьми лет отсутствия в эти дни в храме (только первую Пасху

в Сибири, да вот теперь, десятую по счету, здесь я встретил в церкви и с народом, хотя и не своими близкими) как бы по-новому переживал знакомые, а иные уже полузабытые песни и чтение. Когда мы со своим спутником и сожителем шли к светлой заутрене, то меня поразила необычайная тишина вокруг. Тихо было в храме, не погасла ни одна свеча, когда шли вокруг церкви... тихо как-то было на душе, когда в притворе как будто сошедший со старинной иконы старец окадил иконы и людей и ветхим голоском, но с большим внутренним подъемом запел: Христос воскресе! Внутри как будто кто-то говорил: „Затем и позвал, чтобы прославил и утешился". В Деревянске ничего этого не было бы» (11 мая 1932 года).

Получив 2/15 января 1933 года, в день памяти преподобного Серафима, разрешение уехать, Владыка отправляется в избранный им из предложенных для проживания город Арзамас, снова едет через Москву, встречается там с митрополитом Сергием, однако нового назначения, не будучи вполне свободным, не получает. В Арзамасе Владыка был встречен тепло, мог иногда служить вместе с епископом Арзамасским Серапионом (Шевалеевским), но никакой должности не занимал и жил помощью близких и местных верующих. Он поселился на Пушкинской улице, недалеко от епископа Серапиона, у которого иногда бывал, и они могли поговорить о церковных делах, вспомнить свою родную Казанскую Духовную академию, преподавателей и знакомых. Епископ Серапион знал и брата епископа Германа, Варлаама, они учились в академии почти одновременно.

Владыка не питал иллюзий насчет своего будущего и хорошо понимал, что Арзамас только кратковременная передышка. Письма друзей приносили печальные вести. «А много, очень много моих братий и собратий, и особенно там, откуда вывел меня Господь, уже переселились в вечный покой. Только вчера получил оттуда письма, и жутко по-человечески читать и, больше того, чувствовать, как смерть стоит почти над каждым, с кем ты связан не только общим путем, но и единством упований; но, с другой стороны, в этом умирании чувствуешь и что-то искупительное и воскресающее» (19 июня 1933 года).

Арест в начале марта 1934 года он встретил спокойно. «Вы слышали о том, что Мася со второй недели поста до Вознесения была в доме отдыха (то есть в тюрьме. – *А. В.*), – пишет Владыка Н. А. Верховцевой по дороге в новую ссылку. – Там было очень хорошо. Она жила среди своих... Так как еще задолго до болезни ей одной дивной старицей... было предсказано все, что случилось тогда и совершается

теперь, то она была очень спокойной и даже очень подбадривала своих сотоварищей».

Постановление о предъявлении обвинения епископу Герману от 4 марта 1934 года гласило:

«Ряшенцев Герман Степанович достаточно изобличается в том, что совместно с епископом Серапионом активно боролся за поднятие авторитета религии и сплачивание духовенства в Арзамасской епископии. (Так *из уст* безбожных, владевших только казенным советским „новоязом", Бог *совершил хвалу* Своим святым.) Активно помогал Серапиону в руководстве к-р очагами, группировал вокруг себя к-р элемент и через них вел к-р деятельность; распространял провокационные слухи о войне и падении соввласти»[70].

Кроме епископов Серапиона и Германа, по этому делу были арестованы еще десять человек: иеромонах Герман (Архиереев), иеромонах Мартиниан (в деле Мартемьян; Васильев-Жуков), местные монахини Прасковья Кашаева и Пелагея Фокеева[71], ссыльные Александра Федоровна Штоквич, вдова офицера, и Сергей Дмитриевич Расторгуев, служивший чтецом в церкви, и четверо мирян, из местных. Хотя оба епископа не признали себя виновными, для их обвинения оказались достаточными робкие лжесвидетельства нескольких сломленных следователем обвиняемых. Так, для обвинения епископа Германа были использованы следующие заявления, повторенные на очных ставках 15 и 24 марта:

«В феврале месяце 1934 г. я у Ряшенцева Германа была, сказала ему, что я активно борюсь за укрепление религии и вместе с этим призываю крестьян от вступления в колхоз. Он, выслушав меня, сказал: „Да благословит тебя Господь Бог". На этом наш разговор был закончен».

«Во время посещения обвиняемого Ряшенцева в январе 1934 г. я ему рассказывал, что в колхозе я не состою и вступать не намерен, что каждого мужика сговариваю на то, чтобы он не шел в колхоз, так как колхоз это антихристово гнездо и продаться антихристу и сатане. Ряшенцев, выслушав меня, сказал: „Молодец, так и нужно крепить Церковь Православную". После этого он долго разговаривал об ардатовском старце Иване[72], затем меня благословил, и я ушел домой».

[70] Государственный архив Нижегородской области, ф. 2209, оп. 3, д. 15904, л. 3.

[71] Неизвестно, были ли они в полном постриге. Имена приводим в мирской огласовке, как в следственном деле.

[72] Ардатовский старец Иоанн – монах Саровского монастыря Иоанн (Лавров) – передавал посылки епископам Герману и Серапиону и просил у них благословения.

Уверения Владыки, что вопросы коллективизации он вообще не затрагивает в разговорах, так как в течение шести лет «находится оторванным от общественной жизни», конечно, не были приняты во внимание.

«Группа церковников и бывших людей, – говорилось в Обвинительном заключении, – возглавляемая епископом Шевалеевским и бывшим епископом адм. высланным Ряшенцевым, встав на платформу активной борьбы с Советской властью и срыва проводимых ею мероприятий на территории Арзамасского района, организовала сельские к-р „очаги", участники которых систематически распространяли провокационные слухи о предстоящей войне и реставрации капитализма в СССР, вели организованную к-р деятельность, направленную на срыв коллективизации сельского хозяйства и советских мероприятий, используя при этом произнесение проповедей антисоветского характера для призыва трудящихся к отказу от выполнения государственных обязательств. Помимо этого, игнорируя постановление Арзамасского горсовета от 8/1–34 года о допущении обновленческой общины верующих для совершения обрядов, организовали волынку».

Событие, которое следователь своеобразно называет «волынкой», это протест верующих против захвата церкви обновленческим духовенством, покровительствуемым властями.

Отвечая на это обвинение, Владыка заявил на допросе 8 апреля: «В среду 28 февраля с. г. на второй неделе поста в Рождественской церкви в гор. Арзамасе я был. Туда же приходил священник Рубинский. Последний стоял сзади и что делал, я совершенно не видел. В помещении церкви никакой волынки не было, и я этого не заметил, а что происходило вне храма, я не знаю».

Показания свидетеля (возможно, и осведомителя) живо рисуют картину бегства обновленца под напором ревностных прихожанок.

В Рождественской церкви было не менее ста пятидесяти человек, когда туда пришел священник Рубинский, предъявил постановление Горсовета о том, что ему разрешено служить в данной церкви, и потребовал ключи. Две женщины, исполнявшие обязанности старосты, Анна Говорова и Татьяна Жданова, монахиня двадцати восьми лет, «воспротивились, закричали массе, присутствующей тут, о том, что поп красный и нам его не надо, это коммунист и мы его в церковь не пустим. На почве этого масса взволновалась и были выкрики „бить его, он красный поп, коммунист", в результате священник Рубинский убежал. Во время оказания сопротивления вступлению в церковь в по-

следней находился административно высланный архиерей Ряшенцев Герман. Последний, видя взбунтовавшуюся массу, совершенно бездействовал и толпу не успокаивал, тем самым подбадривая дух возмущения толпы».

Таким образом, по заключению следователя, епископ Герман «вдохновлял массовую волынку».

(Трагическое по сути, но и комическое по своей нелепости и простоте изложения событие, ломавшее земные судьбы многих людей, вызывает теперь невольную грустную улыбку. В страшном 1918 году, когда повсюду совершались бессудные расправы над правыми и виноватыми, «Церковные ведомости» поместили, например, такую заметку, под названием «Мужественные бабы»: на мануфактурную фабрику в Ярцеве Смоленской губернии ворвались трое грабителей, которые тут же были убиты рабочими. Однако это не прошло им безнаказанно. По сообщению с места, туда была прислана карательная экспедиция «в лице комиссара с восемьюдесятью солдатами. Они объявили у нас военное положение и наложили на нас 300 тысяч контрибуции, с нашего духовенства потребовали 60 тысяч... Женщины оставили работу на фабрике и в громадном количестве пошли к народному дому, где остановился предводитель шайки – комиссар, и там заявили, что Церковь и духовенство они тронуть не дадут, а раздерут солдат на клочки... С комиссаром сделалась истерика, и он перед бабами рыдал. После победы женщины пошли в церковь и отслужили благодарственный молебен»[73].)

15 апреля вынесен приговор: епископу Серапиону пять лет, а епископу Герману и еще четырем обвиняемым три года ссылки в Северный край, пятерым обвиняемым, в том числе иеромонаху Герману (Архиерееву), три года концлагеря.

В мае 1934 года Владыка прибывает на станцию Опарино Северо-Котласской железной дороги, где ему надлежало отбывать ссылку, но вскоре, 10 августа того же года, он получает распоряжение поселиться в Сыктывкаре, в пригородном селе Кочпон. Здесь, на Колхозной улице, дом 5, он живет до своего последнего ареста вместе со схигуменом из Киева Лукой (Тарарой) и келейницей из ссыльных Пелагеей Фокеевой[74], с которыми он объединился еще в Опарине (об отце Луке Владыка писал: «Около него веет миром и молитвой.

[73] Церковные ведомости. 1918, № 13–14, Прибавл., с 480.

[74] Из следственного дела (см. примеч. 67) о ней известно, что она родилась в 1882 году в деревне Малахово Арзамасского уезда и с двенадцатилетнего возраста до 1925 года, то есть более тридцати лет, провела в монастыре.

Целый день он что-либо делает по домашности, а всю ночь, после краткого сна, проводит в молитве. Он искусен, кажется, и в земном и небесном, и Масе надо только благодарить Господа, что она оказалась под одним кровом с преподобным»). Владыка служит регентом в кочпонской Казанской церкви, в которой пели преимущественно ссыльные монахи. На Рождество в начале 1937 года к ним присоединился еще один епископ – Павел (Флоринский), возвращавшийся из заключения. В другой сыктывкарской церкви в это время был также епископ-певчий – владыка Стефан (Знамировский).

Прежняя открытость и жизнерадостность, несмотря ни на какие испытания, не оставляют Владыку.

«Кажется, за свою уже не короткую жизнь и на основании достаточного опыта последних лет мне надо бы быть спокойным и уравновешенным, – пишет он из Сыктывкара Н. А. Верховцевой, – а я все еще, как мальчик, пылок, нервен, нетерпелив и резок. Мася от меня тоже не отстает и до сих пор не может освободиться от веселости и остроумничанья. Правда, среди той унылой среды, где ей приходится вращаться, это производит бодрящее впечатление, и многие за это любят Масю, но мне кажется, было бы еще лучше, если бы все это у Маси приняло более серьезные формы и одухотворилось бы более высоким настроением» (29 ноября 1934 года).

Свет Христов, озаряющий внутренний мир Владыки, изливается, как и прежде, на страницы его писем, тепло русской печи вместе с радостью ожидания светлого праздника Рождества Христова наполняет уютом деревенскую избу, в которой святитель, старец игумен и служащая им с любовью монахиня укрылись до времени от злобы ненавидящего их мира:

«Сейчас вечер. У Матушки, в уголке моей комнаты, алый огонек. Старец трудится над отделкой теплых дредноутов, которыми он тщится защитить свои старые ноги от крепких морозов. На дворе второй день уже тридцать пять градусов мороза. Только что вторично истоплена русская печь, и около нее хлопочет такая же маленькая и кругленькая, как Таня, Поля. Осуществляются уже некоторые кулинарные планы на грядущий светлый день... Все ближе и ближе праздник. Все нарастают, ширятся в глубь веков, поднимаются к небу, обтекают землю и стучатся к сердцу волнующие душу воспоминания и священные церковные гимны о Христе. Когда где-то далеко идущая мимо или против Него жизнь, а тебе дана величайшая радость жить там, где Он еще не забыт, близок и дорог, то при всей своей духовной косности и немощи глубже переживаешь и чувствуешь каждую де-

таль наступающего торжества и всю неизмеримую огромность, красоту и неизживаемость всего принесенного Им на землю. Отнимите от человека, увлеченного многообразной суетой настоящего времени, хоть часть того, чем он, с достойной подражания энергией, наполняет бездонную пустоту своей души – и ему его жизнь покажется какой-то насмешкой, ему нечем будет жить» (Н. А. Верховцевой от 22 декабря 1934 года, в день Анастасии Узорешительницы).

Летом 1935 года в другом пригородном селе Сыктывкара, Тентюкове, поселяется возвратившийся из Архангельска архиепископ Феодор (арестованный в 1934 году, он был приговорен к трем годам ссылки и отправлен в Сыктывкар, а затем, в январе 1935 года, переведен в Архангельск). Друзья оказались сравнительно недалеко один от другого, на расстоянии нескольких километров. Можно представить себе, с какой радостью владыка Герман отправился повидать друга юности и почти всей жизни, как только узнал о его приезде. Но тем больнее оказалась действительность. Впечатление стороннего наблюдателя, присутствовавшего при этой встрече, было таково, что «прежняя их близость была служебная» и будто бы поэтому «владыка Герман счел долгом приличия навестить владыку Феодора. Был он принят очень холодно и сухо. Впрочем, чашка чая была предложена... но приглашения к повторению визита, к общению не последовало»[75].

После описанного свидания епископ Герман приходил к владыке Феодору еще раз, а на Пасху специально шел к нему, – надеясь, что недоразумения, препятствующие прежнему искреннему общению, рассеются, – но, как он писал Н. А. Верховцевой, встретил владыку Феодора «идущим с пророчицей на почту, и он не пожелал вернуться». Епископу Герману он предпочитал некоего нового друга, «который при одном имени митрополита Сергия приходит в неистовство».

Свидетельство об этом посещении епископа Германа сохранило также следственное дело архиепископа Феодора[76]: последний сначала отрицал свои встречи с епископом Германом в Сыктывкаре, и следователь, уличая его, зачитал ему отрывок из его собственного письма к архимандриту Симеону (Холмогорову) от 8 июня 1935 года: «Пришел неожиданно Герман, с довольно петушиным настроением и обидой, что не приняли его посланника, с подчеркиванием, что он не одобряет М<итрополита> С<ергия>, но не может отделяться от него и т. д.»

[75] Православная жизнь. Джорданвиль, 1995, № 10, с. 6.
[76] Архив Управления ФСБ по Ивановской обл., д. П-7014.

В том же письме архиепископ Феодор называл дипломатические усилия митрополита Сергия «подлым лукавством».

«Я хорошо знаю, как тяжко сердцу, когда через дерзновение и правду дружественной любви стоишь перед возможностью или определенной опасностью ее потерять, – писал епископ Герман Н. А. Верховцевой. – Как знаете, Масе пришлось в свое время пойти на эту опасность, чтобы предостеречь Федю от нездорового увлечения откровеньями пророчиц и покровительствовавшего им (не знаю, как теперь) колесничного аввы[77]. Делал я это с благословения зосимовских и своим большим письмом достиг лишь того, что светлая дружба между Масей и Федей дала трещину, а последующее время и обстоятельства эту трещину еще больше расширили. Одна из пророчиц заняла высотную позицию в сердце Феди, и, мне кажется, очень многое в его церковной линии объясняется его доверием к тому, от чего в один голос предостерегают все подвижники... А сердце не мирится с этим, и ему тяжко все это, не только оттого, что угасает дружба, но что слабеет заповеданное Им: любовь и единение при единстве чаяний, слабеет ревность и сопротивляемость, ослабляя и без того полуразрушенный наш фронт. А нашей дружбе не семь, а тридцать с лишком лет» (5 июля 1936 года).

В дальнейшем епископ Герман встречал архиепископа Феодора в местном отделении НКВД, куда ссыльные должны были приходить отмечаться. «Федю вижу в своем учреждении три раза в месяц, – пишет он в том же письме. – Он кланяется маме и Вам. По виду он хмурый, еще больше горбится, и нет в его лице того мира, какой делает таким прекрасным всякого раба Божия»...

Ко времени жизни епископа Германа в Сыктывкаре относятся и некоторые сохранившиеся письма духовным чадам – игумении Акатовского монастыря Олимпиаде и послушнице Татьяне. В отличие от писем друзьям, это письма-наставления, содержащие множество выписок из творений святых отцов Православной Церкви – Лествичника, аввы Дорофея, Исаака Сирина, Игнатия Брянчанинова и др. Наставления Владыки касаются прежде всего отношений его духовных дочерей с людьми, совершенствования их внутреннего человека в будничной жизни, повседневных делах.

Приближался день окончания ссылки (2 марта 1937 года). В 1936 году многие ссыльные, отбывшие свои сроки, уехали. Владыка ждал освобождения, обсуждал с друзьями, где лучше поселиться для новой «передышки». Но наступил 1937 год.

[77] Архимандрит Симеон (Холмогоров).

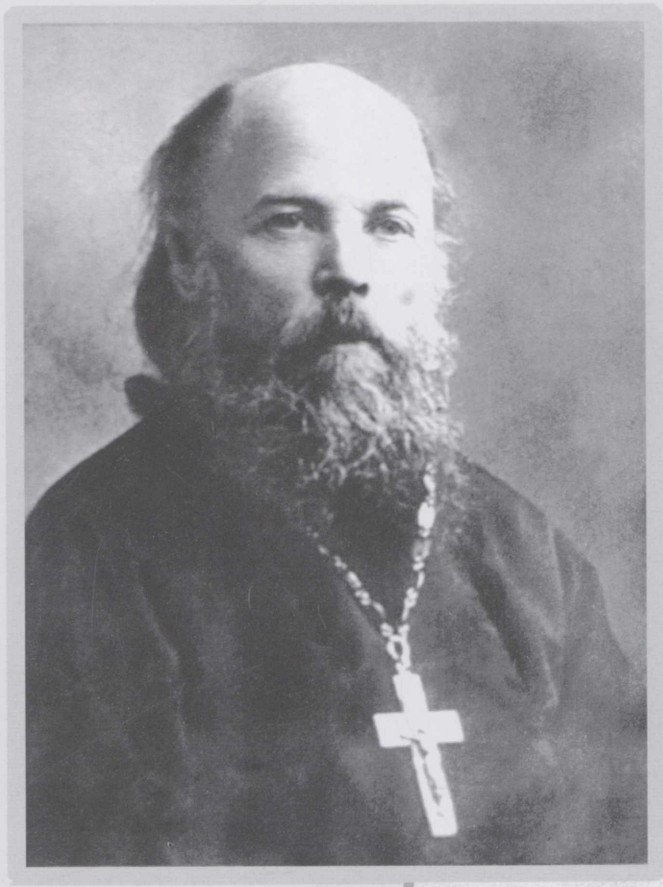
Архимандрит Герман

Иеросхимонах Алексий (Соловьев), архимандрит Кронид (Любимов)
и монах Макарий (Моржов) в доме Верховцевых

Дом Верховцевых в Сергиевом Посаде (не сохранился), в правой половине
которого (с тремя окнами) жил старец Алексий

Протоиерей Алексей Мечёв

Церковь святителя Николая
в Кленниках, 20-е годы XX века
(Из книги: Храи Николая Чудотворца
в Кленниках. М.,1991)

Епископ Волоколамский Герман

Иосифо-Волоцкий монастырь, начало XX века

(Из книги: Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель. М., 2001)

Волоколамский Воскресенский собор (слева – Никольский собор)
и чтимый резной образ святителя Николая
(Из книги: И. Машков. Воскресенский собор в Волоколамске. М., 1916)

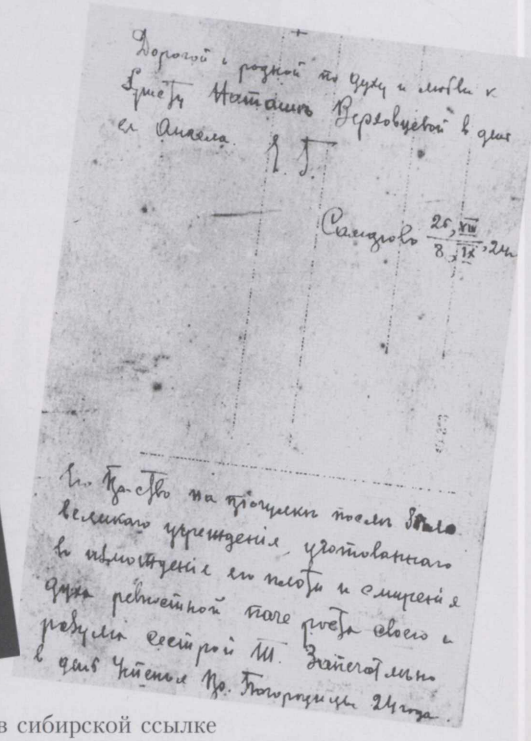

Волоколамск начала XX века
(Из книги: И. Машков. Воскресенский собор в Волоколамске. М., 1916)

Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон

Епископ Герман в сибирской ссылке

(Фото 1924 года с дарственной надписью Н. А. Верховцевой)

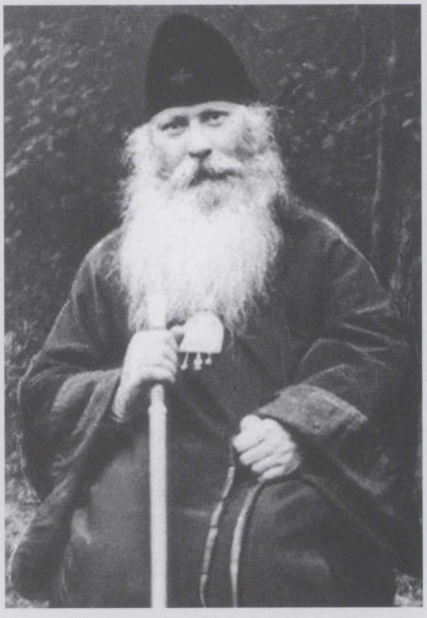
Митрополит Агафангел
(Преображенский)

Митрополит Сергий
(Страгородский)

Митрополит Кирилл
(Смирнов)

Епископ Серафим
(Звездинский)

Протоиерей Иоанн Скворцов среди прихожан храма Покрова Пресвятой Богородицы в Голиках

На даче в Малаховке, 1918 год

Отец Иоанн служит панихиду на кладбище в Туркуле

Ссыльные в Турткуле

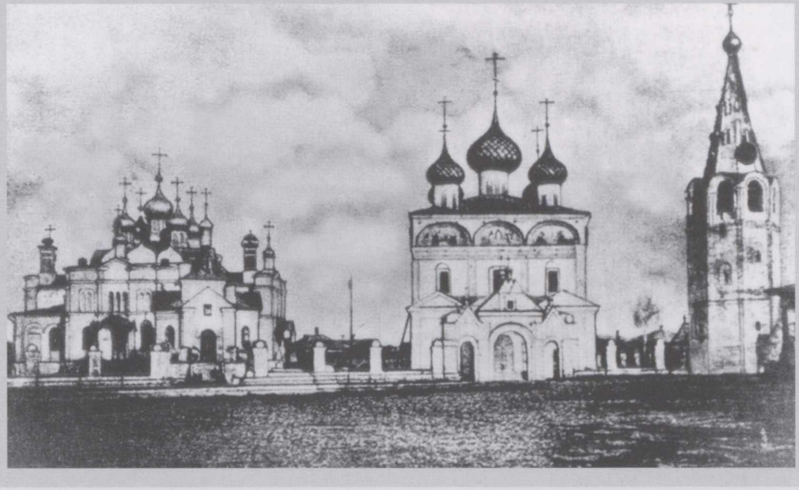
Сидят (слева направо): епископ Тихон (Шарапов), епископ Герман (Ряшенцев), епископ Валериан (Рудич). Вторым справа стоит протоиерей Иоанн Скворцов
(Церковно-исторический архив ПСТБИ)

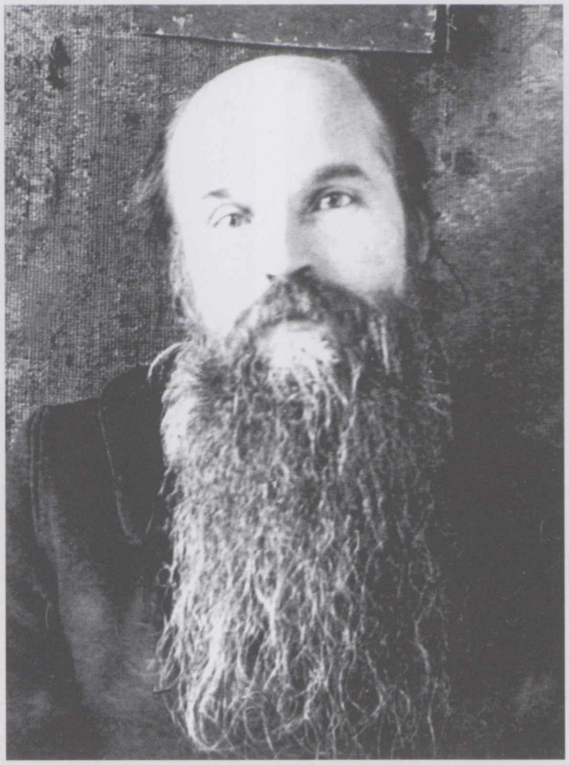
Диакон Михаил Шик (второй справа) среди ссыльных

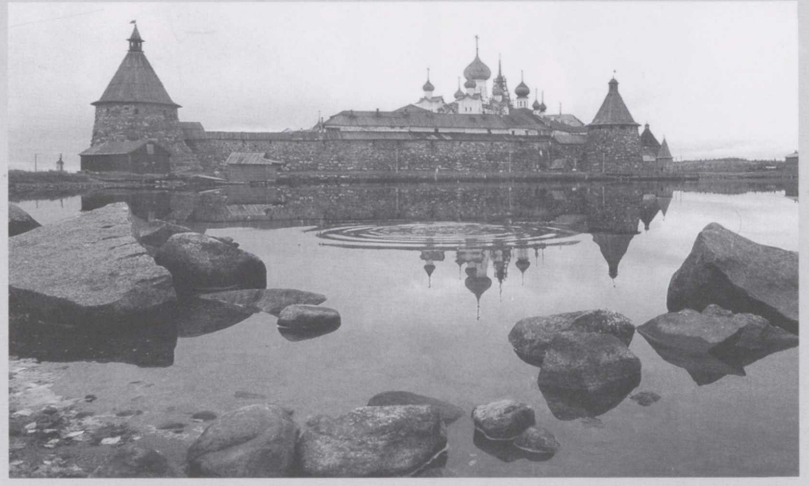
Епископ Вязниковский Герман

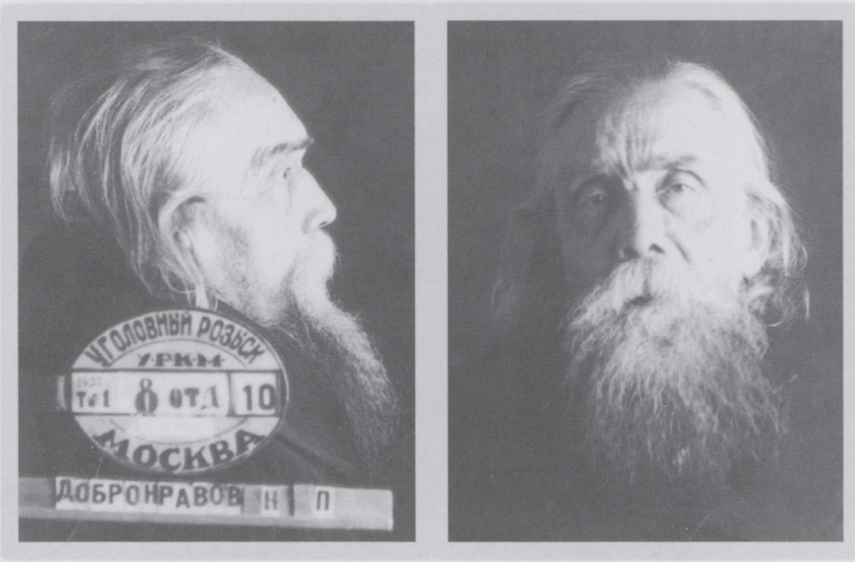
Казанский и Никольский соборы на Базарной площади в Вязниках
(Из книги: Города России. Энциклопедия. М., 1994)

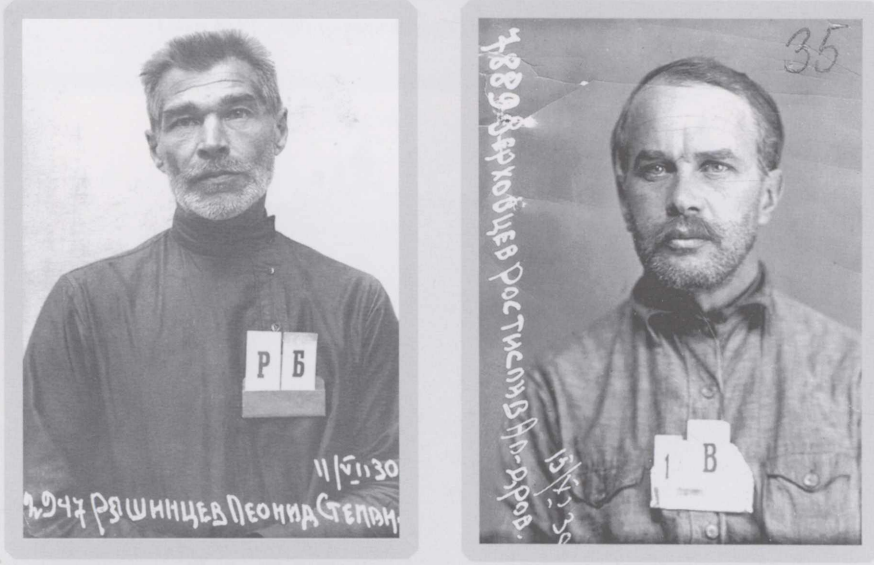
Епископ Герман *(Из следственного дела 1928 года)*

Соловецкий монастырь
(Из книги: Соловецкий монастырь на Русском Севере. [Б. м.], 1993)

Архиепископ Николай (Добронравов)
(Из следственного дела 1937 года)

Леонид Степанович Ряшенцев и Ростислав Александрович Верховцев
(Из следственных дел 1930 года)

Наталья Александровна Верховцева
(Из следственного дела 1928 года)

Вера Тимофеевна Верховцева
(Из следственного дела 1928 года)

Акатовские сестры монахиня Анатолия и послушница Евдокия Добрякова

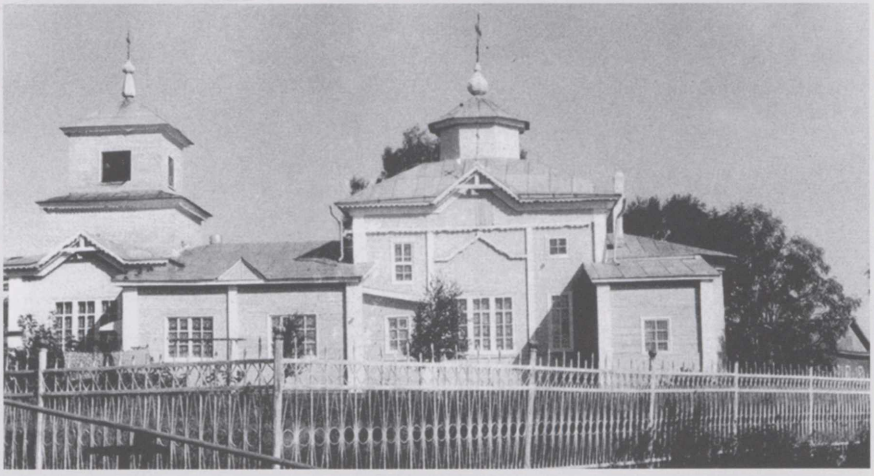
Монахиня Олимпиада (Иванова), впоследствии игумения Акатовского монастыря

Архиепископ Иларион (Троицкий, сидит во втором ряду пятый слева) среди духовенства в Соловецком лагере

Епископ Герман

Кочпонская Казанская церковь в Сыктывкаре, в которой служил регентом епископ Герман *(Фото 1996 года В. В. и А. В. Пономаревых)*

Руины Вифанской семинарии, 2002 год

Последний арест

24 февраля 1937 года Владыка был арестован в пятый и последний раз. Вместе с ним было арестовано еще двенадцать человек, в том числе епископ Серапион (Шевалеевский), схиигумен Лука (Тарара), ссыльные монахи и миряне, и трое местных, коми – вдова расстрелянного в лагере священника Прокопия Шаламова Мария Александровна, священник нижнеконской церкви в Сыктывкаре Степан Ермолин и Павел Николаевич Елькин. Поводом для ареста послужил донос, и было начато «дело № 3542, по обвинению Ряшенцева Германа Степановича... и других, всего в числе 13-ти, в преступлениях по ст. 58. 10»[78] – то есть все они были обвинены так или иначе в «контрреволюционной деятельности», хотя бы она и выражалась «в рассказывании снов антисоветского содержания» (иеромонах Мартиниан).

При обыске у епископа Германа было изъято более двадцати писем, и среди них одно, которое он не успел своевременно уничтожить – письмо от 27 сентября (старого стиля) 1935 года архиепископа Великоустюжского Николая (Клементьева), – оказалось очень удобным для обвинения. Письмо было ответом на просьбу приезжавшей в Великий Устюг Марии Шаламовой о благословении на тайный монашеский постриг. В нем архиепископ Николай писал: «Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыко Святый! Был, есть и будет посреди нас Христос. Милует и спасет нас. Братски и молитвенно приветствую Ваше Священство и сущую с Вами братию, узы терпения Ваши лобызаю и за духовное делание Ваше в пребывании Вашем приношу усердное благодарение.

... О М. А. спасет Вас Господь за такую сердечную характеристику... Я расспрашивал ее о тех матушках, которые проживают в Кочпоне, и мне из рассказов М. А. показалось, что в их „священную дружину" она, без риска навлечь беду подзаконную на себя и на Вашу святейшую общину, вступить не может... Я, Владыко Святый, вполне предоставляю, по соображению всех наличных местных условий, Вам решить о М. А., можно или нет тайный постриг над ней совершить. Если можете, благословите ее, я не препятствую, но ответственности перед Господом на себя брать благословением боюсь по вышеуказанным соображениям...»[79].

[78] Архив Управления ФСБ по Республике Коми, д. КП-7446, т. 1–5 (т. 1 – анкеты обвиняемых, т. 2–3 – протоколы допросов, 4–5 – вещественные доказательства).

[79] Там же, т. 5, л. 92. Тома дела 4-й и 5-й были для меня недоступны, цитаты приводятся по выпискам, сделанным председателем Сыктывкарского отделения общества «Мемориал» М. Б. Рогачевым, присланным И. В. Андрияновым, которым приношу искреннюю благодарность.

По-видимому, и владыка Герман имел некоторые сомнения в целесообразности этого пострига и не дал на него своего благословения, и в следующем году Мария Александровна обратилась с тою же просьбой к сменившему арестованного архиепископа Николая архиепископу Питириму. Два письма ее (владыкам Николаю и Питириму), глубоко трогательных, оказались также подшитыми к следственному делу. В них она писала, что монашество стало для нее «неотложной потребностью сердца», что она всегда несла со своим мужем все невзгоды и радости приходской жизни и что при последнем свидании с ним в тюрьме он благословил ее идти «по прежде избранному пути за Христом». После гибели мужа она дала обет «служить всем невольным узникам Христовым, от своих имений и от трудов рук своих». (В этом ее и обвиняли на следствии: она посылала ссыльным сухари, шерстяные носки, бумагу и конверты, живущим в Сыктывкаре служила, чем могла.) «Не закрываю глаза и от неблагоприятных обстоятельств современного иноческого пребывания (но мне пятьдесят четыре года и остается недолго жить на земле), но я твердо верю в сугубейшую благодать Божию, сходящую на человека после совершения чина иноческого пострига»[80].

Уже само словосочетание «тайный постриг» казалось особенно подозрительным далеким от церковной жизни большевикам и связывалось в их сознании с какой-то тайной подрывной работой. Но как бы ни был удобен повод для обвинения, сам по себе он не имел решающего значения. Главным была установка уничтожения инакомыслящих, принятая властью.

Обвинительное заключение Владыки Германа состояло из четырех пунктов:

1. Являлся организатором и руководителем контрреволюционной группы церковников фашистского толка, именуемой «Священная дружина»[81].

[80] Там же, т. 4.

[81] Следственное дело не дает оснований считать, как это делает В. М. Шкаровский, реально существовавшей подпольную группу с таким названием, возникшую «на базе осколков ИПЦ» (то есть раскольнической «Истинно-православной Церкви» митрополита Иосифа (Петровых). – *В. М. Шкаровский.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999, с. 144). Не заслуживает доверия, как было показано раньше, и некое «свидетельство» из архива Амвросия Сиверса, на основании которого автор делает вывод о том, что епископ Герман «одно время разделял позицию своего брата – иосифлянского архиепископа Варлаама (Ряшенцева) – и, в частности, в июне 1928 года не принял назначение епископом Вязниковским, викарием Владимирской епархии, от Заместителя Местоблюстителя митрополита Сергия» (там же).

2. На устраиваемых им нелегальных сборищах группы выступал с контрреволюционными установками.

3. Среди населения вел контрреволюционную агитацию и выступал в защиту врагов народа троцкистов.

4. Организовывал оказание материальной помощи участникам группы и ссыльному духовенству.

В предъявленных обвинениях Владыка признал себя виновным, по оценке следователя, «частично», а именно: он не отрицал того, что оказывал посильную материальную помощь ссыльным. Ни одно из других обвинений на основании протоколов допросов не может считаться признанным им, хотя следователи и старались истолковывать некоторые ответы как «признания вины».

Прочитанные нами протоколы допросов во многих случаях фиксируют ответы обвиняемых почти со стенографической точностью. Так, в ответах владыки Германа узнаваем даже стиль его речи, хорошо известный нам по письмам.

Допросы начались уже на следующий день после ареста. Сначала следователь, не сообщая обвинений, долго выспрашивал Владыку о его знакомых, связях и переписке. Владыка спокойно отвечает, не чувствуя за собой никакой вины и подчеркивая самый безобидный характер своих связей: все это духовенство, ссыльные, просто верующие, старавшиеся чем-либо помочь. Адреса НКВД имело уже и без его показаний, и круг общения был также известен: за ссыльными велась слежка. Наконец, 10 марта следователь спрашивает прямо:

– Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении по статье 58. 10, ч. 1 и 2, и ст. 58. 11, п. 11 УК?

– Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю. Ссыльное духовенство Сыктывкара, фамилии которых я перечислял на первых допросах, правда, группировалось вокруг меня, но не для антисоветской работы, а исключительно в религиозных целях в силу моих религиозных убеждений.

– Для чего вы группировали вокруг себя ссыльное духовенство, будучи сами ссыльным?

– Группировалось вокруг меня духовенство как любители церковного пения, для чего при Кочпонской церкви был организован кружок любителей церковного пения. Регентовал в этом кружке в большинстве случаев я...

20 марта

– Расскажите, для чего вами в селе Кочпон организована «Священная дружина»?

– Дружиной называется организованная монашеская община. В селе Кочпон никакой дружины я не организовывал... Монашеской общины в Кочпоне не было, а была группа монахов, которые ко мне как к епископу обращались за советами духовного характера. (Этот ответ на допросе 13 мая истолкован следователем в требуемом смысле: «На допросе 20 марта вы сознались, что имели вокруг себя группу ссыльных монахов...»)

27 марта

– Для какой цели вы в Кочпоне организовали и руководили группой монахов?

– В этой группе нас объединяла любовь к храму и пению. Состав группы я указал на предыдущем допросе.

– Какие задачи ставила группа перед собою?

– Кроме соблюдения обетов иноческой жизни каждым членом группы, задач мы не ставили...

– В своих показаниях 20 марта и сегодня вы упорно скрываете задачи группы монахов и церковников. Прошу еще раз подробно рассказать о них.

– Кроме духовных задач, еще раз заявляю, я лично и примыкающие ко мне монахи никаких иных задач не ставили. Я лично считал своим долгом путем личного примера в духовной жизни и исполнения монашеских обязанностей воздействовать на окружающую среду и людей слабых в вере. Такой же совет по вопросам духовной жизни я давал и монашеству, примыкавшему ко мне.

На допросе 13 апреля выясняется причина обвинения в сочувствии троцкистам:

– В конце августа месяца 1936 года в церкви вы имели разговор с В-вым по процессу над членами троцкистско-зиновьевского центра?

– Разговор по процессу имел, но где именно, не помню.

– В разговоре В-ву высказали недоверие к материалам обвинительного заключения по указанному делу?

– Точно, что я говорил... не помню. Допускаю, что в разговоре ему сказал, что все тонкости нам трудно знать.

– Тогда же в разговоре с ним вы говорили в защиту участников троцкистско-зиновьевского центра Зиновьева и Каменева?

– Лично я не верил в моральное и политическое разложение Зиновьева и Каменева и заявлял об этом.

Далее в том же протоколе:

– На квартире у вас систематически собиралось ссыльное духовенство. Расскажите, для чего вы их собирали?

– Считал своим долгом оказать материальную поддержку оказавшимся в условиях ссылки духовенству и материально помочь им, насколько хватало возможности. Исходя из этого, по воскресным и праздничным дням собирал ссыльное духовенство, главным образом монашество, из местных в частности Ермолина Степана, Шаламову Марию, которые бывали у меня реже остальных.

На всех допросах Владыка твердо отвергал обвинения в том, что он давал кому-либо контрреволюционные задания. Единственно, чего удалось добиться следователям (допросы 25 апреля и особенно 14 и 15 мая, по два протокола ежедневно – очевидно, это был «конвейер»), – это признания в антисоветских настроениях, своих и близких к нему людей, и что они, «беседуя по отдельным вопросам политического характера, высказывали антисоветские взгляды» – «в основном по вопросам политики партии и советской власти, касающимся религии и духовенства». Владыка перечисляет следующие свои «антисоветские» взгляды:

– В кругу своих близких, ссыльного монашества я неоднократно высказывал настроения о том, что судебная политика власти в отношении нас, духовенства, слишком сурова. Беря пример с себя лично, говорил, что большой разницы в действиях ВЧК, ОГПУ и НКВД нет, между прокурором и НКВД есть договоренность, и последний едва ли откажет в даче санкции на арест того или иного гражданина... Был недоволен на статью (так в протоколе. – *А. В.*) 124 новой конституции. Считаю прежнюю редакцию конституции более совершенной, потому что в ней наряду с антирелигиозной пропагандой разрешается свобода религиозной пропаганды, чего нет в новой редакции. Считаю, что новая конституция по ряду вопросов носит чисто декларативный характер, так, например: я не верил в неприкосновенность личности, записанную к конституции. (Фраза подчеркнута, на полях восклицательный знак! – *А. В.*) ...Был недоволен тем, что духовенство фактически не имеет возможности быть избранным в советы, так как право выставлять кандидатуры по новой конституции предоставлено только партийным, профсоюзным, кооперативным и другим общественным организациям. Был также недоволен на карательную политику соввласти по отношении духовенства...

Однако после перерыва в несколько дней Владыка, укрепившись духом, отвергает все обвинения с непоколебимой твердостью. Протоколы последних трех допросов приводим почти целиком, с сокращением только нескольких малозначительных сведений.

20 мая

– Расскажите о задачах созданной и руководимой вами контрреволюционной группы.

– Не отрицаю, что вокруг меня группировалось монашество и духовенство, которое, как и я, по ряду вопросов было настроено контрреволюционно, но определенных политических задач мы не ставили.

– Ваше формирование носило контрреволюционный характер. Настаиваем на признании этого и рассказать о проведенной группой контрреволюционной работе.

– Наша группа политических задач не преследовала. Лично я ни с кем из населения связан не был и никому никаких политических установок не давал.

20 мая (второй протокол)

– Вам снова ставится вопрос о том, чтобы рассказали о контрреволюционной работе, которую проводили вы и в целом руководимая вами группа.

– Лично я сам контрреволюционной работы не проводил. Группирование вокруг меня монашества не носило контрреволюционного характера.

– Вы запираетесь. Настаиваем на правдивых и откровенных показаниях.

– Мои показания правдивы.

– На территории Коми АССР вы создавали нелегальные контрреволюционные церковные группы. Настаиваем на признании этого и рассказать о составе групп.

– Я категорически отрицаю это.

– Соучастница вашей контрреволюционной работы Шаламова М. по вашему поручению ходила по селам и связывала вас с другими группами?

– Подобного рода поручений Шаламовой не давал.

– Вы намечали мероприятия, обеспечивающие на предстоящих выборах в совет своих депутатов из контрреволюционного элемента. Настаиваем, чтобы вы рассказали об этом.

– Не только мероприятий не намечал, даже разговоров по этому вопросу ни с кем не имел.

– Следствием это установлено.

– Я категорически отрицаю.

– Следствием установлено, что соучастник вашей контрреволюционной работы Елькин П. уже практически проводил работу, обеспечивающую проведение в совет контрреволюционного элемента.

– Таких установок Елькину не давал и с ним совершенно не знаком...

– Вы обрабатывали в контрреволюционном духе молодежь, подготовляя ее в монашество, сестричество и т. д. Укажите всех лиц, кого обработали.

– В контрреволюционном духе молодежи не обрабатывал.

– Вы руководили нелегальными контрреволюционными церковными группами, не только на территории Коми АССР. Расскажите об этом.

– Ни на территории Коми АССР и тем более вне ее контрреволюционными группами не руководил.

– Гражданка Харламова является связистом между вами и контрреволюционными группами церковников в Москве, приезжала к вам в Сыктывкар за установками. Признаете это?

– Она моя родственница, а не контрреволюционерка и не связистка.

– От контрреволюционных групп из Москвы вы для своей группы получали материальную помощь?

– Я получал помощь от отдельных знакомых мне лиц, а не от контрреволюционных групп[82].

– По вопросу деятельности нелегальных контрреволюционных групп вы имели связи с Великоустюжским епископом Питиримом. Шаламова использовалась связистом между вами?

–Я обращался к Питириму единственный раз по вопросу пострижения в монашество Шаламовой М. Больше никаких вопросов с ним не обсуждал. Шаламова к нему ездила по своему личному делу.

– Вы имели связи с контрреволюционными группами в Киеве, которые пересылали вам средства для помощи членам вашей группы в Сыктывкаре, а лично вы распределяли эти средства.

– Лично я связей с Киевом не имел и помощи оттуда не получал. Кто помогал Тараре, я не знаю. Распределением средств не занимался.

– Вы знаете священника Нечаева А. Д.?

– Знал. Некоторое время он пел в церковном хоре Кочпонской церкви. Близкого знакомства с ним не имел.

– Имели переписку с Нечаевым?

– Нет.

[82] Среди тех, кто присылал епископу Герману посылки и денежные переводы, были и простые деревенские женщины, и епископы – Иннокентий (Летяев, впоследствии архиепископ Харьковский, расстрелян в 1937 году) и Сергий (Воскресенский, впоследствии митрополит, экзарх Прибалтики, погибший в 1944 году), бывший в то время ближайшим помощником митрополита Сергия.

21 мая

– Вы встречались с дочерью Шаламовой Лидией?

– Встречался с Лидией Шаламовой два раза летом 1935 года у меня на квартире и в квартире ее матери. Она тогда приезжала из Ленинграда.

– Какую инструкцию от нее вы получали?

– Она мне рассказывала только о своей работе. Несколько затрагивались религиозные вопросы. Из ее слов я понимал, что круг знакомых у нее ограничен, с духовенством связей не имеет.

– Вы имели с ней переписку после встречи в 1935 году?

– Не имел и не имею.

– Вы дали верный ответ?

– Да. Однажды мать Шаламовой читала мне ту часть письма Лидии, в которой она положительно отзывалась обо мне.

– Шаламовой Лидии вы давали установки, с кем иметь связи в Ленинграде?

– Нет, и знакомых в Ленинграде у меня нет.

– Вы имели с Лидией беседы на антисоветские темы?

– Нет.

– Зачем приезжала к вам из Москвы Харламова Татьяна Егоровна?

– Приезжала повидать меня и провести здесь двухнедельный отпуск.

– Какую информацию и от кого письма привозила она?

– Возможно, привозила письмо от бывшей игуменьи Олимпиады Марковны Ивановой, под Москвой на станции Редкино Октябрьской железной дороги. Никакой специальной информации она мне не привозила.

– Харламова приезжала к вам по поручению ваших московских соучастников контрреволюционной работы. Настаиваем на признании этого.

– Повторяю, она приезжала только для того, чтобы повидать меня. В городе Москве у меня есть знакомые только по духовным связям.

– Вам известна в городе Москве контрреволюционная группа церковников, вы были связаны с ними, получали от них информацию и давали им свои установки.

– Знакомые в Москве у меня есть, но никаких контрреволюционных групп я там не знал и политических установок им не давал.

– Харламова приезжала к вам по поручению этих групп. Настаи-

ваем, чтобы вы рассказали правдиво об этих группах и своих установках, которые давали им.

– Совершенно откровенно заявляю, что никаких контрреволюционных групп в городе Москве я не знаю.

– В 1936 году из Сыктывкара в Москву выехала монашка Яковлева, расскажите, к кому из своих знакомых в Москве вы поручали зайти ей.

– Просил Яковлеву зайти к Харламовой.

– Давали поручение Яковлевой связаться с Четверухиной и Зверевой?

– Нет.

– Какие ваши поручения Яковлева передала Харламовой?

– Я просил Харламову оказать содействие Яковлевой в устройстве на работу, и только.

– Вы все время даете неверные ответы. Яковлева отвозила в Москву ваши установки контрреволюционным группам церковников. Настаиваем на признании этого.

– Повторяю, Яковлева имела от меня только маленькую записочку к Харламовой.

– Зверева Евгения Петровна приезжала к вам в Сыктывкар из Москвы?

– В городе Москве у меня есть знакомая Зверева Евгения Михайловна, которая в Сыктывкар не приезжала.

– Когда последний раз лично виделись со Зверевой?

– В начале 1933 года проездом из Сыктывкара в Арзамас виделся со Зверевой в Москве на квартире Харламовой.

– После 1933 года вели переписку со Зверевой?

– До 1936 года переписка была, а потом прекратилась по ее инициативе.

– Вы знали о принадлежности Зверевой к контрреволюционному формированию церковников?

– Нет, не знал.

– Вы знали, что вокруг нее группируется монашество и духовенство?

– Нет, не знал.

– Какую информацию вам давала Харламова о Зверевой за последние годы?

– Никакой информации не имел. Когда Харламова была у меня, говорила, что несколько раз звонила Зверевой, но та ей не отвечала, лично ее тоже не встречала.

– Харламова была связана с Четверухиной Е. А.?

– Нет.

– Вы лично встречались с Четверухиной?

– Нет.

– Переписку вели с ней?

– В конце 1936 года получил от Четверухиной посылку, в связи с этим я написал ей письмо выразить благодарность за помощь.

– Чем объяснить, что Четверухина вас не знает, но однако помощь вам оказывала?

– Ее муж был мой знакомый.

– Откуда Четверухиной был известен ваш адрес?

– Возможно, она адрес могла получить у Михайловой[83].

29 мая

– Расскажите следствию о ваших установках, данных Шаламовой по организации контрреволюционных групп церковников в селе.

– Никаких политических установок создавать группы я Шаламовой не давал.

– Вы даете следствию неверный ответ.

– Не только политических, но и религиозных установок Шаламовой не давал.

– Шаламова информировала вас об организованных ею антисоветских группах церковников?

– После возвращения из села Иб Шаламова говорила мне только о том, что встречала там священника Шумкова и некоторых знакомых повидать не удалось, так как они были на лесозаготовках.

– Шаламова информировала вас о группе в селе Пажга?

– Нет.

– Вы не даете следствию правдивых показаний.

– Ни о какой группе в Пажге я не знаю, даже не знал, была ли в этом селе Шаламова.

– Вы давали задание Шаламовой подбирать молодежь для обработки вам?

– Нет.

– Следствие снова ставит вам вопрос, знакомы ли вы с контрреволюционным документом Амосова «Что самое важное в жизни человека», и настаивает на правдивом ответе.

[83] Мария Ивановна Михайлова была обвинена в антисоветской агитации за то, что на общем собрании учреждения, в котором она работала, воздержалась при голосовании за резолюцию с требованием смертного приговора «вредителям». По этому же делу был арестован и осужден священномученик протоиерей Илья Четверухин, духовной дочерью которого она была (ЦА ФСБ РФ, д. Р-33810).

– Лично Амосова я совершенно не знаю. Упоминаемого вами документа не видал.

– Смурыгин и Любимов информировали вас о том, что они знакомились с этим документом?

– Нет.

– Смурыгин и Любимов информировали вас о работе, которую проводит Амосов в городе Сыктывкаре?

– Они мне говорили об Амосове только как о верующем человеке, который посещает кирульскую и кочпонскую церковь. Другой информации о нем не давали.

Допрос 29 мая был последним. Собственно говоря, он был уже не нужен: обвинительное заключение было готово 24 мая. Приговор тройки при УНКВД Коми АССР вынесен 13 сентября и для всех одинаков: расстрелять.

15 сентября священномученик Герман, епископ Вязниковский, и его соузники были расстреляны вблизи города Сыктывкара. На месте расстрелов ныне находится аэродром.

***

2 сентября 2001 года Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви, рассмотрев представленные Православным Свято-Тихоновским богословским институтом материалы, не нашла препятствий для причисления епископа Германа к лику святых мучеников, и на заседании Священного Синода 6 октября того же года его имя было включено в состав Собора новомучеников и исповедников Российских[84].

«Мне кажется, происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, – писал епископ Герман в 1934 году, и эти слова звучат как его завещание нам, – но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и поверок... Не знаю, что это – мечта ли, родившаяся из души, придавленной тяжелыми развалинами прошлого, розовый ли

[84] Несомненно, и многие другие из казненных вместе с епископом Германом, после необходимой подготовительной работы, будут прославлены в лике святых. К настоящему времени прославлены священник Степан Ермолин и мирянин Павел Елькин.

оптимизм, капризно выпорхнувший из суровой мглы настоящих холодных будней, или чутье, какое может быть верным предощущением грядущего даже и непрозорливого, – но только внутри себя ношу непоколебимую пока ничем веру, что очень многие, если не большинство, от звезды учащиеся будут кланяться Солнцу правды, да не так, как их отцы и мы, их современники – по ленивой традиции и инерции, а придут с дарами и все самое лучшее, и особенно верность Слову в деле, принесут Незримому и теперь Властителю душ и благородных стремлений».

Александра Воробьева

ПИСЬМА
ВЛАДЫКИ ГЕРМАНА

ПИСЬМО СЕМИНАРИСТОВ РЕКТОРУ ВИФАНСКОЙ СЕМИНАРИИ АРХИМАНДРИТУ ГЕРМАНУ

Дорогой отец Ректор!

Кончилось... Уже два часа прошло, как замолкло слово сердечного прощания с родной Вифанией. Вы знаете, что в жизни редко встречаешь полную искренность, но в минуты высокого подъема сердце настежь открывает все двери другому сердцу. Нынешний день был святым днем искренности. И Вам, дорогой наш отец, наш духовный руководитель, мы посылаем прощальное слово от души, которая еще не замкнулась в себя, не опорочила еще своей чистой, праздничной, святой одежды, не загасила ясный огонь искренности мраком серых будней.

Наше *искреннее* слово к Вам, окидывая взором протекшие шесть лет, в то же время может и Вами считаться как итог Вашей жизни в Вифании. «Мы с Вами вместе выросли». Да, это так. Как только мы впервые увидели Вас еще инспектором, мы порешили каждый про себя: это карьерист, вряд ли любящий и уважающий воспитанника – он только хороший инспектор, и ничего больше. Первые шаги ректорства не рассеяли этой характеристики; пожалуй, прибавили к ней еще одну черту – это человек помпы. Не знаю, доля истины – хотя бы – была ли в этой характеристике? Но рано или поздно нам пришлось от нее отказаться. Может быть, потому, что Вы за время ректорства *выросли*, а может быть, и мы возрастали, у нас открывались внутренние глаза, так что мы перестали доверять одним лишь внешним, чувственным глазам.

Мы стали мыслить про своего Ректора иначе. Карьерист?! Это слово в приложении к Вам стало не только ложным, но и прямо нелепым. Постепенно мы убеждались, особенно после Ваших уроков Священного Писания, что Вы старательно стремитесь к продвижению вперед только в одном направлении: в самоусовершенствовании, в постижении смысла бытия на земле и в осуществлении этого смысла в жизни своей. Последнее Ваше назначение – яркий внешний показатель Вашей преданности Промыслу, отказа от своеличных усилий в устроении счастья земного.

Любовь и уважение к воспитаннику? После шестилетней, точнее, пятилетней жизни с Вами как нашим начальником мы Вам единодушно говорим: дух святителя Платона, небесного покровителя и управителя (Ректора) нашей семинарии, невидимо руководил Вашей деятельностью, благодаря тому, что Вы благоговели перед его личностью и жили теми заветами любви, которые оставил семинарии ее устроитель. Любовь к юношеству и забота о нем диктовалась Вам этими заветами, а также и Вашим юношески искренним и добрым характером. К тому же, думается, побуждало Вас и воспоминание о своей собственной юности, той светлой поры утра жизни, под влиянием которой Вы решили сделать день и вечер своей жизни днем Христовым, днем света, вечным днем бодрости и трезвения духовного (1 Сол. 5, 2–6). И Вы любовно оберегали нашу юность, желая оберечь нас от лукавого. Это было задачей Вашего ректорства, но осуществление этой святой задачи порой становилось крестоносным. Часто сами мы Вашу любовь и опеку отталкивали, считая ее «режимом», не могли разгадать Вашего обращения и характера – были, словом, подчас неблагодарной для Вашего делания почвой. А с другой стороны, Ваши помощники на ниве воспитания сознательно или невольно шли против Вас, не желая сойти с высоты мертвенно-холодного Олимпа, на котором всегда любили пребывать учащие этой категории пред воспитанниками.

Только теперь, простившись с Вами, как это всегда бывает, мы во всей полноте, и притом все до единого, *искренно* поверили в Вашу любовь, не жалеющую себя. Поверьте же, наш отец Ректор, и в искренность нашей постоянной благодарной любви. В наших глазах Вы *выросли* много выше других наставников: поэтому в своем дальнейшем возрастании мы постоянно будем просить *Ваших* советов, *Ваших* молитв. Сейчас мы как бы исповедали пред Вами наше сердце и чрез это, думается, крепче связали взаимные узы любви. Не откажите принять такой же исповеди и от каждого из нас, если будет давить жизнь, если она буйно будет силиться затушить внутренний огонек, если она хищнически будет вырывать из души ее светлые идеалы и втаптывать их в грязь. На Ваших глазах совершался наш физический рост, помогите же нам расти и духовно.

Некоторые из нас никогда не забудут того светлого настроения, которое мы выносили в великие праздники из храма нашего Апостола Покровителя. Именно Вы сообщали службе церковной светлую праздничность, ту торжественность, которая поднимает молитвенное настроение. И это ошибочно называлось помпой!

Теперь мы уже не увидим Вас в той обстановке, как было раньше. Все мы – и вы также – отошли от родной Вифании и не знаем, куда пойдем. Но где бы мы ни были, память о школе сохранится до смерти. А вместе с памятью о матери – Вифании всегда памятен будет наш отец, любимый Ректор отец Герман. Приимите это прощальное слово как залог постоянной любви к Вам.

Всегда благодарные, преданные и любящие Ваши воспитанники, окончившие семинарию в апреле 1917 года.

Апреля 16-го дня.

Сергей Введенский
Андрей Писарев
Михаил Смирнов
Петр Никитский
Розанов Анатолий
Соловьев Сергий
Николай Ремезов
К<онстантин> Голубев
Ив<ан> Антуш<ев>
А<лексей> Виноградов
С<ергей> Розанов[1].
Другие за отъездом подписаться не могли.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА

Вернувшись из своего третьего «благовестнического» путешествия, я нашел ваше коллективное прощальное письмо.

В жизни мало чистой радости и еще меньше благодарной любви. Я получил глубокую, убаюкивающую встревоженную душу радость и живо, живо, всем сердцем принял и почувствовал вашу любовь. Ведь педагогический труд, более чем другой труд, не только тернистый, но и всегда почти безблагодарный. Мы делаем, тратим массу нравственных и физических сил, отдаем часть своей души и сердца

[1] Имена и фамилии подписавшихся уточнены по изданию: Вифанская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1901–1917 годов (краткий генеалогический справочник). М., 1999.

и почти никогда не видим и не можем видеть результатов своей работы. Мы, как садовники, заботливо оберегаем молодую жизнь, стараемся дать ей все необходимое для нормального развития, расцвета и плодоношения, но почти никогда не видим ни расцвета, ни тем более плодоношения. К нашей работе, тем более работе в духовной школе, более чем к другой какой-либо, приложимо вечное слово: «Мы ходим верой, а не видением»[2]. Крестоносность нашей работы, и конечно, главным образом в ее воспитательной части, почти обычное явление. В этом святость педагогического труда, в этом и его гнетущая тяжесть. Любовь вашу я чувствовал еще раньше вашего письма, но оно было очень ценно, так как показало мне, что это великое чувство прошло у вас через некоторое испытание. Оно меня тронуло еще и тою правдивою откровенностью, какую я сам очень люблю. Истинная любовь не боится резкостей правды, так как все это говорит только об ее искренности и глубине.

Несколько слов о «карьеризме» и «помпе».

Что ваш Ректор не карьерист, об этом убедительнее всяких слов говорит его смелость пред высшим начальством, его настойчивость, которая для блага вас и семинарии не раз подвергала его гневу людей, не любящих независимых и правдивых. Карьерист свою деятельность и энергию равняет на желание и вкусы начальства, а ваш Ректор никогда не был человекоугодником. Вся моя кипучесть и все то, что иные считают желанием сделать карьеру, объясняется моим искренним, возможно иногда и ошибочным по своим методам, стремлением *честно* выполнить свой долг и выполнить его возможно *скорее*. Думаю, что иногда к этому примешивается и некоторая доля гордости и тщеславия, да и то скорее тщеславия пред самим собой. Если я говорил о своих достижениях, то это объясняется экспансивностью моей натуры, желанием поделиться с другими радостью, захватившей мою душу; но в этом очень мало было саморекламы. Я, если чем хвастался, то хвастался семинарией и должен по совести сказать, что я редко мыслил и отделял себя от семинарии. Я всегда чувствовал себя ее живою частью, и работая на нее, как на Платоново детище, я и других заставлял (в этом же был мой долг и моя обязанность) работать на нее. Я страдал глубоко, когда кто-либо ронял в глазах общества достоинство воспитанника или преподавателя. В моих глазах это был удар для чести семинарии, и, быть может, потому иногда я был так вспыльчив и строг. Это далеко не властолюбие, как думают наши «олимпийцы», в этом проявлялось скорее и больше, чем властолю-

[2] 2 Кор. 5, 7.

бие, присущее мне чувство красоты. Эту черту моей души в Вифании меньше всего понимали. Это то самое, что считали и, быть может, и теперь многие называют «помпой». В этом чувстве красоты или эстетизма заключается основной тон моих настроений и, пожалуй, стремлений. Я люблю все красивое, в какой бы области эта красота ни проявлялась. Этим и объясняется целый ряд противоречий, какие причудливо уживаются в моей душе. Для стороннего наблюдателя эта наиболее интимная сторона моей внутренней жизни была мало доступна, а воспитанники совсем почти не понимали меня в этой области. А между тем то, что называли или считают «помпой», – ключ к верному пониманию моей личности. Это не нажитое, не искусственно культивированное чувство красоты, а данное мне самой природой сильнее других руководило мной и в большой, сложной работе по переустройству семинарии. Вместо прежней, мрачной мне хотелось создать что-либо светлое, изящное, красивое. Ваш курс знал прежнюю семинарию, и, думаю, когда вы приехали в нее же после окончательного ремонта, вы должны были почувствовать всю глубокую разницу между старой и новой. Я знал, что внешняя изящная простота непосредственно влияет на душу и пролагает в ней путь к влиянию или, по крайней мере, помогает влиянию другой, более совершенной красоты – красоты духовной. Поэтому я глубоко страдал, не как хозяин, а как художник и педагог, когда все это чистое и изящное стало очень и очень скоро ломаться, заплевываться, грязниться и разрушаться. То или иное отношение к красоте говорит об известной глубине души, о ее восприимчивости не только к грубым мозговым (под этим я разумею все явления и в области холодного рассудка), отвлеченным от действительной жизни влияниям, но и об ее чуткости к более сложным явлениям высшего порядка. Душа, зачарованная красотой, всегда чутка, гибка и нравственно подвижна. Обратное явление говорит об ее холодности, рассудочности, замкнутости и черствости.

Теперь вам станет понятно, почему я так странно болезненно реагировал на всякую небрежность или неряшливость в одежде воспитанника, в обращении его с казенными вещами и помещениями и т. п. Человек не может жить без красоты, но он, сознательно или бессознательно раболепствуя самодержцу-рассудку, притупляет и уничтожает в себе начало вселенскости, всечеловеческой соборности, начало синтеза всех своих психических и нравственных сил, которое заключается в его сердце и присущем ему ощущении ритма истинной жизни. Притупляет то, что я называю чувством красоты.

В этом чувстве заложено начало истинного духовного аристократизма, а вне его – та узкая область духовного мещанства и повседневных будней, в которой топчутся люди, в атмосфере которой задыхаются и звереют. Посмотрите, сколько волнующей душу красоты в природе, которую еще не успел исказить человек, и как мало ее в его личной жизни. Мы не воспитываем в себе этого чувства. Отсюда мы мало и плохо чувствуем безобразие греха и порока и еще меньше чувствуем красоту добра и совсем почти не понимаем высшего средоточия этой красоты, всей ее поэзии, беспредельности и глубины – красоты веры и молитвы. Моя душа знала немного эту красоту. Были в моей жизни минуты, когда я особенно сильно это пережил, и вы совершенно верно поняли, что именно это и заставило меня «сделать день и вечер своей жизни днем Христовым». Для меня богослужение – высшая поэзия, совершенная, «неизреченная» музыка, преображающая душу красота.

Теперь вам понятно то, что вы считали «помпой».

Я тоже, как видите, исповедую пред вами свое сердце. Я не хочу этим сказать, что я всегда бываю верен своему идеалу, но это все – мое «святое святых». Чтобы понять человека, надо войти в его любимый уголок, и свой любимый уголок я широко раскрыл пред вами. Самый большой удар моему любимому уголку нанесла административная служба. Она прежде всего сильно надломила мою и без того плохую нервную систему, а борьба с «олимпом» испортила мой характер. Всякая власть тем и гибельна для души, что часто даже свою правоту склонны отстаивать не силою своей правды и не средствами, обезоруживающими неправду, – любви и великодушия, а внешнею силою своих полномочий и прав. Этот соблазн власти не был чужд и мне, и особенно в период моего инспекторства. Ведь другой путь власти, путь личного примера, любви и самоотречения – слишком крестный путь. Я же прошел свою службу в <...>[3]. Приехал я к вам измученным и часто поддавался этому соблазну власти. Это больно задевает самолюбие других, а в самом администраторе это административное давление выветривает активное начало добра и понижает его нравственное содержание. Моя вспыльчивость, строгость и резкость – естественные спутники стремления *скорее* закончить черновую работу воспитателя, обойти или облегчить свой новый инспекторский крест, а часто это являлось непонятным для вас эхом той борьбы, которая с первых же дней моего пребывания в Вифании завязалась между мной и вашим «олимпом». Это была борьба не за по-

[3] Пропуск в копии.

ложение или первенство, а борьба за человечность, за душу и личность воспитанника. Я никогда почти вам даже не намекал об этой борьбе, потому что считал это нечестным и непедагогическим. И вы очень мало знали, как больно мне часто делали некоторые, а иногда и большинство воспитанников, когда своими необдуманными действиями почти разрушали всю мою безотрадную работу в этой области.

Это нечто вам о моей несдержанности и горячности, это нечто из области того странного духовного опустошения, которое я пережил в Вифании.

Думаю, что я стал выздоравливать и понемногу нахожу себя. Поэтому меня особенно трогает, что вы сумели в оценке моей совместной с вами жизни отделить больное от здорового. Это высший и нелицемерный свидетель искренности и глубины вашей любви. Только тот, кто действительно любит, только он верно понимает человека.

Я часто называл вас «мои дети». Я знаю, что вы на это не обижались. Вы не могли на это обижаться, потому что с каждым годом моего пребывания в Вифании у меня все сильнее и глубже развивается это чувство отцовства. И вы это чувствовали. Весь тот большой запас нежности и любви, который у человека семейного уходит на своих собственных детей, у монаха (я подчеркиваю – не у одинокого холостяка, а у монаха, если только он не какой-нибудь физический дегенерат) переносится на тех детей, которых он воспитывает и которые вырастают на его глазах. У него в его чувстве отцовства, быть может, нет физического элемента отцовства, но если он верующий, искренний и добрый, это чувство расширяется в своих объектах любви и утончается в зависимости от его духовного роста и природного темперамента.

Я не знаю, как сложится моя жизнь. Судя по вашему письму, можно думать, что моя миссия в Вифании должна окончиться? Будет ли это, не знаю. Но думаю, что где бы и кем бы я ни был, если бы кто-либо пришел ко мне усталый, измученный или обиженный жизнью, я обласкаю, как умею, и если сумею, то и помогу.

Я очень мало верю себе, но думаю, что не утеряю своей чуткости и своего сердца. А это самое важное, чтобы подать совет или поддержать человека.

Не забывайте и вы вашего Ректора в своих молитвах и в своей любви. Спасибо вам большое за все. Да хранит вас Бог.

(Из действующей армии, 17.VI)

ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ВЕРХОВЦЕВЫМ

1919–1921

1
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ[1]

Дорогая Вера Тимофеевна. Если Вы и Наташа не оставили мысли доставить мне радость и побывать у меня в Вифании на настоящей квартире, то был бы очень рад видеть Вас сегодня. Дорога почти подсохла, и день, хотя и серенький, но тихий и пригожий для паломничества. Ольга Иосифовна расскажет Вам, как меня найти, а Вы будьте добры ей сказать, когда примерно Вас ждать, или если почему-либо Вам нельзя попасть ко мне сегодня, то скажите, в какой день Вы сможете.

Сегодня у меня особенный день, и сегодня видеть Вас у себя было бы очень приятно.

2
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Милая Наташа! Рад был увидеть Славу[2], рад читать Ваше письмо, рад, что у Вас хорошие соседи, но совсем не рад, что у Вас болят зубы. Что это за наказание! Конечно, для смирения это хорошо, но ведь Вам надо работать? Надеюсь, что по неисповедимым путям болезнь и зубы дойдут до усталости. Устанут и перестанут. О Витебском[3] ничего еще нет определенного. Я совершенно спокойно отнесусь и к «да» и к «нет», только неприятна неопределенность. Но и здесь[4] сидеть – такая тоска, и я даже не знаю, с какой стороны подойти к моему теперешнему сидению, чтобы узнать и осознать его полезность. Конечно, надо уйти от текучести этой жизни в чистую тишину молитв и созерцаний, а я только упражняюсь в смехотворстве и толстею и грубею сердцем.

---

[1] Датировка первого письма может быть ранее 1919 года.
[2] Ростислав, брат Н. А. Верховцевой.
[3] Возможно, о предполагавшейся хиротонии во епископа Витебского.
[4] Письмо, по-видимому, из Москвы.

Очень рад, что у Вас долго поживет Слава. Правда, немного Вам придется уплотниться, но зато он подышит у Вас чистым воздухом. Я так хорошо надышался в этот раз, когда был у Вас, что рад за него. Сердечный привет маме.

«Мася»[5]

3
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

<1919 г.>

Милая Наташа! Мне грустно, что глазки плачут и не видят неба. Не надо спешить. Я предчувствовал, что около этого креста можно ждать разделения, и потому поспешил к митрополиту Макарию[6], чтобы поведать то, что кажется лучшим мне. Он со мною всецело и совершенно согласился. За мальчиком[7] можно ехать только в том случае, когда будет ему обеспечено место в каком-либо московском приюте. К себе брать митрополит Макарий находит едва ли возможным по состоянию здоровья Веры Тимофеевны и по некоторым другим, не устранимым пока условиям Вашей жизни. В приюте за мальчиком можно будет следить до более благоприятного времени, когда Сам Господь укажет, что с ним делать. Сейчас ехать в Киев немного жутко. Я боюсь за Веру Тимофеевну, если, не дай Бог, Вы застрянете. Там опять что-то очень неспокойно. Хотелось бы Вас очень повидать, и если у Вас будет время, то забегите переговорить. Только не горячитесь и примите во внимание совет митрополита Макария. Он не связывает, и Вы вольны делать, что Вам кажется лучше, но все же совет старца надо принять в расчет. Ольганчик[8] и Михаил

[5] По мнению Г. Л. Солоповой, детское имя владыки Германа, но, возможно, ему было известно и значение этого слова в некоторых северных русских говорах – «овца».

[6] Святитель Макарий (Невский, 1835–1926), митрополит Московский в 1912–1917 годах, выдающийся иерарх Русской Церкви, был уволен на покой Временным правительством и жил в Николо-Угрешском монастыре под Москвой. См. о нем: *Епископ Арсений (Жадановский)*. Воспоминания. М., 1995, с. 186–246.

[7] Речь идет о ребенке-инвалиде, племяннике Н. А. Верховцевой, сыне ее покойной старшей сестры Надежды.

[8] Ольга Анатольевна Талызина. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Была членом правления Института московского дворянства имени императора Александра III, когда в нем училась Наталья Александровна. В 1912 году «Московские церковные ведомости» (№ 24, с. 576) упоминают о ней как о начальнице, встречавшей Государя во время посещения им этого учебного заведения. Ее имя встречается также среди арестованных по делу митрополита Петра в 1925 году. Очевидно, она входила в число лиц, близко знавших святителя Тихона. См.: *А. Полозов.* По благословению крестного. – Богословский сборник. Вып. 6. М., 2000, с. 319.

Александрович[9] хотели помочь Вам советом, а Бог, уповаю, поможет устройством всего ко благу и миру всех. Да хранит Вас Бог.

Е. Г.

4
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

<1920 г.>

Дорогая Вера Тимофеевна! Мир Вам от Господа и изобильное причастие Духа Святого в скорбях и злостраданиях. Спаси Господь за привет к новоселью. В городе чудная квартира, половина Вашей, четыре маленькие комнатки, все деревянное и изумительно чистое. Но «почтенный»[10], заставивший меня при переезде в Волоколамск везти на салазках вещи из Данилова до Неглинной (около шести пудов), и здесь не оставляет меня в покое, и даже настоящую квартирку считает роскошью для моей особы и хочет уплотнить меня другом своим, по образу и подобию своему. Не знаю, кто осилит: угодник ли Божий Николай и преподобный Иосиф[11], кому я пожаловался, или «почтенный». Николин день – мой городской престольный праздник. Народу была такая масса, что собор[12], вмещающий, думаю, до 1500, а может быть, и 2000 человек, не мог всех вместить. В соборе чтимая огромная резная икона Николая Угодника. Всегда много приезжает крестьян из соседних деревень, и после обедни 6 декабря был грандиозный разъезд. Вереницы подвод, как в Сергиеве в былое время на масленице. Народ здесь доверчивый и добрый. Даже ко мне идут уже на совет. Забредает уже и хлеб. Последнее обстоятельство заставляет меня все свои мучные сокровища, хранящиеся у Вас, предоставить Вам. Денег мне тоже сейчас не надо. Мед ешьте во славу Божию. Одно только прошу всегда: воздохните ко Господу о мне, да не моих ради грехов погибнет моя паства.

---

[9] М. А. Новоселов. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Известен как издатель популярной в начале XX века «Религиозно-философской библиотеки», а также как замечательный церковный писатель. См. его «Письма к друзьям» (М., 1994) и обширную статью о нем Е. С. Полищука в этом же издании. Расстрелян в 1938 году. Ныне прославлен в лике святых мучеников.

[10] Лукавый (ср. ниже, с. 136 и др.).

[11] Преподобный Иосиф Волоцкий.

[12] Воскресенский кафедральный собор в Волоколамском кремле (XV в.). (*Примеч. В. М. Борисова.*)

Пастырского дела – бездна. Все молчат, и заставить заговорить можно только личным примером. Обитель – штатный монастырь[13]. А мне хочется, чтобы это была <общежительная> обитель. В этой работе я пока одинок. Понятно, в каком напряжении я живу. Не покидают меня и телесные пакостники: весьма начинает напоминать о себе мое солнечное сплетение. Приходится всех учить и учить. Не всегда хватает внешнего терпения, хотя внутренно я, по милости Божией, спокоен, да и окружающие, спасибо им, не особенно сетуют на то, что я их муштрую. Дерзко иногда молюсь Господу, чтобы Он меня сохранил, так как я здесь один и даже я необходим здешнему люду. Если можно будет и письмо доставит мой посланный, то перешлите с ним мне овощи, цикорий и бумагу (стопы две). Если же у Вас бумаги нет, то у Ивана Израилева[14]. Обеих Вас благословляю и молюсь.

Любящий Е. Г.

5
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

20.IV/3.V.1920 г.

Дорогая Вера Тимофеевна! Вот я уже с неделю, как у себя, и не у креста, а на кресте. Поехать к Владыченьке[15] не удалось, так как отец Израиль не отпустил отца Порфирия[16] и мне положительно не было времени поехать, так как приходилось из конца в конец путешествовать по Москве. Пришлось даже отказаться от удовольствия быть на хиротонии своего последнего инспектора отца Никона[17], которая была во вторник на Фоминой. Я уже ранее того

[13] Основан преподобным Иосифом Волоцким в 1479 году. В штатном монастыре, в отличие от общежительного, монахи должны были сами заботиться о своем обеспечении.

[14] Начальник Гефсиманского скита игумен Израиль (в мире Иван Андреевич Андреев).

[15] Митрополиту Макарию. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

[16] Иеромонах Порфирий (Горшков) – старец и духовник Гефсиманского скита (бывший келейник преподобного Варнавы, старца того же скита).

[17] Хиротония во епископа Рыльского, викария Курской епархии, состоялась, следовательно, 7/20 апреля 1920 года. В дальнейшем епископ Никон (Пурлевский, с 1934 года архиепископ) занимал различные кафедры, несколько раз арестовывался, в 1925–1927 годах был в Соловецком лагере. В 1937 году, будучи архиепископом Казанским, арестован и в 1938-м расстрелян.

назначил свое служение в одном женском монастыре, который в безумии веры отверг все ярлыки, спасающие (о, если бы!) обители[18], и, не перекрещиваясь, остался таким, каким есть на самом деле, все упование возлагая не на людей, а на Господа и Его Пречистую Матерь. Надо было их утешить и поддержать, да к тому же было неприятно услышать от Великого[19]: «Ты еще не уехал?!» Оказывается, после моего отъезда он говорил, что я никак не хотел ехать: «То у него нет денег, то ему надо облачение» и т. д. Да, пускай бы пожили мои другие собратья, про которых он этого не говорил, так, как я. Без человека, без письмоводителя, при содержании своего дома на свой почти счет и при «огромном» фактически окладе в полторы тысячи в месяц, тогда как Дмитровский[20], ни о чем не печалуясь и не заботясь о трапезах, аккуратно каждый месяц получает девятнадцать, а Богородский – двадцать пять[21]. Одного, когда хотели уплотнить, пришел отстаивать целый город, другого встретили всякими панагиями и т. д. Другой пишет мне: «На мою хиротонию мне поднесли... облачение, рясу, подрясник, калоши...» Гудели колокола тридцати церквей его города, и огромный собор не вмещал желающих помолиться со своим епископом. А меня каждый почти день или выселяют, или уплотняют. Именующие себя «верующими» пишут мне, что они вольны как хотят распоря-

[18] В связи с национализацией имуществ «существовавших в России церковных и религиозных обществ», провозглашенной Декретом об отделении Церкви от государства, многие монастыри в надежде избежать разграбления и сохранить свое существование преобразовались в трудовые артели или коммуны. Практически это средство самосохранения редко оказывалось эфективным, да и то лишь в годы послереволюционной хозяйственной разрухи. Уставы подобных артелей и коммун, поступавшие на утверждение в Наркомат земледелия, непременно должны были содержать пункт о недопущении в эти объединения священнослужителей и монашествующих (Революция и церковь. 1919, № 1, с. 41–42). (*Примеч. В. М. Борисова.*)

В Волоколамском уезде был только один женский монастырь, находившийся у поселка Шаховская, – Елизаветинская община, которая, очевидно, вскоре была закрыта (до сентября 1924 года). – Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО), ф. 66, оп. 11, д. 864, л. 114.

[19] Возможно, архимандрит Иларион (Троицкий), профессор Московской Духовной академии, которого друзья в шутку называли «Великим» за его яркую талантливость и обширную деятельность. Вскоре (19 мая 1920 года) архимандрит Иларион был рукоположен во епископа Верейского и до своего ареста в 1923 году был ближайшим помощником Патриарха Тихона.

[20] Епископ Дмитровский Серафим (Звездинский). См. примеч. 25 на с. 281.

[21] Епископ Богородский Никандр (Кудрявцев), скончался от чахотки в 1923 году.

диться своим причтом[22], а наши друзья только что постановили закрыть Иосифову обитель – запретить крестные ходы с чудотворным образом Николая Угодника, который по просьбам православных обходит сейчас их поля и веси, и многое, вероятно, и другое надо ждать в этом роде. Сатана, что всего страшнее для меня, мстит даже тем, кто являл ко мне любовь не словом и языком, а делом и истиною. Недавно сгорел дотла один крестьянин, который, несмотря на протест своих сыновей (комиссарского ранга), пригласил меня в свой дом, возил на своей лошади и относился ко мне с удивительной нежностью. Сгорела тоже дотла одна вдова. Конечно, все Господь делает только к лучшему, но по человеческому маленькому чувству и рассудку страшно! Когда я был в вышеупомянутой обители, то всех сестер пособоровал, и какое, видимо, доставил им утешение! Когда я уезжал, они, как дети, едва не всем монастырем, бежали за моим экипажем, умиляя мое сердце своей любовью и терзая мою душу сознанием, что и они одиноки, и их вслед за этим посетят скорби и злоба от врага. Как я только приехал к себе, на следующий уже день были выборы в нашу артель[23]. В моем личном зале были и товарищи, и бабы, и монахи. И я очень мало чувствовал, что мои братия понимают, что они делают, и еще более грустное чувство было, когда многие радовались, как один старец кричал на меня, а затем уже здесь, в своем домике, я лишний раз убедился, что часть братии все время чинила доносы... и что ставила в вину мне? Что я принял из Иерусалима[24] изгнанных двух

[22] После Февральской революции под давлением усиливавшегося реформационно-обновленческого течения в Русской Православной Церкви, которому покровительствовал тогдашний обер-прокурор Синода В. Н. Львов, Святейший Синод ввел выборное начало при замещении вакансий священнослужителей (Церковные ведомости. 1917, № 18–19, с. 112), лишив тем самым епархиальных архиереев одной из важнейших прерогатив их власти. Однако определения Святейшего Синода носили временный характер и подлежали утверждению предстоящим Всероссийским Собором. «Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о православном приходе» вновь вернуло право «избрания и назначения на священно- и церковнослужительские должности» епархиальному архиерею (Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 3. Приложение к «Деяниям» 2-е. М., 1918, с. 15 [репр. М., 1994]). Таким образом, претензии «верующих», о которых пишет епископ Герман, грубо нарушали действующее церковное право. (*Примеч. В. М. Борисова.*)

[23] Иосифо-Волоцкий монастырь был преобразован в «Иосифовскую сельскохозяйственную трудовую коммуну», председателем которой был избран казначей монастыря иеромонах Пафнутий. Кроме братии, «в нее вошли проживавшие в монастыре богомольцы и беженцы. В 1922 году коммуна была ликвидирована» (Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель. М., 2001, с. 39–40).

[24] По мнению В. М. Борисова, из Нового Иерусалима – Воскресенского монастыря на Истре.

иноков и одного старца-архимандрита, которые оказались и прекрасными людьми, и очень полезными для обители работниками. Какая слепота и злоба, и что здесь странного, если решение закрыть обитель будет проведено в жизнь. Но все же надеюсь, что ради любви народа к Преподобному[25] и ради немногих рабов Божиих, быть может, Господь отвратит Свой гнев. Плохо то, что мне самому трудно свыкнуться и примириться с мыслью, что все эти испытания на мою паству за мои грехи. Видимо, много во мне гордости, что не могу с этим примириться, и одинаково грущу как от сознания, что горд, так и от боли, что тяжко мне и, кажется, нет помогающего. А вокруг так все приветливо и радостно в природе у Бога, а нравственная атмосфера и в самом и в других также напряжена и беспросветна. Не подумайте, что я в унынии; просто пью ту чашу, позолоту, драгоценные камни и блеск которой видят внешне, а содержимое которой знают те, кто ее пьет. Да хранит Бог и Вас в Вашем страдании. Все это необходимо, чтобы и мысль, и сердце, и душа наша жила горним, а не земным. Очень прошу молитв.

Любящий Е. Г.

6
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

<Январь 1921 г.>

Спаси и Вас Христос за Ваши письма, молитвы и любовь. Я здесь так духовно одинок, а косность батюшек, даже близ меня живущих, минутами так расстраивает, что очень радуешься Вашим милым письмам. Если так пойдет и дальше и я с Божьей помощью не заставлю свое гадкое сердце быть более спокойным, то грядущего поста, который придется (да не соблазню немощных) держать строго, малодушно страшусь. Поездки из города в монастырь и обратно, разъезды по селам, то напряжение духовное и нервное, в каком я живу, постоянное и бдительное внимание наших друзей – все это достаточно меня изматывает, и, не будучи никогда постником, я сейчас весьма на него похожу. Конечно, до надрыва еще далеко, но надо обо мне молиться и, главное, о том, чтобы сердце мое успокаивалось в Боге и сберегалось молитвой и чистотой.

[25] Преподобному Иосифу Волоцкому.

На Крещение в городском соборе была такая масса народа, что не запомнят. Думали, что служу я. А я служил в одном селе, где так тепло встречали и провожали, что я плакал оттого, что ясно сознавал, как жаждет народ Бога и Его правды и как мало мы ее имеем и еще меньше умеем дать ее почувствовать другим. Все же очень заметно, как дичает духовно народ и все от тридцати лет и ниже, пожалуй что, уже ушли от Церкви. А на почве совсем не спасительного молчания батюшек начинают расставлять свои лукавые сети всякие евангелики и тому подобные, и мы рискуем остаться с детьми и стариками. Среди так называемых верующих тоже мало истинного благочестия, даже та поддержка храму и духовенству, какую приходиться наблюдать, скорее говорит о желании протестовать хоть этим против атеистических актов и учений, часто о своеобразном тщеславии и очень мало о религиозном обновлении. Особенно меня возмущают являющиеся ко мне для расторжения браков, чем я не ведаю, и для благословения на ранние браки. Почти у всех чисто практические соображения о «селе», о «волах»[26], почти ни у кого – о Боге и христианской жизни. Приходится по необходимости в своих проповедях входить в горький удел Предтечи и Иеремии, что с пользой для других и самого проповедника бывает только тогда, когда внутри его Божия тишина. Здесь тоже требуется «напряжение веры», а Вы знаете, что одновременно я других могу пламенно призывать к бодрости и надежде, а сам себя не умею примирить со всем тем, что закрыто темными бесконечными тучами. Конечно, это испытание веры и терпения, и как я говорил[27], так и теперь желаю быть не среди побежденных, а среди верных Господу. Хорошо бы, если бы Вы сумели переправить мне бумагу от Ивана Израилева, а то скоро буду голодать. А Наташе скажите, что я об ней нисколько не соскучился... нисколько! Помолитесь крепко обе о любящем Вас

Е. Г.

7
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

<1921 г.>

Спаси Вас Христос за листки. Деньги вышлю. Листки, стопу бумаги и то, что просил Вас выслать мне, переправьте в Москву. Совсем

[26] См. Лк. 14, 18–19 (*слав.*).

[27] Имеется в виду речь в день епископской хиротонии 27 сентября 1919 года (не сохранилась).

недалеко от Ярославского вокзала, в Грохольском переулке, д. № 40, кв. 2, живет старица Феврония Ивановна. К ней ходит очень много народа и бывают наши волоколамские. Ей надо передать, что эти вещи для меня и за ними зайдет или Иван Егорович (она знает его), или из Акатовского монастыря монахиня Мария или Татьяна. Если, конечно, ранее кто-нибудь поедет в Волоколамск, то пускай отправит, но лучше с указанными лицами. Напишите что-нибудь про отца Зосиму[28], попросите его помолиться о мне и скажите, что я скучаю о нем. С какой бы радостью посидел у него, у Вас, у Ивана Израилева[29], в Зосимовой[30]. Так я здесь одинок, и только одна отрада, когда бываю среди Божиих детей – здешних крестьян. Недавно четыре дня жил в одной деревне, служил им один всенощные, и, кажется, взаимно утешились. Ко мне по-прежнему очень и очень внимательны. На днях проверяли документы «архиерея Германа» – нельзя ли его взять в солдаты. Молитесь, чтобы Господь дал мне терпенье, смиренье и чистоту сердечную.

О Наташе нисколько не соскучился. Да хранит Вас обеих Господь и Царица Небесная.

Любящий Е. Г.

ИЗ ТЮРЬМЫ И СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ

(1923–1925)

8
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

<1923 г., из тюрьмы>

Вы, Наташа, знаете, как я рад всегда Вашим письмам и, конечно, был немного разочарован Вашим молчанием. Конечно, думал я, Ваня[31] приехал, а Колю[32] видела и т. д., но ему, видно, не придется

[28] Иеромонах Зосима (Егорченков, 1850–1936), старец, духовник Троице-Сергиевой Лавры (впоследствии схиархимандрит Захария).
[29] У игумена Израиля в Гефсиманском скиту.
[30] Смоленская Зосимова пустынь недалеко от города Александрова.
[31] Игумен Израиль.
[32] То есть епископа Германа.

ни поесть редис, ни, что особенно жалко, посидеть на диванчике. Знаете, как Мася любит посидеть тоже и особенно по-детски, со всей искренностью, от сердца к сердцу поговорить с Вами, с мамой Вашей, с Вашим соседом[33], и особенно с Вами. От Верочки Вы знаете, как я отношусь к тому пути и месту, где решил жить Коля. Конечно, не скрою, что все время, как говорят, он почему-то не думает, что сумеет доехать. Но ясно, что это, быть может, оттого, что вообще он потерял свою прежнюю чуткость и жизнь его идет иначе, чем он предполагает. Я лично уверен, что путешествие принесет ему пользу, хотя, с другой стороны, при его дурной нервности новые места и люди много поглотят его нервного запаса. Но все, что решили о нем, думаю, лучше, чем та кутерьма, в какой сейчас живут приезжавшие к Вам Гурий[34] и другой. Это, как показала жизнь, является источником многих заболеваний, да и его нервность и горячность едва ли сослужат ему хорошую службу. Помолитесь, чтобы Господь сохранил его таким, каким Вы любите его, и об этом воздохните там, где теперь так тихо и пустынно и где такое большое сокровище и радость для напаствуемых[35]. Маме и Вашим привет. Постарайтесь как-нибудь полюбить мою Верочку[36]. Она очень похожа на меня, но жизнь ее изломана.

Да хранит Вас Бог.

Еп. Герман

9
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

<Июнь 1923 г., из тюрьмы>

Сколько радости приносят Ваши письма, и без цветов (которые у нас не пропускают, очевидно, потому, что затоскует сердце от их вида и привета) они благоухают. Вот Ваше служение тем, кого Вы так любите и кому хотите помочь хоть чем-нибудь. Получено письмо только от 4–6/VI. Данилов[37] тоже получил Ваше, а вся предыдущая Ваша почта на всех нас, очевидно, не доходила до Москвы. Лучше

[33] Очевидно, здесь имеется в виду В. Н. Матвеев (см. ниже примеч. 39).
[34] Епископ Гурий (Степанов). См. примеч. 129.
[35] Речь идет о Троицком соборе Лавры (к тому времени закрытом), где покоятся мощи преподобного Сергия Радонежского.
[36] Вера Степановна Ряшенцева – младшая сестра епископа Германа, во время первой мировой войны была врачом военного госпиталя, после демобилизации жила в Сергиевом Посаде.
[37] Архиепископ Феодор (Поздеевский, 1876–1937), настоятель Свято-Данилова монастыря.

попытаться со Славой[38] или Василием Никифоровичем, которому с его женой[39] передайте поклон и скажите, что Владыка Варлаам сейчас гостит у Тани[40] до Москвы, а там уже они будут бросать его городским. Теперь нам понятно, кто у Вас поселился[41]. Смотрите, как Бог вознаграждает за все Ваши житейские лишения. Разве может что-либо сравниться с тем счастьем, что Вы под одним кровом с таким человеком! Земно кланяюсь ему, лобызаю и его теперешние скорби и его исхождение, по примеру древних, для утешения тех, кто стоит почти у черты безнадежья и духа мрака. Как радостно, Вы это понимаете, когда скорби верных принимают на себя его старческие плечи и таким образом не только духовно, но и физически разделяют и носят на себе немощи немощных. Как это трогательно и как светло от этого! Да утешит его Господь за его ревность к Его правде и за то, что не усумнился лучше страдать с верными Ему, чем примириться с теми, кто устами своими говорит, что любит Бога, а своими делами далеко отстоит от Его правды. Ваня давно уже гуляет вместе со мной. Он нисколько, как, конечно, это и нужно было ждать, не меняется здесь. По-прежнему боится за мое духовное совершенство и по-прежнему «жесток сердцем» – конечно, в хорошем смысле этого термина. Данилова тоже видим и встречаемся на свиданиях. Это такое утешение, что большего не смею и желать. Саши и Кости[42], ставшие такими просвещенными, и все их дела и громкие речи сделают только то, что их лучше поймут и оценят, насколько искренне они служат Богу. В Москве недавно хоронили отца Розова[43]. Как говорили нам, его хоронили истинные священники, народу была такая масса, что погребальная процессия растянулась на несколько

[38] Р. А. Верховцевым, недавно приехавшим из Архангельска, где он в 1920–1922 годах отбывал ссылку «как ненадежный элемент», хотя некоторое время воевал в Красной Армии (ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-48740).

[39] Василий Никифорович и Надежда Александровна Матвеевы (родители известного регента Скорбященского храма на Большой Ордынке Николая Матвеева), знакомые Верховцевых, жившие неподалеку от них.

[40] В Акатовом монастыре. См. ниже примеч. 45.

[41] После закрытия Зосимовой пустыни в мае 1923 года в Сергиев Посад переселился преподобный Алексий (Соловьев). См. о нем: *Протоиерей Илья Четверухин, Е. Четверухина.* Иеросхимонах Алексий, старец Смоленской Зосимовой пустыни. [Сергиев Посад], 1995. В. Т. Верховцева предоставила старцу Алексию и его келейнику половину своего домика. Еду для старца готовили в доме Хвостовых (об этом сообщает в своих воспоминаниях С. П. Раевский, рукопись). См. примеч. 318.

[42] По разъяснению Н. А. Верховцевой, живоцерковные священники.

[43] Отец Константин Розов – известный в Москве диакон, служивший в Успенском соборе, обладавший выдающимся музыкальным талантом. Похороны были 3 июня 1923 года. См. о нем воспоминания дочери: *Л. К. Розова.* Великий архидиакон. М., 1994.

кварталов, и провожающие пели почти все время «вечная память». Это была достойная дань не только его таланту, но думаю, гораздо больше тому, что в последнее время он явил твердость своей души[44]. Привет маме и еще раз Батюшке. Помолитесь за всех нас.

Н. С. Ряшенцев

10*
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(открытка)

2.VII. 1923 г.

Пишу Вам с дороги. Так был близко от Вас, но ночь была темна, поезд шел быстро, да и порядком мы измучились. Меня провожали, но у меня было светло и радостно на душе, как будто я не уезжал из родных мест, а поехал на отдых к своим. Теперь остается пройти томительный путь до Тюмени, там, вероятно, вырешится, куда я направлюсь. У нас в купе довольно сносно, хотя и не особенно просторно. Все же есть возможность спать и даже дышать воздухом. Если бы не плаксивая погода, то ехать было бы одно наслажденье. За свою болезнь я разучился видеть поля, свежую зелень, разнообразные виды природы и еще неизвестных мне городов и есть даже землянику. С этим же поездом едет Таня[45], которая до сих пор нередко сияла около нашего вагона. Хорошо, если бы она не отстала. Все вещи она стащила ко мне: у меня, конечно, сохраннее, но что я буду делать с ними без нее? Помолитесь, чтобы все устроилось. Вот видите, что Масе не пришлось есть Ваш редис. Нужно, видно, и ей испить горькое, чтобы освободиться от многих своих недостатков. Мой привет старцу, маме и Ростиславу. Передайте Верочке обо мне. Сейчас мы в Вятке, завтра дальше. Да хранит Вас Бог.

[44] Отец Константин не поддержал обновленчества, которым была захвачена значительная часть духовенства. По воспоминаниям близко его знавшего Н. П. Окунева, «лучше, – говорил он еще в 1921 году, – уйти на подмостки, чем смотреть и участвовать в представлениях Антонина» (Грановского, одного из главарей обновлецев). О силе духа отца Константина говорил на отпевании и протопресвитер Успенского собора Н. А. Любимов. «Я тонко знал покойного и понимал его широкую русскую наивную душу, – пишет Окунев, – и видел в ней... красоту создания Божия». См.: *Н. Окунев.* Дневник москвича. 1920–1924. Т. 2. М., 1997, с. 262–263.

[45] Послушница Акатова монастыря, посланная матерью игуменьей сопровождать Владыку. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь Московской епархии в селе Акатове Клинского уезда (между Клином и Волоколамском), основанный в конце XIX века, просуществовал под видом сельскохозяйственной коммуны до 1927 года. (Журнал Московской Патриархии. 1995, № 12, с. 43–44; имя последней настоятельницы и кафедра, занимаемая архиепископом Варлаамом, названы неверно).

11
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Тобольск, 30.VIII.1923 г.

Спасибо Вам за весточку, присланную в Тюмень. В Сибири мы уже с 13-го. Она нас встретила чудной погодой, какая стоит до сих пор. Вы знаете, как я люблю простор полей, лес, воду, и можете судить, какое наслаждение было после полугодичного лишения всего этого и видеть людей, и особенно соприкасаться с природой и дышать ее возвышающей душу и успокаивающей красотой. После мрачного московского ненастья прекрасная погода Сибири нас порадовала и давала надежды на конец наших невзгод. Но несмотря на то, что Томская губерния является местом нашей ссылки и обычно в Тобольске освобождали ссыльных, однако я нахожусь все еще, как называется здесь, в исправдоме. Теперь мы изучаем тобольский[46]. Отношение к нам здешней администрации прекрасное, но так как давно здесь не было политических, то, как это ни странно, часто мы ставимся на одну доску с уголовно осужденными. Как знаете, даже при прежнем режиме всегда режим политических, тем более таких, как мы, высланных административно, без всякого суда, на что имеет право теперь всякий гражданин, был совершенно иной, чем уголовных, но в здешних местах от нас все хотят только отписаться и, самое нелепое, держать нас под стражей в то время и даже в той уже местности, где мы должны жить только под надзором. Очевидно, или некогда кому надо продумать эту странную несправедливость к нам, или просто боятся, не зная правил, как бы не ошибиться. А это все, помимо всякого нашего желания, создает вокруг нас шумиху и вызывает сочувствие к нам людей, совершенно для нас незнакомых. Особенно много делает в этом отношении сопровождение нас с почетным караулом. Это было в Тюмени, это повторяется и здесь. Всем этим делают нас заметными, а сами потом удивляются, откуда узнали, что есть такой-то, и почему в незнакомом совершенно городе о нас заботятся, как о близких родных. Таня с Васей отстали от нас в Тюмени, так как мы не имели возможности предупредить их об отъезде. Для нас самих он был полной неожиданностью. Мы остались без продуктов и даже необходимых вещей, какие остались у них. Но Господь так устроил, что целую неделю без них мы жили здесь, как у родных. Я не могу в этом не видеть и особенного попечения о нас святителя

[46] То есть тобольский «исправдом». Так официально называлась тюрьма.

Иоанна Тобольского, иконка которого, не помню, когда и кем мне данная, путешествует всегда со мной вот уже два года. Это довольно знаменательное совпадение.

Мы будем жить в селе Самарове Тобольского уезда Томской губернии. Это торговое местечко в пятистах верстах к северу от Тобольска по Иртышу и в пятистах верстах южнее Березова. Судя по Тобольску, где вызревают дыни, арбузы и помидоры, там, вероятно, будет не холоднее Вологды. Все одинаково говорят, что Самарово на крутом берегу Иртыша. Красивая, здоровая местность, кругом хвойный лес, и уж, конечно, мы со всевозможной рыбой. Вообще же народ здесь, в Сибири, как мне кажется, открытее нашего и отзывчивей. Думаем, что и Самарово не будет для нас мачехой. Конечно, многое будет зависеть от опеки, под какой нам придется жить. Но, как сами знаете, мне нечего скрывать и нечего бояться, так как мои убеждения касаются не политики, а той области совести, какая объявлена советским законом свободной. Пока так много новых впечатлений, что не чувствую, что мои друзья от меня за тридевять земель. Как будто совсем Вы близко. Но все же жаль, что и при отъезде из Москвы меня преследовал мой рок: я не видел самых дорогих мне лиц. Какая судьба! Не проститься с самыми близкими. Так ушли от меня две моих любимых бабки, так без меня умерла недавно мама и отец А<лексей> М<ечёв>[47]. Думаю, что это нужно для того, чтобы больше всего возлюбить ту истину, какой я отдал свою жизнь, и быть мужественным, когда приходится ради нее терпеть невзгоды. А все-таки как бы хотелось Масе посидеть на диванчике! В Самарово мы ждем парохода, который, говорят, будет не ранее 5–8 сентября. Передайте мой привет маме, отцу Алексию и нашим. Помолитесь, чтоб Господь был всегда со мной. Да хранит Вас Христос.

Еп. Герман

12
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

13/26.IX.1923 г.

Перед своим отъездом из Тобольска я писал Вам и в письме позабыл Вас поздравить с днем Вашего Ангела. Вспомнил это, когда вечером,

[47] Монахиня Мария (Тимофеева), духовная дочь отца Алексея Мечёва, пишет в своих воспоминаниях: «Батюшка благословил меня поехать на отдых на родину мамы. Оказалось, что это местечко батюшка хорошо знает, в этом городе архиереем был его духовный сын владыка Герман» («Пастырь добрый». Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2000, с. 386. Сведения о епископе Германе, приведенные в примечании в этом издании, неточны.)

в день Ваших именин, нас с великими предосторожностями, как ценный груз, с попечительными проводниками, более ревностными, чем их предшественники, погрузили на пароход, который и доставил нас 13-го в 11 часов утра в Самарово. За время пути мы не видели ни неба, ни воздуха. Такое было неудобное место около машины. Можете отсюда судить, какая радость заполнила душу, когда мы вышли на берег, увидели перед собой могучий Иртыш (к югу) и к северу красивый горный кряж, покрытый могучим хвойным лесом, главным образом кедрами. У подножья этого кряжа, который тянется несколько верст, приютилось Самарово с правильными улицами и переулками, с большей частью двухэтажными чистенькими домами, деревянными тротуарами, напоминающее больше пригород у города и совсем не похожее на наше великорусское село. На самой крутой горе высятся мачты радио.

Мы тут же познакомились с нашим попечителем, уже немолодым, спокойным и произведшим на нас симпатичное впечатление человеком. Он, кажется, такой и есть; вероятно, что он будет жить в Тобольске, а непосредственно мы будем в ведении его временного помощника, тоже пока простого и к нам расположенного человека.

В этот же самый день мы взобрались на гору, где радио, и, купаясь в лучах яркого и ласково греющего солнца, любовались огромной равниной, расстилавшейся перед нами на многие десятки верст, большею частию покрытой листвой уже начинающего золотиться леса и изрезанной всюду извилинами Иртыша и его маленьких притоков. Вдали на горизонте (от нас двадцать-тридцать верст) виднеется гористый, покрытый пурпурно-золотым убранством лиственного леса берег могучей Оби. У наших ног расстилается и Самарово. Над домами, как у нас обычно галки, кружились и стрекотали бесчисленные сороки. Около нас по деревьям сновали весело, напевая свою задорную песенку, синицы. Кричали и смело на нас поглядывали красивые сорокопуты (немного меньше вороны), прыгали белки, вились горные орлы и стаи чаек-рыболовов, на горизонте носились такими же стаями, как у нас осенью скворцы, дикие утки и гуси; кедры дышали на нас своим смолистым дыханием, небо – своей бездонной глубиной, воздух – своей чистотой... Со всем только пережитым был такой резкий контраст, а для меня была такая близкая душе моей красота природы, что без слов молилась душа Богу и благодарила Его за посланный отдых.

Я устроился в маленьком домике, у ворчуньи старой бабы-яги, в уединенном переулке, где совершенно не чувствуется село, и зани-

маю комнатку окнами на восток и юг (передо мной Иртыш и равнина, об он пол[48] его). В этом же доме приютилась и Таня, которая все время возмущается скаредностью нашей бабушки, что не мешает ей щебетать с ней с утра до вечера. У меня святой уголок прелестный. Спасибо сердечное за складень. Я вез Ваше пасхальное яйцо с ангелами, но оно разбилось в Тобольске, я очень горевал, так как оно мне было дорого как прелестная вещица и как часть души, мне очень близкой и дорогой. Складень совершенно снял с моей души эту печаль.

Стоит такая дивная погода, что я буквально умиляюсь и каждый день спешу изучить и горы, и берег реки, и леса. Но много здесь не находишь. В лесу жутковато (это не наш лесок), так как медведи водятся в большом количестве и в нынешнее лето уже скушали несколько коров. Недалеко от нас, по так называемой полуденной горе, покрытой лиственным лесом, водятся олени и лоси. Белок множество, порядочно лисиц, волков мало. Ни в одну сторону нет даже намека на колею. Лошади уходят из дома ранней весной и придут домой поздно осенью, когда они потребуются для зимней езды. Сообщение только водой, или с трудом можно пройти пешком или верхом на лошади до ближайших селений, от нас (и обычно) верстах в тридцати-сорока. Это считается здесь пустяковым пространством. Сибирская лошадь легко в сутки делает по сто верст.

Начинаю понемногу восстанавливать разбитый болезнью свой молитвенный чин. Самое радостное, что привели здешнего новостильного батюшку (молодой, искренний, простой) в единомыслие[49]. 9-го (преподобного Иосифа) служил попросту. Завтра, быть может, буду служить с некоторым оказательством[50], какое, по моей мысли, смастерила Таня (митра). Со мной и такая драгоценность, как мантия владыки Макария. Как-то не верится, что, оторванные от центров, мы так тесно придвинулись к могучей природе и, главное, если только не разленимся, будем иметь возможность заняться духовным ремонтом и стать присными Богу. Помолитесь, чтобы помог в этом Господь. Спасибо Тане, она понесла столько трудов и так много помогает здесь, что все, кто любит меня, должны молиться и за нее, чтобы не унывала и не скучала. Она привезла целое хозяйство. Без этого здесь было

[48] Об он пол (*слав.*) – на той стороне.

[49] Новый календарный стиль в богослужении был введен постановлением Патриарха Тихона 7 октября 1923 года и отменен 8 ноября того же года. О связанных с этим обстоятельствах см.: *Проф. прот. В. Виноградов.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. – Церковно-исторический вестник. 1998, № 1, с. 18–24. Здесь речь идет о священнике, находившемся под влиянием обновленцев.

[50] Оказательство (*слав.*) – здесь: принадлежности архиерейского облачения.

бы трудновато. Словом, слава Богу за все! Молитвенный привет Вере Тимофеевне, Ростиславу. Прочтите это письмо Верочке. Господь с Вами.

P. S. Привет Ване, Потамию[51], Михею[52], Диомиду[53].

13
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

28.IX/11.X.1923 г.

Уже улетели стаи птиц. Тянутся за ними на юг последние пароходы с вереницей барж. Хотя тепло и осень мало чем отличается от обычной в эти дни погоды в Сергиеве, но все же все и всё готовятся к встрече зимы, которая в октябре обычно вступает во все свои права. Для зимы у меня уже здешние принадлежности: глубокие и довольно изящные туфли из тонких оленьих шкурок (внутри и снаружи мех), меховые сапоги (кисы), меховая шапка (треух) – все плод неисчерпаемой заботливости и энергии Тани. Какая милость ко мне Господа, что Он воодушевил ее на этот подвиг и скорби его. Быть может, и другой кто решился бы, но здесь нужны не только добрые чувства, но и крепкие руки и нервы. Наша игумения, надеюсь, еще более закалит нас. Старая, скупая ворчунья, все знающая, автоблагочестивая (в церковь не любит ходить и осуждает, кто ходит), назидает не только Таню, но и меня. Как это полезно для моего слабого терпения и еще более негодного смирения! Я все время утешаю Таню и говорю, что это Сам Господь послал нам такого доброго учителя, так как мы могли бы ссылку провести без пользы душевной, если бы у нас не было этого домашнего контролера и в некотором роде пакостника плоти[54].

[51] Отец Потамий (Гужев) – канонарх, затем иеромонах Лавры, обладатель голоса «совершенно особенного по красоте тембра». По закрытии Лавры возглавлял лаврскую охрану и заведовал художественной мастерской. После тюрьмы и ссылки был назначен на приход и вскоре умер (из воспоминаний Н. А. Верховцевой «Насельники святой веси». – «Благодарю Бога моего». М., 2001, с. 69–94). Фамилии лаврских монахов указываем по списку личного состава Лавры в 1919 году (*Протодиакон Сергий Голубцов.* Троице-Сергиева Лавра за последние сто лет. М., 1998, с. 60–62). Отец Потамий был тогда иеродиаконом.

[52] Игумен Михей (в мире Михаил Петрович Владимирский) – духовник братии, смотритель лаврской больницы и настоятель Варваринской церкви при больнице; духовник Верховцевых. В 1919–1923 годах был сторожем в Лавре, иногда служил в Пятницкой церкви. В 1931 году был арестован и сослан на пять лет в Казахстан (ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-60406, т. 1, л. 136). Дальнейшая судьба его неизвестна.

[53] Иеромонах Диомид (Егоров) – лаврский ризничий. Берег достояние Лавры и после ее закрытия.

[54] 2 Кор. 12, 7 (славянскому «пакостник плоти» в русском переводе соответствует «жало в плоть»).

То она умиляется, что в ее доме уже не раз были всенощные и молятся о всечестном доме сем и живущих в нем, то говорит, что кадилом мы «прокоптили весь ее дом». Она дрожит над каждым своим чугуном, над каждой своей веревочкой; вчера только сняла занавески с моих окон, боясь, что они как-то от воздуха сгорят, и заявила Тане, которая заметила, что без них некрасиво, что она, если бы только не я, убрала бы из комнаты и всю мебель... но это не мешает ей давать молока, когда у нас нет его, мирно трудиться вместе с Таней над яствами и питиями, какие появляются на нашей трапезе.

А у нас такое уединение, что совершенно не чувствуется большого села (всего 830 человек) и можно без особого рассеяния отдаться духовному деланию. Жалею я очень, что в свое время я не научился ни рисовать, ни владеть кистью. Некоторые способности к этому у меня есть, и это помогло бы мне в часы досуга. Лепить иконки из теста, что я начал делать в Бутырках, и не из чего, да и самый материал непрочен. А для художника здесь много сюжетов, и я хоть и карикатурно, но все же карандашом набросал некоторые из здешних видов. Это время было заполнено дальними прогулками и работой над посохом. К Покрову есть и неважные дикирий и трикирий, и посох собственной работы, и митра совместной работы Тани и отчасти моей (конечно, идея всецело моя). Все вышло просто и не без некоторого изящества.

Но так называемые верующие (уже можете судить по нашей игумении, которая считается здесь столпом веры, и ей, действительно, нельзя отказать в знании слова Божия и уме) к храму очень холодны, хотя любят заказывать литургии об усопших в дни их Ангела (на которых, однако, сами отсутствуют), часто причащают детей, все же помогают заезжим, довольно просты, хотя и независимы во взаимных отношениях. Они к празднику (Покров) и к служению у них заезжего архиерея совершенно равнодушны. Кроме двух мальчиков, никто не хочет даже стать в алтарь. Молодежь (подростки) в комсомоле, и особенно на женщинах заметно огрубляющее действие безрелигиозности. Они все почти курят, стригут волосы, на каждом слове чертыхаются[55] и с утра до ночи щелкают, подобно белкам, кедровые орехи. Но это не мешает им очень хорошо и со вкусом одеваться, и вообще они в домах (хотя, как я заметил, это является не столько потребностью гигиены, сколько желанием пустить пыль в глаза) очень чистоплотны, но ни в одном окне вы не увидите форточки, ни в одной печке вытяжки, ни в одном доме нет даже холодных, хотя бы отдельных

[55] Чертыхаются.

от домов уборных. Но все же месяц мы просуществовали. И если у меня почти ни в чем не чувствуется стеснений, то всем я обязан предусмотрительности Тани. Деньги здесь тоже не имеют никакой цены. Главные деньги – масло. Но теперь скоро зима, будут ездить возчики с хлебом в Тобольск, и мы через своих друзей будем доставать необходимое. Слава Богу, и здесь уже у нас есть добрые люди, которые выручают керосином, выручат, когда будет в этом нужда, и другим. Словом, если душа будет утешаться божественным, то все это или приложится, или лишение в этом не будет угнетать душу. Как я рад, что можно заняться духовным деланием. Лишь бы только не разменяться. Как бы мне хотелось, наконец, так окрепнуть и истинствовать в любви, чистоте и смирении. Многое у меня, и без того малое, значительно порасшаталось. Необходим отдых и для нервов. Маленькое напряжение – и уже чувствуется утомление. Поделитесь этим письмом с Верой. Я радуюсь, что наконец-то она устроилась, как писала мне Е<лизавета> М<ихайловна>[56], железнодорожным врачом. Помоги ей, Господи. Пора и ей выйти из полосы огорчений, какими Бог хочет душу и деятельность ее сделать христианскими всецело. Сердечный привет маме, Славе. У святых старцев прошу молитв. Пишите мне заказным о всех новостях, особенно тех, какие дороги и Вам и мне. Привет Ване и его братикам[57]. В день Преподобного[58] служил.

14
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

28.XI./11.XII.1923 г.

Вы спрашиваете меня, чего прислать? Писем – вот чего шлите. Это еще легче и проще, чем посылки, хотя бы с рисом, который я очень люблю, и крупой. Целых три месяца от Вас не было ни звука. Я ведь еще не достиг совершенства мужей духа, которые при глубоком словесном молчании навыкли свои души соединять с другими около престола Отца всех, припадая к Нему в умиленных молениях и светло встречаясь друг с другом, особенно с присными и единодушными, – там, где никому не тесно и где на всех есть неиссякаемый

[56] Так раскрыто сокращение в некоторых копиях Н. А. Верховцевой. Возможно, это Елизавета Михайловна Зверева, родственница епископа Петра (Зверева), или ее сестра Евгения Михайловна, которых Владыка упомянул в числе своих знакомых, отвечая на вопрос следователя в 1937 году.
[57] Игумену Израилю и братии скита.
[58] Сергия Радонежского (преставление 25 сентября). Даты церковных праздников и дни памяти святых указываются всюду по старому стилю.

источник радости и благодать на благодать. Пока же, как убедился я, мне тяжко не слышать слов своих любимых друзей, и особенно Ваших. Конечно, у меня не было ропота, но острая боль была доведена до предела, и когда первая почта попала не ко мне, а к патрону, то это был для меня острый удар. Конечно, через два дня, именно в Знаменье (мы староверы[59]), вчера я их, числом тринадцать, получил, и, быть может, это было надо для того, чтоб лишний раз почувствовать милость Царицы Небесной. Началась эта радость еще накануне, когда мне один здешний гражданин принес то, на что я мог рассчитывать в Волоколамске[60]. Знаменье здесь престол. Я служил и говорил, и хотя пение было более чем убогое, как и вся служба, но все же на молебне, за словом я почувствовал себя тем, что я есмь, и после весь день напоминал нечто из старого, хотя и недавно минувшего. Прибавьте к этому необыкновенно приветливый, ясный и тихий день, солнышко в моей комнатке и тринадцать писем от своих через три месяца полного молчания с их стороны. Правда, в этом повинны условия здешней почты, но сердце болит о своих, не справляясь с этими условиями. Я не раз говорил Тане, что, быть может, нас очень огорчат письма, но нахожу, что с моим дурным сердцем лучше «страдать с народом Божиим»[61], чем иметь временное греховное наслаждение физического покоя, каким я в изобилии здесь наслаждаюсь.

Да, велика милость Божия ко мне! Мне дан и физический отдых и возможность даже обвеселять душу той неизглаголанной радостью, которую можно получить только у Престола Господа. Физически же, оказывается, мне необходимо отдохнуть. Красное пятно на лбу, появившееся у меня с прошлого года, говорит о какой-то нервно-мозговой усталости. Ее-то я особенно почувствовал здесь. Куда уж писать и дневничок, что будет больно отзываться и на голове, а быть может, и на самом, кто эту голову носит; в глухих-то местах доктора, которые со мной возятся с 21-го года, из ревности могут, пожалуй, еще скорее залечить даже совершенно здоровых. Так что лучше уж к ним не обращаться. Я занялся здесь другим, кроме, разумеется, духовных упражнений, которые стараюсь держать хоть в плохеньком, но все же порядке, – я начал рисовать. Сначала мимолетные зарисовки местности, потом стал копировать с карточек, срисовал два автопортрета и перешел теперь на иконы. Мне подарили блокнот большого формата

[59] То есть в праздник иконы Божией Матери «Знамение» по старому стилю, 27 ноября.
[60] В. М. Борисов предположил, что это исповедь – кто-то из местных жителей захотел причаститься в престольный праздник.
[61] Евр. 11, 25.

из хорошей бумаги в Москве, и скоро он будет весь изрисован. Я теперь мечтаю перейти или на пастель, или на акварель и уже написал в Москву через Е<лизавету> М<ихайловну> Даниловым[62], что, быть может, они меня побалуют и пришлют акварельных красок со всем необходимым и хоть блокнот плотной бумаги. Думаю, что это занятие и безгрешное, и не требующее такого напряжения головы, как что-либо иное. В день великомученицы Екатерины, которую особенно люблю, сделал робкую попытку к пастели – нарисовал образ святителя Николая и, пользуясь сине-красным и химическим карандашом, сделал под пастель. Вот тогда бы всем раздал иконки собственной работы, в которые, если бы благословил Господь успехом, вошла часть души моей и то, что при всех моих недостатках составляет ее святая святых. А потом, если вернет меня к Вам Бог, возьму от Вас несколько уроков масляной краски и тогда буду иметь возможность наполнять свой отдых занятием, быть может, удовлетворяющим мои большие потребности в красоте.

Радуюсь за Ваню и его уголок. Даниловские мне ничего не пишут. Боюсь их осуждать, но уж очень они большие белоручки, ни к чему решительно не хотели приложить не только своих богатых дарований, но даже и своего авторитетного голоса, когда это так необходимо. И Донскому[63], на котором пока столько бремени, что и многим было бы не под силу его нести (сострадаю сердцем, но не мыслью[64]), а положение от этого еще больше осложняется, и не дай Бог, если он, как пишете, захворал[65]. Ведь все крепкие и верные сделались уединенниками и пустынниками[66], а без них появляются опять всякие авантюристы, и последняя лесть будет горше первыя[67].

Много скорбного принесли мне письма. Очень боюсь за Танину маму, ее сестер[68]. Страшно и за Псковского[69], хотя, с другой стороны,

---

[62] В Свято-Данилов монастырь.

[63] Донской – святитель Тихон, живший с 19 мая 1922 года в Донском монастыре под домашним арестом до 19 апреля 1923 года, когда он был переведен во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. См. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. М., 2000, с. 27, 33.

[64] Как предположил В. М. Борисов, Владыка мог иметь здесь в виду заявление Святейшего Патриарха Тихона, опубликованное в «Известиях» 27 июня 1923 года, в день его освобождения, в котором говорилось: «...я отныне Советской власти не враг. Я окончательно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции» и прочее и ряд подобных посланий и воззваний, последовавших за ним.

[65] Святитель Тихон действительно был болен осенью 1923 года.

[66] То есть находятся в тюрьмах и ссылках.

[67] Мф. 27, 64 (*слав.*).

[68] Игумению и сестер Акатова монастыря.

[69] Епископа Псковского Варлаама, брата епископа Германа.

возвращаются к жизни сданные, казалось, в архив. От Верочки и своих ничего не имею. Кланяйтесь им. Е<лизавета> М<ихайловна> писала, что Верочке грозит сокращение. Дал бы Господь ей обосноваться на месте и в настроениях бодрых и деловых. Рад, что ее полюбили. Таня много рассказывала про жизнь Ростислава Александровича в Москве. Слава Богу, что Господь его и с ним Вас устроил. Шика[70] помню и желаю ему и Сереже[71] здоровья и душевного благополучия. А старец Михаил Александрович[72] появился уже официально? Привет ему. Очень благодарю Вас и маму и Ростислава Александровича за привет ко дню Ангела, который я получил к Знамению. Желаю Вам в радости встретить праздник. Спасибо большое за марки. Они очень кстати. Мир Вам. Всем привет. Старцу целование. Сердечно приветствую светлым праздником.

15
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Канун Николина дня, <5.XII.> 1923 г.

На днях пошло к Вам писание, которое, вероятно, получится Вами только на святки «по-восточному»[73]. Это, быть может, будет счастливее (хотя рискую и посылаю его без марки) и попадет к Вам ранее первого, так как почта теперь налажена; два раза в неделю уже есть, а говорят, будет даже и три. Буду надеяться, что святитель Николай (завтра у нас престол) сохранит его и принесет к Вам, если на то есть воля Господня. По всем письмам видно, что у Вас убийственная погода и опять начались заболевания. Захворал наш неутомимый

[70] Михаил Владимирович Шик – историк и философ по образованию, в 1919–1920 годах работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, вместе с отцом Павлом Флоренским. Впоследствии принял священство и был расстрелян в 1937 году. См. о нем: *Л. Каледа-Амбарцумова.* «Соломенная сторожка» (о храме святителя Николая и его последних настоятелях). – Московский журнал. 1992, № 10; Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999.

[71] Сережа Мансуров. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Сергей Павлович Мансуров (1890–1929) – ученый, историк Церкви, принявший в 1926 году священство. Биографический очерк и его «Очерки из истории Церкви» см.: Даниловский благовестник. 1991, № 1; 1992, № 1 (2), 2–3, ч.1; а также отдельное издание «Очерков» – М., 1994; Клин, 2002.

[72] М. А. Новоселов. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) После обыска в его квартире в Обыденском переулке в июле 1922 года Новоселов жил на нелегальном положении. Арестован в 1928 году.

[73] То есть по старому стилю.

Ларчик[74]. Он любит много говорить[75] – очевидно, и захватил простуду? Федя тоже был у доктора[76]. Донской, пишете, тоже чем-то заболел. Сережа Шик[77], как еще младенец, надеюсь, теперь уже поправился? Это какое-то поветрие, которое и Ваш барак наполнило больными уже по Вашей специальности. Немой, видно, все еще хочет отлить все живое и нужное для дела? Мало, очевидно, больных, за которыми ходят такие светлые души, как Маруся[78] и Таня? Когда же кончится дождь и ненастье? А Ваня в порыве сострадания хочет даже уступить и свою квартиру? Дай Бог ему-то хоть со своими ребятами остаться вне полосы этих заболеваний, которые уже стали каким-то хроническим очагом заразы и великой немочи. Для столицы это как будто и не к лицу. Конечно, ввиду отвратительной у Вас погоды, немудрено, что может заболеть и Витя[79], и новый Ваш кумир Алеша[80]. Это письмо от мамы и Вас, полное восторгов от первого и второго (от августа и сентября), я получил только в день великомученицы Варвары. Но оно нисколько не утратило своей прелести и свежести, и я ему очень был рад, хотя, конечно, далеко не согласен во многом, что касается сравнительной оценки Вити, Алеши и Маси. Вот Вы пишете: «поразительно напоминает Масю», мама еще решительнее: «всем решительно...» Дальше Вы с чисто женской логикой перечисляете, чем же именно – «он поменьше ростом (сходство поразительное!), волосики посветлее (чего? Масиной светлой головы?), вдохновенно служит... дерзновенно молится, чист и мужественен сердцем!..» О, если бы все это было в Масе! А по Вашему описанию они так же похожи друг на друга, как благоухающие, всех одинаково притягивающие и говорящие о чем-то нездешнем весенние цветы и не всякому,

[74] Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий) был членом патриаршего церковного Управления. В марте 1922 года был арестован и после трехмесячного заключения сослан на год в Архангельск.

[75] Поводом для третьего ареста архиепископа Илариона 15 ноября 1923 года, так же как и предыдущего, послужили его блестящие выступления в публичных диспутах с обновленцами и представителями власти (в частности, Луначарским), в которых симпатии слушателей всегда оказывались на его стороне. См.: *Иеромонах Дамаскин (Орловский)*. Жизнеописание архиепископа Илариона (Троицкого). – *Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Церковь как союз любви. М., 1999.

[76] Епископ Феодор в 1923 году находился в тюрьме три месяца (март–июнь).

[77] Посреди мнимых больных – действительно болевшие в то время святитель Тихон и сын М. В. Шика.

[78] Мария Иосифовна Фудель. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Дочь известного в Москве священника Иосифа Фуделя. В 1923 году сопровождала в ссылку своего брата Сергея. Н. А. Верховцева знала ее по совместной работе в солдатском лазарете на Арбате, находившемся недалеко от храма святителя Николая в Плотниках, где был настоятелем отец Иосиф.

[79] Мирское имя епископа Варлаама.

[80] Алексий (Готовцев), епископ Серпуховский (с 1923 по 1927 год). См. также примеч. 360.

а очень немногим нравящиеся яркие, но холодные блестки инея, которыми крепкий мороз любит украшать заснувшие деревья да закутавшуюся в зимней дреме землю... Спаси и сохрани его Христос, если особенно чист он и мужественен. Это последнее не всегда бывает даже в «кротких и смиренных сердцем». Когда я был в санатории, то со мной познакомился один доктор из Киева. Он много, хорошо и тепло говорил об Алеше. Но только он сказал, что он уехал в начале этого года за границу. Теперь вижу, что он раздумал, и, конечно, это хорошо. Правда, быть может, климат московский ему показался, сравнительно с югом, суровым, почему он и боится захворать, но Бог милостив, иная болезнь, как Вам хорошо известно, не разрушает, а укрепляет организм и гарантирует от многих других. А самое главное, это очищает нравственную атмосферу и в самом больном и в его окружающих. Когда бы они могли выполнить те несложные заповеди Евангелия, о которых каждый будет спрошен в свое время! Я глубоко убежден, что, не будь больных, не было бы сострадающих и растущих в этом духовно Марусь, Наташ и др. Читая письмо мамы и Ваше о Вите, отчасти Алеше, а главное, о том впечатлении, какое они произвели даже на такого строгого критика, как Ваня и его семья, я думал: разве было бы это прежде, при официальном блеске и внутренней холодности при подобных знакомствах? Теперь же все это служит к обоюдному назиданию и утешению верой нашей, которая только и порождает таких. Я бы искренно хотел, чтобы Мася на них походила. Об ангелоподобности и различных степеней бесплотности, конечно, не приходится и говорить. Я даже думаю, что теперешнее положение Маси едва ли уничтожит в ней то робкое и ненужное, что, вредя ей, портит и то святое дело служения людям, какому себя она отдала.

Условия настоящей ее жизни, правда, удивительно хорошие в смысле материального благополучия и телесного покоя, но здесь опасность другого рода: все же среда ее теперешняя очень груба, первобытна, во многом совершенно язычески живущая и настроенная. Равнодушие такое поразительное, что, как плесень, оно может лечь и на добрую душу порывистой Маси. Около нее нет никого, кто бы христианской тишиной и непорочностью своего сердца и не порывами только, а глубоким и неудержимым стремлением ввысь непосредственно влиял и исправлял шероховатости ее характера и темперамента. Вот, я думаю, долг ее друзей – почаще писать ей, и тем более такие хорошие, полные интересных сообщений письма, какие умеет писать наша Наташа. По моим сведениям, Мася очень рада, что может ради разнообразия пожить в глуши. Бежать от своих она никогда не собиралась,

но, правда, у некоторых ее увидевших упрямое желание перетащить ее к себе на постоянную службу. Как хорошо знаете, в подобных случаях я всегда ее учил ничего не искать, ни от чего не отказываться и ничего не изменять вмешательством своего личного (а отсюда и ошибочного) «да» или «нет».

Я телом своим наслаждаюсь всем здешним: и чудной зимой, и пустынной красотой и т. п., но душой своей со своими друзьями, и особенно в те светлые праздники, когда, Бог даст, получите это письмо. Помолитесь за меня. Старцу, маме, Славе и моим привет. А что же Слава, устроился? А где теперь Зосимочкины братья[81]?

P. S. Ване привет. Четочки дарю с любовью. Вещички от пострига и с могилки, вероятно, отца Серафима или святителя Германа.

P. P. S. Поступил ли куда на службу Лёня[82]? Служит ли наш тамбовский доктор[83]? Спросите, они ничего не пишут. Ваня может прислать мне нашейные крестики. Здесь в них нужда.

16
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

22.I./4.II.1924 г.

Если для Вас, родная моя Наташа, было радостно собирать посылочку, то как благодарить мне Вас за ту светлую радость, какую сегодня я получил благодаря Вашей любви! Вы из маленьких кусочков составили образ Того, Кто есть Любовь, и маленький кусочек отца Диомида придал этому рукотворному образу ту небесную осиянность, какая всю Вашу посылочку сделала Его живой благодатной силой. Для меня весь день сегодня был каким-то особенным. Я знал, что сегодня хоронят одного молодого бедного почтальона, оставившего почти без средств жену и троих крошек детей. Благодаря ли нераспорядительности родственников или чему другому, усопший едва не остался без службы. Местный батюшка уехал с требой, а другого не предупредили, и он поел. Я не ел и решил обычную строгость устава относительно служащего Божественную евхаристию подчинить любви во имя Господа к душе покойного[84]. Пока ходили за покойником, я успел вычитать правило и служил, предварительно очистив

[81] Братия Зосимовой пустыни.
[82] Леонид, один из старших братьев епископа Германа, был призван на военную службу в 1914 году и после демобилизации некоторое время не мог найти работу.
[83] Упоминавшаяся сестра Владыки Вера, врач по образованию.
[84] Заметка Н. А. Верховцевой на полях: «Весь в этом Владыка родной».

душу исповедью. Боже, как было хорошо на душе! Потом батюшка отпевал, а я, разоблачившись, с одним мальчиком пел. Мы трогательный отпевальный обряд выполнили во всей его волнующей душу красоте, и, кажется, местные жители впервые созерцали эту красоту.

Я ждал сегодня посылок и когда пришел к себе, то послал Таню на почту. Она принесла мне только Ваше заказное письмо и сказала, что нет ни одной посылки. Но я нисколько не огорчился, так как одно Ваше письмо, поведавшее мне, с какой любовью несли в Ваш маленький ящичек кусочки своей любви к Господу знаемые мне и незнаемые, вливало отраду в сердце. Немного погодя и, конечно, совершенно неожиданно, как все Божье, приходят с почты и приносят повестки не на одну Вашу, а на несколько посылок. Можете судить об остальном, а также о том, что творилось в моем нехорошем сердце, когда я извлекал этих многоговорящих свидетелей неизреченной Божией милости ко мне. Я не сразу нашел самое дорогое. Какая ко мне милость Божия! За что меня Господь так балует! За что эти чистые белые свечи, огни которых с лет юных говорят мне о звездах, небе, ангелах, кротких угодниках Божиих и о Том, Кто их зажег и светит ими омраченному лестью «темного» миру? За что мне эти одежды смиренного, чистого и кроткого, когда у меня как раз всего этого нет, хотя обо всем этом постоянно тоскует душа моя? За что эта любовь, умягчающая сердца даже тех, кто знал скорее мои недостатки, чем те глуби моего сердца, ведомые одному Богу, как у всякого человека? Я земно (в буквальном смысле) кланяюсь вам всем, ублажая в вас силу Того, Кто знает, как во время благоприятное умилить сердца многих людей к одному не достойному, быть может, никакой любви, чтобы наполнить и его душу тем Божиим эхом, которое говорит о будущем, о вечном, куда путь тернист, куда входят только «нудящие»[85], но где за слезы и терпение всех ждет та неумирающая радость, кусочки которой еще здесь на земле заставляют забыть все мятежное и скорбное.

Если люди, которым теперь просто некогда подумать часто о других, являют такую любовь, как явили и являете вы все к такому нерадивому, как я, то Господь-то, эта бесконечная любовь, не говорит ли чрез все это, что надо иметь постоянное «покаяние нераскаянное[86]», чтобы быть достойным Его любви и лучезарного венца исповедничества. Без этого, без кротости и чистоты, без сострадающей любви, особенно к тем, кто идет сейчас под тяжким крестом печалей и забот о Невесте Христовой, и, быть может, идет неровной поступью,

[85] Употребляющие усилие (*слав.*); Мф. 11, 12; Лк. 16, 16.
[86] Здесь «неизменное» (*слав.*); 2 Кор. 7, 10.

уклоняясь в разные стороны, даже формальная верность Истине может лишить все же радости с Господом в Его Царствии. У меня же, как знаете, очень много и очень мало; много дано, но очень мало приумножено. Еще раз прошу Вас, Наташа, поблагодарить за меня дорогого старца и отца Диомида, от которого постоянно я получал благодать Преподобного, и моего сотоварища по летним каникулам в Бутырках[87], и отца Потамия, и Надежду Александровну, и Нину[88] с Катей[89], и всех, кто помнит и молится обо мне. Вместе с Вашей посылкой пришла, как бы дополняющая ее, и от Данилова (ладан, свечи и то, на чем совершается самое страшное таинство). Это ли не радость и призыв мне быть верным Господу не только в зримом и видимом, но и в сокровенных движениях души, где печатлеется наше будущее. Получил я посылочку в совершенном и идеальном порядке. Немного раньше получено мной и Ваше письмо простое, которое не дождалось моего. Мною послано Вам и Ване письмо на Дворянскую 7. Теперь Вы, вероятно, его получили.

Я, слава Богу, здоров, а погода у нас просто чудесная. Дни без солнца и ночи без звезд и луны можно перечесть по пальцам. День уже увеличился на два часа. К морозам мы привыкли, и такие, как в двадцать градусов и более, переносятся, как у нас в пять-десять. Это правда.

Да хранит Вас Господь. Соболезнование не выражаю. Если уж для Вас некто просто Мася, то для нее Вы всегда Наташа. Как хорошо быть детьми Божиими. Мир Вам.

P. S. Передайте листочек Верочке и другой маме.

---

[87] Игумена Израиля.

[88] Нина Ковалева, санитарка. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

[89] Екатерина Павловна Васильчикова. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Знакомая Натальи Александровны по Сергиеву Посаду (по мужу Егорова), происходившая из аристократической семьи. В 1928 году, так же как Верховцевы, была арестована. Впоследствии занималась реставрацией икон для Церкви. В 1992 году приняла схиму с именем Елизавета. Скончалась 7 декабря 1994 года в Малоярославце, будучи схимонахиней Свято-Никольского монастыря. См.: Дворянский вестник. 1995, №1 (11). В ее московской квартире хранилась некоторое время глава преподобного Сергия (Глас тихий. Божии знамения нашего времени. М., 2000, с. 475).

17
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

23.I./5.II.1924 г.

Очень радостно было видеть знакомый почерк и знакомый сказ мыслей. Восторг перед епископом Алексием, который якобы похож на Масю, меня умиляет, и я нисколько не буду завидовать, если он займет совершенно мое место, потому что у него есть то, чего, действительно, ни за какие сокровища мира не приобретешь: «неопаленная чистота». Тем-то и обаятелен Псковский, и если бы брат его имел нечто от таковых, то он, конечно, поспорил бы за преобладание в том уголке, где он ранее их появился. И как я рад, что среди нас, особенно теперь, появились эти неозноенные. Я понимаю, как тяжело Вам было с М<ансуровым> С<ергеем>[90]. Вот на таких ярких и умных особенно видно, что самое главное все же в чистоте и смирении. Мне стало тяжко, когда Вы написали, как он всех критиковал, а в другом письме, пришедшем одновременно с Вашим, другой так писал, что тот, кого С<ерафим> Ч<ичагов> считает себе, с некоторой оговоркой, по плечу, не поминает Донского[91]. Что это, чрезмерная почтительность перед теми, кого так обожает и за кем так нежно ухаживает Дося[92]? Или это подчеркнутое несочувствие к его благодушному несению тех тяжестей, какие на него наложила жизнь? Выясните это, пожалуйста. Это для меня мучительно. Я боюсь осуждать того и другого, но не признаю одинаково как формальной верности Истине без мужественной прямоты как к чужим, так и особенно к своим, так и почтительного прислушивания к тому, что скажет «Марья Алексевна», какой бы

[90] Инициалы раскрыты здесь и ниже (С. Ч.) в соответствии с примечанием Н. А. Верховцевой.

[91] К этой фразе Н. А. Верховцева дает еще одно пояснение, очевидно, оказавшееся не на месте – после «он» вставлено «Епископ Феодор» (с августа 1923 года архиепископ). Но грамматически «он» относится к тому лицу, которое обозначено как М. С., а в разъяснении нуждается, кого именно С. Ч. «считает себе по плечу». Очевидно, здесь и должно стоять пояснение – «Епископ Феодор». В 1921 году священномученик митрополит Серафим (Чичагов, 1856–1937) был арестован и с 1922 по 1925 год почти непрерывно находился то в ссылке, то под арестом. Расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

«Не поминать Донского», то есть не молиться во время богослужений о здравии Патриарха, как положено по уставу, могли в 1923–1924 годах те, кто считал слишком мягкой его позицию в отношении обновленцев. По существу, непоминание демонстрирует непризнание власти Первоиерарха и, если оно не имеет канонических оснований, означает отпадение от Церкви.

[92] Очевидно, архиепископ Евдоким (Мещерский), один из руководителей обновленцев, пользовавшихся покровительством властей. В августе 1923 года он возглавил обновленческий Синод.

сиятельный титул она ни носила, с забвением того, что нельзя личное незлобие и жалость ставить выше принципов и, помня о мире, заповеданном нам от Господа, забывать о том мече и огне, о котором Он же говорил. Быть может, для этой цели хорошо бы использовать как кроткого Витю, так и пылкого Алешу. Они по-разному могут сказать своему отцу[93] то, что для многих в его поведении не только непонятно, но и неприемлемо и мучительно. Если бы я был у себя дома, то, думаю, совершенно бы измучился, а Господь сделал так, что я могу спокойно отдохнуть, а самая командировка моя только глубже связала многих со мной и, что самое главное, с Отцом будущего века. Это двойная милость Божия ко мне и награда за те немногие скорби, какие были и на моем пути, – самое главное (в этом я несомненно убежден), за постоянное слово благовестия. Все милости Господа только за это, потому что иного дара я не принес Ему.

Ни одна посылка меня так не умилила и не взволновала, как присланная Наташей. Я удивительно еще заранее чувствую, что скоро получу письмо от своих друзей или посылку. Еще приближаясь только, они уже навевают на душу то благодатное чувство, какое только и может вызвать в душе чистая христианская любовь во имя Христа, какая их собирает и шлет мне. И сладкие кусочки Старца (это ведь так трогательно – стоит только представить его и меня; словно дедушка балует своего внучка), и беленькие свечечки отца Ивана Израилева, и вкусные сухари из кекса Надежды Александровны, и краски отца Потамия, и самое трогательное – кусочек Диомида. Сколько раз Ваш игумен[94] именно через него меня обласкал. Видно, и отец Диомид его чтит, и тот его любит. Милая Наташа сумела прийти ко мне такой, какой я люблю ее: чистая, любящая – Божье дитя. Да хранит Господь и Вас и ее. Желаю успеха С., хотя и без коровы и всего прочего. Таня целует Вас и Наташу и благодарит за молитвы.

18
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

12/25.III.1924 г.

Письмо Ваше, Вера Тимофеевна, меня глубоко порадовало и своим появлением, и еще больше своим разнообразным содержанием

[93] Согласно пояснению Н. А. Верховцевой, имеется в виду епископ Феодор, как глава «даниловского направления».
[94] Преподобный Сергий Радонежский.

и тем пылом, какой подняли в Вас те чудесные совпадения, о каких Вы мне пишете. Относительно Феди почему-то мне тревожно. Почему это? Все в заблуждении, только он в истине? Дело идет о сохранении целого, а не личности, и все делается с соответствующей санкции? Но ведь санкция дается с такой деликатной безвольностью, что самая ценность этой санкции далеко не говорит о правоте, а только об энергии просителя. Конечно, хорошо себя утешать той листовкой[95], о какой Вы пишете, но, я думаю, будет безошибочней действовать путем Василиев, Иоаннов и Афанасиев, Студитов[96] и других, и если в добром и в начинаниях к этому направленных не будет удачи, то тогда только беречь себя от безумствия, упражняя свою душу и спокойно отрекаясь от того, к чему ты призван. Вы, конечно, не меньше меня понимаете, что Федя не только то, что и Ваня[97], – он прежде всего «деспот»[98], а от этого он все время всячески отгораживается, предоставляя другим, более его слабым, делать Божье дело или, еще хуже, охлаждая дух их, что уже не раз, быть может, было, и не только с Алешей. По крайней мере, хоть парализовал бы дурные влияния на безвольного Деда[99], а то нет и этого. Конечно, дай Бог, чтобы наша общая тревога была напрасна. Быть может, подготовлять добрых делателей, что делает наш друг, лучше, чем работать самому, в одиночку, но едва ли будет хорошо, если все ученики будут в деспотизме подражать своему учителю. Во всяком случае, путь этот необычный, и я совершенно не могу уразуметь, как можно охранять целое, ничего не делая хотя в отношении тех, кто так или иначе ведет это дело. А Ваши ссылки на послание к римлянам и Исаию тоже <скорее> плод только мистического предведения, чем есть нечто реальное, подтверждающее эту мистику. Конечно, я ни минуты не сомневаюсь, что много блага сделали нам наши благодетели, но не бороться с их идеологией даже в области, ограждаемой как свободное частное дело их уставом, я считаю ошибкой. Тогда не надо было Христу протестовать против поступка воина, ударившего Его по щеке[100], тогда не надо было апостолу Павлу опираться на свое римское гражданство[101]. У нас же замечается

[95] Имеется в виду «Даниловское воззвание». (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[96] То есть путем святых отцов Православной Церкви – Василия Великого, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Феодора Студита.
[97] То есть монах. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[98] Деспот (*греч.*) – владыка, то есть епископ.
[99] Патриарха Тихона. Настоящее отношение епископа Германа к Патриарху выражено ниже, см. с. 149.
[100] Иоан. 18, 23.
[101] Деян. 22, 25.

другая крайность. Даже такая светлая свеча, какая недавно горела у Вас, и та недавно восхваляла одного великого умершего за благодетельные начинания в отношении к тому, о чем у нас речь. Что это такое? Словом, все это для меня больное, и я был бы рад, если бы жизнь показала, что все это неприемлемое для моего чувства и сознания – все это от Бога и та самая мудрость, которая объюродивляет всякое начинание духа глубинного.

Я рад за Витю, что Господь его так благодетельно привел к Вам, и что Алеша вместе с ним направился к Феде. Правда, там к Вите привыкли относиться со снисходительной иронией, но все же не так страшно будет и за Алешу. Там любят слушающих, а не вопрошающих и еще более дерзающих не соглашаться и иметь свое суждение. Особенно я рад, что всех вас Господь там утешил тем, что Витя назвал Пасхой. Как давно я сам этого жажду и, быть может, предложу это же своему сотоварищу, так как на большее число желающих рассчитывать не приходится. Какой здесь мучит духовный холод. Вот действительно, как говорится, люди – плоть. Самое тягостное, что все это ложится известной своей долей и на собственную душу и уж, конечно, не способствует ее обновлению и духовному росту.

Приветствую Вас сердечно с наступившими святыми днями поста и желаю в радости и мире душевном встретить светлый день Христов. В письмах к Наталье Дмитриевне[102] и Ване нет ничего интересного, и, если хотите, можете их прочесть «тайнообразующе», чтоб не огорчать немощных. Да хранит Вас Бог. Привет Славе и знаемым. Особенно старцам.

19*

НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

(*с акварельным рисунком*)

12/25.III.1924 г.

Наконец-то Вы, Наташа, пришли ко мне. Я чувствовал, что Вы идете, и скорее, скорее, своей младенческой кистью набросал Вам некогда, а быть может, и теперь любимую Вами церковку. Не знаю, похожа ли? У меня была акварель ее Ледоковского, и в уменьшенном виде я ее скопировал. Как только кончил, пришло Ваше письмо. Жаль, что зубки и мистика Веры Тимофеевны или, точнее, ее мистическая малярия, которую надо, кажется, лечить не мистиче-

[102] Шаховской-Шик.

скими лекарствами, помешали Вам порадовать меня более пространными иероглифами. Но спасибо Вере Тимофеевне. Она так утешила меня и своими восторгами и подробностями о Вите, Ване, Алеше и Феде, какие для меня дороже всего. Жаль, что мои письма пропали. Это меня не радует по многим соображениям, хотя я и думаю, что они застряли у нас здесь. Наш последний главк в этом отношении вполне, кажется, порядочный человек. Теперь ждем опять нового, по счету четвертого. Конечно, произведение Маси должно быть не как произведение искусства, а как реликвия поставлено под стекло, чтобы он и сам, если Бог приведет, мог вспомнить все же ту радость, какая наполняет душу ребенка, когда ему удается что-то полное создать. Моя беда в том, что в полном смысле я являюсь самородком и не имею каких-либо стильных хотя бы открыток, на которых я мог бы уразуметь язык красок и их комбинацию для выражения какой-либо определенной художественной мысли и образа.

Иконочку преподобного с письмом надо передать Шик. Если она (Вы ее лучше знаете) может обидеться, что оно без конверта, то вложите в чистый конверт и заклейте. В письмах к Вам сказано, чтоб передать конверт ей. В письме нет никаких тайн, кроме тех вечных, каких оно касается. Едва ли я сумею написать Вам еще к Светлому дню. Хотя у нас за последние дни столько навалило снегу, как у нас в феврале, но все же скоро испортятся дороги, и почты не будет до пароходов. Приветствую Вас посему заранее с светлыми грядущими праздниками. Помолитесь за нас, чтобы Господь утешил нас на чужбине Своим небесным утешением и дал всем нам радость терпением спасать свои души.

20
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

23.III. 1924 г.

У угла моей комнаты стоит телеграфный столб, на котором сходятся линии из Б<ерезова>, С<ургута> и Т<обольска>. Как раз против южных окон – почта. Иногда, особенно по ночам, он как будто вслух думает какую-то глубокую, тяжкую и бесконечную думу, вздыхает и стонет, и иногда он так могуче звучит, как отдаленный красный звон бесчисленных родных храмов. И часто, мне кажется, он отражает мою душу с ее тягучими, стонущими думами об уходящей с земли и собственного сердца лучезарной красоте Духа и Истины и –

гораздо реже – с ее солнечными, радостными переливами тех неизрядных светлых зовов, которым отдано самое лучшее и от которых самое радостное и ликующее. И вся эта средопостная неделя, с кротко-грустной песней Креста и робкими предзорними хвалами занимающемуся за облежащим нас облаком испытаний и смущений и рыдающими далями «Страстей» грядущему нареченному Дню, как-то особенно живо родит в душе отклики на эти вечные светотени. Они, видимо, неминуемы в жизни мира и в жизни отдельного человека, и как блажен тот, кто в этих слияниях и сцеплениях света и тьмы, добра и зла не ошибется в распознании незримой сути того, что действительно есть добро и жизнь и что действительно есть зло и смерть. Еще более счастлив тот, кто, узнавши верно, будет верен этому в своих настроениях и жизни, у кого сердце станет светоносным престолом Вечного Слова и Света, а все его помыслы и сверхчувства будут вокруг этого престола, как многоокие херувимы и пламенные серафимы, послушные каждому велению Того, Кто есть тайна и разгадка всех веков. Какое счастье и какая бесконечная и неизживаемая радость быть хоть отчасти участником тех язв, какими все исцелены, и хоть маленькой частицей той могучей Вечной Силы, указавшей всей твари вечно древний и вечно новый путь к Воскресению чрез самоотречение и любовь.

Многие агонию искания утерянного рая, что обычно проявляется в жадном искании истины и все новых и новых форм жизни вне пути Христа и Воскресения, считают подлинным содержанием жизни и мучительную влюбленность в тварь и желание познать <ее> и сделать орудием своих наслаждений и самовлюбленности – подлинным пульсом жизни. Но язычество и неоязычество достаточно ясно показало и показывает, что в этом еще более тяжкое бремя, чем в иге благом, и что это более тяжкий крест, чем святой Крест Христов. И все же, зная это, как мало живешь этим знанием, как мало верен той субботе, которая завершает все буднее и страдное, пресуществляя все в ликующую празднственность Воскресения. Но у Того, Кто является Господином этого дня, есть сила, побеждающая весь мир, и эта сила свое могущество являет в слабых. В этом нахожу утешение и ободрение и полную уверенность, что в грядущем Дне Воскресения все мы Царствия Христова приобщимся, веселясь божественно.

Завтра от нас, кажется, последняя почта. До июня по новому стилю будем, вероятно, отрезаны от мира. Приветствую Вас посему заранее с грядущей радостью Светлого Дня. Да хранит Вас Господь. Передайте мое сердечное праздничное лобзание старцу, Ване, Кроне,

Потамию, Диомиду, Кроткому и Дотошной[103], вифанским, гефсиманским и всем знаемым. Посланное заказное с акварелью, вероятно, уже получили? Вере и Ильинским[104] тоже сердечный привет. Христос с Вами.

21
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

28.III./10.IV.1924 г.

Вчера вечером получил Ваше заказное, которое, как видите, шло только двенадцать дней и опередило посылочку. Мне очень грустно, что Вы такая несчастливица и мои письма к Вам пропадают. Заказное с акварелью Вы, вероятно, уже получили. Совсем недавно послал Вам простое, которое было прямо передано в руки почтальона, уже садившегося на лошадей. Эта почта уже как бы сверх ожидания, поэтому и посланное Вам простым, и это тоже может дойти, но может и застрять. Рад бы и настоящее, как и предыдущее, сдать заказным, но утром заказными перед отправкой не принимают, а скоро уже отправка, и поэтому приходится спешить, уповая, что, может быть, Господь смилуется над Вами и это письмо получите. Меня очень трогает, с какой любовью Вы собираете мне пасхальную посылочку. Многих я, как будто, даже и не знаю или позабыл, так голова становится совершенно беспамятной. Кто такой, например, отец Вик<ент>ий, Мар. Вас. и Катя? Но это не мешает мне их помянуть перед Тем, Кто в каждом сердце поднимает любовь к брату, чтобы чрез его благодеяния эту соединенную любовь приять в Свою и этим оживить всех любящих. Я уже посылал в предыдущем письме поклонение – теперь прибавьте тех, кого я не упомянул в предыдущем, и всем передайте мое о Христе лобзание святое и благодарность не к моим, что не так меня бы трогало, а к тем узам, о которых Вы говорите, что каждый из нас в отдельности, но мы все <едины>, когда с нами и в нас Христос, Его жизнь и любовь. Здесь, вдали, я глубже понял слова апостола Павла о подвиге благотворения, что оно вызывает ответную благодарность не только к людям, но и к Богу[105], и действительно, посылки приносят какое-то живое и глубокое ощущение души прославших и любви их к Тому, Кто это делает. Поэтому, конечно,

[103] Шутливые прозвища В. Н. и Н. А. Матвеевых.
[104] Семье брата Леонида, проживавшей на Ильинской улице.
[105] 2 Кор. 9, 12.

они и дороги. Боюсь только, что все пасхальные посылки мы получим летом, когда пойдут пароходы. Многие из моих друзей, даже зная, что в конце марта кончается почта, не приняли во внимание трех тысяч верст, а из них – восемьсот на лошадях, и послали уже поздно. Вашу-то, я надеюсь, мы получим. Но я огорчаюсь, конечно, не тем, что мы в чем-либо будем иметь лишение (у нас все решительно есть и, благодаря заботам Тани, будет и большая редкость для здешних мест – свежие яйца), но потому, что душа не получит того заряда ощущения близких, как это бывает особенно через посылки.

О трех выселяемых игемонах[106] слышать скорбно. Но, видимо, не одному Петропавловскому[107], но, быть может, многим другим надо испытать Голгофу. Ванин оптимизм меня радует, но скажите ему: есть страшная болезнь и заразительная, которая называется возвратным тифом. Конечно, дай Бог, чтобы ее ни с кем не было, но вообще-то каждому приходится об этом помышлять. Жаль, что так страдает Вера Тимофеевна. Укрепи Вас и ее Господь. Да будет все по воле Божией: и болезнь, и выздоровление, и жизнь, и все иное. В радости своей пасхальной вспомните и нас. Будете христосоваться с Вашим Аввой[108], помяните перед ним меня, чтобы быть образом если не в бдениях, пощениях и т. д., то кротости (какой совершенно нет), смирения, чистоты, сострадания и верности Граду Небесному. Христос с Вами.

P. S. Маме, Славе, Ване, тезке[109] и всем отцам (отцу Максимилиану[110]) мой самый сердечный привет.

22
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Суббота четвертой недели Великого поста,
<24.III.> 1924 г.

Дорогая Вера Тимофеевна! В предыдущем письме я не успел исполнить Вашу просьбу относительно еретичества некоего во многих

[106] Речь идет, возможно, о выселении нескольких из числа сорока с лишним монахов, остававшихся в Лавре при охране музея (до 1926 года).
[107] Отцу Сергию Сидорову, настоятелю Петропавловской церкви в Сергиевом Посаде, по разъяснению Н. А. Верховцевой. Не ясно, какие именно обстоятельства здесь имеются в виду. Впервые отец Сергий был арестован 5 октября 1924 года. См.: Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999.
[108] Духовником Верховцевых отцом Михеем (или, возможно, старцем Алексием).
[109] Наталье Дмитриевне Шаховской-Шик.
[110] Отец Максимилиан (Марченко) – иеромонах Лавры, обладавший прекрасным тенором. С ним позднее епископ Герман встретился на Соловках.

отношениях «самоподобного» (так называются в церковном пении особые, совершенно самостоятельные и независимые от других гласовых и иных распевов, мотивы) человека. Постараюсь это сделать теперь, как поможет Господь.

«Все религии спасительны, но совершенная из них – православие». Если речь идет о религии христианского цикла или даже монотеистических, то эта мысль с некоторыми ограничениями может быть принята. Некогда апостол Петр говорил язычнику Корнилию: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему»[111]. Корнилий не был ни католиком, ни православным, а на него сошел Дух Божий ранее еще крещения. Это все еще ярче оттеняет правоту Вашей мысли. Но в то время, когда Корнилий слушал апостола и даже ранее его, в своем деятельном служении Богу милостынями и молитвой, он не был язычником. Не самому по себе язычеству и его многобожию он был обязан своим духовным устроением, а руководству того вечного Света, «Который просвещает всякого человека, грядущего в мир»[112]. Вот почему апостолы, а вслед за ними и их преемники, имевшие дело с языческой религией и сами бывшие не только рядовыми язычниками, но часто и жрецами (Киприан святой, например), говорили определенно, что языческая религия есть не только несовершенная или тем более «спасительная» религия, а реальное служение бесам, а не Богу. Конечно, это едва ли приложимо к католичеству. Католичество – не православие, но не нехристианство или, еще ярче, антихристианство. Мы, православные, едва ли вправе сказать: человек может спастись только в православии, а в католичестве он только погибнет. Приведенные ранее мною не человеческие слова, а Божии говорят против этого. Интересно место из беседы преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о Духе Божием, который везде действует[113]. Мы, православные, только

[111] Деян. 10, 34–35.

[112] Иоан. 1, 9.

[113] Имеется в виду следующее место: «...до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий „не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен". Однако это не значит, чтобы Духа Божьего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому... Благодать Святого Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля... Не с такою силою, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей» (см.: *С. Нилус.* Великое в малом. Записки православного. Сергиев Посад, 1911, с. 192, 193; репр. М., 1992).

Из этих слов преподобного Серафима, если их не отделять от общего контекста беседы с Мотовиловым, никак нельзя сделать вывод о том, что спасение возможно

говорим и утверждаем, что в католичестве появились такие тенденции, какие и его через них могут привести не только к нехристианству, но и к антихристианству.

Что такое православие? Это не известное только хранение догматов веры, семена которых заложены в словах Божиих и в верованиях первохристианства, это служение Богу и отсюда и понимание Его слова и проведение в жизнь Его начал (то есть известные моральные методы) в духе и под руководством того опыта религиозного, что называется Преданием. Ярким и совершенным выражением этого духа являются вселенские и признанные ими поместные соборы с их постановлениями (каноны) и писания святых отцов, истинность слов своих запечатлевших святостью своей жизни. Всякий канон и всякий догмат, не имеющий для своего оправдания и признания ясных указаний в этих источниках нашей веры, и принятие его – по разуму православия, таит в себе начала, отводящие от Христа, но не приводящие к Нему. Это есть ересь, заблуждение, и в чем бы – в мысли ли и учении или в определенных приемах нравственного воздействия – это ни заключалось, это носит в себе зерно того восстания разума человеческого на Разум Божий, иначе говоря, отравлено духом явной или скрытой гордыни, что более всего Богу ненавистно. Поэтому католики, протестанты и прочие христиане для нас, православных, в некотором роде «внешние, кого судить будем не мы, а Бог»[114]. И если Апостол радовался, «как бы ни проповедовали Христа, притворно или искренно» (Филип. 1, 18), то и всякий православный будет более радоваться несовершенному пути, по которому к Богу идет протестант, например, чем какой-нибудь теософ или магометанин... Это кратко о «спасительности» еретичества, и опасность его в том, когда свой разум и свою любовь мы не пленяем в разум и любовь Божию. Я уже сказал, что разум и любовь Божию правильно мы постигаем не путем только личной веры и любви, а путем и средствами опыта всей Церкви, особенно и предпочтительно, конечно, ее первых, ближайших ко Христу эпох. Более спасительно со смирением искать подтверждение своих мыслей и начинаний в опыте древ-

вне христианства. В начале беседы преподобный Серафим говорит: чтобы человеку «за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия... для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа... Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело» (*С. Нилус.* Великое в малом, с. 180).

[114] См. 1 Кор. 5, 12–13.

них, чем, руководствуясь совершенно правильной по существу мыслью, что «Христос вчера и сегодня тот же и во веки»[115], без этих определенных указаний стоять и отстаивать свое. Это, может быть, даже и правое, но оно опасно для спасения, так как удобно ведет к гордости. Отсюда и такой эксцентричный жест, как целование папской ручки, может быть определенно неразумным, если это не будет жест лишь личного уважения перед личными высокими качествами этого папы Х-го[116], так как слова Апостола (беру во внимание самое тяжкое заблуждение католичества – догмат о папской непогрешимости, что ведет к человекобожию и, весьма возможно, как думает Достоевский, будет почвой для религиозной деятельности и ореола антихриста) – «Кто приходит к вам и не приносит сего (то есть согласного с духом первохристианства) учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его»[117]; так говорит Апостол любви, и это, конечно, не мешает нам помнить и вдуматься в это.

Теперь немного «об единении и об едином стаде». Тот, Кого называют Начальником мира и Кто перед страданьями говорил ученикам Своим: «Мир Мой даю вам»[118], Тот Самый сказал о Себе, что Он пришел на землю принести не мир, а разделение[119]. Никто не будет спорить, что нет ничего прекраснее, как сказал еще псалмопевец, как жить вкупе[120], но иногда мир с миром есть вражда с Богом; и, как это ни странно, иногда надо приветствовать тех, кто вносит разделение и не заботится об «едином стаде»[121]. Обновленцы очень заботятся об едином стаде, заботятся не только во всероссийском масштабе, но во всемирном, созывая 8-й Вселенский Собор в Иерусалиме со всеми патриархами (если верить им). И что же, если это единое стадо составится, то будете ли Вы приветствовать главных деятелей этого объединения, и будет ли это, в буквальном смысле слова, стадо – Божьим? Я знаю, что все мои мысли есть и в Ваших положениях, какие так устрашают и возмущают дух Комаровского[122], но Вы боитесь рутины

[115] Евр. 13, 8.
[116] Римский папа Пий X (1903–1914).
[117] 2 Иоан. 1, 10.
[118] Иоан. 14, 27.
[119] Мф. 10, 34–35.
[120] Пс. 132, 1.
[121] Иоан. 10, 16.
[122] Художник Владимир Алексеевич Комаровский, двоюродный брат священника Сергия Мансурова. В 1913–1915 годах им были написаны иконы для иконостаса храма преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле. В Сергиеве Комаровский с женой Варварой Федоровной (урожденной Самариной) поселились осенью 1923 года. (*Г. М. Зеленская.* Художник Владимир Комаровский (1883–1937). – Даниловский благовестник. 1992, № 4). Расстрелян в 1937 году.

и шаблона и нередко из-за боязни перед этим законничеством утерять дух свободы во Христе впадаете в противоположную крайность самопринципности или самоподобия, которое, быть может, для Вас и не так опасно, но едва ли очень назидательно. Вот Вам и моя дружеская месть за Ваши ценные для моего спасения критику и писания.

Еще раз молитвенно приветствую Вас и Наташу со Светлым днем Христовым. Относительно нашего переезда ничего нет. Если новый позволит, то Пасху, вероятно, будем встречать на Оби. Адрес прежний: Самарово. Т<атьяне> Х<арламовой>. Мы здоровы и благополучны. Таня целует. Наташе привет. Старцу и отцам целование. Мир Вам.

23
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

15.V.1924 г.

Все думал, что когда на Пасху тронулся Иртыш, скоро тронутся и пароходы, привезут застрявшие письма, и несомненно, и от Вас. Тогда, думаю, сразу и отвечу. Но весна пришла. Прилетели и уже улетели, оставивши достаточное количество своих представителей, на север дикие гуси, лебеди и утки, прилетели уже ласточки, а пароходы, какие должны снабжать наш север такой ненужной вещью, как всякая письменность и почтовая кладь, все еще чинятся и разводят пары. 3-го мая пришел первый пароходик-буксир и привез простую корреспонденцию. Все же заказное и иное все еще собирается к нам прийти и не приходит, а от нас еще безнадежнее, неведомо, когда пойдет. Дай Бог, если раз в месяц мы будем иметь почту, и то скорее будет чаще приходить простая корреспонденция, чем всякая иная. Но все это нисколько не повлияло на ту светлую и чистую радость, какую Бог дал нам в Свой Праздник праздников и какая и теперь еще согревает сердце. Когда по возгласе перед закрытыми входными дверьми храма, без всякого приглашения и необычно для здешних – с огромным воодушевлением, мощно и стройно весь народ запел победную над всяким злом и смертью священную песнь, в сердце глубоко вошла та всякому верующему известная благодатная легкость и свобода от обычного житейского, суетного, греховного и скорбного, что лучше всяких апологий говорит, что действительно Христос воскрес, твари указал вечный путь к воскресению и радости. Служба без особой торопливости, с чтением (впервые здесь) Евангелия и Деяний на разных языках, всего шла три часа. После службы наша колония разгов-

лялась у меня. Каждого я наделил яичком, где было нечто и от моей кисти. Жаль только, что все это так непрочно. А многое так удалось, что смело могло бы конкурировать с подобным творчеством одного уже опытного моего знакомого художника. Сплоховала только Таня. Она едва простояла утреню, а всю обедню промучилась в своих припадках посещающих ее страшных резей и с нами не разговлялась. Пасхальный стол был на славу. Пожалуй, побледнел бы перед этим и мой, обычный в этих случаях, вифанский. Наутро Таня оправилась, пришли телеграммы (шесть), сияло солнце, звонили колокола, улицы были полны по-летнему разодетой толпой, и внутри и вне чувствовалось, что наступило торжество из торжеств.

Когда за обедней я стоял среди храма, где догорали паникадила и теплились только лампадочки, а алтарь был залит огнями (спасибо за свечки, какие очень пригодились), сиял чистотой и облачениями, мне казалось, что служба идет не в глухом сибирском селе, а в уютном соборе какого-нибудь уездного города. Как милостив ко мне Господь и как мало я достоин Его милостей! Как-то раз Вы писали, что я хочу бросить свой Волоколамск. Я-то не хочу, и теперь, быть может, больше, чем когда-либо, считаю себя связанным с ним и искренне думаю, что у меня мало осталось сил, чтобы хоть удержать даже там еще не умершее и колеблющееся, но тобольские хотят меня к себе. Я считаю, что всякий из нас должен быть до смерти там, где Господь венчал его как своего слугу, но, зная примеры древнего прошлого, приму (если действительно от этого будет благо святой Церкви) всякое церковное поручение только в том случае, если буду совершенно свободен от настоящей своей командировки. Принимать на себя что-либо при ее наличии я канонически не могу и не приму, хоть если бы меня назначили архиепископом или митрополитом Сергиевским[123]. Но все же мое сердце сжимается от одной мысли, что Господь может от меня потребовать все самое дорогое для моего сердца – моих друзей и святыню, которые меня сделали тем, что я есмь. Помолитесь, чтобы случилось то, что угодно ни мне, ни людям, а Богу.

Мы совершенно благополучны, здоровы. Посылочку Вашу получили, всех очень благодарим и особенно старца Ивана Израилева за свечечки, какими многих утешили, хоть и себя обездолили, осветили храм и, быть может, и души некоторых. Местным людям очень понравилась пасхальная служба. Слава Богу, что радость Его коснулась

[123] В Сергиеве тогда действительно существовала епископская кафедра. Первым епископом Сергиевским стал в 1921 году Варфоломей (Ремов).

и нас и наших теперешних ближних. Всем сердечный привет. Воистину воскресе Христос!

P. S. Письмо еще не отправил, как пришла сегодня первая почта с посылками и заказными. Пришло и Ваше заказное, где Вы так хорошо, защищая Федю, нападаете на меня. Федя болен[124], как опять многие, и я от массы писем, на которые надо сегодня же ответить (а каждое письмо с дополнениями в посылках), и еще более от того скорбного, что в них, менее всего склонен отстаивать свою правоту. Из моего письма Вы увидите, что, может быть, ожидает и меня, если хлопоты В<лады>ки[125] удадутся. «Окаменелые» не отвечают мне даже на письма. Сомневаюсь, что за шиворот можно привести их туда, где нет ничего театрального, а <есть> радость, которую постигают через самоотречение и страдание. Как знаете, победить себя – цель всякой христианской жизни, и очень хочу хоть немного походить и на свечу и на Федю, но, видимо, суждено быть только Масей, ни к чему не годной, как полагали, быть может, более верно, чем теперь, тот монах и мирянин, о каких Вы пишете. Что-то «почтенному», видно, не по себе. Очень уж энергично он стал опять перемещать и проч. Народное поверье говорит, что високосный год всегда тяжел. Посылочка доставила одну только радость. Прочтите ради Господа письмо отцу Диомиду, Потамию и прочим. Буду писать слабейшим. Ваня же и они сильные и не посетуют на меня, что я постараюсь хоть два слова написать тем десяткам, какие нуждаются в утверждении. Я понимаю, что лучше благоукрашать себя, чем рисовать, но ведь сами знаете, что в Масе много еще ребяческого, а дети любят рисовать. Таня обеих целует. Старцу соседу особое поклонение с просьбой помолиться. Верочке привет.

24
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Петров день, <29.VI.> 1924 г.

Что-то давненько Вы безмолвствуете. Пишут о Вас и Фил., и Вера, а Вы все помалкиваете, хотя у Вас новостей, конечно, гораздо больше, чем может быть у меня. Эти два месяца я усиленно рисовал для своих духовных детей. Успехи, кажется, весьма заметны, так что начинаю помышлять о масляных красках. Сегодня отправил свои

[124] В апреле 1924 года архиепископ Феодор был арестован в третий раз.
[125] В другой копии Н. А. Верховцевой – Верочки.

картины своим. Дал бы Господь, чтобы они дошли благополучно! 23-го июня, в день Владимирской иконы и моего свят<ого> Германа, после очень теплой, весьма меня утешившей службы, я перебрался в том же доме из нижнего этажа во второй, верхний этаж, где и имею комнату и при ней кухню. Если внизу у меня был покой, то теперь здесь – келлия, чему я очень рад: так теперь все торжественно-человеческое меня удручает и хочется простоты и даже суровой простоты. Сегодня тоже, слава Богу, утешились, вечеряя со Учителем. У меня из области Зырянской есть хороший корреспондент, из места, где Маруся Фудель. Вот бы мне хоть немного от богатства того жития, каким они живут там. Как это утешительно, когда соблазн лукавства, кажется, коснулся уже и самого Деда[126], которому теперь, видимо, приятнее всякие Володи[127], чем те, кто сейчас и на севере, и на юге, и в санаториях. Быть может, стоим на грани еще большего отъединения, и я с любовью особенной смотрю в сторону теперешнего отца Маруси Фудель – Кира Казанского[128], объединяющего и даже приемлемого Федей и Гурьяном[129] и всеми братиями, которые, думаю, предпочтут «пленение Христово» всем сокровищам Египта. Что-то пишут, что ненадежен в своих симпатиях Ларчик и не прочь не только пофлиртовать, что он, кажется, уже делал, но вступить в связь с Досей[130]? Боже, какое теперь страшное время и какое могучее действие, предсказанное Апостолом солунянам[131]. Да сохранит всех нас Господь от этого.

Я благополучен. Погода дивная. Здесь есть и незабудки, и ландыши, и фиалки, и земляника, но нет друзей и тех простых душ, в каких я учился узнавать и любить Христа. Мир Вам.

[126] Патриарха Тихона. В 1924 году в «Известиях» (№147) было опубликовано обращение Красницкого к Патриарху с просьбой принять его и его группу «Живая церковь» в молитвенно-каноническое общение и фальшивая резолюция святителя Тихона о якобы согласии «ради мира и спокойствия церковного» исполнить эту просьбу. Подпись Патриарха была получена обманом, см.: Записки священника Сергия Сидорова, с. 52.

[127] По имени главы «Живой церкви» Красницкого.

[128] Митрополита Казанского Кирилла. Кир (*греч.*) – господин, здесь «главный иерарх, епископ».

[129] Архиепископ Гурий (Степанов, 1880–1938?) был однокурсником епископа Германа по Казанской Духовной академии. После ее окончания оставлен и. д. доцента по кафедре калмыцкого языка, с 1916 года – профессор церковной истории. Хиротонисан во епископа в 1920 году, с 1930 года архиепископ. После ряда арестов и заключения в концлагере расстрелян.

[130] Дося – по-видимому, архиепископ Евдоким (Мещерский), глава обновленческого Синода. Слухи о «ненадежности» архиепископа Илариона, по свидетельству протоиерея Василия Виноградова, целиком ложные и основаны на излишнем доверии к официальной печати. – *Проф. прот. В. Виноградов.* О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности Святейшего Патриарха Тихона. 1923–1925. – Церковно-исторический вестник. 1998, № 1, с. 10–12.

[131] 2 Фес. 2, 1–12.

25
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

29.VII.1924 г.

Недавно я получил письмо от Ивана Израилева и только из него узнал, что Вы, хотя и живы, но, очевидно, очень утомлены, и, быть может, не одними Вашими обычными делами и хлопотами, как он думает. От Вас с самой Пасхи, кажется, ничего нет. У Вас такое множество всяческих для меня далеко не безразличных событий, что Вам было бы не грех кое-что черкнуть мне, даже ничего не получая от меня. Но я-то Вам пишу. Это, кажется, уже третье письмо в пространство. Чем я так Вас огорчил, что в мою сторону у Вас такое тягостное безмолвие, не могу понять. Это заставляет меня уже тревожиться. Все то скорбное, что бесконечно длинными строками и целыми страницами вписывает в историю наша богатая содержанием жизнь, что Вы больно и остро переживаете, надо, однако, знать и нам, чтобы не без нас Вы восприняли совершенство чрез эти страдания и, с другой стороны, чтобы тем самым поддерживался и в нас тот огонь, без которого так серо и буднично. Мои же корреспонденты тяжело и прочно захворали, и я узнаю о многом через третьи руки. И от Вани, и от Акатовой – мамы Тани[132] – столько горестного, что каждую минуту готовлюсь, не без буйного протеста, к вести, что или захворали они сами лично, или вся их семья ликвидирована. Конечно, такое негодование не только бесплодно, но, быть может, даже вредно, но, однако, в душе моей много теперь накопилось и скопляется этого негодования. Вот поэтому крайне необходимо, чтобы Вы или Вера Тимофеевна, которая при своем пессимизме оптимистка в настоящем, писали мне, освещая то здоровое и вечное, что загорается и зреет в этом безрадостном.

Я уже неоднократно писал Вам, что среда, среди которой я теперь живу, не может окрылять, а та новая, из приехавших отдохнуть, среди которых теперь есть и артисты, и педагоги, и чиновники, и нэпы и прочая разновидность, не могут по понятным Вам причинам рассеивать то подчас одностороннее чувство, какое может исказить то, что Вы любите в Масе. Словом, надо писать, и писать обо всем и чаще, и теперь особенно, так как сентябрем кончается навигация и наступает тягостный перерыв в два месяца. Мы благополучны и благодаря недавно пришедшей подкрепе из Волоколамска запасаемся всем необходимым на зиму. Да хранит Вас Господь. Всем отцам привет.

[132] Игумении Акатова монастыря.

Крест, принадлежавший епископу Герману

Письмо с акварельным рисунком
(Введенская и Пятницкая церкви в Сергиевом Посаде)

Маме особенный. Если Лёня[133] не выхлопочет моей незаконно забранной фисгармонии, то пришлю ему доверенность и подам в суд.

P. S. В письме к Ване секретов нет. Таня кланяется. У великого соседа[134] – молитв.

26
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

3.VIII.1924.г.

Сегодня я наконец получил Ваше письмо. Заказное, несколько дней тому назад написанное и еще ожидающее парохода, ответит Вам на то, что заставило Вас так страдать. Неужели Вы думаете, что когда людей соединяет такая светлая и глубоко христианская дружба, как Масю с Вами, можно допустить какое-то удаление, перебои и даже совершенное замедление той бьющей и согревающей теплоты, чем так радостна и необходима для жизни этой святая дружба? Если бы в ней было преобладание (а человечна она, конечно, быть не может) чисто человеческого элемента, не говорю уже про ультрачеловеческое, то, конечно, такая тревога при раздельности жительства, долгой разлуке и еще более таких долгих антрактах письменного общения, в которых Мася, кажется, не особенно грешна, была бы не беспричинна. Но ведь этого ничего нет! И Вы, и я неизмеримо больше всегда так глубоко чувствовали от всего, что нас так сроднило, веяние Того чистого, вечно движного и все оживляющего и горе́ возвышающего Духа, что у меня никогда не было даже облачка сомнения, что всему этому рано или поздно будет конец. Конечно, если я духовно окончательно огрубею (я думаю, я очень уже огрубел) и мои друзья, а сергиевские (Дворянская, 7) особенно, не будут озонировать окружающую меня духовную затхлость, какая часто помимовольно входит в душу, то, конечно, глубины, нежность и действенность этой, особенно редкой теперь, дружбы могут пострадать. Пострадать, но не кончиться. Это тем более невозможно, что сами Вы не меняетесь. Конечно, в моем положении, осложненном болезнью друзей, слабостью и добротой Дедушки[135] и бездействием, что так же ложится на душу ржавчиной, как на сверкающую сталь плуга, не взрыхляющего уже пашню, конечно,

[133] Брат епископа Германа Леонид. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) По словам Г. Л. Солоповой, его попытки оказались безуспешными.
[134] Старца Алексия.
[135] Патриарха Тихона.

находят минутки, когда глаза становятся грустны. Но все же не знаю, особый ли дар это благодати Божией или, быть может, особенность моего сердца (хорошо, если не сухость), но только это как-то быстро проходит, и никогда почти я не чувствовал своей оторванности от друзей и любимых. И меня особенно радует, что большинство прошедших уже мою школу духовного воспитания друзей, почти в каждом письме и особенно в большие праздники, всегда чувствуют, иногда до ощущения, мою к ним близость. Если бы Вы не были смысленны в том, о чем я говорю, то, конечно, это Вам было бы непонятно. Но это факт. Я же не особенно нежу свое сердце ни представлением любимых мною уголков, святынь и лиц, ни воспроизведением тех сладостных настроений, какие они мне давали, чтобы не ослабеть. Многие из нас на этом, мне кажется, и споткнулись тогда, когда надо было быть особенно мужественным и, забывая все решительно заднее: и домы, и друзей и т. д., помышлять только о том, как бы не ослышаться и не признать «чуждаго гласа» вместо властно зовущего в радость чрез боли страдания: «Иди за Мной». Нельзя же, милая Наташенька, расстраиваться, что моя бедная фисгармония вдалась тоже в политику. Я, кажется, этим расстраиваюсь гораздо меньше Вас и если и посылаю бумажку Лёне, то только потому, что надо бороться со всяким беззаконием, кем бы оно ни совершалось. Если он ею не захочет воспользоваться, то и не надо. Будем учиться иным звукам, чтобы услада временными не умалила восприимчивости к вечным.

Быть может, это письмо попадет ко дню Вашего Ангела. В прошлый год мы путешествовали уже в этот день на пароходе к теперешней моей резиденции. В нынешний я мысленно побываю у Вас, как некогда, поздравлю и заранее теперь поздравляю с днем Ангела, а Веру Тимофеевну с дорогой не только ей, но и многим инородным именинницей, а пока желаю ей бодрости духа, сил для ее работы и прежней теплоты к близкой по-прежнему к ней Масе. Сердечный привет знаемым. Христос с Вами обеими. Таня целует и поздравляет и маму и дочку.

27
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День мучеников Адриана и Наталии,
<26.VIII.> 1924 г.

Родная и дорогая моя Наташенька! С особой теплотой и любовью сердечно приветствую Вас в Ваш нарочитый день. Как-то особенно лег-

ко и радостно было сегодня молиться перед престолом Солнца правды о Вас и душе Вашей, отражающей ярко светлые блики Света мира. Когда сегодня воспевали хвалу мученикам, где так ярко подчеркивается, если так можно выразиться, особая религиозная активность и проникновенность в смысле воздействия на Адриана мученицы Наталии, я невольно думал о Вас. Как Вы знаете, я полагаю, что каждый из нас не зря носит имя определенного святого. Бог поручает нашу душу именно тому святому, который имел, развил и силой Господа усовершил именно те же самые добродетели и христианские навыки, какие в своем зародыше даны и нашей душе. Я как-то особенно ясно почувствовал, что чрез Вас мученица Наталия продолжает на земле свою работу и распространяет свое влияние на большее, чем один Адриан, число мужчин, нужных Господу. Вы, конечно, знаете, что многие из нас встречают на своем жизненном пути многочисленные женские влияния, но очень немногие, как я в Вас, встречают в их лице глубокое освежающее и очищающее небесное, в духе мученицы Наталии, воздействие. Такая святая и светлая дружба, совсем юная даже среди уже не юных, лишний раз говорит только о правде великих слов, что есть только одна победа, побеждающая мир с его похотью, гордостью и чувственностью – вера наша, и Начальник и Совершитель ее – наш Учитель и Господь.

На дворе сейчас снежная метель. Снег побелил и крыши, и деревья, и землю. Тем радостней и теплей на душе, когда сейчас мысленно приходишь к Вам и дышишь той атмосферой, какую вообще редко приходилось мне наблюдать и среди других, и даже в самом себе. Я вспоминаю сегодня и других своих знакомых, носящих имя Наталии и Адриана. В одном Посаде, кроме Вас, – еще три. Есть у меня и большой мой почитатель и ходатай, когда я в 21-м и 23-м годах был болен, Адриан, в<олоколамск>ий крестьянин[136]. Словом, сегодняшний день – день дорогих именинников, и особенно светлый, потому что именинница Наташа. Сегодня или завтра из Т<омска> ждем парохода с почтой. В конце недели будет, вероятно, на Т<омск>. Возможно, что идущий сейчас из Томска на Тобольск пароход еще раз сходит (кроме того), и мы, таким образом, будем иметь почту в конце сентября. В октябре несомненно будет перерыв. Почему-то думаю, что в октябре же станет зима. Мы здоровы и благополучны. Второй месяц ничего не имею из Пскова[137]. Беспокоюсь.

P. S. Иконочку передайте Верочке.

[136] Андриан Маслов, один из трех «делегатов от православного населения гор. Волоколамска», подписавших в мае 1921 года «частную жалобу» народному комиссару юстиции с просьбой разрешить епископу Герману вернуться в Волоколамск под их поручительство (ЦА ФСБ РФ, д. П-38560, л. 317).

[137] Владыка Варлаам был арестован в 1924 году и два года провел в ярославской тюрьме.

28
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

<12.IX.1924 г.>

Дорогая Вера Тимофеевна! С сердечной любовью приветствую Вас со днем Вашего Ангела. Да сохранит Вас Господь, по воле Которого Вы живете, по Вашему мнению, больше и дольше, чем, казалось бы, надо Вам жить. Очевидно, Ваша искрометная душа может посылать еще свои Божьи искры, зажигающие в холодных сердцах многих, кто с Вами встречается, те святые огни, без которых нет жизни. В настоящую минуту я просто изнываю от множества писем, какие надо через час сдать.

Завтра пароход к Вам. Весьма возможно, что из Тобольска к нам пойдет уже последним рейсом. Если это так, то долго нам придется отдыхать без писем и всяких новостей. Правда, теперь новости все грустные. Никак не могу опамятоваться от решений о закрытии всех деятелей типа Ивана Израилева[138]. Конечно, ясно, что это значит. Но сон так глубок, что, кажется, ничто не разбудит тех, кто должен бы был с ужасом помышлять, что станет с его жизнью, когда умолкнут все приветные небесные огоньки. Становится жутко жить, и не то уныние, не то что-то другое, тупое и безотрадное, подкрадывается к сердцу.

Мы благополучны пока. Завтра год, как мы здесь, и десять месяцев до конца. Прошу молитв у Вас и старца. Поклон низкий Ване.

P. S. Таня сердечно приветствует Вас и целует.

---

[138] В 1924 году Сергиевский уездный исполком предпринял ревизию всех ранее приписанных к Лавре монастырей, превращенных в 1919 году в артели. Комиссия пришла к выводу, что «названные артели упорным образом ведут чисто монашеский образ жизни». Прибавив для солидности обвинение в «отсутствии кооперативных начал» и «примитивном способе ведения хозяйства», исполком принял решение ликвидировать Гефсиманскую, Киновийскую, Вифанскую, Параклитскую и Покровскую артели. Однако правления Гефсиманской, Параклитской и Вифанской артелей направили заявления в Центральный исполнительный комитет, в которых наглядно показывалась незаконность этого решения и полезность деятельности артелей. В результате решением Президиума ВЦИК от 15 сентября 1924 года решение сергиевского исполкома было «приостановлено», и артели просуществовали еще несколько лет. – ЦГАМО, ф. 66, оп. 11, д. 864.

29
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

17/30.IX.1924 г.

Сегодня день Вашего Ангела. Сейчас у Вас шесть часов вечера. У Вас, вероятно, кое-кто есть, хотя это, пожалуй, только умаляет Вашу радость, так как среди людей Вам и скучно, и тяжко. Возможно, что и я теперь среди Вас не только как маленькая тема для разговоров около именинного чая, но и, быть может, самолично в том образе, какой послан Наташе и без особых комментариев говорит о благоугождении плоти в ущерб утучнения духа. Я Вас поздравил, а сейчас поздравлю еще, так как в данную минуту я у Вас. Я сажусь на диван и начинаю с Вами разговаривать. Вы пишете, что нам с Вами нечего ждать здесь на земле и совсем не к лицу мне из-за какой-то фисгармонии помышлять о прокуроре, кипеть и протестовать. Я очень бы желал и не кипеть и не протестовать, но все же, думаю, пример апостола Павла, который, убеждая верных лучше быть обиженными, не раз, для того чтобы ограничить произвол, ссылался на свое римское достоинство[139], – хотя, конечно, никто не заподозрит его ни в гордости, ни в непонимании особенности своего пути, – говорит за то, что обязанность морального воздействия на «погибающих» не снимается с нас даже в такое время, когда особенно часто приходят на память слова Апокалипсиса: «Здесь терпение святых»[140]. Только это и имеет в виду мой протест, а не стремление к развитию талантов, какие уже поздно развивать. То же я мыслю и относительно своих рисовальных способностей. Живописать святыми настроениями души и мелодиями высоких устремлений молитвенных, поднимать над земным свою душу и души ближних, конечно, единое на потребу. Но бывают такие минуты, когда даже великие постники сострадательно советовали хорошо поесть и выспаться (при унынии), и, думаю, Вы согласитесь, что раз в неизвестной степени полезно и это, то допустима и живопись, и музыка. Это путь несовершенных.

Конечно, если не будет у меня фисгармонии и глаза мои, как показал маленький опыт рисования, сильно от этого будут слабеть, придется бросить то и другое, чтобы углубить в себе тот талант, каким я обязан преимущественно служить Богу и ближним. Но как все в этой области слабо и неустойчиво! Поэтому я радуюсь, когда слышу о чистых и стойких (это редкое совмещение), как Ваш Алеша.

[139] Деян. 22, 25–28.
[140] Откр. 14, 12.

Лишенный общения и с Вами, и с Федей, и с Ваней, и старцами, я обленился по-сибирски (удивительные лентяи в духовной и даже не в духовной области). Все живешь так, как будто жизнь будет после настоящего отдыха, а самый отдых дан не для усовершенствования этой самой жизни. Так, в конце концов, ничего из меня и не выйдет, потому что и я уже стал чувствовать, что приближается старость, какая живет уже приобретенными навыками... А навыков-то добрых и святых нет...

Вчера и особенно сегодня удивительно ясный, тихий, с прозрачными далями и глубоким небом день. Вчера я долго наблюдал, как тихо и красиво, озаряя бесконечно разнообразными улыбками свой последний миг, кончался день. Я думал, как много надо пережить и много иметь ясной веры и надежды в любви, чтобы хоть отчасти здесь на земле отразить маленький кусочек Вечной Софии Бога – Света и Истины...

Мы благополучны. Новый заведующий над нами молодой человек в стиле (по виду) тех, кого можно часто видеть недалеко от Мясницкой и Сретенки (не только по виду).

P. S. Вчера (29-го) и сегодня я с особой сердечной теплотой и болью вспоминаю Троицу и Вифанию. У нас четвертый день свирепствует снежный ураган. Возможно, что станет зима, и дай Бог, чтобы это письмо не застряло.

P. P. S. Привет Наташе и всем знаемым.

30
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

27.IX.1924 г.

Я уже запечатал письмо маме и Верочке, как сегодня почта (последняя до зимы) привезла Ваше и заказное Веры Тимофеевны. Сегодня же ждут последнего парохода к Вам, и осталось всего несколько часов до него. Пишу только Вам. Никогда не думал, что я похож хоть в чем-либо на таких прекрасных, стойких и умных, как епископ Алексий. Я его не видел лично, хотя он прибыл на Долгоруковскую тогда, когда я собирался на Таганку[141], но я много слышал от своего верного почитателя Е<лизаветы> М<ихайловны>: она делала ему передачи и восхищалась его мудрой и ясной стойкостью. У меня же

[141] То есть епископ Алексий был заключен в Бутырскую тюрьму, которая находилась на Долгоруковской улице (теперь часть Новослободской), незадолго до перевода епископа Германа в Таганскую тюрьму.

ничего нет из того, чем он и сейчас в Серпухове служит своим ближним. Думаю, что если Богу угодно нам снова свидеться, то не я, а Вы не узнаете во мне или не увидите, точнее, того, что старается во мне отыскать Ваше христианское сердце. Вместе с Вами, а не милым язычником М. Н.[142] я восхищаюсь тем путем, каким пришел ко Господу епископ Лука[143]. Такие, я понимаю, заставляют даже слепых выйти из их равнодушия к тому, в чем и жизнь, и свет, и истинная радость. Другие же, подобно Феде и «земному небу», в узы псковские ныне заключенному[144] (об этом тоже сообщила мне сейчас почта), если и не разбудят уснувших, то не их в том вина, потому что не вина чудных звезд на темном небосклоне, что их зовы не слышат спящие. Среди горя и тяжести настоящей жизни и мое никуда не годное сердце умиляется, видя в них отсветы Тихого Света, и в их красоте преклоняется перед Вечной Красотой, которую, увы, я очень мало отражаю в своей жизни. Надеюсь, что Христос поможет Вам делать Его дело и в той тяжкой обстановке, в какой приходится Вам работать. Вот берите пример с Вани. Вера Тимофеевна пишет, что, несмотря на отчаянное положение его детища, он успевает даже старчествовать там, где привыкли повелевать и дышать тонкой и отравленной лестью. Радуюсь и за Алешу и Славу. Дал бы Господь, чтобы он не захворал, как Варля. Вы ничего не пишете ни про то, что получили мое письмо ко дню Вашего Ангела, ни о получении карточки. Имейте в виду, что перерыва между почтой не будет, так как уже становится зима, и смело можете слать письмо по получении. Снова прошу Ваню прислать мне крестиков и свечей. Только от них и было светло.

Передайте мой сердечный привет маме, Ване, Наталье Дмитриевне. Я думал, что у нее будет Таня, а не Маня. Таня целует. Мы здоровы. У нас новый заведующий лубянского стиля. Мир Вам. Привет старцам.

---

[142] Врач-терапевт Шингарев. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Михаил Николаевич Шингарев заведовал терапевтическим инфекционным отделением в Сергиевской (бывшей земской) больнице в 1918–1929 годах, до своей высылки из Сергиева (*С. Волков.* У монастырских стен. М., 2000, с. 569).

[143] Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961), выдающийся хирург, профессор медицины, в 1921 году в Ташкенте принял сан священника. В 1923 году после монашеского пострига с именем Лука был хиротонисан во епископа. В том же году арестован и двадцать лет провел в ссылках и лагерях. Прославлен в лике святых как исповедник. См.: *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* «Я полюбил страдание...» Автобиография. М., 1998; *Протодиакон Василий Марущак.* Святитель-хирург. Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М., 1997.

[144] Владыке Варлааму, арестованному в Пскове и отправленному затем в ярославскую тюрьму.

31
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Знаменье Божией Матери,
<27.XI.> 1924 г.

Открыточку мы Вашу получили здесь, но мы такой непоседливый народ, что сейчас опять у нас переселение, и теперь уже более интересное, чем полтора месяца назад на пароходе. Придется прокатиться по крепкому морозцу около ста верст. Сюда мы были командированы в порядке разгрузки. По разным концам должно было выехать, кажется, более тридцати человек. Я выехал молниеносно, а все остальные, кроме, кажется, трех, назначенных южнее, и по сие время еще отсиживаются в Самарове. Здесь так все «поглянулось», что жить бы и в уединении среди народа, во многом напоминающего по настроению наш, простого и сердечного, заниматься своим внутренним миром, но «почтенный» позавидовал и воздвиг свою тяжкую пяту. Я здесь ничего не делал такого, что чем-либо могло дать повод рассматривать меня как вещь, ничего не делал более того, что всегда на виду у всех делал в Самарове, но уже за полтора месяца оказался таким невозможным, что вчера в три часа (сроком) было мне приказано прокатиться обратно под самое Самарово в Чучелинские юрты. Никакие резоны, ни указание на то, что вместе со мною сюда назначенные даже еще не выезжали из Самарова, что я жду с идущей почтой посылку, какая для меня существенно необходима, так как уже три месяца мы ничего не получали, ни просьбы дать мне бумажку, по чьему распоряжению все это со мной проделывается, и по прямому ли приказанию или исключительно из-за ревности здешних я должен все бросить и в лютую стужу ехать в совершенно неизвестные даже местным крестьянам остяцкие юрты, – все это принесло лишь тот плод, что мне разрешили вместо трех часов выбыть в двадцать четыре часа. По существу происходящего я, конечно, понимаю, что это то, о чем говорит апостол Матфей (5, 10–12). Здесь я даже ни разу не говорил, но вообще в Сибири ощутимее, пожалуй, чем у нас, чувствуется «воздушный», и лишний раз можешь воочию видеть, чем становится человек без Бога и веры в Него.

Адрес наш: Самарово, Чучелинские юрты. Это остяцкая деревушка верстах в сорока от Самарова, недалеко от Оби, вдали от трактовых дорог (на Сургут и Березово), почты, телеграфа, врача и т. д. Не удивляйтесь потому, если письма от нас будут не так часто, но нам пишите, так как чучелинские, кажется, частенько бывают в Самарове

и будут нам привозить почту. Не забывайте, что читателей будет много[145]. Жители Чучелей, кажется, хорошо говорят по-русски, и стройки (избы) у них уже русские. Кажется, если не ошибаюсь, некоторых я даже знаю из Чучелей, и, Бог даст, быть может, устроимся, хоть и не так, как здесь и Самарове, но сносно. У меня борются два чувства: обратить кого следует внимание, как борзо расправляются здесь, минуя технику Москвы и даже Кодекса, а другое напоминают слова Исаии: «как овча на заклание веден и яко агнец... безгласен...»[146]. Думаю, если идти первым путем, то, пожалуй, это будет и не путь Павла, указывающего на свое римское достоинство, и будешь просто Герман, а если идти вторым – будешь авва Герман[147]. Подкрепите меня своими молитвами. Вероятно, мы сегодня уедем, не дождавшись посылок. Будем надеяться, что к Рождеству Христову получим. Ни церкви, ни часовни в Чучелях нет. Прочтите все Вашей и моей Верам.

P. S. Всем сердечный привет. Мы здоровы. Ване, старцу кланяюсь низко. Мир Вам.

32
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

13/26.XII.1924 г., Чучели

Спасибо Вам сердечное, Вера Тимофеевна, за очень содержательный пирог, который Вы сделали к моим именинам, но который поспел лишь на мое новое, за эту зиму уже второе, новоселье. О нем я написал Наташе, и Вы, вероятно, знаете теперь, почему я решил пожить в глуши. Здесь нашелся добрый ангел, который весьма определенно и без всяких притч сказал моим новым согражданам, что беспокоить нас своим посещением не полагается. Я ему очень благодарен. Теперь у меня почти в буквальном смысле затвор, а то мне бы не сладить с бездельными посетителями и праздными беседами, чем наполняют свой не только досуг, но и всю свою бессодержательную жизнь здешние жители. Рад я еще и тому, что Господь теперь ясно указал мне, что Он меня освобождает от всяких обязанностей, к каким, мне казалось, зовет меня мой долг Кира и в отношении тех, среди

[145] Очевидно, напоминание о том, что письма проверяются.
[146] Ис. 53, 7.
[147] Ср. ответ ученика авве Антонию: Об авве Антонии, 31. – Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999, с. 29.

которых я жил до сих пор. Теперь моя душа не будет терзаться, что я для их духовных нужд ничего не делал. Помолитесь только, да не вотще будет мой затвор при условиях, которые древние считали для пустынника гибельными и опасными. Вы понимаете, о ком или о чем я говорю. Пока же, по милости Господа, наслаждаюсь затвором и делаю в нем все то, что делал и автор «Пути ко спасению»[148], с большим, конечно, послаблением в сторону немощей плоти. Домик наш очень продувной, но пока спасаемся железкой и хорошими дровами. При ветре и сильном морозе много раз вспоминаешь Москву во время дровяного кризиса. Но есть шуба, а Таня спасается на русской печи. Посылок еще никаких не получали. Завтра шлем доверенность и, быть может, если Господь захочет нас порадовать, то и получим их на следующей неделе. Спасибо Наташе за ее заботы. Хорошо, если в ее посылке есть то, что я просил отца Ивана Израилева. Теперь ведь мне особенно нужны и светильники и все прочее. Пока мы здоровы и бодры духом. Из Москвы мне очень подробно и обстоятельно сообщили о всем, что меня интересует, и я еще раз возблагодарил Господа за все, что было и есть.

Теперь немного о Вашем пироге. Меня никто и никогда не считал нытиком. Напротив, и здесь, и там, где недавно были Федя и Гурий[149], все завидовали моей жизнерадостности. Думаю, что я не нытик. То же, что Вы считаете рисовкой, имеет своим корнем совсем другое. Я не завистлив, но у меня есть чувство, думаю, не плохое, глубоко умиляться над тем именно, чего никак не могу достигнуть сам. Я так люблю чистоту, смирение духа, кротость, и когда вижу таких, то меня охватывает теплое чувство благоговения к ним. Я глубоко чувствую свою бедность и потому, быть может, делюсь этим не со всеми, а с любимыми и меня любящими, что при этом сознании не меньше чувствую и свою гордость и самолюбование не недостатками моими, а тем, что дал мне Бог. Вот в этом и заключается постоянная болезнь моего сердца. Но возможно, что лучше об этом не говорить даже самым дорогим людям, а плакать перед Богом, хотя апостол Иаков заповедует «исповедовать друг другу согрешения»[150], чтобы исцелиться. Вы ничего не пишете про Ваню. Ничего не пишете, получили ли Вы мою карточку и иконочку для Вашей тезки[151]. Если найдете возможным, то сообщите и об этом внешнем.

[148] Святитель Феофан, затворник Вышенский.
[149] То есть в тюрьме.
[150] Иак. 5, 16.
[151] Сестры Веры.

Быть может, это писание доберется до Вас и Вы его будете читать с Наташей на святках. Помолитесь вместе и попросите старцев воздохнуть ко Господу, чтобы Господь не отступал от меня, особенно теперь, когда я залетел в такие места, где легче отправиться на тот свет, чем добраться до живых людей. От Самарова пятьдесят верст. Мы вдали от всяких, и зимних трактовых и летних водных, путей. Но дух мой бодр, и молитв прошу, чтобы и плоть моя не была немощна. Всем привет. Письмо Наталье Дмитриевне, пожалуйста, запечатайте в конверт и передайте. У меня сейчас конвертов нет. Да хранит Вас Христос и дорогую Наташу. На покой еще не благословляю.

P. S. Передайте привет и Верочке. Пишите простым, а не заказными. От Верочки ничего не имею. Наш адрес: Самарово, Чучелинские юрты. Таня благодарит за память и целует Вас и Наташу.

33
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

18/31.XII.1924 г.

Родная Наташа! Я недавно послал Вам и Вере Тимофеевне два письма, и Вы знаете, где я и как себя чувствую. Спасибо Вам сердечное за посылку, какая меня порадовала, конечно, не столько яблоками, какие почти все дошли в свежем и нетронутом виде и до каких кто не охотник, и еще более даром тяти Крони[152]. Поблагодарите Вы, как хорошо Вы умеете, и его и всех, кто вложил столько любви в посылаемое. Пусть они все будут уверены, что на моих молениях в моем настоящем затворе за всех к небу поднимаются воздыхания, а в минуты грусти ко всем им с теплой, бодрящей любовью бежит мысль и сердце. Я вчера получил сразу все посылки за четыре месяца и с ними целую канцелярию, ответить на которую с той же оказией (едет через два часа) нет ни физических, ни душевных сил. Ване я всегда и аккуратно отвечаю на его письма, теперь же, дорогая, Вы, быть может, поймете, что мне не всегда будет возможно по очень многим деликатным причинам отвечать даже на крайне важные. Я до сих пор не знаю и из Ваших писем не знаю, что с ним и его детишками? Видимо, болеют, но еще живы? Земное поклонение старцу соседу и более юным старцам, какие гораздо ближе стали мне, чем тогда, когда я к ним

[152] Отца Кронида.

пространственно был близок. Да хранит всех вас Христос, светлые дни Которого приближаются. Я бодр духом и пока здоров и телом, что, конечно, не так важно. Для божественного все у меня есть, только молись и спасайся. Да хранит Вас Христос. Маме и всем низкий поклон. С этой почтой Ване не напишу. Он сильный, а есть много слабых, каким необходимо написать хоть два-три слова. Мир Вам. С праздниками и Новым годом.

34
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

8/21.I.1925 г.

Что-то Вы, родная Наташа, ничем не обмолвились к светлым праздникам. Или уже такая несчастливая Ваша судьба, что все от Вас запаздывает, хотя, конечно, никогда теплота Вашей любви и молитвы. Слава Христу, с 24 декабря моя хибарка стала и «большой горницей устланной»[153] и свидетельницей не одного, а целых трех таинств веры. 25 и 26-го были святые ночи, и все святки как один праздник. Сколько радости в этих вечерях с Ним, когда только двое собрались в Его имя, трудно передать, и только сердце иногда малодушно сжимается, ожидая расплаты за это от «почтенного». Я уже знаю, что в Москве и, кажется, не только в Москве опять и поветрие, и эпидемии. Бедный Федя! На этот раз, быть может, более бедный, что досужие авторы будут сочинять его роман с Пашей. А Витя наш? Мы каждый раз думаем, быть может, это перейдет, будет легче, и видно: «Здесь терпение и вера святых»[154]. Я куда счастливее многих и многих. Только не будет ли это счастье снято с тех счетов, где сугубо платят не счастливым, а несчастным.

Все почти святки стояла удивительная погода – тихая, задумчивая, кроткая и успокаивающая. Казалось, небо, смотря на землю и ее смятение и бурление, говорило: «Все мимоидет... Вся добра зело, но ни одна йота или черта не прейдет от закона»[155].

Мы здоровы и бодры духом. Таня обеим кланяется. Да хранит Вас с мамой Христос. Мир Вам.

---

[153] Лук. 22, 12.
[154] Откр. 13, 10.
[155] Мф. 24, 35; Быт. 1, 31; Мф. 5, 18.

35
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Льва и Флавиана, исповедников,
18.II.1925 г.

Что-то Вы, дорогая моя Наташенька, крепко замолчали и тем положили лишний подвиг писать мне Вере Тимофеевне. Я очень люблю ее письма, так как всегда в них чувствую тот здоровый, большею частью холодный водный душ, к каким я часто прибегал в своей молодости. Но я очень избалован и, быть может, потому люблю не только холодный душ. Иногда в жизни и без того много холодного, а здесь этот холод чувствуется и физически и духовно, <так> что вспомнишь и о ласковом солнышке и о тех лучах его, какие не жгут и не слепят, а тихо греют и успокаивают. Конечно, понятно без всяких слов и разъяснений, что в условиях, в каких приходится теперь жить Масе, можно не раз подойти, близко подойти к тому, что называется унынием или пессимизмом, когда уныние становится хроническим. Не скажу, чтобы это у меня имело какой-нибудь длительный характер, но когда не имеешь живой связи со своими друзьями, когда не с кем поговорить на темы и любимые, и предполагающие некоторый и духовный, и интеллектуальный кругозор, когда целыми месяцами оторван даже от почты, когда предоставлен одним только своим настроениям и еще очень мало умеешь выше и дальше временного смотреть в будущее вечное, когда всякая болезнь кого-либо из друзей отзывается в душе острой болью, тогда особенно необходимо иметь письмо Наташи, и когда его нет, тогда особенно бывает грустно. Для выработки терпения и самопознания, конечно, очень хороши те условия, в каких живу, но когда начинает приветливее светить солнышко, когда начинает пробуждаться спящая красота вечной и живой книги о Боге и Его правде, тогда больнее щемит сердце, тогда начинает тосковать оно о любимом деле, о своих далеких детях, о тех уголках, где было так тепло и радостно и какие стоят теперь с печатью разрушения, лучше слов свидетельствуя, как опустошена теперь человеческая душа. Теперь ко всему этому естественно присоединяется и мысль о первом июля[156], который так или иначе должен стать какой-то новой вехой в моей жизни... Конечно, не особенно хотелось бы, чтобы эти вехи были опять к тем небурным пристаням, где все же тяжелее, чем в бушующем море, но невесело думать и о том, что третий год разлуки будет

[156] О дне официального окончания ссылки по старому стилю.

и четвертым. Вот видите, сколько всего зря поднимается и в душе и в мыслях, когда долго кто-то не пишет. Вы должны чаще писать вместо заболевших, а пока сердечно Вас поздравляю со святой Четыредесятницей и желаю светло и радостно встретить день Христов.

Мы живы и здоровы. Пока там же, хотя все время слухи, что скоро опять будет новоселье, возможно, что в согласии отчасти и с нашими желаниями. Привет маме и знаемым. Передайте писульку Верочке. Да хранит Вас Христос. Старцу поклонение. Где Ваня? Мир Вам.

36
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

6/19.III.1925 г.

На днях только послал Наташе письмо, какое долгое время было написано и лежало, ожидая своей оказии, но вчера привезли два письма и от мамы и от дочки. Хоть и трудно бывает более месяца сидеть без почты, но и почта теперешняя так больно бьет и по сердцу и по нервам, что не удивляйтесь, если это письмо будет иметь спешный характер, так как сейчас уже уезжает оказия и я не всем успел написать, более слабым, чем Вы обе, сильные и в своей слабости. Хорошее в том удручающем, подчас и горьком, что приносит почта – то, что действительно наша здешняя жизнь кажется каким-то раем, в сравнении с тем, что у вас. Пишут мне, и из газет видно – много поразительных аномалий в природе. Характер их повсеместности заставляет серьезно над ними призадуматься, хотя с мистической точки зрения было бы совершенно необъяснимо не то, что происходит, а то, если бы все было нормально, кроме души человеческой, какая среди потрясений и испытаний сейчас выковывает новый свой духовный строй и кристаллизуется как в направлениях положительных, так и отрицательных. Про Витю мне пишут подробно. Он работает на кухне, таскает помои и эту работу выбрал сам, чтобы не дышать дурным воздухом своей комнаты. Как духовно он растет, это видно, как пишет его знакомый, не по дням, а по часам. Страшит только его здоровье и сердце, каким, конечно, едва ли под силу вообще физический труд, и такой тяжелый, какой он выбрал. Вот эти примеры самое радостное в наше серое время, и, думаю, было бы спасительней для всякого из нас останавливаться на светлом и добром даже у слабых и малодушных, чем с суровой жестокостью видеть лицемерие даже там, где, быть может, есть только простое малодушие или, еще больше, неправильная такти-

ка. Апостол Петр был совсем не лицемер, а, однако, позорно отрекся от Христа перед простыми служанками[157]. А всякому сильному надо помнить слова Апостола: считающий себя сильным пусть будет осторожным, чтобы не упасть[158].

Мы пока в Чучелях, и все у нас и по-духовному и по-физическому обстоит благополучно. Сердечно приветствую Вас со святой Четыредесятницей и желаю в радости встретить день Христов. Старцам привет. Молитесь за нас. Мир Вам.

37
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Благовещение,
<25.III.> 1925 г., Чучели

Спасибо Вам сердечное, Вера Тимофеевна, за письмо от Герасимова дня, на днях полученное. Как и все вообще Ваши письма, оно принципиального характера, и потому-то я так ценю и духовно возбуждаюсь от этой переписки с Вами. Своими последними письмами Вы побуждаете меня говорить с Вами о том, что гораздо интереснее и для меня, чем писать о своих настроениях, повседневной жизни и мечтах. Если помните, Вы писали и о мало счастливой Вашей тезке и о совсем неодухотворенной другой моей сестрице по плоти, на чем довольно ловко спекульнул ее супруг, заменивший женские объятия на «объятия Отча» (что было бы, быть может, даже трогательно, если бы это одновременно не было бы крупным шагом по иерархической лестнице)[159]. Вы пишете, что вся тяжесть искупления ляжет на Николая и Виктора. Я приведу Вам или просто укажу цитату из пророка Иезекииля (3, 17–21), которая является очень крупной корректурой к Вашим словам. Искупление за своих духовных чад – «да» и за нерадение в их поучении тоже «да», но искупление за Веру и Зину только потому, что они одной крови с нами – едва ли. Но моя совесть в этом отношении мало тревожится, так как и та (особенно Зина) и другая слышали мое определенное слово, и если они остались автономны,

[157] См. Лк. 22, 56–60.
[158] См. 1 Кор. 10, 12.
[159] Муж сестры Зинаиды, священник Владимир Бусыгин, настоятель храма Бориса и Глеба у Арбатских ворот, в 1924 году развелся с женой и принял иноческий постриг с именем Иннокентий. В том же году хиротонисан во епископа Каменского. В 1926 году примкнул к обновленцам. Умер в 1935 году вне общения с Православной Церковью.

то едва ли Бог будет судить за эту автономию нас, тем более она имеет связь более со свободой их духа, чем с равнодушием к ним со стороны Германа и Варлаама.

О падении «огромного дворца мозаической работы» я вполне с Вами согласен. Этот ужас не персонального характера, кого бы Вы ни разумели под этим дворцом (полагаю, это относится не ко мне, так как такое сравнение мало соответствует действительности и более массового характера). Что касается Вашего заключения о растлевающем влиянии на веру семинарий и академий, то я тоже отчасти с Вами соглашаюсь, потому что умничанье или, еще хуже, позирование и либеральничанье там, где все постигается опытом смиренного переживания в себе силы от рождения от воды и Духа, – все это могло только растлевать, и тем более, что носило насильственный характер. Но часто здесь вина и не школы, а той неразумной ревности по Боге, которая, вопреки Его заповеди, «мечет бисер перед свиньями»[160].

Благословлять наших учителей, конечно, надо, и в минуты (не скрою, что уж не такие частые) духовного успокоения и умиротворения делаю это и я, но все мое сердце и кипит, и негодует, когда только подумаешь о том обнажении морального[161], какое совершается во имя великих идей освобождения человека от всего насильственного и дурного. Виноваты, конечно, и в этом те, кто, не зная, куда девать деньги, вместо приютов для беспризорных людей и детей, просвещения и помощи неимущим и обиженным золотил главы, отливал многотысячные колокола, строил доходные дома и стены и т. д. Но эта вина цепей нисколько не преуменьшает того, плоды чего заметны даже на малых детях. То, что наблюдал Сережа Петропавловский[162] во время «купания», я уже неоднократно наблюдал во время «питания». Что касается перевоплощения, то мы с Вами, кажется, по этому вопросу уже говорили. Оно потому не христианское учение, что отвергает основную идею о Боге-Личности и человеке – Его образе и подобии. Для личности не может быть многорождения, так как и для Сына Божия было только одно воплощение.

Кончаю. Не уверен, что это письмо уйдет. Сегодня очень бурно потеплело и сразу может испортиться дорога, так как очень глубок снег. Мы, видимо, остаемся в Чучелях. Помяните в молитвах, когда запоют «Христос воскресе». Таня, как и я, Вас обеих приветствует.

---

[160] См. Мф. 7, 6.
[161] То есть освобождения от правил морали.
[162] Отец Сергий Сидоров, настоятель Петропавловской церкви в Сергиевом Посаде.

38
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

17/30.V.1925 г.

Родная моя Наташа! На письмо Ваше, писанное на Крестопоклонной, только теперь имею возможность ответить, хотя и не знаю, когда этот ответ пойдет и попадет к Вам. Ваше письмо, полное грустных самобичеваний, говорит только и больше всего не о том, что что-то сбило Вашу духовную энергию, а о том, что Вы физически очень переутомились. Мы же с Вами не достигли того духовного состояния, когда чисто духовное, вернее, благодатная энергия препобеждает не только немощь нашей плоти и тела, но окрыляет связанный этим бременем наш тоже не всесильный и без Бога бескрылый дух. До поры до времени все мы живем богатыми естественными, от природы и родителей нам данными физическими и духовными запасами. Дух Божий и Господь действует через эту нашу физическую свежесть и энергичную душевность. И сама жизнь в эту пору открывает нам еще не все лицо свое, потому в нас так много бодрости и еще чаще хорошего идеалистического и всякого другого задора. Но эта полоса рано или поздно кончается, наступает для всякого своя Гефсимания с ее бореньями и изнеможением до кровавого пота, а потом и Голгофа. То и другое и мучительно и страдно, и всего чаще страдно именно тем, что дух наш должен отрешиться от своей праведности (как бы чиста и идеальна нам ни казалась она) и примириться с праведной волей Божией, для нашей душевности всегда стеснительной и трудной.

Вы пишете, что к 1-му мая должно быть «то-то», и от этого стонет все Ваше сердце и Вы говорите: «Это воля Божия, в ней ничего не может быть мучительного», а все же Вы мучаетесь. Вспомните кровавый пот Гефсимании, вспомните эти постоянные слова нашего Учителя, что идти за Ним можно только «взявши крест», и все это должно сказать Вам, что переход нашего духа в волю Божию всегда мучителен, как и всякий вообще переход от более простой формы бытия в более совершенную и высшую, как всякое и физическое и тем более духовное рождение. Мы имеем здесь на земле только начало этого всецелого перехождения нашей воли в волю Божию, нашего разума (даже верующего) в Разум Божественный, нашей маленькой и несовершенной любви в совершенную и всеохватывающую Любовь Триипостасную. Когда человек уже более полно, положительно (то есть любя это, считая за единую правду жизни) становится на сторону этой Вечной Правды или совершенно отталкивается от нее, то он уже больше

не живет и обязательно умирает. Он прошел все, что может дать эта жизнь, и созрел для будущего.

Смысл личной Гефсимании – внутренно страдая и трепеща, терпеливо выполнять нам заповеданное, не нервируя себя тем, почему это так, а не иначе, потому что одинаково иногда к Богу приводят как сильные потрясения от живого восприятия добра, так и страшные падения. Иуда все время был со Христом и Его предал; разбойник все время был без Христа и в Него уверовал. Если бы ни в жизни Господа, ни в истории нашей веры не было ясных указаний на эти смены светлого и темного и конечного торжества светлого, то тогда, конечно, было бы страшно, но мы должны обвеселять свое сердце словами апостола Павла, сказанными про иудеев и язычников, быть может, приложимыми и к теперь живущим: «ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (Рим. 11, 32). Мы к тому же не знаем, как близки или далеки от нас скорбь «дней тех», которой никогда не было и которую не могут вынести даже избранные, если б ради них Господь не сократил дни ее[163]. Мы живем во время, когда нужны слишком большие потрясения, чтобы не только разбудить мысль человека, но чтобы вернуть человека к средоточию всего истинно человеческого – к его сердцу. Понятна отсюда Ваша физическая и душевная усталость. Будем нести покорно Крест Его, ожидая если не здесь, то там от Господа отдыха и полного откровения глубочайшего смысла всего, что нас теперь так ранит и бьет.

Из писем к Вере и Р<яшенцевым> прочтите, как живем. Мы здоровы, бодры духом и светлые дни праздников провели в тесном, весьма духовном и всяческом довольстве, <так> что я даже начинаю бояться, что новые полосы ненастья будут опять тяжки или, еще хуже, что все это преуменьшит радость будущего. Слава Богу за все, и особенно за юрты. У нас разлив рек в полном разгаре, но тепла устойчивого все еще нет. Только около Вознесения пошла Обь. Когда я буду иметь связь с миром внешним, еще не знаю. Мой сердечный привет Вере Тимофеевне, старцу, Ване и иным знаемым. Помолитесь, чтобы воля Божия явила себя ко благу для нас в день Собора святых Апостолов. Таня здорова и обеих Вас целует. Молитвенно приветствуем Вас с праздником. Мир Вам.

P. S. Командировка Маси кончается 1 июля, по церковному стилю. Петров день – последний день, а Собор 12-ти Апостолов – первый[164], но чего только?

[163] Мф. 24, 21–22.

[164] Если считать первым днем по окончании ссылки 30 июня (13 июля нового стиля, Собор 12-ти апостолов), то последним днем будет 29 июня по старому стилю, а не 1 июля.

39
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

27.V./9.VI.1925 г.

Ваше пасхальное письмо, дорогая Вера Тимофеевна, получено мною к Троице[165]. Все его, с начала до конца, принимаю, как пасхальное красное яичко, «благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю»[166]. Так как я сентиментален, то меня трогает и то, что на правах единственного корреспондента я имею возможность, выражаясь языком Наташи, к кружевам души своей подшить нечто, быть может, не такое тонкое, но зато более прочное и необходимое для настоящей жизни. Я совершенно согласен с Вами, что очень много совершенно ненужных терзаний и малоспасительных страданий наших, и в частности моих, проистекают оттого, что мы все не можем забыть этого: «О лес, о жизнь, о солнца свет, о счастье, слезы»[167] и т. д. – и плачем над щепками от леса вместо того, чтобы заставить мысль работать над тем, как и из них строить все то, на что прежде шли целые дерева. Совершенно справедливо и то, что теперь не благоуханье роз, а крепкий аромат помойки и такие чудные произрастания, как крапива, репейник – не тронь меня... и раз это так, то, конечно, вместо того, чтобы ныть и тосковать о том, «как хороши, как свежи были розы»[168], надо лучше подумать, как парализовать «воню» помойки и во что надо одеться, если приходится в жизни идти не по роскошному лугу с душистой и сочной травой, а сквозь цепкие кусты репейника и не менее жгучие – крапивы. Конечно, логика христианской правды и должна каждому из нас говорить: стало меньше храмов – сам будь, и ты должен быть, храмом Бога; стал неудобен вход ко многим святыням – сам стань этой святыней и живой иконой; не стало многого внешнего, много влияющего на внешних и младенцев еще в вере – дай им то, что несравненно выше этого и одинаково понятно и близко и мудрому и младенцу, дай им теплоту искренней и нерассеянной молитвы и высшее изящество веры: простоту и глубину благоговения и смирения.

---

[165] В 1925 году Троица праздновалась 25 мая старого стиля.

[166] «Со благодарением приемлю и нимало вопреки глаголю» – ответ рукополагаемого во епископа в чине епископской хиротонии, когда ему объявляется о благословении Патриарха и Синода быть епископом такого-то города.

[167] Цитата составлена из восклицаний, выбранных из последнего четверостишия стихотворения А. К. Толстого «То было раннею весной».

[168] Название известного стихотворения в прозе И. С. Тургенева.

Конечно, только наша духовная косность мешает нам видеть в настоящем призыв к «самоуглублению, самопознанию и самообузданию». Выражаясь языком одной великопостной молитвы, теперь именно «время делания явися», и часто жалко бывает не себя (у меня, кажется, не так уж много этого саможаления), как жалко то, что данное время как-то больше употребляется на душевное и телесное, чем на духовное. Потому так и люблю я Вас и глубоко ценю Вашу духовную дружбу, что знаю, как необходимо в жизни иметь корректора всяких своих настроений, направлений и дел, а Вы все время несете эту необходимую, часто скучную и неблагодарную работу. Она тем для меня ценнее, что я почему-то не имею такой дружбы, кроме, конечно, Феди и Вити, с такими, какие могли бы меня так часто и безболезненно муштровать и не обинуясь говорить не убаюкивающее, а будящее. Вы тем более отправляетесь в своей корректурной работе не только от своего «произволения и разума», а от таких высоких авторитетов веры и благочестия, с какими Богу было угодно Вас близко свести[169]. Поэтому мне не только хотелось бы Вас увидеть, но и подольше побыть под бодрящим дыханием Вашего nord-ost'a. Нежных и мягких у меня достаточно, но они никогда не говорят почти мне, что недопустимо во мне, или говорят очень деликатно о легком насморке, когда налицо инфлюэнца со всеми возможными в ней осложнениями.

Конечно, Вы поверите мне, что и мне хочется не только услаждаться тем баловством, каким меня окружила не исправимая ничем Марфа-Таня, этим каким-то сплошным дачным житием, но хотелось бы если не кровью, то потом и слезами способствовать вместе с избранными чистке накопившейся гнили и нечисти. Только потому иногда и тоскую по своему делу и, чтобы вернуться к нему, сделал некое необходимое (с человеческой точки зрения) напоминание о том, что в июле я хотел бы получить отпуск, но я ясно сознаю, что даже сидение в Чучелях полезно для моих детей и что куда будет тяжелее, подобно другим (а это неминуемо), менять Чучели на Соловки, от которых так недалеко некогда был Слава, где еще меньше будет возможностей назидать не только других, но и самого себя. Мне кажется, я уже вышел из того возраста, когда тосковал, попавши из Пскова в Вифанию, и теперешнее мое уединение и особенно радость святой Трапезы, сейчас украшенной распустившимися уже у меня в домике березками (лес еще голый), так полно заполнило душу, что я начинаю

[169] Это прежде всего святой Иоанн Кронштадтский, святитель Макарий, митрополит Московский и преподобный Алексий Зосимовский.

думать, что я был бы теперь способен жить даже там, куда только теперь поехала жить Кроня и где уже с прошлого года отец Михей[170].

Относительно Деда[171] я с Вами согласен был и ранее, и в этом мы расходились с Федей. Его смерть и проявленное к нему чувство глубочайшей и сердечной любви – только, быть может, нашим мудрым лжебратиям, думающим, что без Бога можно делать Божье дело, она ничего не скажет. Смерть, когда святая песнь радостно взывает: «Днесь спасения нашего главизна...»[172], это паломничество, превосшедшее паломничество к новооткрытым мощам угодника Божия, самые похороны, более похожие на перенесение мощей – все это такое радостное и утешительное знамение Божие, что в моем сердце нет ни тени даже смущения и уныния около этой смерти. Видно, сделано все, что было надо, а теперь лучше это дело продолжать другому или другим. Сам же я одного только желаю, чтобы действительно быть тем, чем должен, а все теперешнее считаю такой милостью Божией, что все более и более боюсь, уж не знак ли это того, что Господь не там, а только здесь даст мне утешение за мои добрые намерения, а там ждет меня только грозное отчуждение за то, что очень много дано мне, а очень мало на это многое накоплено спасительных процентов.

Мы, слава Богу, здоровы и бодры духом. Стало теплее. Да хранит Вас Бог. Помолитесь и за нас.

40
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

27.V./9.VI.1925 г.

Родная моя Наташа! Вы, вероятно, теперь уже получили мое письмо – ответ на Ваше большое, которое должно было пойти из Самарова с первым почтовым пароходом. Радуюсь вместе с Вами, что Ваня дома и так неугомонен, что Вы мало надеетесь, что долго усидит он на месте. Теперь надо понемногу учиться радоваться не только тогда, когда кто-либо приезжает в свои родные края, но, быть может, еще более

[170] Игумен Михей с 1924 по 1929 год жил в скиту-артели Параклит. Архимандрит Кронид, согласно житию, в 1922–1926 годах находился в Гефсиманском скиту (Священномученик архимандрит Кронид (Любимов), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. [Сергиев Посад], 2000, с. 74.) Это письмо уточняет его местопребывание в 1925 году.

[171] Патриарха Тихона. Святитель Тихон умер 7 апреля 1925 года. Погребение состоялось 12 апреля в Малом соборе Донского монастыря.

[172] Начало тропаря Благовещению.

радоваться, когда кто-нибудь, в интересах дела и истинной жизни, путешествует или собирается в путь-дорогу. Я уже, кажется, писал, что брат Вити[173], после того, как к нему стали обращаться по его специальности в связи с работой в их местах жуткого, почти повального (пятьдесят процентов всего населения) сыпняка, не стал уже вести любимый им замкнутый образ жизни. Эти дети лесов, до сих пор приносящие жертвы (не поймешь кому: всему свету, шайтану, лесному и т. п.), с такой же стадностью стали прибегать к тем личным средствам, в каких он специалист. Он писал мне, что, не считая возможным им в этом отказать, начиная с Фоминой редко он бывал только вдвоем, как прежде. Вы знаете, как он любит детишек, и когда в его домике бывали или перебывали почти все они, то это все же очень трогательно. Он рад, что, быть может, для этого хоть Бог и привел его в медвежий уголок.

Радостно, как и все праздники Пятидесятницы, мы справляли Троицу и Духов день. За неделю я наломал ветвей березы, где только набухали почки, и какая была радость, когда они распустили свои нежные клейкие листочки и теперь украшают нашу святую Трапезу. В Троицын же день на лодочке-душегубке вместе с одним остяком, с его женой и Таней мы были на здешнем кладбище. Оно на очень красивой сопке, покрытой огромным березняком, на крутом берегу старой Оби, от нас версты три-четыре. Там было уже много знакомых, ушедших отдохнуть от сыпняка (девять человек), и кроме их были нам очень признательны просто, без всякого обряда зарытые в землю, до двенадцати человек. У всех мы побывали на могилках. С утра порхал снежок, но к этому времени проглянуло солнце, в лесу было тихо, перекликались птички, и от всей этой прогулки-поездки, занявшей четыре часа, осталось светлое праздничное настроение. Лес и местечко там очень напоминало Тане ее родной Акатов, а мне показалось, что я был бы способен с кем-нибудь одним-двумя единомысленными, построивши себе маленькие хибарки и такую же маленькую Сионскую горницу, прожить там не один год. Вообще в этом отношении и мой маленький домик – такой резкий контраст с тем, что меня расслабляло в Вифании. Относительно «окрыления и окрепления» не обольщайтесь. Я думаю, что многое из кружев оборвалось и ткани их стали грубей, но лично я только всегда благодарю и очень благодарю Господа за все, и особенно за Чучели. Христос с Вами.

P. S. Записочки, пожалуйста, передайте. Если можно, Наталье Дмитриевне, Верочке письма заключите в конвертики и без надписи передайте.

[173] Сам владыка Герман. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

41
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

16/29.VI.1925 г.

Спасибо Вам, Наташа, за письмо, полученное не так давно. Там Вы пишете, что от меня еще ничего не имеете. Это немудрено, хотя после перерыва Вам, кроме этого, послано два, а то и три (точно не помню) письма. Но первый почтовый пароход из Самарова пошел только 4/17 июня, а второй, который, вероятно, захватит и мои письма – на днях. Это письмо по необходимости (у нас нет оказии на Самарово) пойдет тоже кружным путем, и когда оно сядет на пароход – Бог весть! О смерти Дедушки[174], помнится, я Вам писал. Служить в Благовещенье и в этот же день умереть[175] – это ли не знамение милости Божией и к усопшему и к тому наследию, какое он, несмотря на свои, быть может, ошибки, мужественно оберегал. Все, что было после этого и что продолжается теперь, лишний раз и друзьям и лжебратии его и нашей должно показать, с кем Господь и правда Его. Это должно ободрить и всех оклеветанных. С другой стороны, уход Дедушки должен снять большую часть злостной клеветы на ту идеологию, которая – а не какое-либо политиканство и что-либо к этой области относящееся – объединяла около него несомненное большинство верных древним традициям христианства. Все это лишний раз должно было подтвердить, что «таков (а не иной, быть может, и более талантливый, и умный, и решительный) подобаше нам»[176]... Мне одна интеллигентная и глубоко наблюдательная дама, знакомая со мной только по письмам, очень подробно описала и похороны, и всю обстановку и настроение прощавшихся[177], так что я живо все пережил и совершенно спокойно, но, конечно, не равнодушно отнесся к трогательному событию 25 марта. Мне кажется, так же отношусь и ко всему, что ждет, возможно, и нашу Масю, если она вернется. Конечно, жить в Москве, как в каком-то архиве или музеуме всяких редкостей, не особенно ей понравится, но я хорошо знаю, что

[174] Патриарха Тихона.

[175] Последний раз святитель Тихон служил литургию 5 апреля, в воскресенье пятой недели Великого поста, в храме Большого Вознесения у Никитских ворот.

[176] Евр. 7, 26 («Таков подобаше нам архиерей...» – из Апостола, читаемого на службе святителю).

[177] Дошедшие до нашего времени описания похорон Патриарха см.: Акты Святейшего Патриарха Тихона... позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994, с. 364–398, а также: Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В. С. Бобринской. М., 1999, с. 54–59.

ее последняя служба в деревенской глуши ясней ясного показала ей, что не только духовная, но и всякая сторона жизни бывает хороша именно там, куда приведет человека воля Божия. Я думаю, что свиданье с мамулей и Вами для Маси будет гораздо и необходимее и желаннее, чем всякие другие, так как одна своим зорким взглядом, за что он и любит ее, умеет разглядеть все ненужное и вредное, а другая своим сердцем умеет и среди дурного увидеть нечто светлое, что самого человека заставит легче отбросить ненужное, чтоб стать именно тем, что есть в нем только в потенции.

Сейчас мы в буквальном смысле этого слова живем дачной жизнью. Развели огород. Поливаем и ходим за ним. Радуемся, как растет он не по дням, а по часам, дышим не надышимся чудным сухим и ароматным воздухом, едим ботвиньи, загораем, купаемся и т. д. Если Бог скажет: езжайте – поедем, если решит, что надо еще отдохнуть – будем отдыхать. Сердечный привет Вере Тимофеевне. Таня целует Вас обеих. Мир Вам.

P. S. Привет старцу, Ване и прочим.

42
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

17/30.VIII.1925 г.

Думал было, что лично смогу поздравить Вас, Наташа, но удерживающее все еще властвует надо мной, и я целый месяц уже гощу в Тобольске и не знаю, когда и куда поеду. В день святого Владимира я получил вызов сюда, и в день рождения Веры Тимофеевны[178] мы тронулись уже из Самарова, куда я за несколько дней со всем своим скарбом и своим достолюбезным спутником прибыл на лодке, преодолев пятьдесят верст сплошной воды. Здесь, конечно, мы представились своему шефу, и он очень вежливо сначала угощал нас завтраками, а потом уже неделями, и началась скучная канитель, резко понижающая настроение и набрасывающая на душу что-то скучное и серое. Мой сотоварищ по командировке, как более энергичный, уже не раз разными методами хотел повлиять на ускорение нашего отпуска, но пока воз и поныне там. Сначала мы гостили у здешнего дедушки[179],

[178] В Ильин день, 20 июля/2 августа.

[179] В 1925 году епископа Тобольского Николая (Покровского), который стал архиепископом Псковским, сменил епископ Назарий (Блинов). Точные даты этих перемещений неизвестны, поэтому нельзя сказать, кто именно принимал у себя владыку Германа.

а потом я с Таней снял небольшую квартирку из двух комнат, и мы там водворились и обитаем. У ней тоже крылышки опустились, и, видимо, страшит ее будущее, хотя бы даже и Крестовский[180] и прежняя квартира, но, конечно, все это от настоящей неопределенности и для постепенного приучания себя к городской обстановке.

Мы живем у очень хороших людей (муж и жена), недалеко храм, где хороший старик-священник и очень милый любительский хор. Вообще здесь и храм и духовенство очень приличны, и вообще город красивый, привольный, но все же Чучели свои и я, и Таня вспоминали не раз и, конечно, будем вспоминать как одну из самых интересных страниц жизни. Нас так сердечно провожали, и, конечно, Архиереев мыс, как они назвали одно место, где я больше всего гулял, будет им, кроме другого прочего, напоминать о необычайном происшествии в их жизни, а мне даже и сейчас эти юрты и пережитое в них кажется какой-то удивительной сказкой.

Если, Бог благословит, мы когда-нибудь тронемся в Ваши края, то, возможно, я Вас извещу о том, когда мы будем проезжать Вас, чтобы повидаться с Вами или на вокзале, или, быть может, даже (это между нами и не для огласки) и на диванчике. Ведь когда придется это?! И долго ли продлится жизнь в Москве или Волоколамске? Итак, еще раз сердечно приветствую с 26/VIII, Веру Тимофеевну с дорогой именинницей. Радуюсь, что мой, как пишут мне из Москвы, двойник утешает московских и, быть может, и Вас.

Мы здоровы и просим, чтобы Вы поглубже воздохнули о нас к Господу, да устроит путь наш к Вам во благо святой Церкви и нашего спасения. Привет сердечный Вере Тимофеевне и старцам. Таня кланяется. Мир Вам.

[180] 1-й Крестовский переулок в Москве (в районе Митавского, ныне Рижского, вокзала), где жил владыка Герман до ареста в 1922 году и после возвращения из ссылки.

ИЗ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ССЫЛКИ

1925–1928

43
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

День св. бессребреников Космы и Дамиана,
1.XI.1925 г., < Москва>

Письмо Ваше, Вера Тимофеевна, я получил. Спасибо Вам, что так бдительно стоите на страже моих настроений и с такой прямотой и искренностью ставите точки даже там, где нет никакого і. При всей своей духовной никудышности, я почти не обижаюсь, когда пестуньствуют надо мной люди, совсем меня не знающие, а Вас я, как знаете, особенно люблю за то, что для Вас я дорог потому, что имею некоторую способность и слушать и слушаться, и Вы всегда желаете видеть меня тем, чем и должен быть я. Приехать к Вам я все время собирался и собираюсь, но ведь Вы знаете, что все это время стояла такая ужасная погода, что не хотелось никуда идти, а сидеть дома. Я только теперь вошел, кажется, в физическую норму, и то все время то температурит, то ангина, то носоглотка. Словом, от климата немного отвык, а к людям и обстановке, среди которой надо действовать, присматриваюсь. Я, быть может, быстрее ориентировался бы, если бы некоторые гордые друзья Ваши немного смирились и постарались бы встретиться со мной. Удивительно не то, что до сих пор я не встретился с Алешей, а то, что он, зная и адрес мой и то, что я в Москве, ни разу не заехал ко мне. Я же не знаю ни его адреса, ни тем более не могу поехать к нему в Серпухов, что одинаково может быть не полезно ни мне, ни тем более ему. Ваши подозрения, что я не доверяю Вашим отзывам, неосновательны. Напротив, я отлично знаю, что Вы схватываете в человеке не то, что лежит на периферии его существа, а то, что составляет центр его и существо. Вы видите то, чем может быть человек, и этим объясняется непонятная для не посвященных в тайны Вашего сердца странность, что одних, как будто безупречных, Вы не жалуете, а, напротив, других, «пререкаемых» – любите и яростно (если только не огорчит Вас это грубое выражение) защищаете. Я, кажется, не принадлежу к таким пуританам, как наш друг Данилов, поэтому у меня не может быть к Алеше иного чувства, как братского, подогретого разве только желанием непосредственным ощущением проверить все, что о нем я слышал.

Думаю, что Вам можно быть спокойной и за то, что, живя среди тех, кто незаменим для укрепления в терпении, я «обаблюсь». Можно бояться, что в этом избранном обществе я стану раздражительным, потеряю чувство сострадания и т. п., но уж, если хотите, скажу Вам, несколько извращая известную поговорку, что курица не птица, а монашки не женщины. Что касается того, что я сижу здесь, а не живу в Волоколамске, то расскажу при свидании, и тогда уже будете судить, погрешаю я в этом или нет. Пока же, ввиду очень незначительного требования на фирму епископа Германа, хожу и смотрю, как служат и благовествуют порядочные и любимые московские архиереи. Видел служение и слышал слова любвеобильнейшей Софочки, два раза – Коли[181] и других. Слава Богу, сам не попадал еще за такую службу, кощунственную, по-моему, как вчера в одном переполненном народом храме на Полянке[182]; когда являются ко мне, то ставлю определенные, упорядочивающие службу условия. Раза два, к великому удовольствию не столько заменяющих Федю[183], сколько простых и постоянных его почитателей, был у Даниловых. На днях приехала от него «Таня». После Покрова, кажется, кончились его мучительные переживания. Он обосновался в 350–400-х верстах от Ташкента, в городе, где нашли для него маленький особняк среди сада и здорового климата. «Таня» привезла карточку с него, по которой можно судить, сколько он пережил. Да и она сама говорит, что от прежнего Феди ничего не осталось. Мне показалось, судя по снимку, что он не только страшно изменился физически, но что эта перемена, возможно, отображает и какой-то глубокий внутренний надрыв. Быть может, это результат его терпения, а быть может, и веры прозорливицам, из которых, слава Богу, ни одна его не сопровождает. 6-го хотел было ехать к Вам, но, вероятно, останусь здесь, так как боюсь обидеть Павла Исповедника, который захотел, чтобы я прославил его память. В Волоке к Михайлову дню будет уготовано мне обиталище. Пока поселится там отец Исидор, а с 16-го буду наезжать почти к каждому празднику. Вот Вам кратко о себе. Да хранит Вас и Наташу

[181] Кто назван «любвеобильнейшей Софочкой», трудно предположить, а «Коля» – архиепископ Николай (Добронравов), вскоре арестованный в связи с «делом митрополита Петра» (как и сам епископ Герман, отец Сергий Сидоров и отец Михаил Шик).

[182] По-видимому, имеется в виду служба с нарушением устава.

[183] Архиепископ Феодор, арестованный в декабре 1924 года, находился в это время в ссылке в городе Аулие-Ата (впоследствии Джамбул) в Казахстане.

Христос. Если Бог благословит, то соберусь к Вам, вероятнее всего, после Скоропослушницы[184]. Привет знаемым.

44
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

8.VI.1926 г.

Сидим сейчас рядом с Михаилом Владимировичем[185], и перед глазами многие незнакомые лица из вчерашних. Грустно, что Вам опять не удалось повидать Ваших друзей. Очень немногие могли это сделать. И, пожалуй, – так как это слишком отрадное удовольствие. Сейчас скоро въедем в мою родную губернию[186]. Едем очень хорошо. Плохо только, что поезд не прямой, и уже сегодня пересадка в Рузаевке, а там, кажется, в Самаре и т. д. Так трогательно вчера было видеть маленькую Лизочку Шик на руках своей матери. Пока со мной трое сергиевских. Быть может, Господь поможет с кем-нибудь из них и жить. Получил от Вас одну открытку. Вам тоже писал. Я все время хорошо себя физически и морально чувствовал. Много хороших и интересных людей встретил. Буду писать. Вероятно, не так скоро еще доберемся. Все мы бодры духом и надеемся на милость Божию. Сердечный привет маме, Вере, Наталье Дмитриевне Шик и моим. Старцу и отцу Израилю особо. Привет от отца Михаила.

Ваш Г.

45
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(*открытка*)

16.VI.1926 г.

Сейчас все мы в Самаре. Пробудем, вероятно, до 24-го. Можно попробовать сюда написать (изолятор особого назначения) или вернее в Кзыл-Орду (бывший Перовск), дом заключения. Хочется видеть хоть немного строк от близкого и родного. Едем хорошо.

[184] Как предполагал Владыка, ему удалось побывать один раз в Сергиеве, где он и свиделся с Преосвященным Алексием. А 17 ноября (старого стиля. – *А. В.*) 1925 года он был снова уже изъят. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Праздник иконы Божией Матери «Скоропослушница» 9 ноября. Очевидно, эта встреча произошла в доме Верховцевых.
[185] Шиком. Он имел в то время сан диакона.
[186] Тамбовскую.

Как я рад, что среди своих много личных друзей и много родных тем и воспоминаний. В Орде очень скоро дают назначение, и здесь мы уже встретили тех, кто прокатился до Орды и тем же путем едет обратно до Самары, чтобы попасть в Петропавловск, Семипалатинск и другие восточные пункты Казахстана. Говорят, что нас, вероятнее всего, оставят на юге и едва ли там, где Федя и другие. Чувствую себя хорошо. Одно только грустно, что не видел Вас. Да хранит Вас Бог.

Еп. Герман

46
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Духов день и день св. Феодора Стратилата, 8.VI.1926 г.

Скоро уже две недели, как осели мы в Самаре. Говорят, что в среду рано утром мы двинемся на юг. Если оставят в южной части Казахстана, то путешествие, быть может, будет и не так продолжительно; если же назначат в восточную часть, куда-нибудь в Петропавловск, Семипалатинск или в местности и города около них, то, вероятно, к семи месяцам, которые скоро исполняются, придется прибавить еще один-два. Пока чувствую себя хорошо и физически и морально. Стоит прохладная погода с дождями, и лишний месяц жары здесь, а не на юге все же примиряет несколько с задержками на пути. Семимесячное отсутствие писем от близких оставляет сердце каким-то пустым, и в душе создается ощущение, что ты мало чем отличаешься от выжатого и ненужного лимона. Очень радостно, что среди спутников есть лица, напоминающие родных и любимых. Со мной Шик, Мещерский[187] (очень милый, благородный и, главное, искренний и глубокий христианин) и Хреновский[188], правозаступник. Это трое из Сергиева. Потом преемник Вити по Гомелю[189], которого знает Надежда Александровна, человек очень занимательный, но не в моем духе, и мой

[187] Иван Сергеевич Мещерский (1893–?), князь, бывший штаб-ротмистр царской армии. С ним епископ Герман потом встретился в северной ссылке в 1929 году.

[188] Лев Митрофанович Хреновский (1875–?), бывший присяжный поверенный. На следствии не удалось доказать его причастность к «делу», однако ему был вменен в вину недавно полученный из-за границы денежный перевод якобы «от заграничной белогвардейской организации».

[189] Рукоположенный в марте 1925 года епископ Гомельский Тихон (Шарапов, 1886–1937, впоследствии архиепископ; расстрелян). Был приговорен также к трем годам ссылки в Казахстан.

давний знакомый протоиерей-благочинный из Москвы[190]. Вчера хорошо встретили Святую Троицу, и хотя не было цветов, но две ветки персидской сирени очень сильно благоухают, напоминая тем, что и всякий из нас должен быть для его окружающих живым благоуханием Христовым.

Мне удалось сохранить самое драгоценное, и я поделился этим со всеми своими спутниками. Вообще с самой Москвы, как мы соединились в количестве семи человек, вполголоса совершаем все положенное в праздничные дни. Теперешние наши спутники («иного двора») относятся к этому с достодолжным если не уважением, то терпением. Это очень утешает и ободряет. Вообще с самой «внутренней»[191] я наслаждаюсь мужским обществом. Оно и не нервирует попусту, а так как среди него я встретил весьма много очень интересных людей, то много получаешь и назидательного. Жалко мне было смотреть на вокзале на убитую горем Таню. Конечно, ни ей, ни, быть может, многим другим не понять, почему я вынужден ехать без сопровождающих. Надеюсь, Господь не оставит меня, хотя в физическом отношении, конечно, надо будет примириться со многими неудобствами. Моя просьба ко всем, кто любит меня, всячески поддержать Таню, эту самоотверженную душу, так много сделавшую и теперь делающую для меня и других.

Здесь о нас узнали (да и не мудрено: мы торжественно шествовали по улицам Самары в Вознесение), и добрые люди делают передачи. Пока что все хозяйство, начиная от белья и прочих хозяйственных мелочей, в порядке.

Сегодня невольно вспоминаю Вифанию и Параклит[192]. Привет маме и тезке-доктору[193], моим, отцам, старцу, Ивану Израилеву и знаемым. Буду надеяться, когда сообщу Вам свой постоянный адрес, иметь от Вас весточку. Как жаль, что не удалось Вас увидеть на вокзале. Прошу молитв. Христос с Вами.

Еп. Герман

---

[190] Отец Иоанн Скворцов, настоятель храма Покрова Богородицы в Голиковском переулке. Храм разрушен в 1930 году, на его месте сквер с бюстом А. Н. Островского. (*П. Паламарчук, сост.* Сорок сороков. Т. 2. М., 1994, с. 618–619). Все спутники епископа Германа осуждены по тому же «делу» митрополита Петра.

[191] Следственной тюрьмы для политических заключенных на Лубянке.

[192] Скит в окрестностях Сергиева Посада, недалеко от Гефсиманского, приписанный к Троице-Сергиевой Лавре.

[193] Сестре Вере.

47
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(открытка)

Петров день, 29.VI.1926 г.

Здесь, в Кзыл-Орде, имел большую радость узнать о Вас. Сегодня получил командировку в Турткуль, куда уже уехал Миша Шик, от которых мы отстали. Их мы увидели на вокзале. Они сели в тот поезд, который привез нас из Оренбурга. В Оренбурге видел Таню, которая кое-что привезла мне и хотела было ехать и до Кзыл-Орды, но я запротестовал. Вообще я хочу быть без дополнений, а теперь – особенно, так как в Турткуле нашего брата едва ли не с десятка два. Я очень рад, что Вы хорошо поняли мое решение. Теперешний мой путь несравненно тяжелее первого. Уже четыре остановки и еще столько же. Слава Богу, что настроение не изменилось и физически прекрасно себя чувствую. Да уже здесь нет больше жары. А пока доберемся до Ташкента, жара уже спадет, а останутся только фрукты и прочие приятности. Спасибо сердечное за все, что сообщено. Не завидуйте своей тезке[194], так как часто писать теперь нет возможности. Маме привет. Христос с Вами.

48*
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(открытка)

7.VII.1926 г.

Сегодня месяц, как из Москвы, а пройдена только половина пути до места, где дадут назначение. В Оренбурге я застрял прочно, и очень мало надежды, что попадем завтра, 8/VII на ночной поезд в Кзыл-Орду. Вероятно, от Шик Вы знаете, что все мои опередившие меня спутники назначены в Турткуль. Вероятно, и я буду там. И в Самаре, и здесь сестры делали мне передачи. Это гораздо трогательнее, чем былые щедрые дары от милой Тани. Чувствую, что она очень страдает, но все больше убеждаюсь, что муки этого нового пути были бы глубже, если бы я знал, что со мной терпят невзгоды и другие. Пока Господь хранит меня. И настроение и здоровье нормально. Конечно, есть и некоторая усталость чувств и переживаний, но это в порядке вещей. Помогайте мне тем, что Вам так удается, а пока привет и мир.

Ряшенцев

[194] Н. Д. Шаховской-Шик.

49
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(*открытка*)

28/VII.1926 г.

В Ольгин день выехал из Кзыл-Орды и в полдень на следующий день воскресный торжественно шествовал через главные улицы Ташкента. В Кзыл-Орде за две недели хорошо выдержал жар (в тени до тридцати градусов), спал и все время был на открытом воздухе, каждый день получал приличествующий обед от незнакомых, но познаваемых, загорел и отдохнул. Теперь глаз немного попривык к безбрежной пустыне, какая окружает здешние города, к одиноким юртам кочевников, к ярким цветам Востока. В Оренбурге в последний раз наслаждался волнующей музыкой церковного звона, и в Кзыл-Орде и здесь нечто уже жалкое, да и не так было бы грустно, если бы только жалкое в звонах. Почти во всех городах, пока идешь, слышишь по своему адресу на каждом шагу комплименты и никогда какой-либо насмешки со стороны инородцев. Все это горькая плата за прежнее нерадение. Здесь в Ташкенте масса зелени, фруктов, но гораздо душнее, чем в пыльной и жаркой Кзыл-Орде. Уже справлялись обо мне и, вероятно, будут заботиться[195], если я заслуживаю этой милости у Господа. Трудно среди сутолоки переходов и духоты тесных помещений хранить любимый распорядок дня, но все же кое-что удается и, думаю, нет того духовного огрубения, какое было во втором пребывании[196] в 23-м году. Физически совершенно здоров и на днях начинаю уже девятый месяц и второй из них путешествую. Второе начинает несколько прискучивать. Пишите теперь в Турткуль до востребования. Привет всем и мир Вам.

Е. Г.

[195] В Ташкенте узникам помогал святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и некая матушка София, о чем говорится в «Мемориальной записке» епископа Тихона (Шарапова). Епископ Лука писал позднее обоим владыкам: «Болело сердце мое о вас, когда вы были так близко от меня, но не со мною, а со злодеями, в месте стонов и страданий. Болит и теперь о брате нашем Никодиме [Кроткове], там же заключенном и к вам посылаемом... Радуюсь о вас, служители Божии, ибо слышу о великой любви к вам людей Божиих и о великой ненависти к вам слуг антихристовых». Далее святитель Лука просил молитв ссыльных епископов в связи с начавшимся в епархии старообрядческим расколом епископа Андрея (Ухтомского). – Церковно-исторический архив Православного Свято-Тихоновского богословского института. Современники Патриарха Тихона. Сост. М. Губонин. Т. 1. Тетрадь 14. М., 1965.

[196] В заключении перед первой ссылкой.

50
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

22.VII/4.VIII.1926 г.

Из Ташкента выехал в четверг. В вагоне ехало нас всего восемь человек. После душных комнат – прохладная лунная ночь, утром близко подходящие к железной дороге снеговые горы и в полдень вчера Самарканд. Здесь, как и в Сибири, как даже в Ташкенте, прохожие, и особенно более юные, приходят в неистовый восторг при виде идущего вместе с другими бородатого человека в длинных одеждах. Это уже шестая остановка. В Ташкенте пришлось идти от вокзала по нескольку верст, так что хорошо посмотрели город и, кстати, нас весьма многие могли посмотреть и поприветствовать. Главный народный элемент здесь – узбеки. В Турткуле они же и казаки-старообрядцы с Урала. Киргизы более открытые и сердечные, узбеки более замкнутые и недоверчивые. С фруктов я совсем поздоровел. Об отправке дальше пока сведения очень благоприятные. Вчера говорили, что, возможно, даже во вторник или в среду. Если это так, то это милость Божия, так как обычно этого можно ждать не ранее двух-трех недель. Сегодня Ильин день – рождение Веры Тимофеевны, – любимый мой праздник.

Дописываю через два дня. О поезде определенного мало. Потерял здесь хрустачевскую вещицу[197] и другие подобные и не знаю – найду ли. Не знаю, за что наказал меня Господь. Если довольно побудем здесь, то напишу еще. Привет маме. Христос с Вами.

51
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Самарканд, 4/17.VIII.1926 г.

Не знаю, скоро ли сумею написать Вам о всех приключшихся, а пока на досуге черкну кое-что. Вы должны иметь от меня с полдюжины писем, по числу тех остановок, какие случились на моем пути. Я уже писал Вам, что физически и, возможно (с точки зрения различных уколов), отчасти и морально настоящий путь далеко не легче прежнего. Одна уже его продолжительность! Эти валянья на грязных полах и прочие прелести, каких я совершенно на знал тогда, –

[197] Деревянную резную панагию. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

конечно, все это несколько угнетает, но, с другой стороны, обычная ровность настроения говорит и за то, что все это легко преодолевается силой Господа. Почти везде появлялись местные «Тани». Это самое трогательное на нашем долгом пути. Грустно было в Самаре отстать от Миши и других спутников из Москвы, но, видно, так угодно было Господу. Благодаря этому удержанию я увидел много интересных людей и, быть может, кое-кому из них был полезен. При путешествиях, особенно в наших условиях, эти встречи, как оазисы в пустыне, освежают, дают могучие толчки и для мысли и для ревизии своих убеждений и настроений и скрашивают, а иногда придают глубокое содержание скучным дням ожидания следующего поезда. И когда выходишь из атмосферы глубоких потрясений и дум этих гостиниц и идешь по улицам особенно таких больших, разгульных, привыкших к роскоши, неге и наслаждениям городов, как Ташкент или Самарканд, то особенно болезненно чувствуешь, как далека действительная жизнь от всего серьезного и духовно облагораживающего. Конечно, понятно, что юг с его огромными физическими благами мешает духовному росту, но когда идешь по пустыне и не только на горизонте, но совсем близко к тебе подходят совершенно лишенные растительности гранитные утесы гор, а с неба мигают особенно яркие и огромные здесь звезды, то начинаешь понимать величавую строгость, ясность и силу подвижнической христианской мысли и жизни. Я все время невольно сравниваю юг и север. Во многом (беру чисто внешние эффекты природы) север не только не уступает, но и превосходит юг. Быть может, это зависит еще и от того, что он ближе нам со своими лесами, зимами, звездами и т. д.

Конечно, не приходится говорить о том, что Азия, с ее причудливыми красками и бытом, здесь чувствуется так глубоко, что невольно мысль напоминает, что ты здесь только пришелец и гость. Дики здесь животные, дики здесь люди, дики их музыка и пение, скорее похожее на крики ишаков (ослов) и вой диких животных, но религиозность и дисциплина мухаметанства – это нечто совсем не дикое, а очень трогательное и назидательное. Я здесь немного приуныл, когда из моих вещей опытной рукой было аннексировано у меня самое дорогое (я писал Вам). Сижу сегодня один в своей небольшой комнатке. Утро. Входит мухаметанин. Несет фунта два сахару, фунта четыре белого хлеба и помидоров. С удивительной сердечностью просит все принять. А он в таком же положении, как и я; но ни один русский, кроме вора, не удостоил меня хоть каким своим вниманием. После него была другая большая радость: нашлись панагия и другие церков-

ные вещи и ряса. Про этап пока ничего не известно, но через недельку, если не раньше, все же, Бог даст, тронемся. Сердечный привет старцу и старцам... Мои спят. В окно смотрят звезды и заглядывает конвой, в волчок то и дело смотрят зверски наивные глаза узбеков. Затихает восточная песня. Из города слышен лай собак. Ржет лошадь. На поле кричит перепел. Пора кончать и спать. Помолитесь.

P. S. Конечно, Наташе больше чем кланяюсь. Христос с Вами обеими.

52
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

(*открытка*)

1/14.VIII.1926 г.

Сегодня первый Спас. Я благополучно уже третью неделю все еще не двигаюсь дальше. Но Господь дал и здесь среди обычного томления некоторую радость. Эта радость – заботы и любовь здешних верных. Что-то древнее веет от этих забот, и живая струя прежней, давно забытой чуткости к нуждам святых и странных вливает в душу бодрость и освежает сердце какой-то тихой, нездешней теплотой. Один день похож на другой. Интересных, будящих мысль или волнующих встреч нет, и я удивляюсь, что обычное томление все же не отнимает сил и терпения и у души какой-то спокойной ровности. Конечно, это все за любовь близких и сильных духом. Говорят, что есть надежда поехать 21-го, а быть может, это будет и ранее. Что же, тем лучше. А пока тренируемся на асфальтовых полах и благодушествуем по мере возможности. Привет маме, Наталье Дмитриевне и всем старцам. Помогай Вам Матерь Божия.

53
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День св. Тихона <Задонского>,
13.VIII.1926 г.

Родная моя Наташа! Я все еще в Самарканде. Эти дни были какие-то особенно томительные. Все сроки, назначенные для нашего отъезда в Турткуль, проходили, а мы все сидели. Самое тягостное, что почти никто ничего не мог сказать определенного, а когда мы особенно настойчиво наседали, нас даже своя братия, занимающаяся

в канцелярии и ведающая расписанием и составлением путевок, весьма жестоко осаживала. Наконец вчера, уже вечером, мы получили определенное заявление от тех, кто будет сопровождать нас и уже сопроводил Мишу и других в Турткуль, что мы двинемся 1 сентября, в день празднования иконы Матери Божией Донской (19 августа). Надо полагать, что Матерь Божия будет нашей Покровительницей, а Ваши молитвы – нашими спутниками на последнем нашем перегоне. Конечно, зная меня, Вы не удивитесь, что я стал немного тужить эти дни. Знаю, конечно, что многое мне надо искупить, что многое мне надо возвратить того, что утратил, что все это достигается или доброподвигом самоуничижения и отречения, а когда этого нет, то перенесением (безропотным) посланного, а было как-то немного обидно, что любящий Небесный Отец меня так испытывает. Не правда ли, какой я глупый! Какой я избалованный и никчемный! Пора бы, кажется, взяться за ум и стать взрослым, а я еще совсем младенец в добром, хотя уже зрел в противоположном. Таким образом, если все будет благополучно, быть может, ко дню Вашего Ангела мы будем в Турткуле или, словом, будем в это время к нему подъезжать. Так было и в 23-м году. Как раз в день Ваших именин мы выезжали из Тобольска. Как часто я вспоминаю Сибирь и все прожитое. Как-то Господь устроит теперь? Так вот, родная моя Наташенька, подъезжая к Турткулю, буду вспоминать, что у меня есть светлый и чистый друг, который в этот день вместе со своими и моими друзьями будет вспоминать и меня. А я буду сидеть на любимом диванчике и глядеть на все это. Маму приветствую с дорогой именинницей. Привет и поздравления Наталье Дмитриевне.

Христос с Вами.

54
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День муч. Маманта, 2.IX.1926 г.

На дворе сейчас мягкая, прохладная, но не холодная лунная ночь. С разных сторон несется лай собак. Изредка закричит ослик, нарушая своим скрипучим криком ласковые тоны ночи. Стройными тенями маячат пирамидальные тополи. Как мохнатые шапки туркменов, раскинули под лучами звезд и луны свои ветви карагачи. Людских голосов почти не слышно, и я один в своей небольшой комнатке-мазанке с каменным полом и маленькой русской печью. 31-го августа, так

же как три года назад, когда мы высадились на берег около Самарова, я вошел в это жилище, переданное мне преемником Вити. До моего вселения эта комнатка тринадцать раз была Сионской горницей, и потому все в ней так чисто и строго. Вся комнатка вместе с сенями, какие мало чем от нее отличаются, не больше моей чучелинской светелки. Я совершенно изолирован от других квартирантов. На нашем дворе только семья совслужащего из трех душ с младенцем, да я. Соседи люди хорошие и благочестивые, а хозяйка строгая старуха-уралка (это изгнанные пятьдесят лет назад с Урала казаки-староверы), живет в другом городе, в тридцати верстах от нас. Теперь она здесь и знакомилась со мной. Сзади двора плантации хлопка, люцерны и других злаков, и тут же большой арык (канал) с водой. Много воздуху. Близко деревня. Близко и ГПУ, и друзья, и базар.

Постепенно начинаю входить в суету и заботы хозяек. Хочу попробовать, как это уже делает второй год ученик Феди владыка Валериан[198], делать все, кроме стирки, самолично. Орудия для переработки различных овощей и продуктов в кушанья и пригодные для испытания терпения и самоокаявания уже есть. Путешествовал и на базар. Но так как главный контингент продавцов здесь магометане, то нервы на торг портить не приходится. Как староверы, так и мусульмане религиозны и к нам относятся с большим сочувствием. Один дед-австриец, то есть старовер, принимающий священство, только сегодня притащил мне Пролог и очень озабочен сооружением для меня соответствующего моему положению ложа. В этом отношении здесь легче дышится, чем в Самарове, например, среди русских. Население приветливое. Город весь из мазанок или глинобитных построек в восточном стиле с плоскими крышами, окружен стеной, зелени достаточно. Буйная и могучая Аму-Дарья в двух верстах от центра. Вокруг города кишлаки (род отдельных хуторов среди плантаций хлопка и других растений в чисто восточном стиле).

Здесь все дышит не только Азией, но Палестиной. До того все самобытно, оригинально и красочно, что, не видя, трудно представить. Эти четвероногие здешние велосипеды-ишаки (ослики), снующие туда и сюда с важными всадниками в восточных халатах и огромных барашковых шапках, арбы (двуколки) с огромными колесами, в сажень диаметром, караваны верблюдов, яркие краски туземных нарядов, крытые базары, огромное количество всевозможных фруктов,

[198] Епископ Валериан (Рудич) окончил Московскую Духовную академию в 1900 году, когда еще епископ Феодор не был ее ректором. Назван «учеником Феди» как сторонник «даниловского направления».

сравнительно доступная жизнь, имея все необходимое, постоянное оживление и почти полное отсутствие «матерных поминаний» – разве это не благодать?! Правда, здесь мало нашего родного и совсем нет, кроме одной «живой»[199], самого любимого, но нас здесь, кроме других подобных нам, пятнадцать человек, и у нас есть три Сионских комнаты. Я, вероятно, чаще всего буду у Фединого сынка[200]. Туда же ходят и две сестры из Батюшкиного (отца Иоанна) монастыря с Карповки[201], и получается чудеснейший хор. Словом, «щедр и милостив Господь»[202]!.. Возможно, конечно, к этим первым впечатлениям придется прибавить много «но», но сейчас пока эти «но» не уничтожают доброго впечатления, выросшего в душе, наряду с не завявшим еще живым ощущением Сибири. Общество здесь городское. Пока познакомился с очень колоритными фигурами из староверов, старожилов и мусульман.

Ну, довольно что ли? Всего ведь сразу не перескажешь, да к тому же 3+6 еще дают себя знать[203]. Особенно достался Самарканд. С вокзала бежали. Пришли, разбилась сибирская кружка. На следующий день обокрали. Кроме ситного и баклажанов, нечего было есть. Сломался золотой мост, только что сделанный в Москве, по ногам и рукам пошли гнойные нарывы от москитов, и, в довершение ко всему, семь дней пути на пароходе под палящим солнцем и знойным ветром. У нас у всех сошла кожа на лице. Но все это изжито и довольно терпеливо. А теперь помолитесь, чтобы помог Господь с пользой для души провести новое поприще.

Вам Верочка, конечно, передала мой телеграфный привет со днем Ангела. Он должен был поспеть как раз к пирогу. В день тезоименитства приехал со своей обсерватории Миша[204] и мы с шиком с ним проделали то, что некогда у Сидорова[205]. Такое отрадное совпадение! Последняя моя служба перед иконой Матери Божией «Нечаянная Радость» была в церкви Адриана и Наталии (всенощная) и первая литургия (вечером совершал службу Гомельский) в день Адриана и Наталии. Этим радость еще не кончилась. С Мишей пошли на почту, и я полу-

[199] Единственная церковь принадлежала обновленцам (так называемой «Живой церкви», возглавляемой Красницким).
[200] Епископа Валериана.
[201] То есть из Иоанновского монастыря в Петербурге, основанного святым Иоанном Кронштадтским. Находится на Песочной улице Аптекарского острова, на берегу речки Карповки, неподалеку от Каменноостровского проспекта.
[202] Пс. 102, 8.
[203] «Три плюс шесть» – могло значить три года ссылки и шесть лет ограничения в правах, но здесь, кажется, Владыка говорит о своих остановках в пути.
[204] В Турткуле отец Михаил работал на метеорологической станции.
[205] Очевидно, имеется в виду совместное богослужение с отцом Михаилом, внештатным диаконом Петропавловской церкви в Сергиевом Посаде, где настоятелем был отец Сергий Сидоров, в ноябре 1925 года, незадолго до ареста всех троих.

чил первую посылку от Тани со многими необходимыми предметами. Конечно, мы тепло вспоминали бесчисленный список именинниц, из них двух особенно. Миша к 8 сентября хотел приехать уже на ослике. Эту жанровую картину я хотел бы посмотреть. Это будет нечто из палестинских видов, но только едва ли удастся увидать. Ослика бесплатно дает до города и обратно тамошний мулла. Вообще при непосредственном знакомстве и общении с мусульманами приходится многое отбросить о их кровожадных инстинктах, и еще больше о нашем мнимом превосходстве их.

Как поживают старцы? Передайте мое целование соседу, Ивану Израилеву, Диомиду, Потамию, Порфирию, Наталье Дмитриевне, тете Маше[206], Нине, Кате, Дотошной и всем знаемым. Приветствую маму с наступающим днем ее Ангела. Я всегда и неизменно с неостывающей теплотой вспоминаю Вас обеих как своих лучших христ<ианских> друзей. Помолитесь за меня. Да хранит Вас Христос и Пречистая. Пишите.

P. S. Мой адрес: ул. 1-го Мая, д. 13. Обе открытки получены. Турткуль в шестидесяти верстах от Хивы.

55
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

(*открытка*)

2/15.X.1926 г.

Быть может, Вы знаете от Тани, что после Богослова я, кроме Миши и Мещерского, но со всеми остальными нашими в количестве пятнадцати душ отправились на каюке вниз по Аму-Дарье верст за двести пятьдесят от Турткуля в маленький бывший уездный городок Ходжеили. Плыли мы три с половиной дня. Были уже утренники, но днем все-таки припекало солнышко. Эта прогулка по воде была куда интереснее, чем месяц назад на пароходе. Чудные и ясные дни, месячные ночи, каракалпаки в своих огромных шапках в качестве матросов и капитана, более приветливые, иногда и прямо красивые берега, горы, подошедшие посмотреть на тех, кого Господь ради истины Евангелия сеет сейчас, как пшеницу, – все это не заставляло нервничать, а радоваться. Под Покров мы, сидя в каюке перед заходом солнца, при чудном пении и с глубоким умилением справили все, к чему обязывает любовь к Честнейшей. Потом, ввиду того, что ехали уже

[206] Мария Васильевна Сычёва, жена Николая Михайловича Сычёва. Н. А. Верховцева называла их «тетя Маша» и «дядя Коля». См. примеч. 293.

ночью при свете луны и, быть может, многим из нас уже долго не придется слышать наши трогательные христианские гимны в художественном исполнении, мы часа полтора пели. Это так успокоило всех нас, что разлука на берегу уже в самый Покров нас не расстроила особенно. Нас в Ходжеили пять человек и три мальчика сиониста[207]. Со мной Валя[208], один старец протоиерей из Петрозаводска и две сестры от батюшки отца Иоанна Кронштадтского. Хор у нас весь, и все одного духа. Городок восточный, русских около ста человек. Есть почта и телеграф. Жизнь дешевая, и ехать уже некуда. Чувствую себя хорошо. Встретили приветливо. Начинаем с сегодняшнего дня устраиваться. Мир Вам и всем.

56
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Канун памяти Лонгина сотника,
16.X.1926 г.

«Можно ли вздохнуть облегченно, представляя себе Ваш путь оконченным?» Так начинается Ваше письмо, родная моя Наташа, полученное уже в Ходжеили. Сами можете судить, можно ли и удивительно ли то, что это «можно» и так условно, и так неопределенно, и так теперь несвоевременно. Опишу Вам все «по порядку». В день Преподобного[209] с особой какой-то теплотой молилось. Так как в этот день и святитель Герман Казанский, то действовал я. Сколько глубоких, и жгучих, и терзающих сердце воспоминаний все время за службой волновало душу, и я не понимал, что все это являлось преддверием нового пути и новых нервных и иных переживаний. В этот день должен был приехать Миша, но ему не удалось выбраться. На Богослова мы молились только с Валей, а к вечеру прибыл Миша. По обычаю, он остановился у меня, и в воскресенье мы вдвоем должны были повторить с ним Петра и Павла[210], но это не пришлось сделать. Утром, когда мы кончали утреннее правило и собирались идти к Вале, часов в 5.30, застучали в нашу калитку, и сам Миша впустил гостей. Все кончилось очень быстро. Миша остался у меня, а я с учиненным братом, который любезно нес мой чемодан, с обычным мешком за плечами

[207] То есть из церковного причта, очевидно, алтарники.
[208] Епископ Валериан.
[209] 25 сентября (преставление преподобного Сергия Радонежского и перенесение мощей святителя Германа Казанского).
[210] То есть совместное богослужение.

прибыл в гостиницу, где уже был Валя и некоторые другие. Скоро набралось всех нас восемнадцать человек. Пришел прямо с улицы «без ничего» и Миша. С нами он пробыл часа три и скоро ушел, так как решил пожить еще в Турткуле. Он был глубоко огорчен неожиданно надвинувшейся разлукой. Это усугублялось еще тем, что оба мы вечером много думали над сложным настроением Вашей тезки, и утром он решил еще серьезнее поговорить об этом и другом, и это не удалось.

Скоро выяснилось, что нас ожидает путешествие на каюке, какое кратко я и описал Вам в авио-открытке. Путешествие и смысл его, так ярко и утешительно подчеркнутый в Апостоле этого воскресения (когда мы получили новое назначение), 2 Кор. 6, 1–10, Покров, когда мы въехали в Ходжеили, – все это было тоже светлым и радостным преддверием новых мытарств и неудач. До сих пор никак не удается найти свой собственный угол. Куда ни ткнешься, везде чувствуешь какую-то стену. Не так тяжко было бы валяться на пыльных полах и быть в действительности «позором» (зрелищем) если не для ангелов, то для человеков, ходить в такой грязи и пыли, в какой я не был даже в тех домах «отдыха», каких я навидался за лето, как тяжко чувствовать эту толстую стену или неподходящего к нам страха, или страха из-за нас нажить себе неприятности и т. д. Некоторые считают нас даже за нэпманов, которые много нажили, обманывая народ, а теперь несут заслуженную кару. Сначала наше появление, особенно когда мы шли сразу втроем, вызывало ужас женщин и детей или дружный смех, больше, вероятно, над нашей чуждой здешним жителям наружностью и внешним видом. Особенно казался им забавным Валя с его длинными волосами. Теперь это более или менее сгладилось, но, думаю, очень и очень немногие понимают, кто мы и как очутились в этом глухом азиатском углу (это область Хивинского ханства).

Русского языка здесь не слышно, и так или иначе надо <узбекский> знать. До прошлого воскресенья мы прожили в заводской, как ее называют здесь туземцы, «чайхане» (нечто вроде наших трактиров-гостиниц), а в воскресенье мы трое перебрались в одну комнату к некоему зажиточному узбеку, какой подразнил нас надеждой иметь у него еще две комнаты. Он переезжает (и сегодня уже начал) в кишлак (деревня), где выстроил себе прекрасное помещение, но, видимо, кроме одной комнаты, ничего для нас не даст. Таким образом, надежды оказались обманчивы и опять надо искать комнату, какой совершенно пока не предвидится. Когда мы перебрались сюда,

обучение языку началось усиленным темпом. В этом принимали участие и мальчики и девочки-подростки, и дамы нашего дома в своих красивых нарядах и запястьях. Здесь столько библейских видов, что все время невольно вспоминаешь Евангелие. Непосредственность во взаимоотношениях, характер построек, сосуды для воды, жернов осельский, волы молотящие – словом, вся эпоха Христа, без всяких почти изменений. И какое спокойствие в лицах и движениях, сколько неподдельного изящества и красоты, что невольно видишь всю болезненность нашей культуры и превосходство, при меньших средствах, упования на промысл Божий этих людей иной веры.

За два-три дня пребывания здесь на новом месте я сильно шагнул в знании языка, но нисколько не шагнул в успехе нахождения себе пристанища. Между тем уже ясно намечаются грозные предвестники наших взаимных недоразумений. Мне кажется, у епископа Валериана в характере есть то же, что и у любимой нами Лёли[211]. Ему могут надоесть самые близкие люди, и он хочет затвора даже от нас, хотя, мне кажется, иметь отдельную святую Трапезу, на что он уже намекает, будет едва ли полезно для всех нас. Он хочет оградить себя от всякого вмешательства в его внутренний мир кого бы то ни было и на этой почве хочет всяческой автокефалии. Мне кажется, на этой именно почве у него бывает иногда болезненная реакция даже на безобидную дружескую шутку и самый сердечный участливый совет. Первое ему кажется уничижением его высокого иерархического достоинства, а второе – замечанием. В том и другом в его глазах я уже прегрешил, и мне от этого очень нерадостно. Какие больные щелчки моей внутренней гордыне, так очевидно резко расходящейся с моим желанием никого не обижать и тем более расстраивать отношения из-за мелочей. Поэтому сами поймете, как мне хочется поскорее устроиться, чтобы избавить других от той тяжести, какая на всех накладывается знакомством со мной. От этого, вероятно, и неспокойно Ваше сердце. Вы прекрасно чуете, чем мог бы я быть, и страдаете оттого, что я не помогаю Богу быть тем, чем я должен. Все же надеюсь на Господа, что призрит Он и на мое окаянство.

Сердечный привет маме, Верочке, отцам и всем знаемым. Христос с Вами.

[211] Веры Тимофеевны. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Так ее иногда называла дочь, по свидетельству Г. Л. Солоповой.

57
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Канун Митрофанова и Александрова дня,
22.XI.1926 г.

Завтра, дорогая Вера Тимофеевна, любимый Ваш праздник. Наделенная обильно от Господа пылкостью сердца и решительностью характера, Вы любите все тихое, кроткое и незлобивое. Неизвестно еще, для чего требуется большее напряжение воли, для того ли, что на человеческом языке называется обычно деятельностью, или же для этих, пассивных по видимости, добродетелей, какими так ярко сиял Воронежский Святитель[212]. После разлуки с Вами я, кажется, еще не видел ни одного слова, написанного Вашей рукой. Конечно, и требовать это едва ли возможно, зная, что Вы несете сейчас самый тяжкий подвиг – подвиг послушания жить, когда это стало уже и физически и духовно трудно и, на Ваш взгляд, даже и бесполезно. Но все же хотелось бы иногда услышать Вашу душу хоть и сквозь письмена. Пока еще рука Ваша может владеть пером, не отказывайте в этом ни себе, ни тем более Вашим друзьям. Я уже не раз писал о своем житье. Страдает только душа оттого, что нет уверенности, что не только всякие заказные, авио и прочие письма, но даже (подозреваю) и телеграммы мои не доходят по назначению. На этот раз какая-то стена стала между мной и моими далекими друзьями. Насколько я чувствовал себя в их кругу в прошлый раз, настолько <теперь> я чувствую, что или я ухожу от них, черствею, холодею, хирею духовно, потому что не иду вперед, или Господь дает мне возможность полнее испытать скорби, каких я не знал, и смириться в своих немощах.

Когда в первый месяц нашей жизни здесь не находилось отклика ни на месте, ни даже из Москвы, куда я слал и письма и телеграммы о своем критическом положении, то я почувствовал какую-то глубокую не то отверженность, не то отчужденность и от близких, и от Того, Кто ближе всех. Были не мысли, а какие-то пустые и жалкие обрывки ничтожных и беспокойных дум, были не молитвы, а какие-то жалкие и ничтожные осколки когда-то горячих и светлых горений духовных. Не было ни спокойного мужества терпения, ни крепкого упования на то, что какие бы препятствия ни чинились к тому, чтобы

[212] «Вероятно, лучшая защита Православной Церкви была в высокой личности самого Воронежского епископа», – пишет составитель жития святителя Митрофана (1623–1703), которого глубоко почитал Петр I и любил простой народ.

немного хоть стать самим собой, но во время благоприятно Господь услышит и поможет. Во всем решительно, и в житейском, хоть и внешнем, но насущном, и тем более в сокровенных тайниках духа, во всем чувствовался такой огромный минус, что и без всякой гордости можно было бы прийти в уныние.

Потом после Скорбящей стал для всех нас намечаться некоторый перелом. Нашлась для меня комната. Правда, содрали и за ремонт, невозможны были и условия (сразу за четыре месяца плата), но когда к 6-му более или менее я уже устроился и у нас, именно у меня, стала для всех нас Сионская горница, то, конечно, половина скорбей отошла далеко прочь. Я говорю половина, потому что никак еще не умею соединить житейское и духовное. Фактически на заботы о питании, уборке комнаты, о дровах, воде, стирке и другие мелочи не столько уходит время и силы, сколько как-то протестует что-то внутри. Я утешаюсь несколько тем, что даже Златоуст в письмах из ссылки писал о физических тяготах; сам же я только вижу, что изнуряют не эти труды сами по себе, сколько сознание, что уходит время, и уходит так прозаически бесполезно. Но зато блаженствую, когда не приходится возиться с посудой, когда приготовленного хватает и на два и на три дня и есть возможность побыть в сравнительной чистоте. Только один раз брал карандаш в руки. Слава Богу, что хоть и на самом бойком месте живу, но в комнатке у меня уединенно и уж так тепло и хорошо, когда зажгу огоньки и пятеро нас: два деспота, протоиерей и две сестры – собираемся во имя Его. Какой бы ужас был, если бы не было этой радости.

Если Богу угодно будет, это письмо, быть может, дойдет до Вас к праздникам. С любовью приветствую Вас обеих. Передайте мой молитвенный привет и всем старцам ближайшим и пустынным. Пусть они воздохнут о тех, кто, быть может, несет бремя некоторых невзгод не только за свои немощи, а если у них есть лишние огоньки, то не откажемся получить их, чтобы теплее были и их и наши молитвы. Передайте привет всем, кто являлся единодушным нашим собеседником у Вас. Да хранит всех вас Господь и Пречистая.

58
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Казахстан, гор. Ходжеили
Каракалпакской авт. области[213]*,*
13/26.XII.1926 г.

Вы, дорогая Вера Тимофеевна, несомненно, уже получили мою телеграмму, из которой видите, что для любящих даже в наших трущобных местах существуют исключения. Ваше письмо шло всего две недели. Когда я увидел, что письмо с ценностью, мне стало неприятно, но содержание дальнейшее все разъяснило, и прошу Вас еще раз передать мою горячую благодарность Алеше. Что касается моего адреса, то тут вина уже не моя. Дан всем адрес, находящийся наверху. Но что же я сделаю, если даже близкие мне люди больше верят невежественным почтарям, вроде Ваших сергиевских, чем мне. Вам писал: Казахстан – пишут Туркестан... Узбекистан... Ясно указан город Ходжеили – пишут Ходжент (этот город есть от нас, кажется, в 1500 верстах и не в Казахстане, а в Узбекистане). Вот Таня, получавшая не раз и письма и телеграммы от меня, в последнем письме написала, кажется, все, что можно, и я больше смеялся, чем сердился, читая надписание: Спешное (зачеркнуто почтовыми чернилами). Авио-Каган. Заказное. Город Ходжеили. Казакстан. Кероколпадской (в другом – Керокопоковской) авт. обл. До востребовании Никол. Степ. Ряшенцеву (полностью) Еп. Герм. (в скобках) на Амуре-Дарии реке. (В другом – Казакстан весь оказался у нее на этой самой Амуре-Дарии.) Что же тут удивительного, что у нас в Азии, где так много государств и еще больше вина, письма идут медленно. Ведь и здоровому и совершенно трезвому человеку надо много подумать над этим адресом, чтобы дать верное направление письму, а уж что требовать, если есть какое-нибудь «если». И вот все-таки и Татьянино с «еписк. Герм. на Амуре-Дарии» и Ваше пришло очень быстро. Объясняю исключительно тем, что это нужно и для спокойствия Тани и для радости Наташи. Спасибо и Алеше и Матвеевым, что они способствовали нашей общей радости. Остальные пока побудут у Вас. У меня сейчас есть месяца на два-три. Я попрошу на часть их соорудить мне посылочку с необходимым для моей Сионской горницы. Насколько моя чучелинская благодаря любви Ивана Израилева и тяти Крони была богата огоньками, настолько эта скромна, хотя и превосходит

[213] Позднее (в 1932 году) Каракалпакская автономная область вошла в состав Узбекской ССР.

прежнюю обилием сановных участников святой Трапезы. Тоненькие у меня есть, а мне нужно для света и светлых дней потолще. Еще нужно благовоние для угольков химическое, угольки и фунтов десять лучшей муки. Винограда у нас много, хотя, пожалуй, одну[214] можно. Вот Наташе приятное задание. Сроком не связываю, так как сейчас пока все есть, но и особенно медлить не надо. Вот на это уйдет еще треть, а об остальном будем говорить после.

Некоторое время я был в очень трудных денежных обстоятельствах: жизнь здесь недешевая, а русские люди – люди века сего. Вот и Буланцевы... При первом знакомстве он потянулся к нам, но пришлось умерить его пыл, так как мы не знали его, ни тем более не хотели подводить его неподходящим для него знакомством. Теперь уже полмесяца приехала Л. П. с моим тезкой (он-то меня и интересует), но она ни разу не пришла ко мне. Возможно, что сам Буланцев не понял хорошо нашей сдержанности (знакомство состоялось на второй день нашего приезда, когда все приходили смотреть нас, как ходят в зверинец или в подобные учреждения), а возможно, что и сама Л. П. совсем другого настроения, чем ее отец. Но все же поручение Ваше исполнено. Однако боюсь, что если настроение у дочери иное и она захочет сделать нам, а не себе удовольствие и увеличить наше общество, то, конечно, нарушится та внутренняя тишина, какая царит, когда мы пятеро собираемся во имя Его. А я даже думал, что маленький Герман будет у большого в Николин день, так памятный мне и прежде и теперь.

Витя мне писал, что Вы пишете ему интересные письма. Конечно, это хорошо, и от Вити иметь еще лучше, но мне кажется, что если крупицы от них будут перепадать и тем, кто так далеко и кто больше, быть может, чем живущие в более или менее нормальной обстановке, нуждаются не только в молитвах, но и в сердечном слове друга, – то будет тоже неплохо. От Феди имею весточку и ему ответил. После Аулие-Аты[215] Тургай (Казахстан) – это все равно как после улыбчивой весны грязная и плаксивая осень.

Сегодня была в первый раз святая Трапеза у Вали. До сих пор его прекрасно содержали, но, кажется, он умерил их пыл и сейчас в таких же критических денежных обстоятельствах, как и я вначале. Возможно, что это случайно.

Сердечный привет Наташе. В надежде на получение ее письма пишу мало. Мир Вам. Почему ничего не пишете про Ваших старцев?

[214] Одну бутылку церковного вина.
[215] Город Аулие-Ата находится в Южном Казахстане.

59
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(*телеграмма*)

31.XII. 1926 г., Ходжеили

Благодарю Вас, Алешу, остальные после. Привет Вам, Наташе, праздником. Благополучен. Ходжеилях прекрасная почта. Телеграфируйте.

60
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Казахстан, гор. Ходжеили (на Аму-Дарье)
Каракалпакской авт. области
3/16.I.1927 г.

Наконец-то я получил на четвертом месяце своего существования в Ходжеили первую маленькую записочку от самой Наташи. Хоть она и пишет, что потеряла голову по моей «милости», но я не виноват, что сергиевский почтамт, получивший еще в октябре телеграмму, да еще с обязательным уведомлением о вручении ее (была послана Верочке) из Ходжеили, отказывался принимать туда даже переводы в ноябре. Теперь у Вас имеется телеграмма, где в заголовке стоит: Ходжеили, а в конце нарочно для asinus rob<ustus>[216] (спросите у Мих. Ник.[217], что такое за средство asinus), сидящих в почтамте, прибавлено, что имеется прекрасный телеграф и почта, и Вы с ней в руках можете требовать то, в чем Вам было отказано. А Вы от этих отказов пришли в ужас. Спрашиваете – да где же я, в какой дали? Да, это действительно даль. Все здесь как в сказке. Слушайте, разве это не сказка?! Читайте ее маме сначала без скобок... «Здесь мужчин нет. Есть только *адамы* („адам" – мужчина). Это мужеподобное существо с женщинами не живет, а вступает в брак и живет с *моржами* („моржа" – женщина). От этого дикого союза рождаются *балы* („бала" – мальчик, отсюда наш баловник) и *киски* („кис" – девочка). Женщины любят наряды и свободную жизнь без предрассудков. Представьте, у каждой обязательно, такова безнравственная традиция, два *мужа* („муж" – кулак). Страсть к украшениям чрезвычайная. Не только в носу, даже в *кулаках* носят серьги („кулак" – ухо). *Намазываются* пять раз в день („намаз" – моление, о каком пять раз в день с мечети напоминает

[216] Осел здоровенный (*лат.*).
[217] По-видимому, Михаил Николаевич Шингарев. См. выше примеч. 142.

азанчи). Несмотря на то, что мусульманам Магомет запретил строго-настрого всякий алкоголь, привязанность к *кабакам* удивительная. Конечно, после того, что сказано уже про женщин, Вас не удивит, если скажу, что почти всякая женщина имеет *кабак* („кабак" – тыква огромной величины, кувшинообразной формы[218], вместительностью с ведро; с ним обычно женщины ходят за водой). Это ли не ужас! Но все же живут довольно зажиточно. У каждого, даже младенца, обязательно две *козы* („коз" – глаз). В каждом почти доме найдете *сыр* с *сутью*. У нас сыр со слезой, а здесь сыр с не менее, чем слеза, вкусной сутью („сыр" – корова, „суть" – молоко)». Вероятно, мама, слушая о таком благосостоянии, готова уже позавидовать: и козы, да у каждого не меньше двух, и удивительный сыр... а там еще виноград, дыни и... но успокойте ее. Пусть не завидует... «несмотря на обилие благ земных, почти в каждом доме самый подлинный *ат* („ат" – лошадь)...»

Без конца можно бы продолжать эту сказку, но довольно и того, что сказано... И как после этого не благодарить всех, кто помог добраться до этой сказочной страны и помогает видеть и жить среди этой сказки-яви?!

Чего прислать – я уже написал маме. Все необходимое для Сионской горницы. Лучше Герману Ряшенцеву, чем Николаю Степановичу. Очень уж я не люблю этого субъекта, и он частенько мне напоминает, что он мирской человек и никак не может многого из мирского забыть...

Хорошо и светло встретили святые дни. Ничто не омрачило нашего собрания во имя Его. Все мы в первый день были за святой Трапезой. Мы были только впятером. Буланцевы не показываются, а я решил первый не ходить. Видимо, дочь отца П. другого настроения, чем ее отец. Конечно, я не отказал бы им порадоваться вместе с нами. Когда надо, Сам Господь приведет их. Господь утешил нас даже погодой. В первый день выпал небольшой снежок и был хороший морозец. На третий мы уже ходили гулять за город. Была кругом удивительная тишина! На полях ходили стада овец. Это особенно живо напоминало Вифлеемскую ночь и все, что питает душу и радует. Было очень тепло. С нового же года вдарили такие морозы, что попрятались и все моржи, да и адамы ходят с посиневшими носами. Сейчас совершенно святочная ночь. Кругом тишина. Все уже спят. Пора и мне. Да хранит Вас Христос. Всем знаемым и старцам поклонение. Не ленитесь писать. Это для меня больше, чем радость. У нас все благополучно.

[218] Здесь в копии Н. А. Верховцевой рисунок, показывающий очертания тыквы.

61
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

4/27.I.1927 г.

Хотя Ваше письмо, Наташа, немного опоздало к празднику Рождества Христова, но все же, как выражался один покойный святитель, чудак большой в словах и в делах, попало «на кончике» праздников. Сегодня отдание Крещения. Вчера вечером у сестер попели и ирмосы, и задостойник и много говорили о настоящей командировке, бывших и будущих, если не для них, то, несомненно, для многих из нашей братии. Я совсем недавно послал Вам нечто от пера, но не от карандаша. За него, как и краски, почти не берусь. Думаю, что и не от лени, и не от переутомления, о каком Вы упоминаете. Слава Богу, ни мое сердце, что страшнее, чем уста, ни уста как будто еще ни разу не роптали. Путь, как и писал я Вам, был несравненно тяжелее и в моральном и в физическом отношении, чем первый раз, но я удивительно терпеливо все принял и пережил. Гораздо труднее было вначале здесь, когда отовсюду веяло холодом и недоверием, когда в страшной грязи, сырости, а потом и холоде пришлось целый месяц валяться на холодном каменном полу, не имея своего угла, и в довершение всего вышли все деньги, а на телеграммы молчали и Таня и Вера. Ропота здесь не было, но сердце стало каким-то жестким и при рефлекторном свете смотрительно оставившей меня благодати Божией ясно мне стало, что беден я верой, согревающей душу и сострадающей другому любовью, и тем спокойствием, какое чрез все временное и случайное смотрит и видит вечное. И Вы, и Витя в полученном тоже сегодня письме одобряете, что я один поехал в новую командировку. Но мы с Валей с грустью часто говорим друг другу, что вместо накопления духовных сил мы вынуждаемся, благодаря тому, что некому помочь нам в житейских попечениях, растрачивать и то, что имеем. Ни о каком накоплении не приходится думать, когда почти все время заполнено необходимой суетой. Если бы действительно умели беречь у нас верующие то, без чего им скучно будет жить, то, конечно, к каждому надо бы приспособить какого-либо Филадельфа[219]. Но они умеют только соблазняться (это действительно соблазнительно!), когда нас сопровождают Тани, и восторгаться, когда мы одни, не понимая, что мы размениваемся на мелочи и будем негодны там,

[219] Очевидно, имеется в виду келейник епископа Германа в бытность его ректором Вифанской семинарии.

где наша стихия и наша жизнь. Это не ропот, но это нечто от опыта. В этом отношении Чучели и вообще Сибирь были для меня баловством. Там у меня было много времени и для духовного и для душевного, а здесь как-то плохо выкраиваешь для этого и кусочки дня. Теперь, правда, когда обед может держаться два-три дня, – легче, но летом от одной пыли и жары так одуреешь, что едва ли будешь способен на что-либо и для себя и для других полезное.

Конечно, все это проза, но вокруг нас эта всесильная проза громко говорит о себе, и мне иногда приходят серьезные мысли воспользоваться, пока мы вместе, опытностью в шитье одной из сестер и научиться хоть шить. Валя постиг столярное дело, а у меня нет ничего, что могло бы дать мне возможность не жить на чужой счет. Быть может, странно говорить об этом мне, когда меня, после смотрительного антракта, балуют и Алеша, и Таня, и другие, но все же думаю, эти мои думы едва ли праздные. Конечно, было бы мне более к лицу быть около или помочь больным, но для этого нет ни школы, ни возможности. Ну, а пока живем в праздности и барствуем. Спим довольно, хотя всю ночь около моей квартиры конное движение, постоянный лай бесчисленных собак, стук ночного сторожа и т. д. Иногда он упражняется и по стене моего домика, <так> что мысль сразу переносит к кочевникам-басмачам, какие могут всех нас в одну прекрасную ночь отправить ad patres[220].

Когда утром, часиков в восемь, не ранее, соизволяем мы встать, то отдаем тотчас приказание своему келейнику Николаю Степановичу истопить печь. С Рождества Христова у нас все время, скоро уже месяц, стоят крепкие и совершенно православные морозцы (даже и без «ц»). Он же (келейник Николай Степанович) убирает спальню, выносит прямо на улицу или, точнее, площадку, где колодец и уже стоят с кабаками моржи (надеюсь, вы получили мою сказочку и знаете, что это значит), помои, являя себя мирови и, возможно, удивляя народ мусульманский. Потом следуют омовения, конечно, не такие подробные и тщательные, как у правоверных, легкое собеседование с Аллахом, часто прерываемое какими-нибудь капризами печки или стоящим на ней чайником, а нередко и снедями к обеду. Повар у меня недурной, но знаете, какой теперь народ. Приходится посмотреть и за ним. После этой связки разнообразных дел, когда все стихии – и кухонные, и чайные, и божественные – подчинены человеческой воле, наступает некоторое умиленное состояние за чаем или кофе. Тоже иногда приходится спешить, так как ждут дела епархиальные:

[220] К отцам (*лат*).

надо положить резолюции на полученные дела, то есть написать письма и отнести их на почту. Почта на базаре. Эконом у меня плут, и приходится самому закупать необходимое для стола. Так незаметно проходит время до обеда. После него надо погулять, сделать визиты – и дело близится к вечеру. Для здоровья поколешь дров или наломаешь хворост, побеседуешь с балы или кисками, какие обычно устремляются сразу же, как отворяется дверь моей квартиры на улицу; почитаешь вечерком или попишешь письма – и день кончился. А вот Вы все обещаете писать что-то интересное из Вашей жизни, а писем-то от Вас что-то не так много. Но спасибо и за то. Взаимный привет мой всем, кто меня помнит. Маме особенно. Мир Вам.

62
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

14/27.II.1927 г.

Сейчас на почте получил Вашу открыточку, дорогая Вера Тимофеевна. Рад ее появлению, но огорчен кое-чем из нее. После телеграммы я послал, наверное помню, два больших авио, а быть может, даже три. Грустно, что они не доходят до Вас. Я написал относительно остального и уже ждал его. Мне нужны огоньки, благоухание и угольки для Сионской горницы и пять фунтов крупчатки. На это можно истратить половину того, что у Вас есть, а на остальные «разевайте вволю», так как пока у меня каравай есть. Это доставит мне только самую светлую радость. Вы знаете, как это я люблю. Рад, что Вы утешились видением ярославского Ангела[221]. Он уже и раньше дал отставку от Вашего сердца своему неангелоподобному брату, а он и сам видит, что он аггелоподобен[222], хотя и мог бы быть таким же светлым Ангелом, как его брат. В эту командировку, быть может, больше сознается свое земное и земность своя, тогда как в сибирскую было больше взлетов и вообще не так оземляли те занятия, какие лежали на мне там. Видно, у каждого подвига есть своя весна, а за нею и лето с его зноем, какой или расслабляет, или не дает охоты к труду, и даже духовному. Конечно, все это в порядке вещей. Здесь есть утешение в общении с себе подобными, а там вместо этого Господь посылал незримых

[221] Владыки Варлаама. После освобождения из тюрьмы он оставался в Ярославле. В декабре 1927 года был назначен временно управляющим Любимским викариатством Ярославской епархии.
[222] Аггел (*слав.*, читается «ангел») – падший ангел, демон.

утешителей и возбудителей ко всякому подвигу, и особенно молитвенному. У нас здесь умер мой спутник московский протоиерей, мой давнишний знакомый по семинарским делам, трогательно меня любивший[223]. Путь, с которого Господь его позвал, блажен, и самая внезапность смерти только подчеркнула для меня самого, что дни жизни текут куда быстрее наших добрых намерений и тем более дел. Я не раз испытал здесь, как жалок человек, когда, незаметно погружаясь в суету и часто даже в необходимую, он меньше времени отдает молитве и как часто даже старое, как будто совсем умершее, благодаря этому нагло смеется над теми крупинками добрых стяжаний, какие так любит сердце. Но благо Господу за то, что смиряет меня, и одного только прошу у Него, чтобы дал мне силы быть Ему верным и хоть в ранах, а все же быть среди хотя бы Его наемников.

У нас весны еще нет. С самого Рождества до сих пор морозы, и это сулит нам очень знойное лето с его удушающей пылью и физическим расслаблением. Немного нервируют нас и слухи, что, быть может, опять с водой куда-нибудь поедем. Хотя это только нервирует, потому что мы на опыте уже знаем, что везде земля Господня и везде находит нас Его всемогущая и премудрая воля. Молитвенно и сердечно приветствую Вас с Великим постом. Желаю Вам бодро пройти его поприще и светло встретить радостный день Христова Воскресения. Очевидно, страда теперь для всех Наташ. Мучается Наталья Дмитриевна о Михаиле Шике, и наша с Вами родная и действительно светлая Наташа тоже устала. Помоги Вам обеим Господь, а мне опять увидеть Вас и погреться в Вашем духовном тепле и свете. Старцу земное поклонение и прочим и старцам и старицам привет. Не забывайте и меня, грешного, помянуть. Мир Вам.

63
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

10/23.III.1927 г.

Получил только что на почте Ваше письмо, к сожалению с дополнением в три червонца. Очевидно, к моменту отправки этого письма Вами не было получено мое, где я просил прислать мне только божественное, а эти тридцать рублей пустить в оборот, в полной уверенности, что проценты с этого будут мне идти и здесь из других мест,

[223] Отец Иоанн Скворцов. См. выше примеч. 190.

а главное, быть может, несколько хоть и в Небесном банке, где нет ни моли, ни ржавчины, ни татей. На днях получил телеграмму и о посылке. Теперь, таким образом, все потеряно, остается только надежда, что, быть может, Алеша надумает еще побаловать меня, и если это случится, то вменяется Вам в обязанность это использовать на себя и этим доставить мне самое искреннее удовольствие. Я и без присланного Вами учрежден и учреждаюсь больше, чем в Сибири. Конечно, пока это обилие меня не развращает, но я боюсь этого обилия, так как очень часто оно является признаком потери кредитов в Небесном банке. Не надо забывать, что мы в стране, где не знают особого аскетизма, где живут внешним, а окружающее влияет и на нас, так как житейские попечения заставляют тесно соприкасаться с окружающей нас средой. Поэтому мое желание удержать свой кредит в Небесном банке Вам будет понятно, так как иными средствами удержать его пока мне не удавалось.

Начинаю серьезно бояться за Наташу. Такая огромная работа, какую несет она уже не один год, не может не отразиться на силах. Еще в письмах в Сибирь я подмечал, что эта физическая усталость отражается и на ее психике, вызывая несвойственную ей некоторую подавленность духа, ослабляющую ее светлую духовную энергию. Конечно, хорошо, скажете Вы, сидеть Вам там в праздности и говорить об этом. А что делать? Вот я и хотел немного порадовать Вас, а Вы поторопились мой план разрушить. У нас нет ничего нового. Последнее время начинают пошаливать около самого города басмачи, а вчера ночью такая была трескотня, что любо глянуть. Конечно, почему-то думаю, едва ли Господь попустит нам попасть так или иначе под руку агарянскую, но все же иногда это напоминает о том, что забываешь без этих экстренных напоминаний.

Очень радуюсь тому, что не только Вы сообщили о Нине. Веру свою мне жалко. Ей не сладко живется, и мне горько, что Вы не приняли ее в свое сердце или она не сумела полюбить Вас. Уверяю Вас, что она очень похожа на меня и только другие условия жизни мешают ей выявить свою схожесть и с Витей и с Колей. Очень радуюсь, что Вас тоже радует Дорогой[224]. Я и Вера его очень любим, как и он взаимно нас. Мы трое, да еще брат Владимир[225] особенно, кажется, крепко друг друга любим.

Это письмо придет уже к дням Страстей Христовых и Его Светлого Воскресения. Желаю Вам и милой Наташе утешиться в эти

[224] Владыка Варлаам. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[225] Младший брат в семье Ряшенцевых, врач (1890–1944).

светлые дни и отдохнуть сердцем у Господа. Не забывайте в молитвах и меня грешного. Старцу и старцам, В. Н. и Н. А.[226] и иным единомысленным привет и святое лобзание. Да хранит Вас Христос обеих. Мир Вам.

64
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Благовещенье, <25.III.> 1927 г.

Скоро полночь. Только что вернулся от Вали. Все мы сегодня порадованы Матерью Божией. У меня три посылки от Тани и куча писем. В их числе от Вас и мамы. Сегодня такой чудный и по духовным и физическим ощущениям день. Мы долго гуляли за городом. В воздухе запахло чем-то родным. Здесь и запах земли, и свежесть травы и откликнувшихся на тепло последних дней деревьев, и влажное дыхание могучей Дарьи. Я ведь такой земной и так всегда непосредственно чувствую эту свою связь с землей, особенно весной. Мы делились письмами, говорили о трогательной любви к нам, о радости, что мы по великой милости Господа, не будучи тем по существу, в силу Божьего дара верности Ему, кому-то светим и греем среди холода и пустоты тяжелой и серой жизни, среди мира и его пустоты... Потухала заря... Где-то кричали какие-то здешние птицы, и что-то стонущее и надрывное было в их крике, и на фоне всего этого раздались кроткие, волнующие, особенно здесь на чужбине, удары снятого с упраздненной церкви, теперь заводского колокола. Я подумал: для кого нужнее эти святые вздохи – для тех ли, кто и без них весь в Боге, или для тех, кто тянется к Нему и, как ребенок, нуждается в няньке? Вы и мама меня пробираете. Это очень хорошо. И когда это делают любимые, то я или очень легко сознаю какую-либо свою глупость или несправедливость, или, когда вижу, что это не совсем по адресу... прихожу в самое задорное детское веселье... Моя родная Наташа... неужели Вы могли подумать, что я пишу Тане или м<атушке> и<гумении> больше, чем Вам, потому, что они шлют мне и посылки и без конца письма, где всегда только об одном и том же?! Я им нужнее, чем Вам. Они еще дети: Бог дал им меня в няньки, и волей-неволей мне приходится с ними нянчиться. Я не тягощусь этим, так как в этом мой долг, но это берет у меня иногда времени больше, чем это кажется, и часто

[226] Матвеевым.

для тех, кого особенно крепко любишь, остается мало. Витя получил от меня писем еще меньше, чем кто-либо, но я уверен, что и его и моя любовь может чувствовать наше единство не только через письмо, а и через то сверхрадио, которое называется молитвой.

Теперь про занозу. Моя телеграмма Вам с благодарностью была не желанием отделаться, так как в нашем положении это очень дорогое удовольствие и трудное по очень многим соображениям, а полной уверенностью, что именно Вы сумеете, как мои родные, сказать ему[227] тогда, когда это и удобно, и так, как это лучше для нас обоих, сказать ему слово любви и благодарности. Ведь я отлично понимаю, что все это делается не для Маси лично, а для Господа, Который поставил его на нелегкий путь. Быть может, я в этом случае бываю самоподобен, но не могу забыть слов одного старца архимандрита. Я как-то хотел очень отблагодарить, даже дать денег сестре, шившей мне, Господа ради, одежды для храма. Он пришел в неподдельный ужас. «Что вы хотите сделать? Вы этим снимете венец у ней и уничтожите спасительность ее дела». Конечно, Алеша – не эта сестра, и мне, быть может, лучше бы самому все это сделать, но я ведь знаю, что он теперь один, и когда знаешь это, то страшно писать, тем более о деньгах, чтобы не осложнить и без того трудный путь для крестоносца. Это я и поручил сделать Вам в надежде, что Вы поймете меня. Это все пишу совершенно искренно, и конечно, меньше всего по одному желанию оправдать себя, и конечно, еще меньше по желанию на дружеский упрек, силу любви которого глубоко чувствую и ценю, ответить обоюдным упреком... «вот, дескать, какой я премудрый, а Вы ничего не сообразили». Вот Таня, засыпающая меня письмами, и нужными и бесполезными, тоже иногда ревниво упрекает, что некоторым, кто только шлет мне письма, я аккуратно пишу, а кто не письмами, а сердцем и трудами рук своих помогает мне – совсем мало. Она-то, конечно, этого никогда не поймет, что другое письмо душе моей дает столько, сколько не дадут все посылки, вместе взятые, но Вы-то должны понять, что я нуждаюсь в Ваших и маминых письмах несомненно больше, чем вы, живущие и среди ангелов и таких, как Иван Израилев, отец Михей, Алеша и другие... уж по одному тому, что будит получение подобных писем в нас все глубинное и часто дремлющее, все светлое и Божье... Конечно, это надо давать даром, совсем даром... Но если бы Вы побывали на нашем пути, то поняли бы, что иногда трудно просто только отвечать на полученное, и, конечно,

[227] Епископу Алексию.

не огорчались бы, что мы сначала отвечаем детям, каких есть Царство Небесное, а потом уже взрослым.

Вы, моя родная Наташа, не огорчайтесь на все, что пишу, как и я ничем не огорчился на Ваше, я все это пишу от сердца к сердцу, нисколько не лукавя и ничуть не желая обелить себя в Ваших глазах. Все сказанное Вами мне всегда принимаю с глубокой любовью, как от самой близкой, любимой и, главное, нежно заботящейся, чтобы действительное во мне хоть сколько-нибудь соответствовало тем возможностям, какие даны мне Богом... Спасибо, что так просто и прямо пишете мне о том, что Вас смущает или не нравится... Если бы этого не было, то была бы бесполезна наша жизненная встреча и наша светлая и чистая дружба...

Что вздумали поболеть – не удивительно, дай Бог Вам хоть этим путем разрядить свою нервную напряженность. К Пасхе извольте совсем быть молодцом. Ну, пора кончать. Сейчас напишу Алеше, и Вы передадите, и лягу спать. На улице тишина. У меня открыты двери. Веет прохладой... Лают собаки.

Да хранит Вас Христос. Да обрадует Вас Матерь Божия. Мир Вам.

P. S. Всем сердечный праздничный привет.

65
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Собор арх. Гавриила,
26.III.1927 г.

Спаси Вас Христос, дорогая Вера Тимофеевна, за Ваши заботы обо мне. Вы, конечно, знаете, что и два перевода я получил и, вероятно, на днях придет и посылка. Относительно «каравая» я писал Вам уже два раза... Когда у меня много всего, мне становится тяжко и более светлой радости я не знаю, как во имя Его делиться этим с теми, кто тоже дан мне Им. Мне было бы тяжко получать бесчисленные посылки Тани, если бы я не имел возможности делиться их содержанием. Двадцать рублей мне не переводите. Распорядитесь ими как хотите. Если считаете их моим именным капиталом, то берегите; если согласны со мной, что это Божие, платящего за это сторицей, то пустите их на радость мне в оборот. Вы-то, конечно, поверите мне, что не «каравай» сам по себе дал такое направление моим мыслям. Что Вы абсолютно не нужны мне, конечно, я не согласен, так как не раз

говорил Вам, что благодаря Вам, непосредственному общению с Вами я понял многое и в себе, и в других, благодаря Вашим «душам» я лишний раз оглядываюсь на себя и поверяю то сокровенное, чем живу, которое часто малопонятно не только постороннему, но даже и себе самому. Я отлично понимаю, что если бы я сам упорно работал над своим сердцем и жизнью, сам нес тот или иной крест борьбы с своими страстями и пороками, то, конечно, Господь освободил бы меня от многих чисто внешних теперешних или бывших крестов, которые помогают мне в пути к Богу механически или в силу простого моего терпения достигнуть того, что иные делают силой своей воли и любви к праведной жизни. Все, что Вы говорите о кастрюлях, конечно, справедливо, но что Вы, быть может, несколько преувеличиваете мой якобы ропот, тоже, пожалуй, правда.

В Турткуле еще раз Валя, который часто бунтует в силу своей физической немощи против возни с кастрюлями, сказал, что когда он видит меня, идущего с корзинкой на базар, он приходит в умиление – «столько покорности видно в каждом Вашем движении». Что мы мало похожи на ропщущих, пришлось услышать только вчера. У нас один батюшка служит скрибой[228] в Зем. отделе и в Турткуле. Здесь недавно говорят ему: «Удивительные вы люди: не знаем, что мы сделали бы в вашем положении, а на вас всех как посмотришь – диву даешься: такие всегда вы довольные и веселые» (а он по виду самый угрюмый из нас). Думаю, не один «силян»[229] тянет к нам детишек. Вчера идем по улице, где совсем не ходим, подбегают маленькие «киски», «балы», ласкаются, берутся за руки, попутно делают обыск в карманах (правду ли ишак говорит, что «силян ёк»[230]), и разговоры, скорее что-то певучее, напоминающее щебетание птичек, каких здесь почти нет, наполняют душу такой свежей бодростью, что до ропота ли здесь! То, что Вы пишете о задании «слить несливаемое», нас не тревожит нисколько. Все теперь ясно, и, быть может, только иной-другой Сидоров[231] захочет прокатиться или какая-нибудь неустойчивая Мася пад поклонится. Слава Богу, есть уже крепкие люди Божии, и как счастливы мы, что в этом кое-что сделали в рассеянии Ангелы Церквей[232].

---

[228] Скриба (*лат.*) – «писарь», здесь «канцелярский служащий».
[229] Силян (*узб.* из *араб.* салан – «некто», «такой-то») – «кое-что», «что-нибудь».
[230] «Ничего нет» (*узб.*).
[231] Отец Сергий Сидоров, арестованный 30 ноября 1925 года, после освобождения из тюрьмы в июле 1926 года был выслан из Сергиева Посада.
[232] Об «Ангелах Церквей» говорится в первых главах Апокалипсиса. Согласно одному из толкований, которое здесь имеет в виду епископ Герман, это епископы.

Вероятно, письмо придет к Вам на Пасху. Если и не придет, то я-то приду в Ваш уголок, где отовсюду смотрит «недреманное Око», посижу с Вами немного на диванчике, постоим немного в уголку, и много, много благодарности скажет наше сердце и друг другу и Господу, около Которого так светло и радостно.

66
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Неделя жен-мироносиц,
<25.IV.1927 г.>

Дорогие Вера Тимофеевна и Наташа! Из моих телеграмм Вы знаете, что получены мной и дары щедрого Алеши, которому тотчас же послана благодарственная телеграмма, и действительно глубоко меня растрогавшая и утешившая посылка. Я не знаю, как благодарить Вас и всех, кто принял в ней участие. Каждая подробность, каждый сверточек с надписью, не говорю уже про маленькую коробочку от Вани, меня обдали такой лаской, такой теплотой, так от всего благоухало пасхальной радостью, что казалось, не только Наташино яичко, но каждая вещица пела неумолчно: Христос воскресе, Христос воскресе! А в моем сердце, как тихий, но могучий благовест, звучало без слов: воистину, воистину воскресе! Я получил посылку в Светлый четверток. В этот день я как раз перебирался на свою новую теперешнюю квартиру, где посылочка и была вскрыта. Телеграмму я подал при получении и до ее вскрытия. Конечно, Вы поймете, какая радость охватила мое сердце при виде коробочки Вани. Ведь у меня перед отправлением сюда все подобное этому было утеряно, и вот снова и на новоселье пришел ко мне Старец, который и при жизни всем говорил о той радости, о какой поет свои гимны святая Церковь в эти пасхальные дни. Это для меня утешение великое и даже страшное, только резче подчеркнувшее мое недостоинство и неизмеримую милость и любовь к нам Господа. Я, кажется, писал Вам, что под Лазареву субботу Господь послал нам еще трех «деспотов», выражаясь славянским языком, и одного ученого протоиерея – товарища по Академии «тихого Ангела»[233]. Пришлось за ними поухаживать, и хотя чин страстных служб несколько от этого нарушился, зато внутренно углубился. Особенно хороша была у нас субботняя утреня и обедня (двадцать

[233] «Тихим Ангелом» называли в семье владыку Варлаама.

два года моего иночества). Пасхальная утреня и великая Пасха была как один светлый и радостный миг. Ни разу даже не защемило сердце. Так близок был Господь и все родные по Нему. Хотя я жил уже на полубивуачном положении, но это нисколько не отразилось на моем самочувствии. Передайте, пожалуйста, соседям, дяде Васе, тете Маше[234], Кроне и всем мою глубокую и искреннюю признательность за любовь. Господь да утешит их, если не сугубо, то хоть так, как был утешен я. А Вас я словами не благодарю. Сами знаете, что когда у меня сердце особенно полно любви и благодарности, то я молчу, потому что человеческий язык не может передать того, что подымается в эти минуты как благоухание любви к Богу, но Вы знаете и мое сердце и еще более то, о чем сейчас говорю, и этим-то я и благодарю Вас.

Новая моя квартира диаметральная противоположность прежней. Насколько там или вокруг ее было шумно и суетно, настолько здесь уединенно и тихо, как в скиту, насколько там было тесно, настолько здесь просторно. Комната большая и высокая. Одно окно, выходящее на улицу, так высоко, что видно только голубое небо; другое выходит на мой личный двор, совершенно изолированный и от зноя, и пыли, и людей. Когда я думал переходить сюда, то просил Господа, чтобы это совершилось лишь в том случае, если есть на то Его воля, и когда перешел, то пришел ко мне светлый Старец Серафим.

У нас опять новый шеф. Пока все слава Богу. Да хранит Вас Христос. Веру Тимофеевну благодарю за письмо. Мир Вам.

67
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

10/23.VIII.1927 г.

Это уже третье письмо на Пионерскую[235], второе Вам, и плюс написанное маме в день ее рождества, в Ильин день. Хотелось бы мне очень, чтобы оно дошло до 26-го и сказало Вам о том, что и без него Вы должны хорошо знать: что у Вас есть маленькая Мася, которая тепло и радостно Вас любит, и особенно за то, что Вы поняли (невзирая на все ее многочисленные недостатки) ее душу. В том, что мама и Вы посланы мне Богом, в этом у меня никогда не бывает ни малейшего сомнения, и после своей матери я ни у кого не встречал так много

[234] Возможно, Мария Васильевна Сычёва.
[235] Так была переименована Дворянская улица в Сергиевом Посаде (теперь ей возвращено прежнее название).

хорошей, чистой женской ласки, как у Вас. А в конце концов в жизни с ее испытаниями эта сердечная сострадательность такая могучая сила, что она сможет поднимать даже мертвых. Вот этой силой обладаете Вы, и она не только дана Вам от Бога, как дар, но является результатом и тех отречений, какими полна Ваша жизнь и как сестры милосердия и как женщины. Это такая награда, какая стоит всех огорчений этого пути и всех тех быстро гаснущих радостей, от которых приходится отказываться. С сердцем, полным глубокой благодарностью за все, приветствую Вас со днем Ангела, а Веру Тимофеевну с дорогой именинницей. Да воздаст Вам Господь за все, что сделали и делаете Вы для людей, нуждающихся в Вашей заботливости и душевном участии.

У меня, слава Богу, все без перемены. Жары после Ильина дня стали более умеренными. Сейчас походит на наш жаркий июль. Тополя стали немного золотиться, но поля все полны зелени, небо все время голубое, легкий ветер не тревожит бича нашего – пыли, и приходится благодарить Бога за то, что и климат Сахары (наша местность первая по солнцу в мире и по климату очень близка к Сахаре) не так труден, когда его несешь за послушание. А как обстоит дело с Алешей? Писали, что дедушка[236] грозит ему очень большими прещениями[237]. Помог бы ему Господь мудро и свято покончить этот неприятный семейный инцидент. Привет соседу, старцам, маме и всем знаемым. Да хранит Вас Христос и Матерь Божия. Мир Вам.

68
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

День преп. князя Даниила,
30.VIII.1927 г.

Вчера и сегодня так тепло и в то же время как-то остро-скорбно молилось. Мысль и сердце побывали не раз в Данилове, и в Тургае, и в Акатове, откуда Таня, где долгое время жил «тихий Ангел» и где теперь тоже борьба и тоже страсти и страдания. Давно ничего не слышали про Тургаевских[238], и особенно меня тревожит, что уж на три, по крайней мере, моих письма Пионерским[239] нет ни строчки от них.

[236] Митрополит Сергий.
[237] Здесь «карами» (*слав.*).
[238] В Тургае находился на поселении архиепископ Феодор.
[239] Верховцевым, жившим на Пионерской улице.

Правда, с приездом к нам нового наркомпочтеля, очень не чуждого качеств еще гоголевского почтмейстера, письма к нам идут очень медленно, но все же мы их получаем. Дошли бы, вероятно, и Ваши, а если их нет, значит, у Вас неблагополучно или уж очень обе Вы измотались. К тому же и душа болит то за одного, то за другого, и это еще более углубляет личную скорбь. А тут и Алеша и Витя, надумавший (не знаю, на все время или временно) ехать в Пермь[240], и многое, вероятно, другое; как ни твердо и Ваше и мое упование на милость и любовь к нам Бога, а все же, когда от родных долго ничего нет, становится или тревожно на сердце, или просто тоскливо и скучно. Словом, не мешало бы черкнуть мне несколько строк, если это можно.

Скоро и день Вашего Ангела. Как-то прошли Наташины именины? В прошлом году я в этот день в первый раз после девяти месяцев молился так, как надо и привык, а на этот раз тоже молился, хотя действовал более голосом, чем молитвой. Все ближе и ближе конец моей здешней командировки. Первыми от нас в середине октября должны поехать сестры. Сегодня они уже подали прошение об отпуске нашему шефу. Недельки через две-три то же сделаю и я, а там что Бог даст. Жары у нас свалили. Дня два шел необычный для здешних мест наш тихий, ровный дождичек. Все сейчас вымыто им, и сегодня совершенно прозрачный день. Вот по этому постоянно голубому небу и солнцу я несомненно буду скучать. А пока что сейчас жив и здоров, чего и Вам желаю. Сердечно приветствую Вас с 17-м. Сердцем и мыслью буду в этот день у Вас. Привет Наташе и знаемым. Да хранит Вас Христос.

69
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

10/23.IX.1927 г.

Сегодня, вот сейчас, такое ясное свежее утро. Так влажен и напитан не особенно богатыми здесь благовониями воздух; так ясно и безмятежно небо и приветливо ярко солнце, что не так уж остра боль от вчерашнего Вашего письма и скорбь о нашей общей беспутной жизни. И хорошо бы еще беспутной!.. А то путь-то как будто есть, и оттого еще беспросветнее кажется все. Вчера во время прогулки налетел

[240] В 1927 году владыка Варлаам был возведен в сан архиепископа и назначен на Пермскую кафедру. В Перми он пробыл с июля по ноябрь 1927 года.

сильный вихрь. Сразу не стало видно из-за целых облаков пыли солнца. Задернулись какой-то грязной пеленой только что улыбавшиеся синими дымками дали. Небо стало скучным и серым, как земля, и в воздухе слышалось только завывание холодного ветра. Вот нечто подобное нередко поднимается в душе и теперь, и, конечно, если в душе ослабевает ощущение, не знание, а ощущение, что все от руки Бога, то чем и как жить?! Даже при этом постоянном хождении под Богом и сознании, что все мы «на службе у Бога», как устает душа от этих постоянных тревог то за Наташу, измученную работой, то за Славу, какой наконец-то оставил дорогую роскошь сидения у ног учителя и, быть может, будет хоть немного помогать Вам, то за Алешу и других, каким есть еще уголок в Вашем доселе горячем сердце, то эти убивающие душу очереди, кухня и все необходимое и скучное житейское... А что же было бы без этой постоянной благодатной струи из незримых, но более сущих, чем все видимое и осязаемое, сфер вечности? Помоги вам Христос всем!

И Сержа я нисколько не осуждаю, хотя брак его, который, конечно, обычно кончается теперь разводом и алиментами, должен заставить задуматься всякого[241]. Вот Вы пишете, что лучше бы Вашей Масе устроиться где-либо в тех краях, где она теперь. Но ведь весь трагизм (если можно такими страшными словами не напугать сегодняшнее ясное утро, воркующих горлинок и надоедающих сейчас мне – против этого ничего бы не имел – двух, весьма жизнерадостных, воробьев) в том, что как раз это будет все зависеть от новобрачных. Я как-то более или менее спокоен. Боюсь только, что если буду еще годик-другой сидеть без дела и не сумею захватить себя тем, что и сам люблю, но чем не на словах, а на деле живет Дорогой, то постепенно сойдут все благодатные краски с того, что должно быть храмом Бога и жилищем Святого Духа. Вот это особенно тягостно, а от этого едва ли кто может быть застрахован. Теперь все меньше и меньше той неуловимой духовной энергии, какая преемственно питает все высокое и живое. Настоящая среда сейчас жадно поглощает и очень мало дает вновь все то, чем люди живы. То разложение духовенства, о котором Вы вскользь упоминаете в своем письме, только свидетельство этого духовного общего измельчания. Если принять без оговорок Ваше мнение, то становится просто жутко. Только все же и среди этой среды есть новые или еще формируются и заквашиваются в горниле испы-

[241] Речь идет о Декларации митрополита Сергия, опубликованной в «Известиях» 29 июля 1927 года.

таний и лишений, и это дает надежду, что Дух Божий не окончательно еще отошел от нас и что болезнь, быть может, будет иметь благой конец.

Итак, Алеша в Курске, Дорогой в Перми. Кто же остается около Вас? Меня Вы тоже не особенно хотите видеть, Федя едва ли увидит Вас. А все же хотелось бы посмотреть друг на друга, усладиться и утешиться общей верой, а тогда снова или в путь, или на тяжкую работу.

Сердечный привет Наташе и всем старцам и знаемым. У меня все по-старому. Христос с Вами.

70
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Канун Космы и Дамиана,
31.X.1927 г.

Долго добиралось письмо Ваше, Наташа, писанное в Рождество Богородицы и Иосифов день, а быть может, и во многие другие праздники. Спасибо, что хоть немного написали. Все письма с Вашей стороны и Ваше в частности дышат такой грустью, усталостью, неудовлетворенностью и даже унынием, что становится как-то тоскливо на душе, когда подумаешь об этом маячащем 17-м ноября. На основании газет можно даже думать, что поедут не только те, у которых их командировка кончается уже скоро, но и многие долгосрочные, но пока что сестры живут уже третью неделю после срока и я устраиваю комнату, в которой, в сущности, совсем почти не жил (полгода прожил на айване[242]) на зимний лад. Впереди все так нелепо, сложно и мучительно, что стараешься не думать, хотя это так необходимо, чтобы не наделать ошибок и не стать на ложную дорогу. Надеюсь, что, несмотря на мои многочисленные грехи, Господь укажет Сам путь мне, по которому пойду. Понимаю, сколько муки приходится Вам переживать в связи с неудачами Славы, недружелюбием к Ивану Израилеву[243] и многим другим, о чем Вы написали. Вы и сами подмечаете, как уходит из сердца ясность и вера в людей, и из Ваших писем я ясно чувствую, что как будто надтреснулось что-то у Вас в глубях Вашего сердца, и часто в письмах мамы больше бодрости и свежести, чем

[242] Айван (*узб.*) – терраса, веранда, навес.

[243] Как показывает следственное дело игумена Израиля 1925 года, некоторые из братий артели-скита не стеснялись посылать на него клеветнические жалобы властям, прося избавить их «от израильского ига» (ЦА ФСБ РФ, д. Р-25815).

в тех немногих строчках, какие пишете мне, видимо, с трудом преодолевая свою усталость. Это, конечно, очень нерадостно, и этим нерадостным переполнена жизнь почти всех. Я полагаю, что в этих переживаниях мы живее переживаем то отступление от всех нас благодати Божией, какое, видимо, продолжается. Даже в нашей семье часто ощущается веяние этого вредоносного ветра, и весьма нередко мы делаемся жалкими игрушками его капризов и порывов. Все это, очевидно, имеет, как и все нами пережитое за эти десять лет, педагогическую цель заставить нас пересмотреть свой духовный багаж и залатать все дыры его неисправности. И только ли это? Ведь все эти десять лет были своего рода живой фильмой, где на маленьком клочке приоткрывалась завеса на то будущее, какое будет во всем полной противоположностью эпохе веры и христианского идеализма. Каждому дается возможность не только посмотреть эту фильму, но и сделать для себя соответствующие выводы. Благодарение Господу за эту милость! Через несколько дней – шестое[244]. Помолитесь, чтоб Господь не отошел от меня Своей благодатию, просвещающей всякого человека.

Да хранит Вас Христос. Сердечный привет маме, Славе, старцам, знаемым. Писульку передайте моей Верочке.

P. S. Гомельский[245] уже должен быть в Москве, а быть может, поехал к Ларчику[246]. Надежде Александровне привет. О дяде Васе помню.

71
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Введения, <21.XI.> 1927 г.

С великим праздником Богоматери. Так тепло и светло в эти Ее дни, и особенно тогда, когда снова зазвучали гимны в честь Ее Сына и нашего небесного Учителя и Господа. Тогда замолкает в душе все ее по-земному волнующее и тревожащее, и в душу входят какие-то свя-

[244] 6 ноября – день Ангела Владыки. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) При постриге он получил имя в честь святителя Германа, архиепископа Казанского (XVI век).
[245] Епископ Гомельский Тихон (Шарапов).
[246] То есть отправлен в Соловецкий лагерь, где находился в 1925–1926 и в 1927–1929 годах архиепископ Иларион (Троицкий). Так действительно и случилось: в августе 1927 года епископ Тихон был вновь арестован и три года провел на Соловках. В январе 1930 года, как отметил епископ Тихон в своей упоминавшейся выше «Мемориальной записке», он встретился там с епископом Германом.

тые херувимские отзвуки, и как-то глубоко и радостно чувствуется, как что-то чистое и нежное наполняет не только небо и святых, но и землю и нас грешных. Тогда особенно горячо и сердцем и умом лобызаешь все кресты своей жизни, и особенно те из них, какие своими язвами рассекли сердце и в темную от греха и суеты душу ввели вместе или после мучительной боли тихую колыбелящую радость прозрения и истинного мира. Как знаете сами, душа моя кое-чем от этого была одарена Господом и Его Пречистой Матерью, и не все еще это я растерял. Поэтому Ваше трогательное и полное любви ко мне письмо, писанное в день моего Ангела, несколько озадачило меня своей тревогой. Прежде всего, с сердечной любовью благодарю Вас и маму за память. Вы знаете хорошо, как я дорожу Вашей любовью и особенно Вашими молитвами о мне грешном. Но все же при всем моем духовном несовершенстве о какой-то грусти, похожей на уныние или, еще больше, малодушие и тоску, кажется, беспокоиться не приходится. Я совершенно не помню, что я писал о Феде. Быть может, было элегическое несколько настроение, и это отразилось на письме. По милости Господа, я если о чем и грущу, то, конечно, не о материальном, чем вполне достаточно все время удовлетворен, а о том, что мало как-то успеваю в чисто внутренней, духовной деятельности: в работе над собой. Вот об этом успехе помолитесь и помогите и молитвами и, когда нужно, обличениями. Спаси Вас Христос, дорогая моя Наташа, что так глубоко верите тем святым возможностям, какие были и есть во мне. Дал бы Господь, чтобы они развились и окрепли окончательно.

Теперь немного о себе. Судя по тому, что сестры наши уже скоро два месяца не имеют отпуска, не имею его и я. Надо полагать, что до весны мы остаемся. Навигация уже кончилась, холода и слякоть с каждым днем все больше, и выбраться до марта не придется. Я не особенно печалюсь этому промедлению. Господь так устраивает, как Витя советовал сделать искусственно. Миша, говорят, хочет ехать даже на верблюдах. Но ему с его здоровьем возможно это, а потом он будет спускаться к югу, а нам эту операцию пришлось бы проделывать (шестьсот верст) к северу. Из нашей компании никто не уедет. Мы зимуем и будем здесь стараться в эти месяцы духовно окрепнуть и обновиться. Сердечный привет маме, старцам и знаемым. Поклонение и лобызание Ване за его волнения и любовь. Храни Вас Матерь Божия.

72
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

Третий день Рождества Христова,
27.XII.1927 г./10.I.1928 г.

Перед праздником совершенно неожиданно вместо письма получил от Вас перевод. Хотя, несмотря на удлинение моего прожития здесь, у меня еще есть все потребное для бренной плоти, но все же от этого перевода повеяло такой трогательной заботливостью и лаской, что создалось ощущение непосредственной близости Вас и всего родного. Я не знаю, как благодарить Вас и всех, кто принял участие в этом даре любви.

Господь помог в тихости и молитве встретить Его Рождество. Особенно как-то не только физически, но и духовно было светло и тепло за вечерним молением. Какая это радость в нашем положении и вообще в этой жизни, такой грустной и холодной без Христа и Бога. Перед Рождеством Христовым я получил от Верочки известие об ужасной смерти своей старшей сестры[247], и, быть может, это наложило некоторую дымку грусти на мою душу и мои праздничные переживания. Что до сих пор нет разрешения, тогда как отец Михаил уже дома, это меня не особенно расстраивает. Более этого как-то изнутри точит скорбь о том, что в Христовом деле так все сейчас запутано и так во многом безотрадно. Это куда тяжелее всех очередных неприятностей и куда больше подтачивает силы, чем бесцельное, чуть ли не полугодичное продление сидения в Азии без ясной надежды на возможность какой-нибудь разумной работы для ближнего и дела Божия. Вероятнее всего, придется ждать навигации, так как автобусы, кажется, прекращают свои рейсы. Если весна будет не ранняя, то угрожает возможность не только захватить здесь Рождество, но и Святую Пасху. Конечно, особенно ничего не загадываю и ни о чем особенно не мечтаю. Одного хотелось бы, чтобы душа утвердилась в молитве и в ней нашла исцеление и от всех малых и больших скорбей, и тот мир, который не только превосходит всякий ум, но и ставит человека вне времени и пространства и вне той житейской суеты и плесени, какая искажает в душе образ Нетленного и Вечного. Мише передайте мой привет, как и дружине его, и попросите поподробнее написать о том, что интересует нас из жизни дедушки Ермаковского[248] и его синдиката.

---

[247] Ольга Степановна Казанская умерла сорока шести лет от воспаления легких, на руках у своей младшей дочери.
[248] Митрополит Киевский Михаил (Ермаков).

Зима у нас на славу, морозы самые православные, и, гуляя в первый день, я не только вспомнил детство, но и далекую холодную Сибирь.

Вас и Наташу еще раз приветствую со святыми праздниками. Всем старцам привет и знаемым. Да хранит Вас Господь.

73
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

10/23.I.1928 г.

Только что, моя родная Наташа, сейчас пришел с почты и принес Ваше письмо. Такой морозище, что руки застыли и сейчас плохо слушаются меня, когда я спешу ответить Вам, располагая каким-нибудь часом до отхода авио.

Очень, очень благодарю Вас за Вашу трогательную ко мне любовь. О, как бы хотел я походить на любимую Вашу Масю: нежную, чуткую, умеющую в темном найти светлое, в малом – многое и всей душой отдаваться тем радостям, какие только в святой Церкви. Меня не меньше Вас трогает, когда находятся люди, какие за многими и многими недостатками ее находят в ней что-то положительное и за это любят. Конечно, с Витей ее нельзя сравнить, хотя и у меня есть много данных быть подобным Ангелом. Я знаю, что у нее теперь нет уже прежней уверенности быть им, но все же быть рабом Господа желанье есть и, надеюсь, будет всегда. Как ни обессиливаются иногда ее святые порывы той отравой, какой мир отравляет и ум и кровь, но все же никогда так не искрится душа ее радостью, как тогда, когда под ударом какого-либо глубокого страдания и потрясения с некоторой как бы мукой и святой тоской она тянется, как земля безводная, к живой Христовой воде и вместе с Давидом хочет сказать: «прильпе душа моя по Тебе»[249]. Конечно, само собой понятно, что, быть может, и уж не очень нежное ее сердце становится действительно глубоким и нежным, когда находятся люди, какие своим действительно голубиным сердцем чувствуют и понимают, что существо Маси – не тот мусор, какой часто тягостен и ей и хорошо виден другим, а вот эта святая тоска, какая, если не умрет, попалит все дурное и греховное. Какое счастье, что мне Господь дал такое родное сердце, как Ваше, такие золотые руки, как Танины, такой любящий гнев, как мамин, такого Ангела, как Витя, и много, много даров, за которые жутко будет отвечать... Те свет

[249] Пс. 62, 9.

и тени, какие в нашей семье, есть несколько и во мне; тем печальнее для меня известие о смерти сестры, и, быть может, это особенно заставило меня с каким-то светлым надрывом встретить и провести святые дни. В Серафимов день, как светлый Ангел-утешитель, дошел до меня портрет Вити. Я глядел и не мог наглядеться. Ведь уже пять лет, как мы не виделись. Он все же изменился. На лицо легла тень какой-то болезненности и даже некоторой суровости, какая еще более легла теперь на мое лицо. Так трудно примириться, что «надлежит всему сему быти»[250]. Так горько подчас и за себя, и за людей, и за правду, и за Церковь Божию.

Миша, вероятно, уже у Вас. Я уже писал Вам, как я отношусь, что Господь ему помог так быстро выбраться отсюда. Мне это несравненно труднее. Только под Новый год по старому стилю получил я разрешение жить, где захочу. Сами обстоятельства пока не пускают меня отсюда, и не только совет Вити, но, кроме всего, и мой внутренний голос говорит мне: не спеши. Сейчас морозы более двадцати градусов. Ехать через Чимбай автобусом, какие ломаются больше, чем ездят, по меньшей мере неразумно, да к тому же, кроме драповой рясы, у меня нет ничего здесь теплого. Хорошо бы, если бы реки пораньше вскрылись. У нас зимует пароход, и всего лучше им воспользоваться. Но все же, если река долго не вскроется, придется рискнуть ехать автобусом, и хотелось бы двинуться в конце февраля, чтобы к Пасхе быть в родных местах. Вале только очень не терпится, и возможно, что он уедет даже раньше. У него есть теплая одежда, но вообще-то люди, знающие пронизывающий холод голой и безлюдной степи, по какой придется ехать, советуют не торопиться. Конечно, если Валя приедет раньше меня, много будет неодобрительных кивков в мою сторону, а так как, всего вероятнее, со мной поедут и наши сестры, у которых тоже ничего нет теплого, то, быть может, и с некоторыми улыбочками. Меня глубоко трогает Ваша забота. Слава Богу, у меня есть и деньги и Таня уже успела мне отправить посылки, так что ни в чем нет никакой нужды. Надеюсь, она теперь поправляется, так как были от нее и телеграммы, и не думаю, чтобы к моим скорбям Господь прибавил и еще эту скорбь. Хотя какие, собственно, мои скорби? Это все большей частью радостотворные скорби, а это уже не скорбь, а только путь к блаженству. Слава Господу! В свое время Вера напомнила кому следует о своем путешественнике. Словом, замедление считаю за определенно выраженную волю Божию и потому и не нервничаю и не сомневаюсь, что так нужно и лучше. Мой сер-

[250] Ср. Мф. 24, 6.

дечный привет маме, старцам, Мише с тезкой Вашей и всем знаемым. Да хранит Вас Христос. А как живет Алеша и Слава?

74
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День св. Лонгина сотника,
16.X.1928 г., <Вязники>

Не посетуйте, родная моя Наташа, что я запоздал своим ответом на Ваше письмо о надорванности, отчужденности и эгоизме. В своем письме Вы обещали «на днях продолжить его», и я ждал. Но вот уж пришло от Лёли; продолжения нет, а быть может, Вы отдумали писать о чем-то для Вас важном и деликатном... Мне не хотелось бы в своем ответе на Ваше необычайное письмо следовать пословице: «чужую беду руками разведу», но отвечу, что чувствую. Не скрою от Вас, что когда я узнал некоторые подробности, в результате коих Вы теперь не в Сергиеве[251], то первое, что у меня вырвалось: «зачем она это сделала?!» Та мука, какую Вы мне описали, то страдание, какое парализовало ясность души Вашей отчаянием, отчасти объясняет Ваш шаг. В нем была и горячая любовь к матери, и самозабвение, и самопожертвование, но, как мне казалось тогда, не было рассуждения. Если бы нужно было, то вместе с другими и мамой Вы были бы позваны. Вас не позвали. Вы пришли сами. Вы взяли крест, какой, быть может, и не был для Вас предназначен, и потому вместо радости исполненного долга перед Богом и близкой, духовной энергии и бодрости Вы не можете выйти из состояния пришибленности, духовной апатии и желания забыться. Со стороны кажется, что Вы растратили все богатые запасы любви к матери на том пути, где фактически Вы не оказали ей решительно никакой пользы, какую хотели оказать своим поступком отчаяния, и когда от Вас потребовалась и для нее и для себя материальная база и помощь, у Вас нет ни того, ни другого. На почве переутомления теми страшными потрясениями, какие могли и не быть, если бы вовремя Вас удержал кто-либо и Вы сами

[251] В мае 1928 года в Сергиеве было арестовано более восьмидесяти «церковников», в том числе и Вера Тимофеевна Верховцева. Наталья Александровна, вернувшись с дежурства в больнице и узнав об этом, пошла в райотдел ОГПУ с просьбой арестовать ее, а мать отпустить. Была исполнена только первая часть просьбы, и список арестованных тогда «черносотенцев» открывает «Наталья Александровна Верховцева, 34 лет, бывшая дворянка» (День. 1992, № 5). – *М. Поддубный.* Предисловие к воспоминаниям Н. А. Верховцевой. – Московский журнал. 1992, № 10, с. 6.

не набросились на подвиг, так духовно и физически Вас изнуривший, Вы болезненно почувствовали некоторые слабости Лёли, они выросли в целые мрачные круги, как будто всегда загораживавшие Вам свет личного счастья, а теперь буквально Вас терзающие своей холодной безучастностью, и Вам нет никакой охоты опять подниматься на них. Вот Вам Господь дает случай как духовно сильной испытать на себе самой и понять мудрое правило Церкви: никогда не напрашиваться на мученичество, к какому тебя не зовут. Почему? Да потому, что даже и для духовного роста необходимо в свое время, а не преждевременно переходить от добродетели к добродетели, и само по себе прекрасное дело, не вовремя и без благословения начатое, может принести не пользу, а вред душе. Сейчас Вам не только мама, но, быть может, многое и другое может показаться не тем, что оно есть. И эгоизм, ее постоянное стремление стать поперек всем Вашим начинаниям – это просто естественное «но» старости и опытности, и было бы чудовищно думать, что здесь только мысль о себе и своем благополучии, хотя бы даже ценой счастья родной, единственной и нежно любимой дочери. В Вашем теперешнем состоянии Вам может показаться, что Вы сгубили свою жизнь, что Вы не взяли от жизни счастья, какое обычно берут от нее все женщины, что Вы прожили ее каким-то бесполым существом – и все из-за эгоизма матери, из-за ее каприза и т. д.

Лукавый часто пользуется подобным состоянием духовной усталости, чтобы развернуть перед нами эфемерную картину жизни в иной плоскости и с иными манящими наслаждениями и тихим уютом радости. Я думаю, он много постарался вообще во всей этой тяжкой истории, чтобы измотать Вас в борьбе с подсованными им препятствиями и сложными переживаниями, чтобы легче Вас склонить к жизни, какая никогда бы Вам не дала тех чувств и настроений, какие Вы пережили, подавляя в себе женщину и идя путем бесплотных. Вы бы никогда не простили себе измены тому, что делало таким дорогим для Вас и Преподобного и скит, и многое другое из этой здешней и вечной области... Та отчужденность от Лёли, о какой Вы пишете, – это просто усталость и некоторое нездоровое раздражение на нее за то, что якобы из-за нее пришлось так много пережить, а она, не понимая этого, только и ждет нового подвига и новых самопожертвований. Вы в своем настоящем положении в некотором роде напоминаете человека, какой над книгой проплакал все запасы лучших своих сил и настроений, и когда реальная жизнь и реальное горе постучалось к его сердцу, там не оказалось того, что было растрачено бесполезно. Я отнюдь, моя родная Наташенька, не хочу обвинить Вас, я просто анали-

зирую Ваши настроения и рассуждаю. Но как Вы, так и я принужден все это проделать чернилами, а они не всегда правильно отображают то, что при личном разговоре сразу без слов понимается. Я ни минуты не сомневаюсь, что все тяжелое в теперешнем Вашем настроении пройдет и скоро все опять станет для Вас ясно, а Вы сами – бодрой и неутомимой в добре, как и прежде. Да хранит Вас Христос.

75
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Михайлов день,
8.XI.1928 г.

Спаси Вас Христос, дорогая Наташа, за Ваши глубокие письма и доверие к моей любви к Вам. Я не буду спорить с Вами о причине настоящей физической и отчасти духовной Вашей усталости и надеюсь, что Господь Сам поможет Вам выйти из тех коллизий, какие, вероятно, еще более осложняют Ваше состояние. Я ни минуты не подумал, что Вы хотите как бы изменить Господу и своему прежнему пути к Нему, но Ваши муки около любви к Вам прекрасного во всех отношениях хозяина[252] только указывают, что здесь возможны ошибочные решения. Все Божье просто и ясно. В Нем мир и нет смущения. Христианское сострадание, как ни схоже оно с жалостью, но другой несколько природы. В жалости мы сострадаем к наличному состоянию человека, в его земной реальной обстановке с желанием для него избежать и тесного пути и креста, ведущего к истинному благу. Так пожалел апостол Петр Господа[253], так пожалеть можно мать с ее слабостями и стать в противоречие с любовью к Господу, какой должны быть просвечены все наши думы и настроения и все наши взаимоотношения с людьми. Конечно, очень трудно удовлетворить нормального человека из тела и души одной серафимской к нему любовью, но было бы преступлением пред Богом, жалея его, заставить ради него зазвучать не душевным только струнам, хотя бы в этом и не было ничего греховного – одному одно, другому другое, – и даже в духовной любви никогда не надо быть человекоугодником.

[252] После освобождения из тюрьмы Верховцевы были лишены права проживания в шести крупнейших городах (и областях этих городов) и поселились в Туле, в доме своего давнишнего знакомого, учителя Виктора Капитоновича Виноградова. Виктор Капитонович, до этого многократно делавший предложение Наталье Александровне, возобновил свое сватовство.

[253] Мф. 16, 21–23.

Все эти туманные рассуждения я веду в ответ на Вашу просьбу помолиться о том, чтобы «не убить чужую душу и свою собственную не расслабить излишней жалостью и тяжестью самовольно взятого креста». Мне кажется, что Вам не надо брать на себя этого креста, а так как это будет сделано не из самолюбия, а из благодарности Господу за счастье своей отданной ближнему жизни, за Его любовь к Вам, то это никогда не может убить чужой души.

Получил антиминс и в самый день Ангела – «панагию». Спасибо Вам за то и особенно это другое. У меня в этот день было очень тяжелое настроение, не рассеявшееся и теперь. В этот именно день ясно обозначился поход на мой главный Сион, где Матерь Божия Казанская[254], и попутно и на меня самого. Здесь какой-то смерч и очевидно желание блеснуть нашей сознательностью и антирелигиозностью. Это был день, когда я особенно остро почувствовал тяжесть священного омофора, и особенно в обстановке здешнего захолустья и смелого оперирования не законами, а законов. У меня единственная надежда на Матерь Божию, моего патрона из Мир, Стратилата и мученицу Екатерину, какие имеют в нем свои уголки[255]. Может быть, не случайно именно в этот день я и получил Ваш образок. Помолитесь, чтобы за мое маловерие, холодность и малолюбие Господь не наказал моих детей. Для меня это тяжкое испытание, и сердце мое страдает и в сильном борении. Этот пир «почтенный» подготовил к моему дню. Как-то все это придавило меня, и за службой я не чувствовал своего дня так, как прежде. Но, быть может, теплота, с какой здесь праздновали мой день, многочисленные проявления любви потом приглушили эту боль, и еще больше молитвы любящих меня, и день прошел, как один из дней Пасхи.

Дорогой[256], очень удрученный смертью Агаши[257] и другими сопутствующими этому неприятностями, перед 6-м получил облегчение своих скорбей, и это меня обрадовало немало в моей скорби. Буду ждать теперь, что скажет о мне Господь. Помоги и Вам Господь. Маме сердечный привет и Кате. Если у Вас есть охота и возможность, то сделайте еще столько же антиминсов.

Да хранит Вас Христос. Помолитесь и за меня грешного.

---

[254] Казанский кафедральный собор в Вязниках, построенный в 1670 году. Вскоре после описываемых событий, по-видимому в 1929 году, был разрушен.

[255] Престолы Казанского собора в честь святителя Николая Мирликийского, великомученика Феодора Стратилата и великомученицы Екатерины.

[256] Владыка Варлаам. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

[257] Святитель Агафангел. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Митрополит Ростовский и Ярославский Агафангел (Преображенский), член Высшего Церковного Совета при Патриархе Тихоне, умер в октябре 1928 года; прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских.

ИЗ СЕВЕРНОЙ ССЫЛКИ

1929–1933

76
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

<Владимирская тюрьма, 1929 г.>

Не так давно Таня писала мне о Вас, но сообщила такой странный адрес, что я пишу не непосредственно, а через нее. Душой всегда вместе с Вами. Тому, что случилось с Масей, радуюсь всем сердцем. Мне кажется, что теперь настает такое время, когда только положение, в каком сейчас она, может без слов говорить о той правде, какую мы все любим. С этой точки зрения, я думаю, было бы лучше, если бы Мася опять куда-либо поехала. Одно только мучает, что снова надо причинять беспокойство и опять надо воевать с маленькой няней, какая будет проситься тоже. Няня и в это время опять за всех проявляет неустанную заботу, и Коля так ей обязан, что едва ли сумеет отказать ей ехать с Масей. Принимая во внимание эту бесхарактерность, Коля совершенно спокойно говорит, что с радостью поехал бы к Ларчику[258]; конечно, все это только рассуждения, и, думаю, Мася поступит так, как велит ей Господь. Я за эти почти четыре месяца[259] все время чувствую себя и физически и духовно очень бодро. Здесь я гуляю больше, чем в Вязниках, и Господь послал мне сотоварищей, одинаково любящих то, что и я. Не пришлось поэтому тратить силы на то, что в свое время так утомляло Лота[260], хотя, конечно, обстановка жизни вне этих стен скорее напоминает его город, чем однообразная, но и спасительная обстановка уз. Я радовался им, потому что они, мне кажется, должны рассеять те сомнения, какие появились у многих относительно Маси после того, как Коля не согласился с Витей[261]. Путь туристов теперь тоже гораздо полезнее и яснее, чем «благодатное и мирное житие» и безмолвное созерцание отпадения многих и многих сердец от Господа и Его Истины.

---

[258] То есть в Соловецкий лагерь, см. примеч. 246.
[259] Владыка пробыл в тюрьме с декабря 1928 до мая 1929 года.
[260] Быт. 19, 1–26.
[261] Епископ Герман не согласился с архиепископом Варлаамом в оценке декларации митрополита Сергия и признании его полномочий как временного предстоятеля Церкви. Владыка Варлаам был в 1928 году участником так называемой ярославской оппозиции.

А Вы как, родные мои, живете? Как Господь хранил Вас? Помолитесь, чтобы Он никогда меня не оставил и помог мне быть Его верным и смиренным рабом. Христос с Вами обеими. Мир Вам.

77
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День усекновения главы св. Предтечи,
29.VIII.1929 г.

Родные мои, Вера Тимофеевна и Наташа! Я давно уже, более полугода, не имею от Вас ни одной строчечки и только от Тани както узнал, что живется Вам очень трудно, что, конечно, мало меня утешило и еще меньше что-либо мне сказало. Писать Вам отсюда было нельзя, но раза два я писал на Таню. Даже Ангел Витя скучает без весточки от Вас (его адрес: Ярославль, Университетская, 80/2, Корнилию Алексееву) и просит меня передать Вам свой привет. Почти тоже полгода он был в великом борении от своих – друзей Сережи[262] и своего нового шефа, заменившего умершую Агашу[263]. Писал недавно мне, что он отстоял свою позицию и московские не настаивают, чтобы он обезьянничал и плясал по их дудке, какой они хотят умилить и разжалобить своих высоких хозяев.

Вы, конечно, знаете, что Мася, как будто очень не похожая на крыловскую Моську, опять оказалась сильной, хотя никогда не пыталась даже и лаять на слона. Она едет, вероятно, к Ларчику, хотя точно ее маршрут еще не известен. Вот все, что могу сказать Вам про эту непоседу. Я глубоко верю, что так не только лучше для нее, но и спасительно для Невесты Христовой. Ничто так не будит совести, не освежает запутанной человеческим малодушием и всякими хитроумными попытками Божье построить на мамоновской платформе атмосферы, как невинные страдания. Я радуюсь и благодарю Господа за Масю. Господь дает ей возможность легким путем искупить свои грехи и, быть может, отводит от бесполезных сердечных терзаний.

Эти полгода, проведенные в уединении[264], прошли незаметно, быть может, потому, что окружавшая меня обстановка не мешала мне быть самим собой и заниматься своими любимыми занятиями. Прав-

[262] Митрополита Сергия.
[263] После смерти митрополита Агафангела временно управляющим епархией был назначен епископ Трофим (Якобчук).
[264] Во владимирской тюрьме.

да, около меня не было интересных людей, но были люди, одинаково со мной чтущие Господа, и это давало и спокойствие и бодрость. Благодарю Господа за эту милость, буду надеяться, что Он не отступит от меня и в дальнейшем за молитвы любящих меня. Когда я ехал сюда, я предчувствовал Крест, и теперь все дни и ареста и определений, все падают на пятницу, но надеюсь, что эта спасительная пятница убьет на этом Кресте все ветхое и, по милости Господа, я войду в спасительное субботствование. Помолитесь о мне, чтобы мне утвердиться в Божьем и, забывая задняя, простираться в передняя[265] и вечное. Вероятно, в двадцатых числах поеду отсюда в Москву, а там уже выяснится, куда далее. Передайте мой сердечный привет Алеше и Славе, Кате, если она с Вами. Да поможет Вам Господь и да будет Он милостив ко всем нам. Пишите.

78*
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(открытка)

Канун Воздвижения,
<13.IX.1929 г.>

Писал Наташе к дню Адриана, старался изо всех сил, и ни слова, ни привета в ответ. Молчит. Если не получили, то жаль; если получила и молчит – совсем худо. Вот к Вашему дню уже не хватает вдохновения больше, чем на открытку. Быть может, колхозницы и оздоровительницы как-нибудь протолкнут ее и она скажет Вам, что Мася помнит Ваш нарочитый день. Вы знаете, что она и веролюбива, что у нее достаточно Надежд и хоть мало, но есть и Любовь. А в нынешнем году с этими дорогими именами связано воспоминание о исполнившемся десятилетии ее туризма. Всего вероятнее, она в этот день щегольнет своими красивыми спецодеждами, чем иногда она утешается, и особенно вспомнит Вас во время праздничного обеда[266]. На днях Варля справлялась, где Вы и что с Вами, и я ей, как раньше и Сереже Сидорову, дал справку. Сам я пока благополучен. Хотя особенно в праздники я томлюсь бездельем, но начинаю думать, что не хочет ли Владыка, чтобы я занялся работой в своем винограднике, что полезно для всякого времени и никогда не убыточно. Помог бы только Господь изучить это и старое и все же новое дело, чтобы и сам мог утешиться плодами и поделиться с другими, какие

[265] См. Флп. 3, 13 (*слав.*).
[266] То есть во время литургии.

к тебе за этим приходят. Не хочется быть бесплодной смоковницей и еще меньше ее судьбы[267]. В смысле физических возможностей много шансов на благоприятную возможность осуществить свое намерение. Пора уже, а то начинают уходить и товарищи, и даже младше меня. Варля живет в Вологде. Желаю Вам мира душевного. Сердечный привет Вашим. Пишите.

79
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

(открытка)

4.VI.1931 г.

Я так давно ничего не знаю о Вас и маме, что не уверен, жива ли она, и как Вы себя чувствуете на новом избранном пути жизни[268]. Вы хорошо знаете, как много мною пережито около Вас обеих и как близко моему сердцу все, что касается Вас. Пишу Вам по адресу, данному мне отцом Максимилианом, которого я встретил в своих скитаниях. Кратко сообщу о себе.

В конце 28-го года из Вязников, где я чувствовал себя очень хорошо, я побыл в уединении во Владимире и летом 29-го поехал к Ларчику, а 30-й год жил, где был некогда и он. С ним увидеться не пришлось, хотя он был близок от меня[269]. Там два с половиной месяца был болен тифом и был близок к смерти. С Рождества 30-го года я перебрался на материк, повидался на берегу моря с Таней, а потом скитался до 7-го мая, когда выехал в Северный край, в условия прежней своей сибирской жизни. Мой настоящий адрес: Красноборск, Северо-Двинского р-на, мне по-мирскому. Условия настоящего моего бытия иные, чем прежде. Если так будет и дальше, то это тяжелее, чем у Ларчика, все то же, но в более диких формах. Варля должен быть где-то поблизости, но не знаю, где. Я сейчас неузнаваем и по внешности и по костюму. Все это модно и противно, но все же душа моя не совсем огрубела, и если Господь даст мне жизни, то, надеюсь, все болезненное изживется.

Черкните о себе и маме. Сообщите адрес. Да хранит Вас Господь.

---

[267] Мф. 21, 19–20.

[268] Наталья Александровна, получив благословение игумена Израиля и нескольких других почитаемых ею духовных лиц, вышла замуж за Виктора Капитоновича Виноградова. (В браке она приняла фамилию мужа.)

[269] Архиепископ Иларион был на Соловках, очевидно, до начала декабря 1929 года. Умер 28 декабря 1929 года в тюремной больнице в Ленинграде.

80*
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(открытка)

4.IX.1931 г.

Быть может, это письмо найдет Вас и успеет принести Вам мой сердечный привет ко дню 26/VIII. Я уже писал Вам из здешних краев, где я на том же положении, что в Сибири и на юге. Не знаю, нашла ли Вас моя открытка. Жива ли Вера Тимофеевна? Где она и как ее здоровье? Я, как знаете, побывал там, где жил Ларчик. Там два с половиной месяца болел тифом, как и отец Максимилиан, которого я там обрел и постаревшим, но духовно окрепшим и усовершившимся. Для братии он был там тем же, чем в свое время Ипполит[270], и общение с ним много успокаивало и мои тоже немного развинтившиеся после болезни и других прелестей нервы. Я тоже постарел и поседел. Пожалуй, Вы не сразу узнали бы меня, особенно тогда, когда я ходил не в своей обычной одежде и в достаточной степени омоложенным. Но бодрость духа мне почти не изменяла, и старость не коснулась свежести тех глубоких чувств, какие связали меня с маленьким уголком у Троицы и его обитателями.

С июля я живу в Великом Устюге, 2-я Пролетарская, д. 6. Можно писать на Колю, брата В. С. Ряшенцева. Я буду несказанно рад, если Вы черкнете мне о себе и о маме или по крайней мере сообщите ее адрес. В здешних краях Коле пришлось повидать и пережить много тяжелого, но теперь он живет более или менее мирно. Витя недавно поехал ему на смену к Зосиме[271]. Привет маме. Господь с Вами.

81
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(открытка)

28.IX.1931 г.

Вашу открытку получил. Отыскал Вас наконец, и пока, хоть письменно, опять вместе с Вами. Это еще предварительное письмецо. Ждал мамино посланье и запоздал ее приветствовать. Она, конечно, знает, что я ее никогда не забывал и буду особенно тепло помнить

[270] Духовник в Лавре. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Игумен Ипполит (Яковлев).
[271] К преподобному Зосиме Соловецкому († 1478). До закрытия Соловецкого монастыря и размещения в нем лагеря в 1923 году мощи соловецких святых Зосимы и Савватия находились в Троицком Зосимо-Савватиевском соборе. В мае 1931 года архиепископ Варлаам, согласно новому приговору, был отправлен на Соловки из Котласского лагеря (ЦА ФСБ, д. Р-41655).

в ее день, как поминал ее и в Ильин день. Да укрепит ее Господь в несении бремени жизни и чрез познание ее конечности и текучести ее ценностей да утешит ее неизживаемым, вечным. У нас эту неделю идут отъезды проживающей здесь братии Маси, и, вероятно, она тоже уедет туда, где когда-то жила Маруся с Кирой[272]. Быть в комическом положении, особенно когда через два месяца она хотела вообще ликвидировать свою командировку, не особенно приятно, но я успокаиваю ее тем, что в этой, не всегда прекрасной, жизни самое прекрасное отдаваться в волю Божию. Раз это нужно – значит, хорошо. Разумеется, я не могу быть равнодушен к волнению Маси и поэтому, когда все на днях выяснится, сообщу Вам, а Вы уже тогда пошлете ей обещанное подробное письмо о себе и маме. У нас пока еще нет холодов, и вчера я вспоминал, как двенадцать лет назад Мася венчалась[273], и особенно с какою-то грустью вспоминал, как она говорила о начинавшейся тогда ее новой жизни, что ей хочется быть «кротким голубем Божиим». Часто наши желания остаются в жизни только одной красивой мечтой, а пока что этот голубь, как бездомный скиталец, понемногу растрачивает, а не развивает данные ему таланты, хотя все еще не сломался в главном. Остальное в руках Божьих.

Варля около Петрозаводска в положении Ларчика. Да хранит всех вас Господь.

82
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

16.X.1931 г.
П/о Деревянск, Коми обл.

Быть может, Потамий написал Вам, что я последовал через «град», где он обитает и, не узревши его, хотя двое суток ждал на пристани парохода, отбыл в Усть-Кулом. И он и то село Деревянск, где поселился, известно Вам по письмам Маруси, и путь этот знаком хорошо всем вроде нашей Маси. В Деревянске, кроме нашей братии, жил в свое время друг Варли и Коли – Пахомий[274], совсем недавно еще один, а сейчас среди многочисленной братии (до тридцати) один

[272] В Усть-Сысольск (Сыктывкар), где отбывали ссылку митрополит Кирилл (со своей добровольной спутницей и келейницей монахиней Евдокией) и Сергей Фудель с последовавшей за ним сестрой Марией.
[273] Хиротония владыки Германа 14/27 сентября 1919 года. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[274] Архиепископ Пахомий (Кедров, 1876–1937), выпускник Казанской Духовной академии. Скончался на пути в очередную ссылку.

кир, Ч<ерниговский>. Это большое зырянское село на берегу реки Вычегды, в ста шестидесяти верстах от Усть-Сысольска. Почта туда ходит сутки и каждый день. С крутого берега, на котором раскинулось село, чудесный вид на десятки верст. Жителей хвалят, и вообще зыряне производят впечатление здоровых, неиспорченных и жизнерадостных людей. Мы приехали сюда за день до Покрова, а вечером в Покров с прежним своим сожителем по Устюгу перебрались на квартиру. Сбоку нашей комнаты пищат маленькие дети хозяйки, кроме нее бабушка, а хозяин почти все время на лесозаготовках. Сион бездействует. Говорят, что это временно, в видах карантина, но без этого грустно будет здесь. Еще новое испытание – нет ни керосина, ни другого какого-либо осветительного материала. Из кооперации нам дают немного муки и круп. Картофеля много и дешевый. Конечно, это не Устюг. Сюда привела воля Божия, и значит, здесь лучше. Жду от Наташи писем. Да благословит всех вас Господь.

Еп. Герман

83
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

День обновления храма
великомуч. Георгия в Лидде,
3.XI.1931 г.

Получил весточку от Вас, дорогая Вера Тимофеевна, и, исполняя Ваше желание, постараюсь написать все, что знаю о Масе. С июня 29-го года до Рождества Христова она жила в Кеми, недалеко откуда живет теперь маленькая Таня, которую Вы, верно, помните, и где она (Мася) встретила и одно время жила с Иваном Сергеевичем Мещерским, которого Вы знаете по Троице. В сочельник Рождества Христова она переехала на квартиру покойного Ларчика[275] и там в Татьянин день 30-го года заболела тифом. Господь помиловал ее, хотя она была очень близка к смерти, она выздоровела и очень помолодела, так как все ее волосы были аннексированы. Она занималась плетением рыболовных сетей и этим довольно сносно, хотя похуже,

[275] Последние два года на Соловках владыка Иларион жил не на территории лагеря, а отдельно (это разрешалось тогда ссыльным из духовенства), в избе «среди леса, между морским заливом и озером» (из письма архиепископа Илариона двоюродной сестре Лидии Архангельской от 22 августа 1929 года. Церковно-исторический архив Православного Свято-Тихоновского богословского института, копия). Возможно, «квартирой Ларчика» епископ Герман называет вообще Соловецкий лагерь.

чем в Кеми, обеспечивала свое существование. В конце 30-го года ее вместе с стариками, больными и калеками для поселения в лучших условиях (так, как жила она с 28-го года) перевезли опять за шестьдесят верст от Кеми. Товарищи ее действительно скоро уехали в Вологду и Архангельск, а она замешкалась, пристроилась живописцем в одном кустарном производстве того же треста, с которым и Вы имели дело после Троицы, и расписывала разные детские игрушки и безделушки. На этой как будто нетрудной работе она сильно натрудила зрение и развинтила нервы и в начале мая этого года попала в северные края около Котласа, где жила до этого Варля. Вы, между прочим, интересовались и Варлей. Она теперь живет около станции Медвежья Гора Мурманской железной дороги. Работает в тех же учреждениях, где работал и ее брат Коля. Боюсь, что на этой работе совсем истают и без того слабые силы этого тихого Ангела. Мася приехала в момент лесосплавной работы, когда массы в соц. энтузиазме все идут на сплав и весьма косо смотрят на тех, кто и рад бы с ними в этот рай, да телесные немощи и неспособность и лета не пущают. Масе пришлось жить на открытом воздухе почти все время, плохо питаться, а некоторое время невольно голодать, снова побывать в местной больнице, откуда она, впрочем, писала Вам, кажется, а потом снова вернуться в Котлас. Здесь ей пришлось побыть некоторое время в центре переселенческого движения и многое повидать. Когда ее увидите, то она сама Вам расскажет, как она жила, что она повидала и как себя чувствовала. Она только говорила, что у Ларчика она не видела и не знала ничего подобного, и хоть очень невесело было видеть то, что она повидала, но она говорила, что благодарна Господу, так как почему-то после всего виденного здесь все ее собственные жизненные невзгоды стали казаться ей уж не такими тяжкими, а вообще страдания – нужными или такими же естественными, как родовые муки женщины. Очень усталая, она переехала в Устюг, где тоже сначала ей было трудновато, но потом она устроилась на квартире и понемногу стала входить в свою знакомую по Сибири и Азии колею.

Ну, довольно что́ ль о Вашей Масе, надо же кое-что сказать Вам и о себе?! И ни Вы, и ни другие, ни сам я не думал, что и мне нынешним летом предстоит так много путешествовать; за шесть месяцев теперешняя моя, с позволения сказать, резиденция уже восьмая по счету. Это как будто многовато и, главное, разорительно и не особенно полезно для здоровья. Я сейчас, как говорят, похудел, и, вероятно, знавшие некогда так оттолкнувшего Вас своим франтовством, сытым видом и другими, кажется, подобными недобродетелями вифанского

ректора не сразу признали бы его в полупочтенном старце с небольшой седеющей бородой и «светлой», почти совершенно лишенной растительности головой. Я живу в двадцати шести верстах от Усть-Кулома, где, как пишете, в свое время изнывал Потамий. Жаль, что не пришлось мне его увидеть, но зато у Зосимы я встретился, окормлялся и очень полюбил старца Максимилиана, который после перенесенного тифа и соответствующей санобработки совсем не походил на прежнего велелепного лаврского тенора, а скорее был похож на старенького, доброго, чрезвычайно спокойного и уравновешенного украинского дида. Он удивительно хорошо действовал на мою психику, да не я один, а очень и очень многие полюбили его за кротость и покорность промыслу. Был там с нами некогда блестящий Смарагд (регент)[276], но я его ни разу не встретил. Еще будучи с Максимилианом (я расстался с ним в мае и до сих пор не знаю о его судьбе – не знаете ли Вы от Нины[277], которая с ним и с Вами переписывается?), я узнал о смерти Диомида. Почему-то вошел он в мое сердце, и я помню его.

Относительно Алеши был самый невероятный слух, и я до сих пор не хочу ему верить и думаю, что он не женился, а ушел на Кавказ. Печально, если верно то, что одно время говорили о нем, и еще более грустно, что не уберегли для церковного дела такого живого и одаренного человека, а сам он подарил Церкви сер<гиан>ский раскол, а Вам огорчения – в лице Славы[278]. Федя недавно выехал из Москвы в неизвестном пока для меня направлении. Не знаю, быть может, я духовно огрубел и ошибаюсь, но я не сочувствую тем, кто, как он и другие, окруживши себя «пророчицами» и создавши вокруг себя экзотическую духовную церковную атмосферу, уклоняются от своего дела и только мудрят и критикуют.

Мне остается всего двадцать семь дней[279]. Что-то скажет о мне Господь? Мне не хотелось бы уезжать до весны. Хоть бы зиму-то прожить в тиши и немного отдохнуть. Помолитесь, чтобы во всем и в этом была не моя, а Божья воля. Да благословит Вас всех Господь. А мой крест деревянный[280] цел или у Пророка? Прошу молитв.

[276] Иеромонах Смарагд (Архангельский), регент лаврского хора с 1906 года.
[277] Нина Алекс. из Загорска. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[278] Р. А. Верховцев, служивший в 1924–1927 годах секретарем Серпуховского епархиального совета, а также иподиаконом епископа Алексия, был арестован в 1930 году, как «близкий и доверенный человек епископа Готовцева», обвинен в антисоветской агитации и приговорен к трем годам концлагеря (ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. П-48740).
[279] 14 декабря 1931 года – срок окончания ссылки.
[280] Крест Владыки был сохранен Натальей Александровной и после ее кончины в 1991 году передан по завещанию Михаилу Осколкову, ныне настоятелю храма святителей Афанасия и Кирилла Александрийских на Сивцевом Вражке. В этом храме находится и первая икона святителя Германа, написанная в 2002 году.

P. S. Я получил только одну открытку от Наташи и другую от Вас. Очень радуюсь, что Вы благополучны.

84
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День преп. Никона,
17.XI.1931 г.

Спасибо за привет к 6-му[281] и особенно за то, что это «памятный, дорогой и любимый день». В письме к маме, вероятно ею уже полученном, Вы найдете самые подробные ответы на все вопросы Вашего письма. Мне не хочется повторяться, и я вернусь к этому, только если узнаю, что письмо мое не дошло. А в этом письме лучше расскажу, что знаю про любимую Вами Масю. Не знаю, писала ли она Вам, как памятен для нее сегодняшний день. Вы знаете, как трудно, иногда невозможно ни вычеркнуть из жизни, ни заглушить в душе то, что прошло чрез сердце – или как острое оружие скорби, или как яркое, ясное солнце радости. Этот день 17 ноября воскрешает в нас золотоглавую обитель – «селение Святыя Троицы», и особенно место покоя той «священной главы», пред которой столько склонялось не голов только, но душ и сердец! Проходят знакомые люди, смотрят живыми глазами святые уголки, слышны волнующие звуки поднебесных благовестников, и где-то совсем близко от всего этого, как благоуханное эхо этой святыни, маленький домик с тихими лампадочками и уютным диваном. Мася говорила, что она все это воспринимает в каком-то едином светлом освежающем ее чувстве, и отсюда понятна и Ваша дружба, и какая-то успокаивающая колыбельность Вашей любви. Так, по крайней мере, я понимаю, когда Мася говорит о Вас, о маме, которая так умела зажечь мысль и поднять дремлющие где-то в сокровенных тайниках души настроения и порывы, о том, как дорого ей то глубокое и чистое влияние, какое имел Ваш уголок на ее жизнь. Вообще все сергиевское несомненно посеяло в душе много, много того, что потом взошло как пшеница, и если и были в ней плевелы (они, конечно, были и есть), то от Вас-то было только одно голубиное, чрез которое только и сходит в душу человеческую святое и небесное... Что-то я немножко увлекся. Нужно ли Вам говорить о том, что Вы сами видели и чувствовали?! Я хотел Вам рассказать совсем о другом.

[281] 6 ноября – день Ангела епископа Германа (память святителя Германа, архиепископа Казанского).

Сегодня знаменательный день для Маси не только по связи с другом и учеником Печальника родной земли, по связи с завтрашним днем великого Платона[282]... Шесть лет назад в эту наступающую ночь, вскоре после того, как Вы с милым дядей Васей[283] видели Масю во всей ее красе у Павла, что у Екатерининской больницы[284], а потом были и у нее в этот же день на именинном пироге, она укатила на легковом автомобиле от Крестовских[285] и не так скоро обнаружилась в знойных пустынях Средней Азии. Как ни говорите, а все же интересная ее жизнь! Какие быстрые перемены: то дремучая тайга Сибири, то жаркий, далекий, чужой мусульманский юг, то резкий бросок к Ледовитому океану, и все какая-то неутоленная жажда новых и новых путешествий, новых впечатлений – это при довольно глубоком предрасположении к покою, уединению и мистике. Ровно год тому назад в этот же самый день на большом морском пароходе она отчалила от берегов, где некогда жил Ларчик, мельком повидала свою Таню, жившую тогда на материковом берегу моря, и потом опять так стала порхать с места на место, что в этот год успела переменить двенадцать мест. Вы, конечно, не хуже меня ее знаете и не удивитесь, что на девятом году ее путешествий, вероятно, у нее создалась не потребность, а скорее страсть не сидеть на одном месте...

Ну, довольно что ли Вам про Масю?! Разрешите же мне, наконец, сказать кое-что и о себе. Можно? Это будут тоже ответы на Ваши вопросы. Живу я в довольно удобной избе вместе с одним игемоном, учеником и келейником моего старца[286], и старицей шестидесяти четырех лет из Казанского женского монастыря. Оба они знают меня еще студентом. Письма доходят, и жаловаться на это не приходится. Как будто не застревают и наши. С продовольствием очень трудно. Ничего, кроме картофеля, и то с большим трудом, не достать. Кооперация дает только по шесть килограммов муки в месяц, но кто немного

---

[282] Митрополит Московский Платон (Левшин, 1737–1812), основатель Спасо-Вифанского монастыря и Вифанской семинарии.

[283] Очевидно, В. Н. Матвеевым.

[284] Церковь святого Павла Исповедника занимала нижний этаж храма Старо-Екатерининской больницы, находившейся на 3-й Мещанской улице. Ныне бывшее здание больницы принадлежит Московскому областному научно-исследовательскому клиническому институту. – *П. Паламарчук, сост.* Сорок сороков. Москва в границах 1917 года. Т. 3. М., 1995, с. 197–198.

[285] То есть из квартиры в 1-м Крестовском переулке в Москве, где жил епископ Герман.

[286] Старцем Владыки в годы его учебы в Казанской Духовной академии был схиархимандрит Гавриил, настоятель Седмиезерной пустыни. См. о нем: *Архимандрит Симеон (Холмогоров)*. Един от древних. М., 1996.

знаком с тем строгим и добрым старцем[287], около которого Вы, кажется, живете, в памятный день которого рождество Веры Тимофеевны, то ему не так уж плохо[288]. Не надо забывать, что они должны если не забыть слово «жизнь», то хорошо усвоить сущность того, что называется «житие». А для этого так много им дано, что надо только благодарить Господа, очищающего их от всей тли и их самих и отцов наших. Миронов и Михеев[289] там, где Мася, до полсотни, Таниных[290] – штук двенадцать. Филадельф в Алма-Ате маляром; это, мне кажется, более приличествующее для него занятие, чем роль Савонаролы или кого-либо из таковых. «Тихий Ангел»[291] около Петрозаводска в должности Тани и Ларчика. Таня переехала ближе к Ленинграду, туда же недавно уехал и Федя. Словом, все при местах, только дай им, Господи, здоровья! Ну вот Вам и про своих. Да хранит Вас Господь. Сердечный привет Вашим. Радуюсь, что Вам теперь «полегчало».

85
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

День Анастасии Узорешительницы,
22.XII.1931 г.

Сердечно приветствую Вас с Новым годом и светлым Праздником. Я все еще в Деревянске, и ничего особенного у меня нет. Сейчас вечер. В трубе воет и плачет ветер. На дворе вьюга. Перед «Казанской» у меня и перед «Страстной» у моего старца теплятся алые огоньки. Эти контрасты как будто резче подчеркивают два полюса наших настроений вдали от своих и от привычной обстановки. Но все же быстро приближающийся праздник, с которым еще с детства связано столько радостных и волнующих сердце переживаний, а с годами столько отрывающих от земли и поднимающих ввысь настроений, зажигает в душе алые зори надмирного, проникающего сквозь непогоду здешних скорбей и сковывающих разум нервных напряжений.

[287] Пророком Илией.
[288] В годы оскудения пищи, согласно преданию Православной Церкви, следует особо молиться святому пророку Илии, напитавшему во время голода сарептскую вдовицу. Так наставлял своих духовных детей епископ Афанасий (Сахаров), который молился пророку Илии ежедневно перед едой и составил даже для этого особую молитву. См.: «Молитва всех вас спасет». Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000, с. 76–77.
[289] Очевидно, иеромонахов и игуменов.
[290] Таниных сестер, то есть монахинь.
[291] Владыка Варлаам.

Одно только желание: мирно встретить Рожденного и не Ему, а от Него принести и себе и таким же, как ты, хоть кусочек Его мира и благоволения. Мася писала, что она все время ждала и ждет обещанного письма или вообще весточки, но что-то Тула молчит. У ней как-то были гости, а не так давно позвали к себе ее Макария[292]. Масе, видимо, это не особенно приятно, и она нервничает. Я стыдил ее, что она так щепетильна, а она упирает на то, что гости ей давно уже надоели, а самой ходить положительно несносно. Думаю, что все это предпраздничное и несерьезное.

Жизнь моя протекает однообразно. Стали приходить позднейшие посылки, а посланные к концу навигации, очевидно, где-то пока основательно завалены, <так> что раньше новой навигации, если доживем, едва ли мы их увидим. У нас стоит теплая зима. Кое-когда хожу гулять. Варля лечится уколами и жиром. Федя сторожем на Свири. Да будет Господь милостив к Вам и к нам.

86
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Святки <церк. стиля>, 1931 г.,
< январь 1932 г.>

Еще раз сердечно приветствую Вас с мамой с великими и светлыми Христовыми днями. Был рад получить весточку от Вас, написанную в Николин день. Если Ваш Витя даже отчасти похож на тот портрет, какой Вы дали в полученном мной письме, то можно ли не принять его в душу, и тем более, что теперь Вы с ним одно. Вы прекрасно знаете, что ни Вашей любви к Масе он не может помешать, ни тем более – Масе не может как-либо возбранить любить Вас так, как она любила Вас и любит. У Вас с Масей так все светло, глубоко и ясно в этом отношении, что ничего не приходится скрывать и нечего бояться.

Правда, некогда «богоборец» целомудрия ради (не по ревности ли?) пытался предупредить увлечение Маси, но Вы сами знаете, как глубоко он ошибался в своей боязни. А разве Вы не получили от Маси письмо, которое было написано Вам и только Вам, где воскресло все то глубокое и светлое чувство, какое Вы в ней зародили и какое, быть может, больше, чем что-либо, помогло ей выйти из той душевности, в какую она была погружена в начале знакомства с Вами? Что касается

[292] «Макарием», по имени келейника старца Алексия, назван сожитель епископа Германа, бывший келейник старца Гавриила.

меня, то нужно ли Вам говорить о том, что чувствуете сами, что мы друг около друга были всегда детьми и всегда около нас не как бы, а действительно стоял Ангел Божий, Ангел дружбы и того вне христианства и его сил непонятного и невозможного родства, через которое мы так близки и дороги друг другу. Письмо с подробностями о жизни Маси было только адресовано маме. Ей ранее было написано письмо со всеми подробностями, но так как из Ваших писем стало ясно, что оно пропало, то я повторил почти все в другом письме. Да, моя родная, много, много насмотрелась за эти три года разлуки с вами Мася. Вы знаете, что тиф почти познакомил ее со смертным часом, что после другой призрак – смертельного голода – подходил к ней почти вплотную, а уж людских страданий и горя она насмотрелась настолько, что и посейчас никак не может распутать какой-то сложный узел постоянного нервного напряжения. Может быть, в этом сказываются года и постоянные передвижения, быть может, это те муки, в каких переплавляется живая человеческая душа, когда уже окончательно в ней выкристаллизируется все Божье, что осмысливает и оправдывает ее жизнь, но этого так много, что посидеть около Вас Масе было бы не только радостно, но и прямо необходимо. Слава Богу, что на одном перепутии Господь послал Масе человека с очень чутким сердцем, какой теперь много его ободряет и освежает и своей любовью и еще более своей глубокой верой и преданностью Богу.

Я знаю, что договор с Масей окончился в декабре ушедшего года. Продлят ли они его или нет – не знаю. Знаю только, что <она> хотела до весны побыть там, где теперь, и ничего бы не имела <против>, чтобы и ее, как и Вас, ее «друзья» забыли основательно. Она, вероятно, писала, что живет в большом селе. Свой уголок устроила благодаря милости Господа очень уютно. Таню заменяет старица шестидесяти четырех лет, знающая ее еще с Казани. Очень выдержанная и трудолюбивая. За ее заботами все будничное и житейское мало касается ее души. Жил с ними ученик одного общего с ними старца, но недавно неожиданно уехал от них, и Мася думает, что так же, как сергиевский дядя Коля[293]. В общем, Мася живет теперь так, как жил Ваш Коля

[293] То есть был внезапно арестован, как Николай Михайлович Сычёв, друг семьи Верховцевых, которого Наталья Александровна называла «дядей Колей». Н. М. Сычёв (1868–1942) был сыном городского головы и старосты Петропавловской церкви Сергиева Посада, служил в лавке свечного завода, а затем поездным кассиром. До 1937 года его дважды арестовывали, не на длительные сроки. В 1937 году был отправлен в Мариинские лагеря и там скончался в 1942 году в лагерной больнице. (Со слов дочери, Татьяны Николаевны Сычёвой, записано в 1996 году.) До революции Н. М. Сычёв был торговцем. Последний его арест связан с «делом» архимандрита Кронида.

в Сибири у остяков. Только посылки здесь идут (точнее, не идут) возмутительно. Редко-редко, как бы по ошибке прорвется одна-другая, и почти у каждого где-то в дороге застревают и не приходят месяцами. Как писала мне Мася, в общем у нее есть все необходимое. Когда забывают родные или не могут помочь, то Господь чудесно посылает на месте. Денег, кажется, хватает, так как у них там ничего нельзя ни купить, кроме как картофеля, ни выменять, а в кооперациях отпускают только шесть килограммов муки и по двести граммов в месяц крупы и песку. Но все же иногда можно через пайщиков достать селедок и даже конфект; и вот все, на что, кроме расходов по отоплению квартиры, идут деньги. В общем у Маси такие же условия жизни, как и у меня здесь. Бог даст, проживет! А все, что нужно, Господь даст. Мася похудела и постарела, но все же, думаю, если встретите, то узнаете. В их селе храм есть, но закрыт, как и все почти здешние храмы (вследствие инфекции).

Ну, что же, достаточно ли Вам о Масе? А о себе-то можно немного? Самое грустное, родная, что все Ваши святые памятки у меня пропали. Меня Господь положительно наказывает, отнимая от меня святыни. Поэтому поберегите мой деревянный крест, так как крест старца, его нагрудничек, то, что я люблю надевать на плечи, и еще множество уников у меня отнято. Особенно мне жаль Ваш складень. Он остался у моего квартирного хозяина в келлии, где живет теперь Таня. Она шьет и довольна работой, и ей довольны. Мася с ней теперь непосредственно не переписывается, но знает о ней от своих сестер, живущих в Ленинграде. Она здорова и всегда болеет душой о своем отце. Настроение у нее бодрое, и пережитое сгладило много острых и болезненных углов в ее характере. Надо, видно, всем нам все время поддерживать в себе дух сострадания и терпеливо нести немощи наших близких, снисходя к их старости, пережитому и не обращая особенного внимания на то брюзжание, какое всегда уж присуще всем старым. Из Сергиева встретился только с отцом Максимилианом. Он тоже чуть не умер от тифа. Когда я впервые его увидел, то он был похож на милого, кроткого старенького украинского дида. Около него было так много мира и спокойствия, что даже остававшиеся тогда у Ларчика прежние избрали его своим Михеем[294]. Где он теперь? Нина с ним переписывается. Спросите ее. Ну, пока довольно. Сердечный привет маме и Вашему мужу. Да хранит всех вас Господь.

[294] Духовником. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

87
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

3.II.1932 г.

Что-то Вы так много мне пообещали своей радостью о возможности беседовать друг с другом, а потом взяли да и замолчали так, что ни к праздникам ничего не написали, ни после. А я Вам послал несколько писем. Или опять у Вас какое-нибудь очередное испытание, или что-нибудь с мамой или Славой, так что Вам теперь уже не до писем? Или почта? Получили ли Вы письмо от Маси? Я знаю, что перед праздниками она была немного встревожена и огорчена. Захворал, так же как сергиевский Коля[295], ее сожитель. До сих пор еще не определилась его болезнь и он еще не выздоровел. Мася, видимо, очень волновалась и в большой напряженности провела сочельник, но потом успокоилась и, очевидно, как должно провела святки. У меня тоже было утешительно в эти дни по всем направлениям. Боюсь об этом особенно распространяться, но все же своим испытанным друзьям, для которых не раз хорошо и полно билось мое сердце, почему же не сказать... Мне кажется, что за немощь мою, не раз сознанную и смиряющую мою гордость, разумею свою нервозность, постоянную встревоженность, какую-то раздражительность, рассеянность и немирность, Отец дает мне возможность немного отдохнуть, чтобы изжить все это. Если всякий пустяк заставляет колотиться мое сердце и я расстраиваюсь настолько, что едва ли не приходится ложиться в постель, то куда же я гожусь? И, конечно, уже не гожусь для прежней работы, какая требует постоянного внутреннего спокойствия, ясности и сострадания к другим с решительным нежалением себя. Мне и хочется воспользоваться антрактом, чтобы хоть немного поднакопить в себе то, без чего я не мыслю теперь всякого честного кира. Я чувствую, что во мне еще происходит и не закончилась та работа, когда душа реагирует с одинаковою почти силой и на темное и на светлое, когда как бы расщепляется сердце, когда в каждом, даже святом порыве и думе постоянно как бы ощущается его обратная сторона или его полное отрицание. Глубоко верю, что Он, позвавший меня к Себе еще в младенческие годы, поможет мне «во время благоприятное» стать уже безраздельно сыном Его света и вернет мне то радостное и могучее ощущение и силу Его мира и любви, какое Он дал мне почувствовать. Но для этого надо много отстрадать и еще больше смириться, стать Его чистым го-

[295] См. выше примеч. 293.

лубем и незлобивым дитятей. Как Вы, мой родной и любимый друг и сестра, думаете? Возможно ли это с такими непутевыми и страстными и о чем им надо особенно позаботиться?

Как знаете, de jure[296] Мася свободна, но de facto[297] ничего определенного нет, что желательно и для нее, по крайней мере до весны. Не знаете ли Вы от Нины, где старец Максимилиан? Я Вас просил узнать. Верочка моя занимает две должности, живет с Ниной и работает до упаду. Своего пьяницу выселила в Москву, но его не бросила и навещает. Федя и Варля около Петрозаводска. Я здоров и чувствую себя не худо. Сердечный привет маме и Виктору. Пишите. Христос с Вами.

88
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

8.III.1932 г.

Вчера, уставши уже терпеливо ждать весточки от Вас (к празднику и после ничего не было), на утреннем правиле я по-детски, то есть так, как надо, попросил Его, чтобы Он Сам дал мне хоть какое-нибудь известие о Вас. Через два часа среди других писем наконец-то было и Ваше заказное письмо. Хоть оно и не особенно радостное по содержанию, но рад я ему был чрезвычайно, тем более, что ведь это Он мне его дал. Я все время чувствовал, что Вам тяжело, и строил разные догадки вплоть до изъятия Вас из среды и о смертельной болезни мамы. Слава Богу, что этого нет, но Вам все же очень нелегко. Видно, моя родная, Вы очень и духовно и физически устаете или переутомились от всего, что пришлось Вам пережить и переживать. Одной из моих любимых дочек, которая после Тани более всего заботится о ней и о ее папе, я недавно писал нечто, что кратко повторю Вам. Она очень занятая. Переехала с чужим добром, ей порученным, на другую квартиру, и ей в наследство досталась полуживая, слепая столетняя старуха, совершенно беспомощная и беспризорная. Как ни устает она после службы, но с сердечным участием ухаживает за бабушкой. Я был чрезвычайно растроган этой заботливостью и благодарил Еленушку за ее сострадание и за то, что она последние дни этой совсем ей чужой старушки согревает Его любовью. Она явится, когда умрет, писал я ей, к нашему общему Отцу, поклонится Ему низко и проникновенно возблагодарит Его за все Его милости и скажет

[296] По закону (*лат.*).
[297] На деле (*лат.*).

Ему: «Благодарю Тебя, Господи, что последние дни моей жизни на земле Ты согрел сердце лаской рабы Твоей. Есть еще, Господи, на грешней земле светлые души, какие среди греха и суеты хранят веру и любовь к Тебе и с нею приходят к призывающимся к Тебе, отгоняя от нас ужас смерти и смрад наших собственных страстей и немощей».

Вы знаете, мой верный и чуткий друг, как в Сергиеве умирал В. В. Розанов и кто успокоил его мятущуюся душу и отогнал от него целое полчище нечистых духов и чем отогнал[298]. Душа умирающего Вашего старца не может быть Вам чужой уж по одному тому, что он тянется к тому, что свято для Вас, и часть этой души есть и в душе Вашего мужа. Пусть раздражается, это естественно для больной и беспомощной старости, и в этом Вы можете не ошибаться, а в остальном, как в недоброжелательстве, можно ведь ошибаться, и что же, как не молитва и любовь к его душе, переживающей такое борение, может в самый последний момент вернуть ему не только сознание, но и раскаяние в своей долголетней неправоте? Ведь и его душа вошла в мир запечатленной Его небесным образом, и раз Господь Вас поставил около его смертного одра, то Вы должны напрячь всю силу сострадания, чтобы Бога приблизить к его душе и отогнать злые силы. И, конечно, не только его душе станет легче, но и Вам самой. Помоги Вам Господь!

Хотя Вы и делаете оговорку, что не себя разумеете, когда говорите об ужасе одиночества и величайшем испытании не иметь близких

[298] В. В. Розанов, известный публицист и мыслитель, выступавший с резкой критикой христианства, во время предсмертной болезни (в 1919 году) соборовался и несколько раз причащался. По свидетельству дочери, Т. В. Розановой, в последний год жизни Розанов чаще всего встречался с отцом Павлом Флоренским и Ю. А. Олсуфьевым (заместителем председателя Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры, председателем которой был отец Павел). Исповедовали его отец Александр Гиацинтов и отец Павел Милославин из Рождественской церкви, соборовал отец Павел Милославин. Трудно сказать, кого здесь имеет в виду епископ Герман. Очевидно, это не мог быть отец Павел Флоренский («Все-таки я умру в полном, в полном недоумении. В религиозном недоумении. И больше всего в этом Фл<оренский> виноват. Его умолчания. С Богом я никогда не расстанусь. Но остальное...» – Опавшие листья. Короб второй. – *В. В. Розанов*. Т. 2. Уединенное. М., 1990, с. 558). Отпевали В. В. Розанова «священник Соловьев, П. А. Флоренский и инспектор Духовной академии архимандрит Иларион, будущий епископ... Отец при жизни часто у него бывал, они дружили» (Русская литература. 1989, № 4, с.167). Можно предположить, что именно владыка Иларион, не любивший никаких умолчаний, личность замечательно цельная, мог дать Розанову такие ответы на волновавшие его вопросы, которые принял его мятущийся ум. Однако не следует переоценивать какие-либо влияния на человека такого склада, как Розанов. Разлад в его душе (между сердечной верой во Христа и сомневающимся умом) мог стихнуть только под воздействием таинств Церкви.

«Конечно, я умру *все-таки с Церковью*, – писал В. В. Розанов еще в 1913 году. – М<ожет> б<ыть>, я всю жизнь прожил „без Руси" („идейные скитания"), но хочу умереть с Русью и быть погребенным с русскими» (Опавшие листья. Короб первый. – *В. В. Розанов*. Т. 2. Уединенное, с. 387, 389).

по духу, но мне почему-то показалось, что, быть может, и Вам самой немного холодно, и не только тогда, когда на дворе морозы лютые. Что-то горькое и безотрадное слышится в этих фразах: «поверженная долу, в прахе своей немощи, с сознанием своей слабости...» У Вас еще в Сергиеве началась реакция на ту напряженную волну самоотречения – жизни для других, отказа от всего, что особенно близко природе всякой женщины, и возможно, что это обратная волна, то, что в духовной жизни, как отлив на море, смиряет прилив – радость отдания себя другим, необычайную легкость подвига, – так мучительно и обнажает Вас от всего, чем Вы богаты. Конечно, никогда не надо с этим мириться, но и не надо приходить от этого в уныние. Конечно, холод мертвого долга не то, что живая теплота милосердной любви, раздражительность – далеко не то, что терпение, и т. д., но эти смены весны и лета духовной жизни ненастной осенью и хмурой зимой упадка духовной энергии, некоторого как бы утучнения плоти при видимом исчезновении «жирка» – все это неминуемо, и эту полосу не раз приходится, видно, всем пережить. Говоря словами Апокалипсиса, «здесь терпение и вера святых»[299]. Вот что здесь необходимо. «Где ты был, Господи?» – некогда горестно воззвал Великий Антоний, когда после долгой и мучительной борьбы он претерпел и справился с изнурительным недугом искушения. Вы знаете, что ответил ему Бог – что Он все время был около Антония и смотрел на его подвиг. Несомненно, и теперь близ Вас Господь, и, быть может, гораздо ближе около «поверженной» и немного как будто уставшей, чем около «гордой» Его силой. Уж если Вы верите в Масю, то я никогда не сомневался в любви к Вам Господа и в том, что Вы были, есть и будете Его святым храмом. Говорю так не потому только, что Вы меня любите, а потому, что всякий раз, когда мы были с Вами вместе и когда Вы теперь приходите ко мне в неполном и несовершенном воплощении своем – в письмах, всегда я чувствую то тихое веяние мира, чистоты и нежности (благости), что всегда и неразлучно бывает с Его Духом.

Ну, а теперь давайте о пустяках. У Маси все благополучно. Когда здешняя отвратительная почта обижает ее, а ей захочется полакомиться или рыбкой (какой здесь не ловят), или молочком (какого не найти ни за что), или сладеньким, то или архидиакон Стефан, как это было на Рождество Христово, или Татьяна мученица, или добрый Харлампий по воле Всеволящего приходят и дают ей все это.

[299] Откр. 13, 10.

Я нахожу, что так баловать положительно не надо. Только разве надо подкрепить и душу и тело перед новым каким подвигом, тогда это еще можно допустить, но все же факт остается фактом, и Мася этим страшно утешается. Три месяца прошло уже сверх нормы, но это не печалит, а радует Масю, так как жить на далеком Севере в настоящий момент, пожалуй, лучше, чем где-либо. Мася стала успокаиваться, и я тому искренно рад. Что касается меня, то у меня тоже радость – вернулся мой сожитель, который в гостях был целых два месяца, и привез обратно мой крест с благоуханными частицами, который по великой, но, очевидно, не очень разумной ревности был у меня взят при одном визите. Я страшно был ранен этим обстоятельством тогда (перед Рождеством Христовым). Было такое чувство, как будто ушли от меня угодники. Поэтому поймете мою радость, когда они снова ко мне вернулись. От скуки стал пробовать рисовать портреты с натуры (жалею, что есть только шесть акварельных красок и нет масляных, какими я стал рисовать в кустпроме), и представьте, как будто что-то получается порядочное. Но только все у меня по вдохновению – то ли потому, что я человек минуты и мгновенных вспышек, то ли это от моей горячки, но только у меня выходит все хорошо, когда быстро и горячо. Гуляю. Стоят чудные дни с небольшими морозами, на улице часто встречают меня мои маленькие приятели. Это всегда меня очень освежает. Таня здорова, шьет в Кеми. Варля на станции Медвежья Гора около Петрозаводска. А где Иван Израилев и почему Вы о нем никогда не упоминаете? Потамий здоров.

Ну, достаточно ли о пустяках? Пора спать. Скоро полночь. Все спит. Сердечный привет маме и Виктору. Да хранит Вас Господь.

89
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

11.V.1932 г.

Сегодня получил Ваше письмо, предваряющее будущее вдохновенное. Не знаю, получили ли Вы от Маси открыточку, где она писала Вам, что по свойственной ей неусидчивости и любознательности она захотела заглянуть в еще более глухой уголок зырянского края, где и живет пока, скоро как уже два месяца. В конце масленой она отправилась в свой район, там «погостила» с недельку и занималась тем, чем старец Дамаскина, которому поручил его Авва монастыря,

захотел смирить блестящего придворного поэта, а потом вдохновенного творца канонов[300]. В день памяти князя Даниила, то есть в день Герасима-грачевника[301], проделали с пройденным до района сто километров по глубокому, часто по колено снегу и в сильную метель, переходящую в буран, и 21-го марта по старому стилю дошли в село Вочь. В адресе переменилось, таким образом, только название. Сначала на новом месте было туговато. Почти все продукты и вещи остались на прежнем месте, где и по сию пору. Квартиру отвели на очень бойком месте, куда и днем и даже ночью заходили, чтобы поглазеть на невиданную доселе здесь гостью. Пришлось жить в обществе молодой, неряшливой и очень резкой хозяйки, и вообще во всех отношениях было неудобно. Вообще здесь живут грязновато и народ грубоватый. Потом Господь послал лучшую комнатку у одной бабушки, какая с «похвалы» уступила у себя же совершенно отдельное помещение, где уже никто не мешал заниматься тем, чем хочешь и любишь.

Сион здесь был закрытый. Совершенно неожиданно, как будто в ответ на чьи-то незримые, но горячие мольбы (странников и пришельцев здесь, кроме пятидесяти кабардинцев, до ста человек), без предварительных даже просьб официальных лиц, прежде ведавших Сионом, позвали старичка монаха, здешнего батюшку, отдали ключи и коротко сказали: служи. С чтения 12-ти евангелий начались службы – услышали мы церковный звон, увидели святые огоньки, и не только слухом, но устами своими и сердцем вознесли хвалу Его Страстям, потом и радостному Воскресению. Не знаю, как Мася, а я после восьми лет отсутствия в эти дни в храме (только первую Пасху в Сибири, да вот теперь, десятую по счету, здесь я встретил в церкви и с народом, хотя и не своими близкими) как бы по-новому переживал знакомые, а иные уже полузабытые песни и чтение. Когда мы со своим спутником и сожителем шли к светлой заутрене, то меня поразила необычайная тишина вокруг. Тихо было в храме, не погасла ни одна свеча, когда шли вокруг церкви... тихо как-то было на душе, когда в притворе как будто сошедший со старинной иконы старец окадил иконы и людей и ветхим голоском, но с большим внутренним подъемом запел: Христос воскресе! Внутри как будто кто-то говорил: «За-

[300] То есть чисткой отхожих мест. См. житие преподобного Иоанна Дамаскина, память 4 декабря (Жития святых, на русском языке, изложенные по руководству четьих-миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 4. М., 1906 ; репр. Козельск, 1993).

[301] Герасим-грачевник – народное именование преподобного Герасима Иорданского (V век), к дню памяти которого (4 марта) обычно прилетают грачи.

тем и позвал, чтобы прославил и утешился». В Деревянске ничего этого не было бы. Там всех сгрудили в одно общежитие, лишенное самых примитивных удобств, и во что там превратилась бы жизнь, сами отчасти поймете. Послал Господь и все, что привыкли мы видеть на своем пасхальном столе. Это прямо уже чудо, так как здешние крепкосердечны, да и нет у них почти ничего. Все духовное и телесное, полученное явно из Его рук, конечно, куда превосходит те огорчения и физические неудобства и лишения, какие были, <так> что о них не хочется и поминать. Мася решила так, что раз есть возможность, то пользуйся и принимай посильное участие – благо и читать умеет, и голосок еще есть – в том, что составляет теперь такую редкость. Она говорит, что теперешнее положение напоминает ей Чучельские юрты. Там она сначала тоже скромничала, а потом сами обстоятельства показали ей, что стесняться нет смысла, и она, как знаете, очень счастливо и вполне благополучно прожила там почти год и вернулась в Москву. То, что контракт кончился, а послушание еще не окончилось, ее мало смущает. Плохо только, что здесь очень плохо с почтой и еще хуже, чем в Деревянске, с продуктами. Но теперь как будто можно будет рассчитывать на простоквашу и ею наверстывать потерянное на квасе и редьке. Почему-то уверен, что и здешний конец будет такой же, как в Сибири, а если и минус[302] будет, то не беда и это. Да будет воля Божья, а нам да подаст Он терпеливо нести то, что ведет нас к Нему.

Сердечный привет маме, Виктору. Да хранит Вас Господь и Пречистая.

90
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

30.VIII.1932 г.

Вероятно, мой привет Вам, родная моя Наташа, запоздает ко дню Адриана и Наталии, но Вы, конечно, не усумнитесь, что не только в этот нарочитый день, а и всегда Ваша Мася с особой светлой теплотой в сердце вспоминает Вас и все около Вас и вместе с Вами пережитое. Вот уж кончается скоро и август. Невольно, несмотря на острые повседневные заботы, думы и тревоги, отодвигающие куда-то в глубь души все прежнее, вспоминается сегодня Гефсиманский праздник, наполненный народом тихий скит, продолжительное и умилительное

[302] Ограничение права проживания в ряде крупных городов и их областей.

служение около гроба Пречистой, торжественное хождение с Ее Плащаницей по аллеям скита под красный звон колоколов, обильная трапеза с цветной капустой и душистым смородинным квасом у Ивана Израилева, и Вифания с шикарным ректором, и уютный Посад с домиком недалеко от Лавры. В этом воспоминании переплетаются и чисто духовные переживания с житейскими и земными, какие трудно отделить друг от друга, как невозможно рассечь душу и тело и изменить их таинственное сочетание. Все это затянуто какой-то нежной, щемящей сердце, голубоватой, как дали в ясный день летний, дымкой грусти, а все настоящее, при всех духовных преимуществах своих перед прошлым, кажется таким жестоким, грубым и суровым. Будет ли когда возможность сочетать это прежнее, без его греха, с настоящим, без его жестоких потрясений и невзгод, в одно светлое целое, где во всем бы был Христос, Его невечерний свет и взаимная любовь, без которой так бесприютно и тоскливо в настоящее время?! А пока Его меч разделения рассекает когда-то близких и единомысленных, и нет Его кроткого смирения и мира даже среди тех, кто одинаково называется Его именем. Но я верю, что это будет, и душа каждого прошедшего через муку лишений, падений, измен, малодушия и отрицания снова, не устами только или мимолетным движением чувств, а всею жизнью своей воспоет Ему «осанна», как Единому Победителю смерти и зла.

Ну, что Вам сказать о Масе? Она вступила в последний месяц своей девятилетки. Говорят, что очень похудела и изменилась. Я нахожу, что это, конечно, отчасти правда, но сам лично желал бы ей более внутреннего изменения и просветления того подлинно Божьего, что не скупо дано ей Богом. Я живу все в прежних условиях, несмотря на то, что уже Федя спокойно живет во В<ладими>ре и многие вернулись домой, несмотря на то, что предполагалось, что они прогостят гораздо долее Маси. В наших комических странах стали отпускать окончивших курс, но людей с специальностью Маси (большей и меньшей квалификации) почему-то пока задерживают. Говорят, что и их сократят. Остается до конца навигации месяца полтора, и после трудно будет выбраться. Хотелось бы <на> зиму пододвинуться к своим поближе. Таня уже с мая вольная птица, но еще никуда не устроилась, что меня очень печалит. Она совсем измоталась и стала очень нервной. Если будет <отпуск> у Маси, то она очень хочет поселиться в Спасске Рязанской губернии. Чувствую себя неплохо. А как Вы? Вы не ответили на мое письмо, и я ничего не знаю, как Вы съездили в Посад. Да хранит Вас Господь. Сердечный привет маме и Виктору.

91
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

3/16.IX.1932 г.

Получил на днях Вашу открыточку и коротенькое письмецо. Сам писал Вам к Адриану и Наталии. Писал и в ответ на одно только письмо из Москвы о Славе (второго не получил). Но что же я поделаю, когда я такой несчастливец и мои письма такие же беспутные, как и их автор. Писал я нашим общим с Потамушкой сестрам туда, где он, и они тоже почему-то не получают. Вот куда залетел, а все же жив и даже не так плохо и чувствую себя и живу. Начал уже десятый сверх-месяц и в день Ангела мамы, которую тепло приветствую, а в этот день особенно, кончу девятилетку. Слава Богу... Я живу все в Вочи. Я никак не пойму, почему Вы все пишете Деревянск. Надо только Вочь, а то это только путает здешних наркомпочтелей. Лето у нас стояла чудная с грозами погода, с сухими днями. Урожай прекрасный. Недели с две-три, правда, от горевших лесов плохо светило солнце, но после не так давно прошедших дождей все это кончилось, и с Александрова дня до сегодня стояли чудные летние дни. Сион действует. Очень много около Маси всяких Мирончиков, Сереж и Саш. Большинство терпит страшные лишения, так как нет посильной работы, а купить что-либо и где-либо почти нет возможности. Продуктовые посылки запрещены, а посланные плохо доходят. Мася писала, что она не терпит больших лишений и Господь дает и ей, и на тех, кого она приютила с собой. Зиму она жила с одним бельцом, а весной к ней приехала та старица, что жила с ней в Деревянске. Прилетела в июне и Таня, вернувшаяся еще в мае от Ларчика, но она так изнервничалась, что если бы Мася оставила ее жить с собой, чего очень хотела Таня, то это было бы сплошное мучение и взаимное огорчение. С неделю назад Мася перебралась на новую квартиру, и к ней, кроме прежних, но на авторитарных началах в еде, прибавились еще две сестры. Так что теперь она – сам-пят. Так вышло несколько неожиданно и против воли Маси, по настойчивому желанию хозяев, но, видно, на это есть и Божие благословение, а сестры уже пожилые и выдержанные. Словом, Господь поможет, и Мася уживется. Собирается она все уехать, да не знаю, отпустят ли. Вот и я все собираюсь, да плохо пароходы берут. Если уедет Мася, то, быть может, поселится в Спасске Рязанской губернии. Так советует Верочка, какая за двоих работает там же[303].

[303] «Там же» здесь значит «где и прежде», то есть в Сергиевом Посаде (после революции посад стал городом и назывался до 1930 года Сергиев, затем до 1991 года Загорск).

Вид Тамбова. Сенная базарная площадь и Христорождественский собор
(*Из книги: В. А. Кученкова. Святыни Тамбовской епархии. М., 1993*)

Степан Григорьевич и Мария Федоровна Ряшенцевы с детьми, 1892–1893 год
Стоят (слева направо): Александр, Виктор, Леонид, Ольга, Николай;
сидят: Вера и Зинаида, на коленях у отца Владимир

Семья Ряшенцевых, 1902–1903 год
Стоят (слева направо): Владимир Казанский (муж Ольги), Вера, Леонид, Александр и его жена Мария, Николай; сидят: Ольга, Владимир, иеромонах Варлаам (Виктор), Мария Федоровна, священник Владимир Бусыгин (муж Зинаиды), Зинаида

Архимандрит Феодор (Поздеевский), ректор Тамбовской духовной семинарии, и студент Николай Ряшенцев

Архимандрит Гавриил (Зырянов) со своими учениками
Рядом со старцем сидят: иеромонах Феодор (Поздеевский) и архимандрит Варсонофий, настоятель Спасского монастыря в Казани. Вторым слева стоит монах Герман (Ряшенцев), четвертым – монах Гурий (Степанов).
(Из книги: Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. М., 2001)

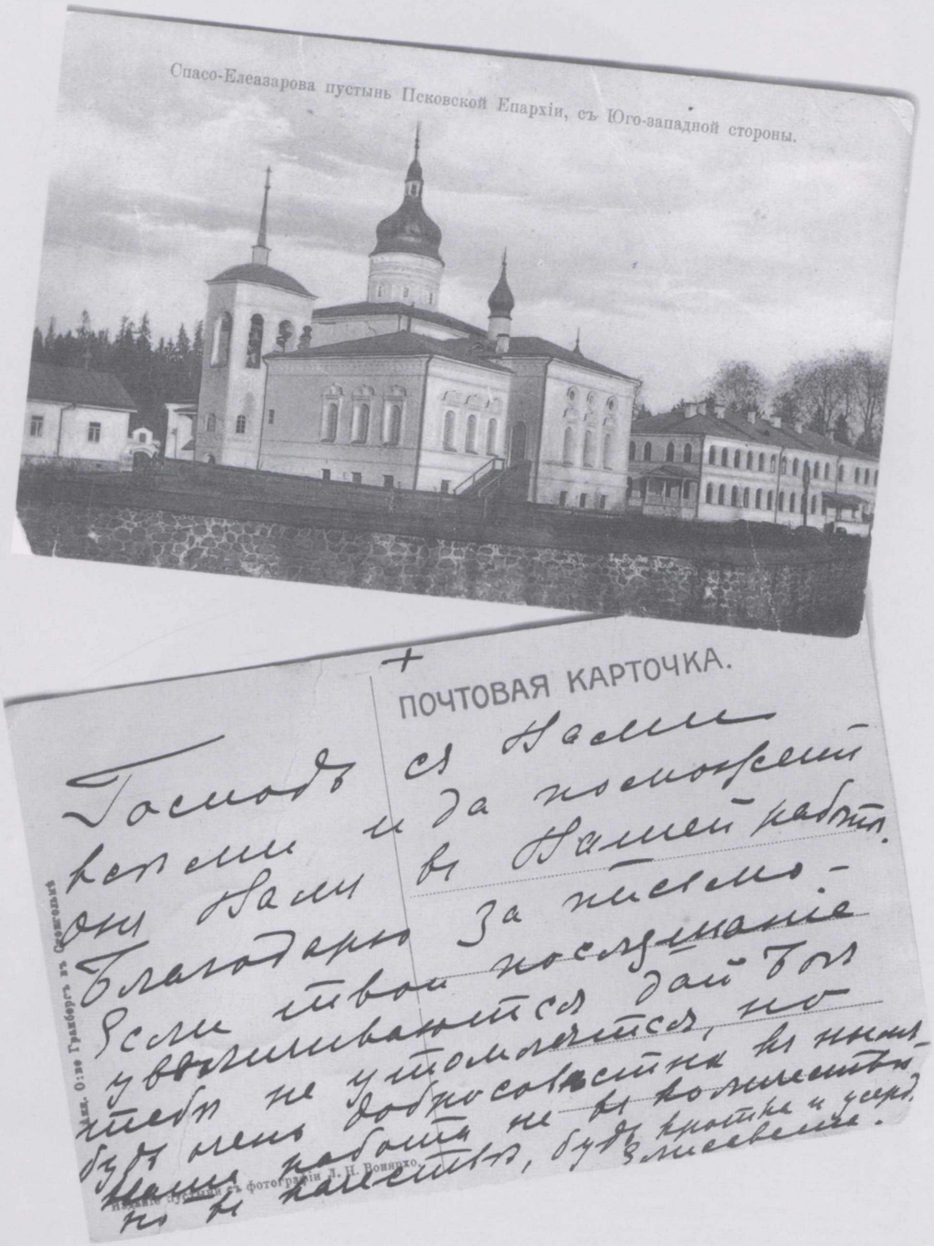
Седмиезерная пустынь под Казанью, 1890 год
(Из книги: Архимандрит Симеон (Холмогоров). Един от древних. М., 2001)

Епископ Арсений (Стадницкий)
(Из книги: Протодиакон С. Голубцов. Профессора Московской Духовной академии в сетях Гулага и Чека. М.,1999)

Троицкий кафедральный собор в Псковском кремле
(Из книги: Псковская икона XIII–XIV веков. Л.,1991)

Открытка с видом Спасо-Елеазаровой пустыни
и автографом преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны
на обороте (*Церковно-исторический архив ПСТБИ*)

Архимандрит Герман, ректор Вифанской семинарии
(*Музей Свято-Данилова монастыря,*
альбом выпускника Вифанской семинарии 1913 года;
из него же следующие восемь фотографий)

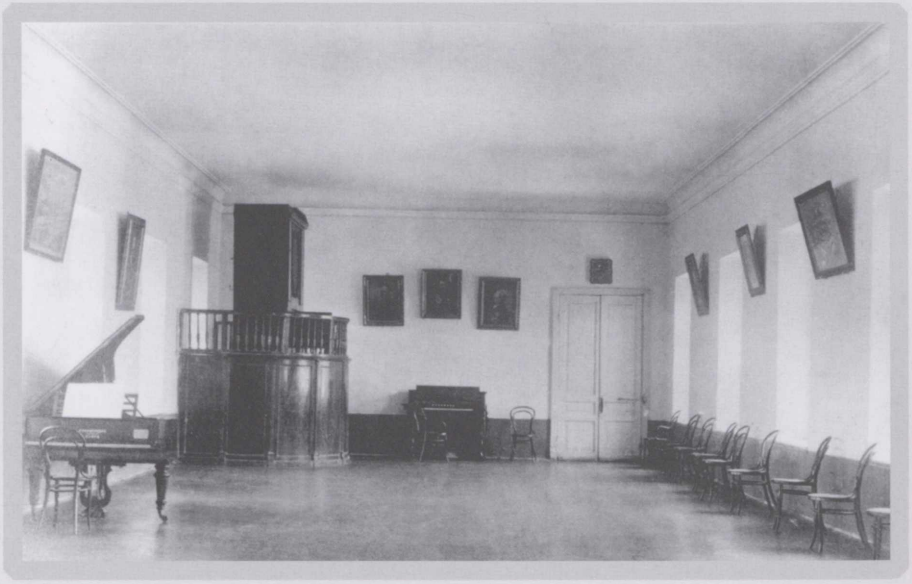
Вифанская семинария

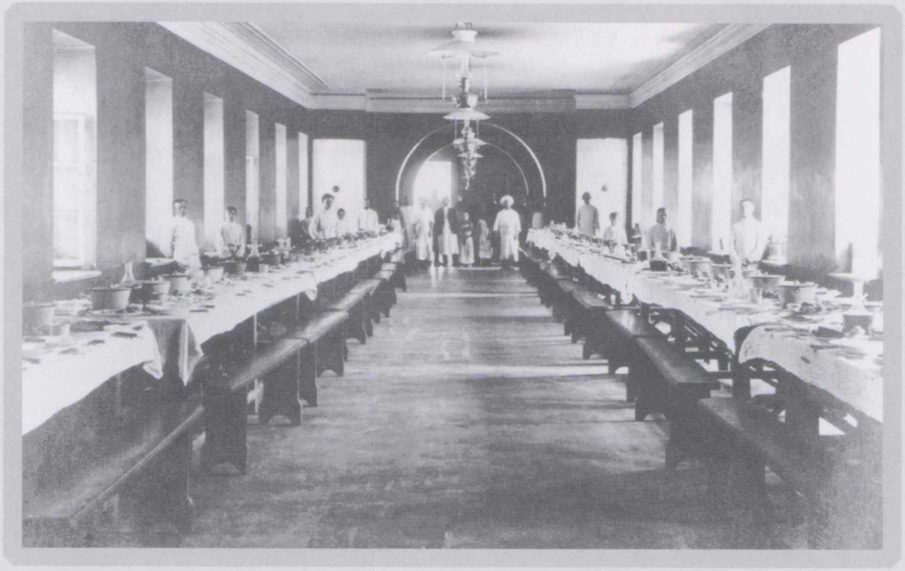
Вид со стороны пруда

Храм Вифанской семинарии во имя апостола Иоанна Богослова

Класс для музыкальных занятий

Трапезная

Праздничное убранство зала

Священник Иоанн Виноградов (?),
духовник Вифанской семинарии

Архимандрит Филипп
(Гумилевский)

Епископ Феодор (Поздеевский), архимандрит Герман (Ряшенцев)
и иеромонах Игнатий (Садковский)

Митрополит Владимир
(Богоявленский)

Митрополит Макарий (Невский)
(*Церковно-исторический архив ПСТБИ*)

В Московской Духовной академии, 1910–1912 год
Сидят (слева направо): архимандрит Варлаам (Ряшенцев), епископ Феодор (Поздеевский), архимандрит Симеон (Холмогоров); стоят: иеромонах Гурий (Степанов), архимандрит Филипп (Гумилевский), иеромонах Герман (Ряшенцев)
(*Даниловский благовестник. Вып. 8. М., 1996*)

Михаил Владимирович Шик
и Наталья Дмитриевна
Шаховская-Шик

Братия Смоленской Зосимовой пустыни, 1912 год
Сидят: иеромонах Мелхиседек (третий слева), игумен Герман, иеромонах Алексий, иеромонах Митрофан; между отцами Мелхиседеком и Германом стоит послушник Александр Лебедев, впоследствии схиархимандрит Игнатий, священномученик
(Из книги: Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. М., 2001)

Архимандрит Герман со своим старцем
архимандритом Гавриилом

Игумен Израиль (Андреев),
начальник Гефсиманского скита

Братия Зосимовой пустыни за рубкой капусты
Первый справа – игумен Герман
(Из книги: Монахиня Игнатия. Старчество в годы гонений. М., 2001)

Вера Тимофеевна Верховцева

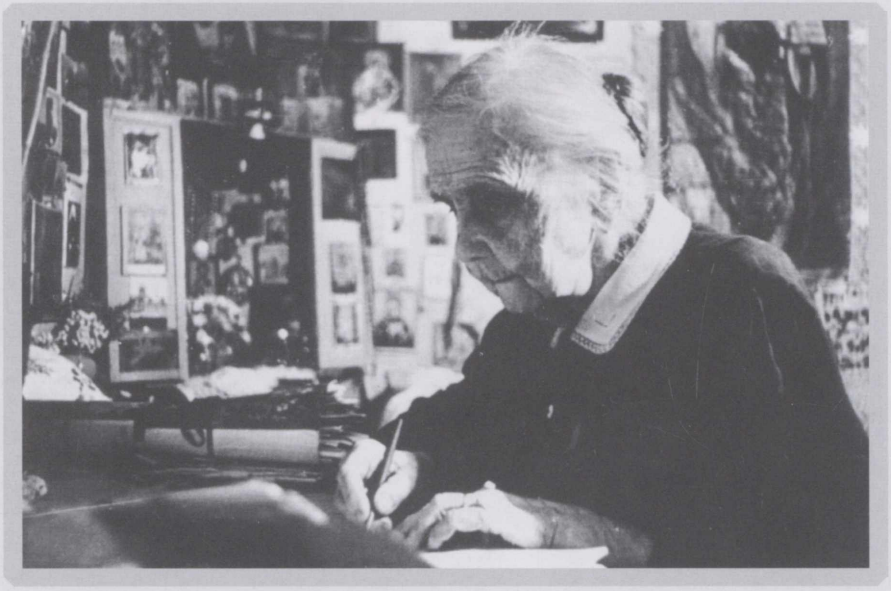
Наталья Александровна
Верховцева – сестра милосердия

Военно-полевой госпиталь времен первой мировой войны
(*Фотография, принадлежавшая епископу Герману*)

Наталья Александровна Верховцева
в последние годы жизни

Не знаю, видели ли Вы ее? Я вспоминаю и 17 августа и 1 сентября[304], когда отдыхал душой в тихих скитах Ивана Израилева. Господь дает Свою силу, и душа бодра, хотя склероз делает свое дело и расширение вен, заметное и не для специалиста, напоминает, что надо быть готовым к жизни, откуда уже не возвращаются. Пора бы и думать об этом, и желать, а все некогда, и особенно мешают нервы. Я спокойно взираю на затягивающееся комическое положение свое. Когда надо будет, Господь позовет, а пока слава Ему за все. Приветствую Вас с дорогой именинницей. Да хранит всех вас Господь и Пречистая.

92
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Платона,
18.XI.1932 г.

На днях получил Ваше письмецо, пересланное мне из Вочи. Как и полагается мне, я уже на новом месте (десятом за полтора года жизни в Северном крае). После Покрова вызвали в Усть-Кулом (мой адрес), как окончившего срок. Но из нас десяти только трое получили дальнейшие путевки, а о нас нет распоряжений. Вообще было невесело смотреть, как уходили последние пароходы, как на глазах уезжали только что окончившие срок, но не из нашей несчастной братии, как и самые обстоятельства и все, особенно там, где нас опекают, точно сговорились, чтобы уколоть тебя и напомянуть, что ты «соль обуявшая»[305], какую попирают. Внутри что-то протестовало, негодовало, сетовало и возмущалось, тихо подкрадывалось к сердцу, как темная мгла, давящее уныние, и радостно проходимое послушание и искупление более чем когда казалось тяжелым и безотрадным бременем. Мне не столько уж хотелось уехать, как всё и все говорили, что я обязательно уеду, и крушение этой почти уверенности было довольно болезненно. Конечно, уехать поближе к родным, к русским, я ничего бы не имел <против>, но самое тягостное не жесткие условия нашей суровой, а здесь более чем где жизни, а усмотрение, какое отменяет и те нормы, какие само же вводит, и неопределенность положения.

Поселился я в деревушке недалеко от Кулома, в полуразрушенной избушке с двумя иноками, знакомыми мне еще по Беломорью.

[304] 1 сентября – праздник Черниговской иконы Божией Матери.
[305] Соль, потерявшая силу (*слав.*) – см. Мф. 5, 13.

Ее преимущество в том, что мы совершенно ничем, кроме платы, не связаны с хозяевами – и экстерриториальны, и автономны в своем обиходе и времени. На днях сложили добавочную печурку, так как наша старушка боится холодов, а мои сожители пока очень заботятся о тепле и на ближайший месяц запасли дров. После Вочи здесь народ кажется и сердечнее, и культурнее, и легче в других отношениях. Кое-что и картошку достаем, получаем гомеопатический инвалидный паек, которого там тоже не было, ближе к почте, и в Сион (пять километров) ходим и утешаемся – там теплее. Словом, жить пока можно, и понемногу мой гордый дух успокаивается и смиряется перед этим новым препятствием и удлинением и без того уже не короткого моего этапа.

Слава Богу, у меня по милости Господа нет того внутреннего бремени, о каком писали Вы мне, этой не то усталости (у Вас это несомненно самое главное), не то скуки и пустоты от странничества, как у Вас от своей работы. Минутами, правда, я думаю, что удлинение его говорит о том, что оно ничему меня не научает, мне тяжело быть на богадельном положении и обременять добрых людей, мне кажется, что уходит время, когда я мог бы быть полезен по своей специальности, но это бывает недолго. Я верю, что и самое время и обстановка, и все, с чем приходится встречаться на своем пути, постепенно вытравляет то ненужное и вредное, чем заразилась душа в прежнее время, и рано или поздно с нее спадут те цепи, какие наложил на нее грех, небрежение и привязанность к земному, и она придет в тот благодатный возраст Христов, ради чего принесена некогда Богу свежесть юности и полноты физических и духовных сил. Конечно, возможно, что многие из нас предназначены, быть может, быть искупительными жертвами, и надо, таким образом, думать более не о том, чтобы получить возможность жить где-либо в городе, а о граде грядущем, где все наше земное, со всеми скорбями и невзгодами, – только путь и дверь.

Я здоров и не теряю бодрости духа. Все имеет свой конец. Думаю, что когда нужен буду я, то и теперешнее окончится, лишь бы только была от него польза мне и тому деланию, какое заповедал нам наш Учитель. Если отпустят, то зимой трудновато будет отсюда выбраться, но все же едва ли останусь и не воспользуюсь возможностью выбраться из этой полосы лишений, горя, болезней и игнорирования человеческой личности, ее достоинства и немощей.

Верочка моя работает за двоих у Троицы. Муж ее не то все пьянствует, не то лечится от этого в соответствующей лечебнице. Таня приехала от Зосимы навестить меня, очень хотела остаться и обиде-

лась, когда я не разрешил, а теперь поселилась на Клязьме, Драгомыжская ул., д. 4, и стегает одеяла. Она очень измучена, и, конечно, с ней я еще более бы развинтился. Она горячо любит Масю, но тою требовательною, командною любовью, от какой подчас так тяжело и мучительно.

Помоги Господь Вам пережить все с Вами случившееся и в нем переплавить то светлое и святое, чем богато наградил Вас Господь. Вы были и остаетесь моим светлым другом и близкой родной.

93
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День ап. Андрея Первозванного,
30.XI.1932 г.

Сейчас, вероятно, часов пять вечера. На дворе лунная ночь. Морозит. Пошумливает ветер, поднимая серебристую снежную пыль. Слышны голоса молодых колхозников, убирающих по соседству скот. Только что отпили чай по случаю именин отца одного из моих сожителей, с свежим черным хлебом и даже (дивно сказать) с медом. Сегодня последний день четвертого года. Завтра Филарета Милостивого, житие которого я любил еще с детства, – имя, осенившее своею благодатною силою и памятью не одного святителя Русской Церкви, и всех с ореолом святости. Кончается, таким образом, год сверхсрочной работы и начинается пятый. На душе нет ни горечи, ни тоски, а одно только желание, чтобы уходящие годы, как верстовые столбы, не только указывали, как сокращается земной мой путь, но что душа моя хоть немного духовно стала ближе к светлой цели настоящей жизни. Я теперь все более и более начинаю верить в добрый промыслительный самотек, какой часто, незримо для нас, помогает нам изживать все ненужное и отшлифовывает и сглаживает все неровности и острые углы нашей внутренней жизни, вымывает все нечистоты и освежает, вливает жизнь во все ветшающее и близкое к омертвению. Я думаю, не было бы никакой красоты, если бы всюду были разбросаны редкие драгоценные камни; так и в жизни души – эти редкие, светлые и дорогие ее взлеты, переживания и дела потому так и ценны, что они являются тем ее таинственным узором, какой не только украшает ее небесной красотой, но и делает ее той светлой силой, без слов говорящей о ее вечном назначении

и неразрывной связи с Тем, Кого не видят только духовно слепые и безумные. Думаю, что для того и эти пятилетки, и начавшееся с именин мамы десятилетие, чтобы духовно стать зрячим, сыном дня и любви. Для того и вся жизнь стала каким-то непрерывным, подчас утомительным путешествием, чтобы в этих пересадках, разной обстановке, среди разнообразных встреч, в наблюдениях над собой и другими увидеть то, чего не видно из-за книги и тяжелых машин и станков, среди оглушающей суеты и грохота современной жизни.

Здесь, вдали от всего этого, на перекрестках жизни и смерти, где так близко сходится агония умирания и муки рождения, ярче полюсы жизни, выпуклее доброе, часто бессильное и как будто всегда побеждаемое, и ярче то всесильное, самонадеянное и гордое, с ним борющееся, радованию его завидующее, смирение и веру его ненавидящее, что пытается заменить его в жизни. Конечно, это несомненно школа, школа высшего знания, и, разумеется, требующая и большого напряжения сил и суровая в своих методах и обстановке, но крайне необходимая, когда так чувствуется, что жизнь человека требует коренной перестройки...

Вот видите, как я расфилософствовался в ответ на Ваше письмецо, посланное к 6/19-му <ноября> и недавно полученное. Незадолго до его получения я отправил закрытое маме и Вам. Вы, вероятно, его получили и теперь знаете, чем объясняются интервалы в переписке. Из сергиевских недавно получил маленькую записочку от Макса и знаю о всех еще меньше Вашего. Филя[306], жившая с Масей в Вифании, – в одном сибирском совхозе, другая – где-то там, где Мася, но где – точно не знаю.

Я, вероятно, зимую, и вообще все благополучно и нормально. Я здоров и бодр духом. С питанием пока сносно. Если нужен, то не умру и Господь даст все необходимое. Сердечно приветствую Вас и всех Ваших с грядущими праздниками. Мир Вам.

P. S. Таня живет на Клязьме и стегает одеяла. Адрес Маси: Усть-Кулом, Коми обл.

[306] Архиепископ Филипп (Гумилевский) был ректором Вифанской семинарии (в сане архимандрита) в 1910–1912 годах, когда владыка Герман был инспектором. «Другая Филя» – очевидно, келейник Филадельф.

94*
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

22.II.1933 г.

На Сретенье получил отпуск в Арзамас. Теперь дело за подводой на станцию Мураши, от Усть-Сысольска триста шестьдесят километров. Мася, как разборчивая невеста, пропустила несколько возможностей устроиться с попутчиками, а эти дни что-то нет подвод в Вашу сторону, и она уже начинает томиться. Правда, надо быть на месте только к 15 марта, но тяжело злоупотреблять гостеприимством, что соединено со многими неудобствами. Думаю заглянуть проездом к Тане. Из Арзамаса пишут, что там сравнительно с другими городами цены на все более низкие и можно найти уголок, и в духовном отношении неплохо. Я здоров и все время чувствую себя неплохо. Надеюсь, что Господь устроит путь мой, и какой бы он ни был, но выбраться из стран здешних уже хочется. Сердечный привет Вашим. Всего доброго.

95
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

1.III.1933 г.

Вчера кончилась самая трудная часть моего пути. Семь дней я ехал на перекладных, и иногда было довольно чувствительно от холода. Израсходовал целую бездну денег, но пока, кроме моей дикой стеснительности, ничто во мне не было потревожено. Устал порядочно, и, вероятно, напряжение ушедшего месяца скажется, но в общем хорошо себя чувствую. За время своего пребывания в Усть-Сысольске не раз пользовался любовью отца Потамия и утешался его беседой и не раз ощущал в его духе и свирепости нечто общее с Иваном Израилевым, что во многом объясняет для меня Вашу дружбу с ним. Соприкасаясь с иной обстановкой, чем та, в какой я жил эти годы, чувствую, как я одичал. Вероятно, мои изумятся, увидев меня, но по душе, думаю, эти годы меня не испортили. В Москве пробуду только день-другой и проеду в Арзамас, куда пишите. Привет.

ИЗ АРЗАМАСА

1933–1934

96
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Лазарево Воскресенье,
<27.III.> 1933 г.

Мне на днях прислали мои письма из северной моей резиденции, и среди них оказалось Ваше, где Вы выражаете желание иметь некий образ. Посылаю Вам подобие Вашего друга, хотя, говорят, он теперь изменился и, прежде всего, стал седей. Хорошо бы, если бы светилась не только борода, но душа изжила бы все ненужное, и особенно гордостное и самооценивающее. Этого еще очень много, потому, вероятно, Господь и не дает дела доброго. Здесь на днях встречали свою Масю. Мне было трогательно наблюдать, с какою теплотой ее встречали, но не скрою, и было грустно как-то за себя и сиротливо. Мася говорила мне, что еще не знает, придется ли ей здесь наряжаться в те костюмы, какие, как знаете, шли к ней и в каких она была всегда в очень хорошем настроении. Понемногу обживаюсь здесь. Дал бы Господь хоть немного отдохнуть нервами и пообчистить свою душеньку. Пора бы, кажется. Но и здесь есть свои сроки, и не всегда они, думаю, зависят от нашего желания. Сердечно приветствую Веру Тимофеевну и Вас обеих с грядущими светлыми праздниками. Желаю мира Его и тамошней радости. Теперь я физически здоров. Будьте и Вы здравы и благополучны.

97
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Стефана Пермского,
26.IV.1933 г.

Вот, оказывается, какие несчастливые мои письма или Ваш адрес, что письма не доходят. А я получил от мамы и большое и открыточку к празднику и, конечно, в свое время ответил и на то, и другое. Не раз сообщал Вам и адрес Маси: улица 1-го Мая, 72. Туда и надо адресовать, так как обычно Мася лениво ходит на почту. Будьте пока довольны и тем подобием, какое получили. Это действительно было

четыре года назад, но теперь время и пережитое едва ли что прибавили и убавили от прошлого, разве только стало больше серебра да нервозности, какая, вероятно, видна и вовне. Если буду благополучен и немного улягутся нервы и усталость, какие, как естественная реакция на прожитое, очень сильно дали о себе знать по приезде сюда, и первые очень дают себя чувствовать и теперь, то постараюсь добыть позднейшее изображение.

Про путешествие свое я уже не раз писал. Конечно, полтысячи километров на лошадях, в морозы, которые иногда достигали до тридцати градусов R[307], в довольно легкой для Севера и его холодов одежде, было не только интересно, но иногда и изнурительно, но в общем я скорее с удовольствием совершил этот путь, знакомясь с новыми людьми на станциях и ночлегах и часто встречая теплую ласку и сочувствие этих добрых детей Великого Просветителя Перми, память которого празднует сегодня святая Церковь. В самой Москве я почти не был. Был только в субботу на первой неделе поста у Богоявления на Елохове за службой митрополита Сергия, а потом зашел и к нему на квартиру. Все же время был у Тани на Клязьме, где она в качестве сторожа проживала на одной даче и работала одеяла на одну артель. Она очень болезненно переживает раздельное житие с Масей. Она никак не может понять, что не по неблагодарности это делается, а потому, что лучше нести тысячи великих неудобств и лишений, чем кого-либо соблазнить, умалить свет высокого звания или причинить неприятности близкому человеку (разумею ее), какой и так уж из-за тебя повидал Белое море и там еще более расстроил свое здоровье и нервы. Здесь, в Арзамасе, совместное житие тем более невозможно, что совсем недавно здесь был скандальный процесс Масиного собрата[308], обнаруживший много, быть может, присочиненной, а возможно, и бывшей (увы!) грязи, что было бы просто преступлением бередить раны, какие у многих еще не зарубцевались. Конечно, зная Таню и как женщина, Вы поймете, как ей нелегко переносить это решение Маси и как огорчает и эту последнюю упорное непонимание Тани, по каким соображениям это делается. При всем золотом своем сердце она стала такая нервная, что больные нервы Маси долго не выдержали бы этого невозможного сочетания пороха и огня. Здесь есть мой тезка[309], по старцу мой духовный племянник, какой очень подошел бы

[307] Тридцать градусов по шкале Реомюра соответствуют 37, 5 Цельсия.
[308] Судебный процесс был в октябре 1932 года над епископом Домитианом (Горохового).
[309] Иеромонах Герман (Архиереев).

мне в сожители. И он и я этого хотим, но не знаю, как благословит это Господь. Дело за подходящей квартирой. Я имею комнату у одной больничной сиделки, в прошлом учительницы и жены собрата Феди – друга мамули[310]. Она через день на дежурстве, хорошая, нормальная женщина, без всякого жеманства и лукавства, и мне до сих пор у нее и уединенно и хорошо. Вчера приехала к ней дочь с ребенком, и если останется жить, то мне, конечно, уже не будет так тихо, но, быть может, тогда естественнее и безобиднее, если найдется комната и Господь благословит мне в сожители тезку (молодой иеромонах), уйти на другую квартиру. В Арзамасе у меня достаточно знакомых по Северу и Москве, и среди них есть близкие по духу. Служба в Сионах прекрасная, благодаря участию в ней в качестве действующих сестер Тани, каких здесь достаточно. Здесь очень чувствуется благодатный покров преподобного Серафима, и я сам потому и остановился на Арзамасе, что вызов и путевка в эти края были получены мной 2/15 января.

Одиннадцатую Пасху Мася встретила в почти нормальных условиях, прежде всего в семье, хотя и чужой, здешнего кира[311]; два раза на Светлой неделе с ним трапезовала и надевала свои красивые праздничные одежды, а на Георгия, через четыре года и пять месяцев, выступала solo. Последнее выступление было в день великомученицы Екатерины в Вязниках, и возобновилась эта великая радость и потребность в светлый день Победоносца, так любимого и благословившего конец жизни у Зосимы и начало путешествия по Северу ровно два года назад. После этого solo, сознавалась мне Мася, она почувствовала, как страшно напрягаются ее нервы и что эта напряженность если не убивает, то связывает и внутреннюю теплоту, сосредоточенность, и простоту и непроизвольность движений, как-то обостряет сознание своей отдельности, а не слитности, как следовало бы, с аудиторией, что, конечно, создает атмосферу некоторого холодка, а не того мира и теплого трепета перед Отцом, что так освежает всех участников радостной трапезы.

Будем надеяться, что все это смотрительно[312] и полезно. Надо не только много испытать и пережить, но еще более смириться в этих лишениях и почувствовать их не только как знак избранности, но и как

[310] Жена священника. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[311] Епископом Арзамасским был в то время (март 1933–1934) Серапион (Шевалеевский); арестован в 1934 году вместе с владыкой Германом, также отбывал затем ссылку в Сыктывкаре и был расстрелян вместе с ним.
[312] То есть в соответствии с Божиим Промыслом, смотрением (*слав.*).

призыв к большой ясности веры и чистоты, к напряжению любви и самоотречению. Так, мне кажется, надо не взглянуть только, а почувствовать сердцем возможность дать приют семье брата Виктора. Я уверен, что и здесь будет то, что произошло в последнее время между Вами и умершим. Славу, конечно, Вы увидите, и дай Бог, чтобы он устроился где-либо самостоятельно, потому что едва ли разумно и посильно будет для Вас обращать свой дом в странноприимницу, а еще более для одиозных странников. Ну да Господь Сам устроит так, как это лучше для Вас и их. Хотя сама мамуля не особенно радуется своему выздоровлению, но я радуюсь за Вас, хотя считаю полезным для Вас воспитать в себе чувство покорности необходимому, чтобы не возлагать на дорогого Вам человека лишнего бремени своими просьбами к Нему, чтобы Он ее пока оставил здесь. Лучше на это взглянуть ее глазами, так как противное скорее говорит о пристрастии, чем о здоровой любви во имя Его. Да будет Его святая воля и над Вами, и над мамой, и над всеми нами. Помоги Вам Христос Воскресший.

P. S. Маме и всем Вашим сердечный привет.

98
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Онуфрия Великого,
12.VI.1933 г.

Спасибо Вам за весточку с «одра болезни». Надеюсь, болезнь Ваша даст отдохнуть немного Вашим нервам и не изнурит Вас еще более. Слава Богу, что Он дал Вам радость увидеть и обнять Славу. Будем благодарить и за эти редкие мгновения, драгоценные звенья крепкой цепи одухотворенной взаимной любви и вневременного и сверхпространственного единения. То, что некогда писал Апостол, что теперь «время сокращено»[313] и что имеющие жен или другое что должны быть как не имеющие, относится и к нам. Надо вырабатывать какие-то особые формы жизнеощущения и чувств друг к другу, призывать к жизни те сокровенные и мало, в так называемое нормальное время, нам известные силы души, какие не только отчасти заменяют обычные нам средства взаимообщения, но помогают друг в друге чувствовать то существенное, входить во святая святых души и понимать то, что уйдет с нами в вечность. Это вечное и духовное Вы живо и глубоко почувствовали

[313] 1 Кор. 7, 29.

в Славе, а все остальное, над чем хотели Вы сосредоточить свою любовь и заботы, очевидно, не должно сейчас непосредственно Вас занимать. У Вас, кажется, достаточно этих забот, и любовь Ваша к Богу и к Славе должна, очевидно, развиваться в других формах. Помоги ему, Господи, найти себя в настоящих условиях жизни и послужить людям не тем внешним делом, каким теперь так или иначе служат друг другу, а тою духовной красотой, какая так растрогала Вас и очаровала отца Федора. Хорошо, что около него есть и какой-то, видимо, преданный ему друг, а Казань не такая уж глушь, где он не найдет необходимого приложения своим занятиям и талантам. Каким образом ему, как и Вам в свое время, надо побрачиться, я, конечно, не могу понять, но и в этой области желаю ему всякого успеха. Непонятно мне также и то, что минус два[314] как-то прихватили и Тулу. Очевидно, здесь что-нибудь от так называемой паспортизации, этого нового «жупела», какого боятся не одни московские купчихи, теперь в большинстве своем, вероятно, уже опочившие. Самое главное, курс кончен и теперь все будет иначе. Вы, вероятно, получили еще одно мое письмо. Пользуясь Вашим разрешением Масе писать о всяких пустяках, напоминаю Вам, о чем упомянул и в предыдущем письме, что № дома Маси не 79, как Вы уже второй раз пишете, а 72, как следует писать.

Была у Тани одна моя знакомая, спутница моего друга и евангельского брата архиепископа Гурия, какой некогда приводил в православную веру всех сергиевских батюшек[315]. Таня страшно расстроилась, что я не советую кому-либо приезжать к Коле. Она, очевидно, хотела приехать и во что бы то ни стало остаться у Маси. Но та рассказала об истории, какая была здесь до меня с местным киром, кончившаяся скандальным процессом, и она смирилась. Жаль мне ее страшно. Она стала такая нервная, и трудно ей живется, но она меня измучила бы, если бы стала жить здесь, не говорю уже про остальное. Никак не может она найти себе работы по сердцу, а я не знаю, что посоветовать, и от этого тоже страдаю. Помолитесь, чтобы Сам Господь указал ей, что надо. Ведь Вы знаете, как она любит Масю и как Мася была бы утешена, если бы Таня нашла свое дело. Никак не могу добиться точ-

[314] «Минус два» – это Ленинград и Москва. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) То есть лишение права проживания в двух главных городах и их областях.

[315] Кроме устных выступлений, архиепископ Гурий разоблачал обновленчество в брошюре, изданной Свято-Даниловым монастырем (о ней упоминается в деле митрополита Петра, по которому в 1925 году также был арестован владыка Гурий). В ссылке 1926–1927 годов его сопровождала племянница, Елизавета Ивановна Кочеткова. В Якутске они жили в одном доме с А. Д. Самариным. См. воспоминания Е. А. Самариной-Чернышевой в книге: Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001, с. 161–188.

ных сведений о Вите. Там, где был Ларчик, отпускают массами, и если только Витя жив, то должен быть на свободе, а о нем нет вестей.

Я здоров. У меня новые шефы, и, видимо, изучают это чудо-юдо, очень не похожее ни на рыбу, ни на кита. Итак – не хворать. О Славе не горевать. В садике отдыхать и меня не забывать. Да хранит Вас Господь. Сердечный привет маме и Виктору.

99
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

19.VI.1933 г.

Я не сразу ответил на Ваше большое письмо, писанное в Николин день, потому что незадолго послал Вам, а потом и не сразу ответишь на те искания форм для новых переживаний, какие появились у Вас после замужества. Думаю, надо предоставить благодати Божией и времени, чтобы старое сжилось с новым, чтобы и в этой чисто духовной сфере произошел свой духовный брак и все претворилось в новое, стройное, цельное единство и жизнь. Конечно, на этом пути будет немало недоумений, разочарований в новом и преувеличенной, может быть, тоски по былому, сердце будет мучительно двоиться, но все это переборет смиренное сознание, что без Бога мы вообще только и можем, что разделяться с другими и даже в самих себе, а в Нем както таинственно соединяется как будто совершенно разнообразное, и благодатная сущность, а не тени только прошлого входят в настоящее, как семя той же жизни, но в новых формах. Конечно, это часто более сложный труд, и много требует от нас он сил и нервов, но еще более напряжения веры и любви, без чего ничто Божье не может войти в нашу душу. Помоги Вам в этом Господь.

Я здоров и благополучен. По милости Господа сыт и одет, быть может, даже избалован в этой области, хотя я все еще очень мало похож на Божьего голубя, каких так глубоко люблю сам, а моей мудрости много еще мешает гордость и отсутствие той препростой кротости и чистоты, без которых ни сам я, ни те, кто любит меня и прислушивается к моим советам, не всегда верно и неуклонно идут к небесным высям. На днях был очень обрадован, что действительно Божий голубь – владыка Варлаам выпущен из неволи[316], но еще не знаю подробностей. Это тем радостнее, что на это очень мало было надежды,

[316] В 1933 году находящемуся в Соловецком лагере архиепископу Варлааму заключение было заменено ссылкой.

и говорили, что даже он умер. А много, очень много моих братий и собратий, и особенно там, откуда вывел меня Господь, уже переселились в вечный покой. Только вчера получил оттуда письма, и жутко по-человечески читать и, больше того, чувствовать, как смерть стоит почти над каждым, с кем ты связан не только общим путем, но и единством упований; но, с другой стороны, в этом умирании чувствуешь и что-то искупительное и воскресающее. Об отце Иннокентии[317] знаю, что он уехал туда, где Мася была во второе свое путешествие, и о его смерти ничего не слышал (это едва ли верно), а о смерти Кати[318] ничего не знаю. Хотелось бы верить, что Слава уже с Вами и что Господь куда-нибудь его устроит. Невозможное для нас и человека возможно для Господа[319]. Мне думается, для многих из нас потому как будто и закрываются все пути, чтобы мы стали уже крепко и бесповоротно на единственно оставшийся для нас еще незакрытым путь веры и мудрость житейскую подчинили ее безумию[320].

Сердечный привет маме и Виктору, а если с Вами и Слава, то и ему. Да хранит Вас Господь и Матерь Божия.

100
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ
(*открытка*)

р*15/28.VIII.1933 г.*

Вчера получил от Вас и Наташи по открыточке. Мне грустно, что ей не доставляют писем Маси. Я знаю, что сама Мася все ее письма получила и ей ответила. Очень жалеет она, что не дошло к Адриану и Наталии – очевидно, почему-то не надо ей читать этих писем или

[317] Зосимовский иеромонах (впоследствии иеросхимонах) Иннокентий (Орешкин, 1869–1949) находился в это время в Старице, арестован позднее, в марте 1934 года и три года жил на вольном поселении в Оренбурге.

[318] Кати Хвостовой. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Слух о смерти оказался ложным. Екатерина Сергеевна Хвостова (р. 1887) принадлежала по рождению к высшему аристократическому кругу, была фрейлиной одной из великих княжон. Вместе с матерью Анной Ивановной окормлялась у старца Алексия Зосимовского. Обе были арестованы в 1928 году, как и Верховцевы, и потом жили в Твери. После 1917 года Е. С. Хвостова приняла постриг с именем Иннокентия. Была арестована вместе с ее духовным отцом иеромонахом Иннокентием (Орешкиным) в 1934 году, после освобождения уехала в Вологду и там жила до следующего ареста в 1938 году. Дальнейшая судьба ее неизвестна. (*С. П. Раевский.* Семья Хвостовых. Из «Семейной хроники Раевских». – Московский журнал. 1998, № 4, с. 42–46; *Г. А. Пыльнева.* Воспоминания о старце Зосимовой пустыни иеросхимонахе Иннокентии. М., 1998).

[319] См. Лк. 18, 27.

[320] См. 1 Кор. 1, 23.

кому-то попущено их зачитывать, хотя они и касаются той философии, какой всегда Мася занималась и какой интересовалась Наташа.

Разве Вы не знаете, что Мася без работы и все на шее своих родных? Но все же жизнь ее и материально и духовно проходит почти так же, как пять лет тому назад, когда она деспотично властвовала в Вязниках. Правда, нет Тани (ст. Лианозово Савеловской ж. д., Московской обл., Владимировская, 215), но хозяйка все решительно и с удовольствием ей делает, и почти ничто житейское ее не отвлекает от обычных и любимых ее занятий. Кое-когда, в очень скромной обстановке, но не так, как в Чучелях или на юге, в Сионе она появляется в своих спецодеждах и делает, что полагается. А вообще каждое утро она посещает его и там всегда вспоминает своих близких и родных. Я думаю, что уединенная жизнь дана ей и как передышка, и особенно для более всестороннего занятия тем своеобразным миром, для которого она так рано отказалась от всех житейских радостей и суеты. Она ведь настолько еще юна душой, что до сих пор отвлекается от этой работы, а пора бы ей стать серьезной и вступить в достойное соревнование с Варлей. Варле я написал Ваш адрес, и если она захочет и сможет, то, верно, Вы увидите ее бисерный почерк. Лично я живу слава Богу. У нас здесь полное и всесовершенное изобилие плодов земных, хотя цены немного ниже Москвы. Кое-что от крох перепадает и бродячей братии, но все же, главным образом, помогают старшие дети – сородичи Тани. Младшие совсем глухи. Я здоров. Внешностью мало изменился. Все никак не соберусь сняться, да и не особенно люблю. Мы все, сергиевские, благополучны. Сегодня вспоминал Вифанию. Мой сердечный привет Вашим. Да благословит Вас Господь.

101
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Святителей Московских,
5.X.1933 г.

Получил Ваше письмецо от Сергиева дня. Спасибо. Масю тоже совершенно не радует, что кто-то так тщательно оберегает Ваш покой, что почти все мои письма в ответ на Ваши боли, стоны и разъедающие воспоминания о жизни у Троицы не дошли по назначению. Искушение ли это, или Вам почему-то неполезны Масины строки, но только факт остается фактом, а Вы со своими нездоровыми настроениями. Я много об этом говорил в письме к Адриану и Наталии.

Не люблю повторяться, и в повторениях нет уже того наития, но все же немного поговорю, так как это крайне необходимо.

Вы как древний Израиль! И Вы ли одни?! Не тьмы ли тем таких, как Вы... И уж от одного этого слезы так естественны и не стыдны... Но все же терзать свою душу и изнурять ее печалью явно вредной не только не стоит, но это должно быть изжито, хотя и нелегко. В этом отношении у мамы натура более счастливая, чем у Вас. Забывая задняя, она неудержимо стремится вперед, воодушевляясь тем несокрушимым и вечным, что всегда остается от всякой катастрофы, и тем более моральной. Мне кажется, происходит не только одно разрушение твердыни и того, что для многих святое святых, но происходит очищение этих святынь, их освящение через огонь жестоких испытаний и поверок, разрушение форм, подавлявших своей своеобразной, но часто во многом земной красотой действенность закованного в них смысла и содержания; образуются новые формы, облегчающие проникновение в них и заполнение именно тем духом и жизнью, какие отрицаются часто их творцами и часто во имя осознанной и преднамеренной борьбы с Ним принципиально отрицаются, чтобы как бы нарочно чрез Голгофу уничижения воскреснуть в силе. Посмотрите, как жизнь фактически стала аскетична, как самоограничение, небывалое самоотречение становится не исключением, а правилом всякого человека, как необходимо все разрозненное и почти во всех самых разнородных по содержанию областях жизни идет к единству чрез коллективизм и т. д. и т. д. Вы скажете: но все это не во имя Его, а против Него. Да, это верно. Сейчас все с Его печатью в скорби, в Гефсимании и на Голгофе. Это верно. Но также несомненно, что все усилия и творчество направлены на создание таких форм жизни, какие в своей принципиально-идейной части все Им предуказаны, без Него не могут быть осуществлены и неминуемо приведут к Нему[321]. «Все чрез Него, Им и к Нему»[322],

[321] Епископ Герман не мог обманываться поверхностным сходством христианства и социализма, о чем свидетельствует его высокая оценка Послания соловецких узников, в котором со всей определенностью было заявлено о несовместимости их целей. С высоты исторического опыта, доступного нашему времени, все же здесь очевидно некоторое заблуждение Владыки. Однако в двадцатые годы, а особенно в сороковые, на волне русского патриотизма, пробужденного Великой Отечественной войной, сходные мысли могли разделять многие церковные люди. Ср. запись 1944 года в дневнике митрополита Вениамина (Федченкова): «Может быть, религиозное состояние в России возродится и уже возрождается?.. Или же религиозный дух Церкви, независимо от политического строя и воззрения, пойдет вслед или параллельно с социализмом? Это – возможно. Но все же тут неясность!» (*Митрополит Вениамин (Федченков)*. «За православие помилует меня Господь...» Дневниковые записи. СПб., 1998, с. 19).

[322] Рим. 11, 36 («Ибо все из Него...»).

и только или непомерная скорбь, или неглубокое продумывание этих великих слов Апостола мешает видеть, что все это совершается. Невольно припоминаются слова Златоуста: «Бог творит Свою волю чрез тех самых людей, которые препятствуют и противодействуют. Он врагов Своих употребляет в орудие Своей славы, дабы знал ты, что Божия определения никто не расторгнет и высокой десницы Его никто не отвратит». Древнему Израилю чрез развалины своего чудного храма, чрез долгие годы лишения его умиляющих душу служб и целое море слез надо было прийти к иному дому Божию, в каком, однако, они увидели Того, о Ком говорили и жертва и пророчество. Магдалина пришла к Нему чрез ужас одержимости, Мария Египетская – чрез пещь разврата и неистового блуда, разбойник – чрез муки креста. Вот, мне думается, те вехи, какие должны быть поставлены всякой скорби, и особенно невыносимым по грусти воспоминаниям. Вы и, быть может, большинство из нас были около Него, Вы даже у ног Его, когда Он благоухал благостыней и окружен был величием чудес и светом благоговения; теперь не устрашитесь Его поруганий, Гефсимании и Голгофы, чтобы если не вокруг себя, то в самой себе увидеть непобедимый свет Его истины и воскресения...

Помоги Вам Господь в наступающую зиму со всеми заботами и тревогами. У всех теперь жизнь идет через узкие врата, и тот, кто их покорно принимает как неминуемый, единственный и спасительный путь, куда счастливее тех, кто нервничает, злобится на их неудобство и как будто ждет, чтобы его затолкали и протолкнули чрез них.

А что же у Славы, его друг – женщина? Почему же она не жена? У меня все слава Богу. Хотелось бы, и внутри было бы так, как совне. Сердечный привет Вере Тимофеевне и всем Вашим. Да хранит Вас Господь.

102
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Канун Саввы Звенигородского,
2.XII.1933 г.

Зная Ваше нежное сердце и давнюю дружбу с Масей, я, конечно, предполагал, что Вам будет приятно увидеть ее подобие. Но Ваша фантазия над карточкой так разыгралась, что Вы увидели и ангела, и духа, и «нечто невесомое», что вот-вот вспорхнет и улетит. Конечно, я Вас не ревную к Масе и очень бы хотел, чтобы хоть отчасти

Вами в экстазе увиденное соответствовало бы действительности. Что внешняя оболочка изменилась, быть может, несколько истончилась – да, но есть ли это продукт внутренней утонченности и тем более одухотворенности, а не результат долгих путешествий – это еще очень большой вопрос. Я бы хотел, чтобы когда-нибудь это произошло. К чему тогда та высшая школа, на какую пошли две пятилетки, и неужели действительно совершенно остыла та первая, чистая и горячая любовь, какая отдала свою молодость золотой небесной мечте?!

Мне иногда кажется, что Мася только какими-то гранями своей души касается воскрылий Его одежд, и то редкое, счастливое мгновение, а потом опять начинается и тянется что-то будничное, косное и холодное, едва-едва освещаемое мерцанием этих светлых мигов. Вы верите в эти миги, как всплески подлинной природы Масиной души: верите потому, что любите. А если подлинной любви свойственно не только видеть доброе, но и вызывать это к жизни и помогать расти, то я только порадуюсь за Масю. Для этого, действительно, всегда надо молиться, в этом смысл нашей дружбы и взаимный долг...

Живу я слава Богу. Это не фраза и не уклонение от ответа на Ваш вопрос, а подлинная правда. Если хотите, то это действительно чудо Божие; исполняется то, что сказано про полевые лилии и птиц небесных[323]. Конечно, главная доля забот выпадает на старших детей, но саровский пустынник, приведший Масю в свои края, посылает здесь к ней тех, кто помогает ей быть свободной от всех житейских забот. Мася уже четыре месяца на новом месте. Она одна у своей хозяйки, и та с редкой заботливостью и любовью бережет ее покой и исполняет все ее прихоти. С прежнего места пришлось уйти, так как комната понадобилась приехавшей с ребенком дочери хозяйки. Там была более светская и шумная обстановка, а теперь здесь полное единство духовных стремлений и нет раздражающей близости тех, кого Мася всегда должна беречься. Мне кажется, что мама хорошо делает, когда пробирает за излишнюю чувствительность Потамия. С Кроней я не переписываюсь. Изредка писал оттуда Макс, но и тот замолчал. У Вас вместо Бориса[324] – Онисим[325], какой хорошо относится к Масе и был с ним вместе у Ларчика. Он бесхитростный и добрый. У меня все

[323] Мф. 6, 28–33.

[324] В 1927 году архиепископом Тульским был Борис (Шипулин). Расстрелян в 1937 году в Ташкенте.

[325] С сентября 1933 года епископ Тульский – Онисим (Пылаев), поставлен епископом в 1926 году из протоиереев; расстрелян в 1937 году. Ныне прославлен как священномученик.

по-прежнему. 23-го и 27-го (Знаменье) Мася наряжалась и выступала в любимых по Волоку и Вязникам номерах с очень большим для себя утешением. К ней хочет в эти дни приехать Верочка, изнывающая от работы на двух должностях. Витя пока благополучно в Вологде. Это пока Вам, остальное по получении обещанного письма. Сердечный привет маме, Вите и Славе. Господь с Вами.

103
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

3/16.I.1934 г.

Взаимно молитвенно приветствую Вас с радостью дней Христа и новолетьем. По великой милости Господа я не был в эти дни лишен всего, чего бы только ни захотела душа моя в былые дни, когда я был среди своих детей и был ущедрен и благодатным и земным. После многих лет душа с жадностью упивалась в предпраздничные дни красотой и волнующею глубиною трипеснцев и канонов, а первые три дня и вчера я был действительно в любимом Вами наряде. Здесь живет племянница моего пламенного Гурьяна[326], немного известного Вам по ликвидации румяных троицких Саш[327], который трудится сейчас на дальнем Севере. У ней полный его гардероб. Она, зная Масю по Покровскому монастырю[328] и любовь к нему Гурьяна, старается так нарядить его, чтобы если не за духовное, чего у него не так много, то за красивую внешность побаловали его здешние своим вниманием. Хорошо ли это или плохо, так это или иначе, но Мася не раз щеголяла здесь изящными платьицами, какие, конечно, создают известную рамку для ее выступлений. Я, кажется, писал Вам, что Мася любила бывать здесь в уголочке имени любимого нашего Печальника и прекрасной Невесты. После 6 ноября этого уголка не стало, и местный Онисим[329] сам указал Масе другой, какой обслуживают и посещают главным образом дочки пламенного во плоти Ангела, какой год назад в свою вчерашнюю память благословил в путь сюда Масю. Сестры эти с самого появления здесь Маси отнеслись к ней с большим сочувствием, чем остальные, самый уголок напоминает бывший ее собственный в Воло-

[326] Архиепископа Гурия (Степанова).
[327] См. выше примеч. 42.
[328] Архиепископ Гурий был настоятелем Покровского монастыря в Москве (после 1918 года).
[329] Епископ Арзамасский Серапион.

коламске, и если она там не так часто бывала, как в других, то только потому, что он от ее дома дальше, чем все другие. Здесь в Знаменье было первое чудесное участие Маси. Иногда и после (в Николин день, Спиридона и Игнатия) она участвовала в трапезе. Уголок посвящен Рождеству Христову. Мася там была в первый день, вечером под второй она была здесь вместе с Онисимом; утром Онисим здесь, а Мася в его уголке. Особенно умилились здешние, когда Мася вместе с Сашами[330] и Кронями[331] знакомым Вам напевом пропели гимн дню Романа Сладкопевца. Здесь такой прекрасный сухой климат, что у Маси голосок опять как прежде; и здесь ее любят за то, что она не жалеет и любит приносить его в дар Давшему. Третий день у Маси ее приходский праздник (в Тамбове), день Ангела и кончины отца[332]. Она solo, что, вероятно, очень умилило бы маму, была опять в уголке. К нам ходит всегда ночевать девятилетняя племянница моей хозяйки. Она очень увлеклась выступлением Маси. Она видела ее и в разных костюмах, и в разной обстановке. Видела она ее и тогда, когда она была в день архидиакона Стефана в своем наряде, но совершенно одна (даже без Лаврентия[333], какого в уголке нет). Представьте, это solo ей понравилось больше, чем тогда, когда с Масей были и другие и было, ей казалось, торжественнее. Очевидно, и действительно лучше это solo, когда гораздо все внутри сосредоточеннее, проще и задушевнее. Вы поймете, какая это неизреченная милость Божия к Масе! У меня в Волоке и Вязниках очень редко были такие стройные, полные внешней красоты и чудного благоговейного пения службы, как те, какими Господь здесь утешил Масю.

В первый день прямо от обедни я пошел разговляться к восьмидесятилетней старице юродивой Дашеньке. Этот визит, и не столько самый разговор, как атмосфера, окружающая старицу (я как-то не то боюсь, не то не особенно доверяю этим редким уникам и всего меньше понимаю их речи), как-то углубила радость дня и его благодатную теплоту. Что касается телесного, то искусство Поли (хозяйки) и дары Тани и других моих дочек сделали то, что у «птицы небесной» было все, чем ее баловали прежде, когда и сама она могла себе позволить всякое баловство. Словом, надо только благодарить Господа, да как еще – чтобы звучали этой благодарностью все души и даже самый воздух ее окружающий звучал этой радостной хвалой.

[330] Протоиереями. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[331] Архимандритами. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)
[332] Память первомученика Стефана 27 декабря.
[333] Очевидно, диакона – по имени святого мученика III века архидиакона Лаврентия (память 10 августа).

На Спиридона, какого я так люблю, у меня с утра до вечера со своим сыном Николенькой была Верочка. Она не вынесла и с Яшей разошлась. Он безобразно пил. Трогательное порассказала она про своих детей. Она их воспитывала, совершенно не вмешиваясь в их религиозную жизнь. Скорее это было арелигиозное воспитание. И что же? С прошлого года старший, по собственной инициативе, стал бывать там, где теперь поет вместе с Катей[334]. Самый упорный был второй, Владилен (выдуманное папашей имя, значащееся и в метрике), переделанный в школе во Владимира и в силу ли этой переделки или иного чего, но не отстающий теперь от брата. Но особенно умилило меня, что меньшая, Ксения, какой, кажется, шесть лет, неудержимо, почти каждый день, совершенно одна уходит вечером в уголок[335] и приходит удовлетворенная и радостная. Какое это счастье и радость!

Очевидно, сказывается таинственная сила родоначальника города. Это еще не так удивительно на детях, но Верочка говорила, что там, где выступает Макс, можно видеть и теперешнюю знать, правда, в ее отдельных, но занимающих очень высокое положение, представителях. Не знаю, что это – мечта ли, родившаяся из души, придавленной тяжелыми развалинами прошлого, розовый ли оптимизм, капризно выпорхнувший из суровой мглы настоящих холодных будней, или чутье, какое может быть верным предощущением грядущего даже и непрозорливого, но только внутри себя ношу непоколебимую пока ничем веру, что очень многие, если не большинство, от звезды учащиеся будут кланяться Солнцу правды[336], да не так, как их отцы и мы, их современники – по ленивой традиции и инерции, а придут с дарами и все самое лучшее, и особенно верность Слову в деле, принесут Незримому и теперь Властителю душ и благородных стремлений.

Варля мой в Вологде. Видно, очень плохо с сердцем. Отекает и не ходит поэтому в Сион.

А Вы тоже не знаете, где Иван Израилев? Был он в Казахстане. Теперь должен бы быть дома. Вероятно, слышали, что дедушка Маруси Фудель[337] приехал и поселился в Вязьме. Очень многие вернулись,

[334] В сергиевском Ильинском храме, неподалеку от которого жила Вера Степановна у своей невестки Антонины Владимировны Ряшенцевой. В этом храме с молодых лет до глубокой старости, почти до самой кончины пела в хоре племянница Владыки, Екатерина Леонидовна Тимонова. О рассказываемом эпизоде, правда, она не помнила. Очевидно, это продолжалось очень недолго.

[335] Ильинский храм.

[336] Ср. тропарь Рождеству Христову.

[337] Митрополит Кирилл.

но всем очень трудно устроиться на работу по специальности: отчасти беды от лжебратий, искушения от своих и тому подобное. Вот какую протяженно-сложенную эпистолию шлю Вам. Да хранит Вас Свет истинный.

104
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Бориса и Глеба,
2.V.1934 г.

Вскоре, как послал я Вам закрытое письмо в ответ на Ваше «до востребования», пришло Ваше уже по моему адресу, где Вы горюете, что мама отдает другим то, что очень дорого Вам. Мне кажется, что Вы несколько строги к маме. Конечно, и мне самому и вот Вам как живая связь, как часть содержания Вашего глубокого чувства к Масе дорога эта розовая вещица, но ведь сами Вы говорите, что она будет тем, что помогает маме жить теми вспышками, какие теплят ее душу. Пусть, отдавая дань своему увлечению, она не жалеет ни прошлого, ни настоящего, но ведь этому, пожалуй, надо подражать?! Это не значит, что надо забывать людей, около которых много пережито, которые дороги во всем, что им принадлежит или о них напоминает, но эта любовь не должна иметь что-то мучительное и напряженное до болезненности и исключающее всякое другое ему подобное, но не исключающее его чувство. Тем и отличается подлинная христианская любовь от всякой другой, что нет в ней страстной (в широком смысле) привязанности, она духовна и, как таковая, не может быть узкой, фанатичной, патентной и ограниченной одним объектом. Само собой, я не хочу бросить какой-либо упрек Вашей трогательной нежной любви к Масе. Я очень хорошо понимаю, что в каждой вещице, ей принадлежащей, тем более специального назначения, Вы чувствуете ее, но, мне кажется, не надо так трагически рассматривать отдачу рясы отцу Федору как наказание за какие-то грехи и т. п. Не надо так, Наташенька. А вот я часто сознательно отдаю любимые вещи, чтобы приучить себя к самоотречению, без которого не может быть истинной любви к Учителю. А ведь, по существу говоря, разве тот же отец Федор, совершенно не знающий Маси и постоянно вспоминающий ее там, где такое воспоминание поднимает душу со дна ада и возносит ее к небу, – разве не заслуживает иметь нечто от Маси, и именно то, что является символом бла-

годати[338], то есть, говоря нашим языком, символом дара любви от Христа, связующего всех нас воедино. Конечно, если Вы наложили свое veto и мама еще не отдала, то я постараюсь прислать что-либо из того, что есть из этого у Тани. Быть может, она скоро сюда приедет; я знаю, что у нее цело, тогда и поправим как-нибудь Ваше горе. А вообще-то последнее Ваше письмо показало, как Вы устали и устаете и какую непосильную нервную (и только ли нервную?) нагрузку Вы имеете. Только никогда не горюйте о том, что Вы, как ангел Божий, как Его утешитель, всю жизнь свою отдаете больным и умирающим. Это крест, но такой лучезарный и в себе самом несущий столько самой чистой неземной радости, что за него надо всегда благодарить Господа. А вот что сухариком стали вместо пышечки, это не совсем утешительно. Ну, пока довольно. Сердечный привет маме и Виктору. Да хранит всех Вас Господь.

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ СЕВЕРНОЙ ССЫЛКИ

1935–1936

105
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

25.V.1934 г.

Вы слышали о том, что Мася со второй недели поста до Вознесения была в доме отдыха. Там было очень хорошо. Она жила среди своих и благодаря заботам родных так хорошо питалась, что очень физически окрепла. Так как еще задолго до болезни ей одной дивной старицей, которую Мася очень любила и после похорон которой захворала, было предсказано все, что случилось тогда и совершается теперь, то она была очень спокойной и даже очень подбадривала своих сотоварищей. На Вознесение она выехала на новое место работы: ст. Опарино Северо-Котласской ж. д., до востребования. Ее имя теперь признано официально, и потому ей надо писать не Н. С., а Г. С. Вот кратко о ней. Теперь о себе. Живу еще на походном положении. Нас здесь

[338] По-видимому, речь идет об омофоре, который Вера Тимофеевна вместе с рясой подарила священнику (отцу Федору), молившемуся о епископе Германе.

до десяти. Большое село при станции железной дороги на полпути между Вяткой и Котласом. Сион есть, но народ к нему холоден. С хлебом трудно, а еще труднее с жильем. Молочные продукты есть и не особенно дороги. Думаю, что постепенно все наладится и Он укажет добрых людей и смягчит сердца ожесточенных. Конечно, в Арзамасе Масе дана была передышка, а теперь пора опять за подвиги, и главным образом, терпения. Я здоров. Знаю, что Мася стала было писать письмо маме в ответ на ее, но захворала. Сердечный привет ей, и да бережет Вас обеих милость Его.

106
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Канун недели Всех святых земли Русской,
<27.V.> 1934 г.

Вот и Вы, хотя в своем письме, пришли ко мне на новоселье. Я потерял уже и счет лет, что стали между нами после последней встречи около Печальника. Если бы была нужна и духовно необходима эта встреча, Милостивый обязательно дал бы все возможности к ней. Очевидно, для чего-то и, быть может, всего более для меня лично нужны и длинные дороги и долгие сроки, чтобы Божье восторжествовало над человеческим и чрез печаль земную снизошло в душу Его тихое и ничем уже нерушимое радование. Этим, я думаю, объясняется и непоправимое стремление Маси к путешествиям. Если есть в этом известная доля физического подвига, то, конечно, нет и микроскопической дозы мученичества. Это было бы только в том случае, если бы Масе пришлось не только преодолевать нечто тяжелое для ее разбалованной натуры, но необходимо было бы все время напряжением духовных светлых настроений пересиливать различные соблазны и искушения. Но Вы хорошо знаете, что Масю балуют и тогда, когда она снова и снова скрывается от своих, а там, где она оседает, там весьма быстро находятся добрые и жалостливые люди, какие помогают ей обосноваться. Вот и теперь. Вы помните снимок моей чучелинской хатки на курьих ножках? Банька, где поселилась Мася, очень ее напоминает с внешней стороны. Внутри более суровая пустынническая обстановка. Простой стол, две небольших некрашеных скамейки, два одра, полуприкрытых подстилками, из грубых досок, полусерые бревенчатые стены (с поседевшими от побелки закопченных стен известкой цепками мха) и танцующие под ногой половицы грубого пола. Но в избе

почти нет, кроме печи, никаких оказательств ее прямого назначения, а примитивность всего скорей говорит только о непритязательности ее насельников и их казовой[339] наклонности к покорению худшего лучшему. Висящая в углу старинная икона Божией Матери Казанской, путешествующая с Масей с Устюга, и алый перед ней огонек, вспыхивающий в нарочитые часы утром и вечером, придают ей характер отшельнической келлии, что вполне гармонирует с одним из ее насельников. Ведь с Масей живет схиигумен из киевского Ионина монастыря[340], пришедший в него, когда еще жив был этот великий старец, скончавшийся ста десяти лет. Около него веет миром и молитвой. Целый день он что-либо делает по домашности, а всю ночь, после краткого сна, проводит в молитве. Он искусен, кажется, и в земном и небесном, и Масе надо только благодарить Господа, что она оказалась под одним кровом с преподобным. В этом отношении она была счастлива в Арзамасе. Ее хозяйка ходила за ней, как самая преданная нянька, и, несмотря на дурную порывчатость и несдержанность Маси, никогда не действовала на ее нервы. Душу же ее согревали понетаевские дочки[341] Великого Старца, у которых, как знаете, она нередко бывала и которые трогательно о ней заботились, когда она ушла со своей квартиры. Но особенная милость к ней заключалась в блаженной старице Дарье. При первой еще встрече она предсказала все, что случилось. Мася бывала у нее неоднократно. В среду на второй <неделе поста> Мася проводила ее в вечность, а в четверг на следующий день ее уже попросили погостить к себе радетели. Поверьте, родная Наташа, что звезды прекрасны издали, когда мы смотрим на них через скрашивающую их даль и земную атмосферу. Так и та звезда, которой освещается Ваш путь. Ваша старая дружба и тот путь, какой, как земная атмосфера, зажигающая пролетающие через нее аэролиты, действительно может зажечь небесные огни в самом холодном сердце, – только это внешнее к ее существу, а не сама она делает ее для Вас такой любимой. Я рад, что у Маси такой верный друг, и было бы, конечно, странно, если бы его душа не теплела от такой трогательной верности. Спаси Вас Христос.

Что касается меня, то понемногу обживаюсь. Налаживается келейная жизнь. Материально пока я благополучен более, чем в начале

[339] Казовый (*устар.*) – показной.

[340] Схиигумен Лука (Тарара). Свято-Троицкий (Ионин) монастырь, основанный в 1868 году в Киеве, неподалеку от Киево-Печерской Лавры, преподобным Ионой Киевским, был закрыт в 1934 году.

[341] Понетаевская община отделилась от Дивеевской, устройству которой много способствовал преподобный Серафим Саровский.

прошлой экскурсии. Здесь по составу тех, кто приехал, приезжает и будет приезжать, будет несомненно Вочь, но близость Вятки, железной дороги, базаров, где все же есть, хотя и дорого, и картофель и кое-что другое, обилие молочных продуктов (нет почти, а если есть, то очень дорог хлеб) – все это как будто является гарантией, что можно прожить. У меня здесь есть все насущное, кое-что пришлют из Арзамаса, а вообще за эту область нет тревог. Да устроит Господь во благо все с нами совершающееся. Очень рад, что мама ожила. Сердечный ей привет. Так я и не ответил на ее письмо. Да благословит Вас Господь.

P. S. Вот у Маси совершенно как-то отмерла или притупилась жажда возвращения, а Израиль, конечно, должен стремиться. Привет ему.

107
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ
(*открытка*)

2/15.IX.1934 г.

Не подумайте, что я забыл 26 августа. Вспоминал, как всегда, с сердечной любовью, но не сумел вовремя написать. Вся вина падает на Масю. Эта непоседа неожиданно 10 августа вместе со своими близкими друзьями по учреждению собралась к комикам, побросала много вещей и покатила сначала по железной дороге, а потом пароходом до Сыктывкара. Она, как знаете, любит всякие приключения и, к великому удивлению, неожиданно вздумала поселиться на кирпичном заводе в десяти километрах от города. Ее collegae стали nolens volens[342] учиться плинфоделанию[343], а Мася побежала к радетелям, чтобы сказать, что ее здоровье и конституция не приспособлены для такого времяпровождения. Ей довольно грубо заявили: иди и работай. Работать она не стала, конечно, она не могла. Началась жизнь довольно знакомая мне по Северу: грязный и холодный барак, мириады ночных искусителей, мужеский и женский род в одном сонмище совокупленный, бестолковщина и грубость и т. п. Мася, конечно, летала в город, особенно в нарочитые дни, но как ни храбрилась, а заметно от всего этого уставала. Все же, при всей ее живости и бодрости, сердце и силы ее с каждым новым переездом заметно сдают. Но для вечного это хорошо, так как все, что ясно напоминает о неминуемом

[342] Волей-неволей (*лат.*)
[343] Изготовлению кирпичей (*слав.*); занятие древних израильтян в египетском рабстве (Исх. 1, 14).

конце, – благо. К нашей радости, опыт с плинфами скоро кончился, и Мася поселилась в пригородном селе на берегу реки, в отдельной комнатке со стариком, какой оберегал ее в Опарине. Ее адрес: г. Сыктывкар, Коми обл., Кочпонская набережная, 4. Не знаю, долго ли посидит Мася здесь. Возможно, опять куда-нибудь захочет. А мне хотелось бы, чтобы она посидела и отдохнула. Отсюда долго ходят письма, потому пользуюсь настоящей открыткой и сердечно приветствую Веру Тимофеевну с 17 сентября. В этот день Масе исполнится одиннадцать лет. Пора бы ей взяться за ум, а, видно, плохо еще умеет, что не впрок и хорошая школа, в какой она учится. Понемногу прихожу в себя. Да хранит Вас Матерь Божия.

108
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

29.XI.1934 г.

Хотя Ваш привет к 6/19-му пришел только сегодня, но это не мешало мне чувствовать Ваше присутствие в мой светлый день. Вы интересуетесь Масей? Она здорова, благополучна и пока еще не спорхнула со своего места. Как и прежде, увлекается и увлекает других к вокальному искусству, каким обычно занимается в домике Матушки. Матушкины именины очень тепло отпраздновали 22-го[344], а вскоре Мася и сама была именинницей. Самое светлое и радостное дала Матушка, и хотя не пришлось ей покрываться своими праздничными одеждами, как прошлый год в Арзамасе, но все же ей была уделена часть от трапезы. Потом самые близкие благодушествовали у нее около уютного самовара, где были традиционные именинные пироги и всякие другие невредные для здоровья снеди. Светлое в душе и вкусное на столе – все это плод любви к Масе всех, кто ее или жалеет, или принимает (неловко сказано) за «звезду»...

Здесь тоже не запомнят такой теплой и такой длинной осени. До сих пор еще нет настоящей зимы. Плохо еще замерзли реки. Снегу совсем почти нет. Ни осень, ни зима. На меня это всегда действовало прежде угнетающе, как на Вас забота о картошке, но теперь я более спокойно отношусь к этим, вне нас лежащим, явлениям. Так, собственно, надо бы относиться и ко всем затруднениям материального и бытового порядка, но в действительности бывает то, что с Вами. Кажется, за свою

[344] Праздник Казанской Божией Матери 22 октября (и 8 июля).

уже не короткую жизнь и на основании достаточного опыта последних лет мне надо бы быть спокойным и уравновешенным, а я все еще, как мальчик, пылок, нервен, нетерпелив и резок. Мася от меня тоже не отстает и до сих пор не может освободиться от веселости и остроумничанья. Правда, среди той унылой среды, где ей приходится вращаться, это производит бодрящее впечатление, и многие за это любят Масю, но мне кажется, было бы еще лучше, если бы все это у Маси приняло более серьезные формы и одухотворилось бы более высоким настроением. Ей не мешает подумать о новых формах для свойственной ей жизнерадостности, потому что едва ли ей придется жить и работать в прежних архаических условиях. Таня маленькая возмечтала взять ее к себе на иждивение и определенно намекнула, что едва ли будет возможность для Маси заниматься своим любимым делом. Я думаю тоже, что ей, всего вероятнее, придется жить на том же положении, на каком у Вас жил дедушка Алексий. Так теперь живут уже многие, из известных Вам по Сергиеву – Владыка Гурий. Он там, где жила Мася в 33-м году до своей командировки. Там теперь одна грусть. Все ликвидируется, и для кира остался только один дом. Грустью дышат все письма, идущие с родины. Потому как не благодарить Господа, что Он еще терпит там, где есть все родное, и не хочется даже и думать о перемене квартиры.

Невеселые вести от Верочки. Почему-то она лишилась работы. Живет она у Нины[345], кроме нее и детей, еще моя сестра Зинаида, у которой муж теперь Григорий архиерей[346], тетя – сестра мамы, у которой не так давно трамвай отрезал обе ноги, и, кажется, Катя[347] с мужем и девочкой. Сбор велий зело![348] Галя[349] с мужем в Москве. Вы, конечно, знаете, что у Нины муж (Леонид Степанович) скоропостижно скончался на масленой прошлого года, когда брал билет со станции Карабаново до Сергиева[350]. Катю с волоокими глазами[351] помню.

[345] Антонины Владимировны Ряшенцевой.
[346] Имеется в виду первый муж сестры, епископ Иннокентий (Бусыгин). См. выше, примеч. 159. Имя указано ошибочно. После его смерти З. С. Бусыгина вышла замуж второй раз за принявшего потом сан диакона Леонида Зоннера. Возможно, подлинник неправильно прочитан и должно быть «григор<ьевский> архиерей». В конце 1925 года архиепископ Григорий (Яцковский) создал раскольническую группировку, членов которой стали называть григорьевцами. Других сведений о переходе епископа Иннокентия от обновленцев к григорьевцам не имеется.
[347] Младшая дочь Л. С. и А. В. Ряшенцевых.
[348] По свидетельству Г. Л. Солоповой, здесь объединены сведения, относящиеся к разному времени. Все указанные лица жили у Антонины Владимировны, но не одновременно.
[349] Гали Леонидовна Солопова (1907–2000), старшая дочь Ряшенцевых, архитектор.
[350] Леонид Степанович, брат епископа Германа, в 1930 году был арестован (за рассказанный в тесном кругу политический анекдот) и затем выслан на три года за пределы Московской области, в город Карабаново.
[351] Речь идет о Екатерине Павловне Васильчиковой. См. примеч. 89.

Рад за Славу. Я живу не там, где жил Потамий, а в этом же селе. Пока у меня все благополучно и мирно. Сердечный привет маме. Да хранит Вас Господь.

P. S. Варлаам в Вологде. Таня в Лианозове (семнадцать километров от Савеловского вокзала). Довольно?

109
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Анастасии Узорешительницы,
22.XII.1934 г.

Сейчас вечер. У Матушки, в уголке моей комнаты, алый огонек. Старец трудится над отделкой теплых дредноутов, которыми он тщится защитить свои старые ноги от крепких северных морозов. На дворе второй день уже тридцать пять градусов мороза. Только что вторично истоплена русская печь, и около нее хлопочет такая же маленькая и кругленькая, как Таня, Поля. Осуществляются уже некоторые кулинарные планы на грядущий светлый день. Все ближе и ближе праздник. Все нарастают, ширятся в глубь веков, поднимаются к небу, обтекают землю и стучатся к сердцу волнующие душу воспоминания и священные церковные гимны о Христе. Когда где-то далеко идущая мимо или против Него жизнь, а тебе дана величайшая радость жить там, где Он еще не забыт, близок и дорог, то при всей своей духовной косности и немощи глубже переживаешь и чувствуешь каждую деталь наступающего торжества и всю неизмеримую огромность, красоту и неизживаемость всего принесенного Им на землю. Отнимите от человека, увлеченного многообразной суетой настоящего времени, хотя часть того, чем он, с достойной подражания энергией, наполняет бездонную пустоту своей души, – и ему его жизнь покажется какой-то насмешкой, ему нечем будет жить. А те, перед духовным опытом и работой которых мы преклоняемся, с избытком обладали тем, к чему так жадно стремятся наши современники, бежали не только от этого, но сознательно ставили себя в нечеловеческие (с точки зрения плотского человека) условия существования и, оставаясь только с Ним одним, делались не актерами только веселости и радости, а действительно блаженными. Самые трудные и доселе неразрешимые проблемы жизни или разрешались такими простыми и необычайными для нас методами и всплесками таких невероятных настроений и действующих в них сил, что все это показалось бы сказкой, если

бы это не было очень определенным и прекрасно обследованным фактом истории. Масе на ее пути уже пришлось встретиться с живыми подобиями этих древних. Она встретила не только таких, у которых слово и вера не расходятся с делом и жизнью, но и в Арзамасе и там, где она теперь, она среди них встретила таких, какие умеют заглядывать в будущее и с поразительной точностью о нем говорить. Как это ценно в ее положении и какая это подмога для освоения того, что она считает истиной и чем старается жить. Внешне она вполне сейчас устроена. Ее родные, как и прежде, окружают ее своей заботой, и она имеет полную возможность углублять свою работу в своей родной и предназначенной для нее области. Конечно, не всегда эта возможность соответствует личному почину и энергии, но хорошо уже то, что условия жизни мало мешают ее продолжению и не отвлекают и не рассеивают ее по мелочам...

Что касается меня, то я по милости Божией здоров и благополучен. Только очередные официальные визиты напоминают, что ты пользуешься постоянным вниманием, какое не всем бывает приятно. Хорошо уже и то, что есть возможность сидеть на месте, что не так-то легко давалось прежде. Таня все ждет своего отца, но реальных оснований для этого нет. Варля по-прежнему живет в Вологде. Кстати, мама получила его письмо в письме к ней Маси? Для нее теперь самое трудное время – холода и обычные ее недомогания, и у Вас от этого еще больше забот и тревог.

Я писал, что Верочку было сняли, очевидно в связи с какой-нибудь очередной интригой, но потом по суду восстановили с обязательством учреждению оплатить ее невольный прогул. Мне мама писала очень неясно об Иване Израилеве, но ни Вы, ни она мне ничего не ответили, где он и что с ним? Пока меня терпит около себя Матушка. В праздники особенно хорошо у Нее. Мася тоже надеется, что она послужит Ей своим голосом. Это особенно меня радует. От всего сердца молитвенно приветствую Вас и маму с святыми днями. Кажется, назад тому лет восемнадцать-девятнадцать Мася проводила эти дни в Вашем теперь городе. Слава Господу за прежнее, а за настоящее еще большее благодарение. Христос с Вами.

P. S. Ответных писем на мои, посланные Вам, а потом и маме, я не получал. А мои получили?

110
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

29.I.1935 г.

Спаси Господи за весточку. По великой милости Божией все праздники прошли мирно и Мася Ваша была всем утешена и от Бога и от людей. Правда, у нас перед праздником стояли сорокоградусные морозы, но они страшны только тогда, когда нет дров и, кроме того, еще ветер. Дрова пока есть, а при ветре в нашей комнате не особенно душно. К климату здесь быстро привыкают, и северный мороз гораздо легче осваивается, чем южная жара, а к тому же здесь морозы сухие и очень редко с ветром. А вообще зима стоит мягкая и нас засыпает снегом. Рад за Ваню[352]. Раз это совершилось без его участия, то здесь раздумывать нечего – это Божия воля, и потому все, что далее случится, будет только ему на пользу. Так к этому должны относиться и все, кому он дорог. Он был в таком же положении, как в свое время Ларчик и Мася, или жил в тех же условиях, что я теперь? Это мне хотелось бы знать точно. У нас совершенно нет никаких даже слухов об инвалидных комиссиях и тем более о сокращении штатов.

Одной из радостей, какую получила Мася за эти святки, была встреча с одним болящим[353] (более тридцати лет, с семнадцатилетнего возраста прикован к постели вследствие расслабления ног). Он зырянин, простой усть-сысольский крестьянин. Многие его чтут, как у нас в Москве Василия или Максима[354], и я сам знаю несколько случаев его поразительного ясновидения. Он еще задолго до появления Маси говорил, что там, где она теперь, в Сионе будет сладкопение. Лично он ей говорил, что ей никуда не надо торопиться. Лучше ей быть там, где она теперь. Что Сам Господь позвал ее сюда и она нужна была здесь для каких-то ремонтов, утепления уголков и что ей еще придется наряжаться и выступать перед многочисленной аудиторией. На меня лично болящий произвел хорошее впечатление. По виду ему не более двадцати пяти – тридцати лет. Очень изможденный, радостно-возбужденный, дитя Божие. Жаль только, что он не только

---

[352] Игумен Израиль, осужденный в 1931 году на десять лет ссылки (ЦА ФСБ, д. П-60406), находился в Казахстане и по слухам, дошедшим до Верховцевых, должен был быть освобожден как инвалид. Но надежды на это не осуществились. В конце 1937 года игумен Израиль был арестован в Семипалатинске и через несколько дней расстрелян (29 декабря).

[353] Блаженным Александром Сорвачевым. См. о нем: Православная жизнь. Джорданвиль, 1995, № 1.

[354] Имеются в виду московские блаженные Максим (конец XIV–XV век, память 11 ноября) и Василий (XVI век, память 2 августа).

ничего не говорит, но и ничего не понимает по-русски. Поэтому его мысль, и без того труднопонимаемая, еще больше затемняется переводом или даже толкованием переводчика. Мася ему, кажется, понравилась, но мне всегда становится как-то и радостно и страшно за нее, когда начинают ее расхваливать или она входит в полосу скорее физического, чем душевного покоя, что многих расслабляет. Сохранил бы Господь в душе ее ту юность, какая делает ее для многих ценной, но только оберег бы ее от всяких искушений и зноя, от какого и самые прекрасные цветы остаются пустоцветами или только тешат взор, что скорее вредит, чем назидает кого-либо. Мася говорила мне, что у нее осталось от встречи такое впечатление, что ей надо быть спокойной и не нервничать ни за себя, ни за уголок Матушки, где она любит превитать. Уголок этот пока украшен, и всякий может в нем отдохнуть и приятно провести время, но кое-кому это не нравится, и исконный завистник начинает строить свои козни. Быть может, это обычное предпраздничное или послепраздничное явление и все постепенно образуется, а в настоящее время все же есть кое-что, что смущает покой души. Конечно, все это Господь попускает для того, чтобы верные Ему усилили свои подвиги и моления, рассеянные собрали свои мысли, беспечные насторожились, чтобы все отбросили свои немощи и возопили к силе Божией. Помолитесь и Вы, чтобы Матушка не отпускала нас от Себя и не закрыла бы двери Своего милосердия. Сердечный привет маме и Вашим. Пока у меня все по-прежнему. Через месяц уже год нового договора. Да хранит вас всех Господь.

111
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Неделя о расслабленном, <13.V.> 1935 г.

Воистину воскресе Христос! Только дня два назад послал письмо маме и просил дать почитать его Вам. Писал обеим Вам и к Пасхе, и думаю, Вы его теперь получили, потому что на Пасху уже пошли пароходы и начала нормально функционировать почта. Письма я чаще адресую на маму, и, думаю, Вам понятно почему. Я уверен, что ни мама, ни Вы, если письма не носят исключительно персонального характера, не считаете их своей индивидуальной собственностью и делитесь их содержанием. Мне же легче писать или, точнее, отвечать, так как без этого не умею найти интересную тему. Внешняя жизнь моя однообразна, а внутри так неподвижно и бедно, что едва ли хорошо и хрис-

тиански об этом говорить и тем самым отравлять этой нравственной плесенью чужую, да еще дорогую тебе душу, что я опустился или распустился, стал слякотью или чем-либо в этом роде. Фактически я почти все время, в смысле внутренних духовных накоплений, во власти или духовной лени, или самотека, какой в конце концов, надеюсь, кое-что ненужное унесет, сгладит неровности, затянет трещины и, быть может, образует удобное русло для источника воды живой. Слава Богу, что Ваши зимние тревоги рассеялись, а теперь стало легче и материально. Рад и за маму, что ей тоже от этого лучше, да и солнышко и весеннее тепло опять ее возвращают к жизни и ее любимым уголкам. Хотя она и пишет мне, что вся суть «в духе и истине», а не в стенах, но все-таки трудно жить без стен, пропитанных благоуханием святых порывов ввысь и кротких схождений благодатной росы на жаждущую землю. Пока Мася не лишена той радости, о какой она просила Его в самый торжественный час своей жизни, обещая и среди волков остаться кротким агнцем, и среди хищных – Его чистым голубем. Если у Вас сохранился этот отрывок, начатый 8 сентября в скиту у Ивана Израилева и оконченный 9 сентября, в день Иосифа Волоцкого в Вифании, перед 14 сентября 1919 года, то я был бы очень признателен Вам за его переписку и присылку мне сюда[355]. В эти минуты, я убежден, говорит не только дух человека, предощущающий еще неведомое, но и Дух Божий, испытующий глубины и указующий будущее...

Я писал, что у Тани были недавно тревоги, аналогичные тем, что у Славы, но слава Богу, все кончилось благополучно. Дай Бог, чтобы кончилось так же это и у Славы за предстательство Матушки Федоровской. Теперь мне ясно, что он живет в Костроме. У них славный кир, мой ректор по Псковской семинарии и потом сотоварищ по Средней Азии[356]. В нем есть нечто напоминающее Варлю, какую так любит мама. Тятя[357] не собрался в родные края, разве только наездом. К Пасхе я тоже от него ничего не имею. Пока все у меня по-прежнему. Эти два дня стало очень тепло и похоже на весну, а то все холод и холод. Все-таки на недельку надобно Вам съездить к Славе, а по пути завернуть в Сергиев. Да хранит Вас Христос.

[355] Речь эта в архиве Н. А. Верховцевой не сохранилась.
[356] Архиепископ Костромской (с июня 1932 года) Никодим (Кротков).
[357] Игумен Израиль. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*) Сохранилось теплое письмо игумена Израиля Наталье Александровне, подписанное «твой тятя».

112
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

29.VI.1935 г.

Только что кончил письмо к маме и хотел его запечатать, как пришло Ваше. Спасибо за весточку. Из письма не видно, получили ли Вы мое письмо, где я писал между прочим и о насильственной смерти мужа Верочки, покончившего с собой в психиатрической больнице. Отвечаю на только что полученное. Если сравнить Ваши письма с маминым, то Вы действительно кажетесь маленькой, беспомощной девочкой. У мамы такая живая, ясная, сильная мысль, такая ясность дали, а у Вас постоянно такая тревога, какая-то связанность духа и дали, затянутые мглистой дымкой печали и тоскливой одинокости. Кто или что подменило Вас? Разве раскололась Ваша былая ясность, глубина и цельность? Вы так глубоко и ровно дышали Его воздухом, что и других, и всех, и самое маму ощущали и принимали только постольку, поскольку Вы и в ней чувствовали Его свет и благоухание. Вы ко всем, и, конечно, наипаче к любимым, были нежны этим чувством, потому и дружба к Вам и с Вами была всегда такая чистая, ровная и морально поднимающая. Мне всегда казалось, что и маму и своих близких Вы любите в Нем и Им. Вы знаете это тихое колыбелящее чувство, когда дети, обнимая друг друга, крепко-крепко прильнут к своей матери? Кажется, и не только кажется, а так это и есть на самом деле, что тепло матери связывает их друг с другом и с нею. Такой должна быть и Ваша любовь к маме и наша любовь друг к другу. Он наш центр и источник любви и милости. Чем ближе к Нему, тем ближе друг к другу[358]. Чем ближе и крепче любовь, тем ощутимее Его мир в нас и Его держава, всех нас охраняющая друг для друга и для торжества Его правды. Ничто не может разрушить Его о нас и любимых нами Промысла. Я всегда обращаю внимание сердца на последнее прошение всякой эктении. Кто любит Его, тот хорошо знает, что действительно можно и себя и друг друга отдать или предать в Его водительство. Уверен, что Вы знаете, какой светлый мир входит в душу,

[358] Ср. у аввы Дорофея «Поучение шестое, о том, чтобы не судить ближнего»: «Представьте себе круг, начертанный на земле, средина которого называется центром, а прямые линии, идущие от центра к окружности, называются радиусами... круг сей есть мир, а самый центр круга – Бог. Радиусы же... есть пути жизни человеческой. И так, насколько святые входят внутрь круга, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу» (Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения. Калуга, 1895, с. 95; репр. М., 1991).

когда мы и себя, и любимых чувствуем в сфере Его мудрости, благости и долготерпения. Вы никогда не можете быть и не будете одиноки, пока в Вашей душе не умрет живая с Ним связь, а через Него и Его силой не только с живыми, но и умершими Вашими близкими. Это несомненно самое глубокое, ничем не разрушимое и вечное. Не любите маму только для себя, полюбите ее и как Божие достояние, нужное и Вам, и другим, и Богу – нужное пока для настоящего, а скоро, быть может, и для нездешнего, но, быть может, через это еще более и для настоящего. Теснее к Господу, тогда будем все ближе и ближе друг к другу, и никогда (живы ли мы или умрем) никому не разлучить, не разорвать этого единства.

Христос с Вами. Отдохните.

113
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

9/22.X.1935 г.

Вероятно, мама получила письмо от Маси в ответ на ее, где она писала об Алеше. Из него вы знаете, что Мася несколько иначе смотрит и квалифицирует то, что Вы с мамой допускаете только как акт неверия. Пока к этому не стану сейчас возвращаться, а сообщу то, что разузнал вчера от человека, знающего не только Алешу, но его отца, всю семью, сестру Лизу и приятеля его еще по Лавре, его келейника, кажется, Митрофания. Я хотел писать Вам в памятный день Ангела любимого нами игумена Троицы[359], около которого, и верю, и с благословения которого началась наша светлая дружба, но отдумал. Вчера у нас со старцем была именинница наша сестра Поля и среди других был и архимандрит Киево-Печерской Лавры – приятель келейника Алеши, тоже бывшего до этого в Лавре. Сам он тоже очень любит Алешу и тоже, как и Вы, уверяет, что у Маси есть много, что его напоминает, и особенно чтение и пение. С его слов дело представляется так: когда жил Алеша в Рыльске, то туда выписал своего отца, которого устроил где-то на приходе недалеко от города. Из Рыльска он и исчез. Он передал своему келейнику, как я уже сказал, приятелю рассказчика, более для него любимые вещи и одежды, попросил их поберечь, а о себе сказал, что он на время удалится, что так ему нужно и чтоб о нем не беспокоились и только молились Богу. После,

[359] День мучеников Сергия и Вакха. (*Примеч. Н. А. Верховцевой.*)

уже с Кавказа, он о том же написал своему отцу. Мой знакомый потом в Киеве видел его сестру Лизу и от нее узнал, что они его потеряли из виду, но с Кавказа имели сведения, что он жил где-то в горах и, по слухам, как будто заболел проказой или вообще какой-то болезнью, от которой у него образовались раны на голове. Очевидно, это и есть самое достоверное, чему и надо верить более, чем тому, что сообщил Федя. Сплетня о женитьбе, видимо, идет от известных Вам матери и дочери. В ней Алеша стал уже доктором (с каким в действительности, со слов мамы, и уехала дочь), уехавшим в Сибирь. Известная Вам, со слов самого Алеши или Славы, его патронесса по Киеву, помогшая его выздоровлению, в Киеве распространяла молву, что дочь Шиловой из Серпухова стала якобы женой Алеши и она сама лично проследила его след до Уфы, где след потерялся. Сам архимандрит не доверяет россказням патронессы, потому что там не может быть объективности из-за ревности и чисто человеческого женского ее пристрастия к Алеше, и всецело основывается на данных своего приятеля – келейника Алеши и его семейных. Как я понял, его родные теперь не имеют никаких сведений о нем, а если верно сообщение о проказе, то немудрено, что его, быть может, уже и нет в живых[360]. Одно только несомненно, что около Алеши образовался целый клубок противоречивых слухов и многие, судя по-мирски, не доверяя, что и находясь в женском окружении, можно остаться «чистейшим дитятей Божиим», считали его ловким человеком, способным на все.

А вообще о таких, как Алеша, полезно всегда помнить мудрое изречение, кажется, аввы Агафона: «Ин суд Божий, и ин суд человеческий»[361]. Что же касается веры и неверия и того, что с каждым из нас, при временном отхождении от нас благодати Божией, могут быть всякие ужасы и «неожиданности», могу Вам сказать следующее: можно веровать искренно и любить Господа и все же тяжко пасть. Разве апостол Петр не любил Господа и не верил Ему? Но и ему было попущено отречься от Него, чтобы потом через раскаяние укрепить на всю жизнь смиренномудрие, эту духовную колыбель всяких необычайных Божьих дарований и откровений. Я лично знаю одного своего собрата, выдающегося по дарованиям и популярности. По до-

[360] Согласно словарю митрополита Мануила (Лемешевского), епископ Алексий (Готовцев, 1891–1936) в 1932–1936 годах жил в Москве и состоял на гражданской службе, скончался от ползучей экземы и был похоронен как мирянин. Без специальной проверки нельзя поручиться за точность этих данных.

[361] Слова аввы Агафона, приводимые аввой Дорофеем. – Поучение пятое, о том, что не должно полагаться на свой разум (Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения, с. 74).

роге в края, где в свое время подвизался Ларчик и Мася, находясь в отдельном соблюдении[362] с одним очень верующим петербургским батюшкой, раз утром он ему заявляет: «Я потерял всякую веру». Он перестал делать то, что всегда делал с большим усердием и искренностью, и, видимо, переживал страшное и мучительное душевное состояние. Его случайный сотоварищ усилил свою молитву о нем, и через несколько дней он снова ему, уже со светлым лицом, говорит: «Опять я верю». Не огради его Господь в это время оставленности и искушения от тоски и уныния крепкой стеной «училища благочестия», не случись около него доброй и любящей христианской души, он, быть может, наделал бы не таких «чудес», как то утверждают слухи и сплетни об Алеше, и было бы величайшей неправдой сказать про него, что он был только актером, самозванцем и в действительности лишенным всякой веры. Мне кажется, всякий из нас в себе самом носит и рай и ад, и у более даровитых могут быть не только сильнейшие стремления к первому, но и искусительнейшие притяжения и искушения ко второму. Об этом ясно говорит жизнь великих подвижников благочестия, история жизни очень многих замечательных людей и опыт если не каждого из нас, то очень многих.

После того, что я узнал сначала от Феди, а потом и от Вас лично о том, кому Вы обязаны тем нелегким бременем, какое Вы несете теперь, мне стало понятно Ваше настроение и те муки, какие Вы пережили и еще переживаете в Вашем подвиге замужества. Не могу говорить о других, скажу только о Масе. Ваш муж не может рассечь Вашу светлую дружбу с ней. Вам хорошо известно, что ни у нее, ни у Вас никогда ничто земное и тем более греховное не омрачало ее светлых и ясных горизонтов. И в отношении других Ваших друзей, как мне кажется, Ваш муж может поглотить только те тонкие нюансы некоторых естественных человеческих пристрастий, но отнюдь не может и не должен вытеснить то духовное, чем Вы связаны с любимым Иваном Израилевым и другими. Если Вы себя считаете не идеальной женой не только потому, что у Вас не хватает терпения, но и потому, что Вы ясно видите разницу между его духовным содержанием и тем, что Вы пережили около своих духовных друзей, и не можете забыть всего, что Вы с ними пережили, то это напрасная мука, и было бы не только печально, но и духовно неправильно, если бы, принадлежа ему нераздельно, Вы стали обуживать рамками его личности и даже уродовать все то духовное богатство, что дает Вам дружба с Иваном

[362] Соблюдение (*слав.*) – тюрьма; здесь камера.

Израилевым, Масей, Алешей и другими. Все, что случилось, – не без воли Божией, и будем глубоко верить, что все это на благо всех нас, кого Господь породнил узами духовного единомыслия и любви, более крепкими часто, чем узы брака. Только никогда и ни в чем не замыкайтесь от Маси; это может только повредить Вашей взаимной любви и умалить крепкую пользу от этого трогательного содружества.

Господь да умудрит Вас и утешит.

P. S. Сердечный привет маме и Виктору. У Маси все по-старому (Колхозная, 5).

114*
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ И НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

День Платона и Романа,
18.XI.1935 г.[363]

Сердечно благодарю Вас всех за привет к 6 ноября. Вы вспоминаете мой день, проведенный у Вас четырнадцать лет назад. Этот день у многих тогда вызвал некоторое удивление. Лаврские, привыкшие к внешнему шику Маси, были удивлены ее скромностью, мама была в необычайном восторге от простоты одежд и обстановки, в какой выступила тогда Мася, а Вы, как обычно, прозирали в ее душе грады Китежи, какие – хотя, быть может, их никогда и не было – «любите всей душой». Я хорошо помню, как мне было хорошо, да, кажется, Вы с мамой и сами хорошо знаете, что ни в чьем обществе я не был так, как с Вами, самим собой или тем, чем меня хочет сделать Божия сила и чему много помогала и помогает Ваша дружба. Я никогда не скрывал и не таю, что считаю ее прямым волеизволением любимого нами Печальника и Того, Кого он и мы любим, и ценю ее как великий и благодатный дар Того, Кто привел меня в те благодатные края. Вспоминаю сегодня и Вифанию, и еще больше сегодняшнего ее основателя и именинника. Его облик духовный очень много говорит моему сердцу, и в его уменье все небесное и вечное облечь в самые изящные и изысканные формы земной действительности, онебесивая тем земное и небесное доводя до реального ощущения «душевного» человека, как непререкаемую эстетичную и моральную ценность, я всегда слышал невысказанные потребности моей собственной природы. Но я не завидую тому, что путь моей жизни так не похож на путь

[363] Приписка над датой: «Не Набережная, 4, а Колхозная, 5».

этого блестящего человека и прекрасного иерарха, и еще меньше скорблю о прошлой своей жизни в Вифании. Мне, быть может, так же, как и Наташе, трудно забыть внешнее оформление и красоту того начала, какое при всех моих недостатках и страстях все же является основным и руководящим в моей жизни, что было прежде, но я хорошо чувствую и понимаю, что рубище смиренного Сергия для нашего времени куда более сильное средство духовного воздействия, чем изящные одежды и блестящий ораторский талант Платона, и маленькая убогая церковка с горящими лучинами куда краше нарядного и тонко задуманного вифанского «корабля»[364]. Все это: и Троица, и Вифания, и преподобный Сергий, и митрополит Платон, и многое, многое другое, в жизни пережитое – это только многообразные лики одной неделимой Триипостасной Сущности, разные стороны и действия Ее силы, отдельные этапы нашей жизни и роста и ступени той таинственной лествицы, какой мы должны подниматься от земли на небо. Здесь ничего не выкинешь, ничего не вернешь, но все благословишь как ведущую руку Его Промысла. Все из Него, Им и к Нему[365], а потому за все и благодарение и слава...

Мама, вероятно, уже получила письмо от Маси, где она рассказывает, что очень была утешена в свой день и от Бога, и от людей. Пока у нее с тех пор ничего не изменилось. Матушка здорова и бережет их, и кругом, и совсем не так далеко, где не стало подобных уголков, жизнь так сурова и прямо страшна, что, когда только краешком уха услышишь о ней, становится жутко за человека. Как надо благодарить Господа, что Он ограждает еще свое малое стадо... Говорю, что чувствую... Думаю, что, Бог даст, мы еще свидимся, но еще важнее, чтобы не утерять нам то единство, какое дает нам сейчас Он, чтобы жить в Христе. Это, помимо всякого радио и телевидения, дает такое ощущение друг друга, видение глубей своей и близкой души, переживание взаимной духовной родственности, что едва ли какое физическое видение может его заменить или восполнить чем-либо существенным. Слава Богу, что последнее письмо к Вам Маси принесло Вам радость. Я совершенно согласен с Вами, что не так важно, есть Алеша или его нет на земле. Важно, что он жил и жив в Христе. Об этом всегда надо просить и молить Его, когда мы вспоминаем друг друга. С теплотой детской веры и себя и друг друга надо предавать Христу Богу, потому что было бы не только маловерием, но и безумием, если бы

[364] Иконостас Преображенского храма Спасо-Вифанского монастыря изображал гору Фавор.
[365] Рим. 11, 36.

теперь-то мы сомневались, что ничего не может быть с нами помимо Его воли и вопреки Его любви.

У нас пока очень мягкая погода. Снегу еще не очень много и нет больших морозов. Послезавтра Введенье. Быстро подойдут и памятные дни. Желаю Вам обеим ни духовно, ни физически не мерзнуть, и да будет Он всегда со всеми Вами, согревая, утешая, назидая и ободряя Вас.

115
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

5.VII.1936 г.

Христос с Вами, родная моя Наташа! Получил Вашу весточку, писанную в ночное дежурство после отпуска. Хотя в этот отпуск Вы почти все время работали то в садике, что несомненно укрепило Вашу нервную систему, то по приведению в культурный и гигиенический вид своих и маминых комнат, но все же уже самое разнообразие работ и совершенно иной характер их, в сравнении со служебными, должно было дать Вам если не полный, то сравнительный отдых. Что побыли около своих и их покой предпочли своему веселью, не худо для Вашей душеньки. Скорбь Ваша о Марии действительно тяжелая скорбь. Если даже разбитая грудная клетка и перелом ключицы как будто ничему не научили, то приходится только благоговейно склонить голову перед постигшим ее попущением Божиим. Игнатий Брянчанинов говорит, что надо благоговеть как перед судьбами Божиими и Его волей, так и перед попущеньями Божиими[366]. Путь спасения каждого – неведомая для нас тайна. Мы одно только знаем, что Он хочет всем спасения, а диавол со всеми его соблазнами не имеет власти, вне или вопреки этого спасительного плана, вредить человеку. Он только бич в руках Его, и удары этого бича в конечном итоге иногда так же необходимы, как чередование дня и ночи, непогоды, холода и жары. Наш прямой долг – и словом и молитвой стараться отогнать от души своих близких обольстительный туман, но другого мы ничего не можем. И у добра и зла есть свои, трудно нами постижимые сроки, и эти сроки, как кризис в болезни, ничем нельзя отвратить, ускорить или продлить. Будем делать, что можем, остальное предавая воле и милосердию Божию. Я хо-

[366] См.: Приношение современному монашеству. – Собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1886 (репр. М., 1993), с. 84.

рошо знаю, как тяжко сердцу, когда через дерзновение и правду дружественной любви стоишь перед возможностью или определенной опасностью ее потерять. Как знаете, Масе пришлось в свое время пойти на эту опасность, чтобы предостеречь Федю от нездорового увлечения откровеньями пророчиц и покровительствовавшего им (не знаю, как теперь) колесничного аввы[367]. Делал я это с благословения зосимовских и своим большим письмом достиг лишь того, что светлая дружба между Масей и Федей дала трещину, а последующее время и обстоятельства эту трещину еще больше расширили. Одна из пророчиц заняла высотную позицию в сердце Феди, и, мне кажется, очень многое в его церковной линии объясняется его доверием к тому, от чего в один голос предостерегают все подвижники. Из писем Маси к маме Вы знаете, что Мася два раза была у Феди, а третий раз на самую Пасху шла нарочно к нему, но повстречала его идущим с пророчицей на почту, и он не пожелал вернуться. Он, кажется, шел даже и не на почту, а к одному своему новому другу, какой при одном имени митрополита Сергия приходит в неистовство. Мася почувствовала тогда, что Федя не особенно желает видеть ее у себя и что, как показалось ей, на это нет и Божия благословения. И Варля, и мамуля писали, что особенно не стоит добиваться этого общения, и сами обстоятельства так складываются, что действительно как будто и не надо. А сердце не мирится с этим, и ему тяжко все это, не только оттого, что угасает дружба, но что слабеет заповеданное Им: любовь и единение при единстве чаяний, слабеет ревность и сопротивляемость, ослабляя и без того полуразрушенный наш фронт. А нашей дружбе не семь, а тридцать с лишком лет. Дело, разумеется, как и боль, о которой мы говорили, не в летах, а в том, что тяжко терять друзей, а Вам особенно, раз Мария заменила почти все, оставленное у Троицы.

Вы ждете и, быть может, уже и дождались Славу, а к Масе на этих днях, вероятно, приедет Таня. Она должна заехать к Варле, а оттуда к нам. Она работает на главном телеграфе, что на Тверской, и получила месячный отпуск. Уехавшие отсюда задыхаются в обстановке теперешней столичной и пристоличной жизни, и если у Маси через восемь месяцев кончится договор, то ей придется крепко подумать, куда ехать, где и как жить. Здесь есть один болящий[368], какого очень

[367] «Колесничный авва» – прикованный к инвалидной коляске архимандрит Симеон (Холмогоров), живший в Свято-Даниловом монастыре, которого архиепископ Феодор очень почитал. Расстрелян в 1937 году в Ивановской тюрьме вместе с архиепископом Феодором.

[368] Блаженный Александр Сорвачев в селе Тентюкове.

чтут; он уже не раз говорил, что доктора, как он называет Масю, не отпустят зыряне, «уцепятся за него и не отпустят. Разве только другой доктор приедет, тогда уедет». Будущее покажет, как это надо понимать. Сама Мася довольно легко привыкает или терпит всякую обстановку; пока она довольна своей обстановкой здесь. Самое ценное, что она имеет, – это уютный уголок Матушки, где довольно часто можно услышать довольно стройно и с настроением исполняемые любимые нами вокальные номера.

О сергиевских знаю мало. Вера стала теперь систематически помогать своим братьям. Нинина Катя[369] около трех месяцев после родов болела заражением крови, но выжила и теперь, кажется, здорова. Филя, что жил с Масей в Вифании, опять устроился в соблюдении. У меня пока все по-прежнему. Господь хранит нас и милует. Федю вижу в своем учреждении три раза в месяц. Он кланяется маме и Вам. По виду он хмурый, еще больше горбится, и нет в его лице того мира, какой делает таким прекрасным всякого раба Божия. Ну, пока довольно. Да хранит Вас Христос.

116
ВЕРЕ ТИМОФЕЕВНЕ

5.VII.1936 г.

Дорогая Вера Тимофеевна! Наташа говорит, что Вы не без удовольствия читаете письма Маси. Перечитывая Ваше последнее, я увидел, что на некоторые Ваши вопросы я не ответил в посланном письме. Вы спрашиваете, как может быть любовь к Богу и к людям «неслиянной и нераздельной», когда в некоторых случаях надо и «возненавидеть». Я не утверждаю, что любить Бога и любить ближнего – одно и то же. Эта заповедь подобна первой, но у ней есть и свои особенности и свои пределы. Любить человека мы должны так, как возлюбил его Христос. Мы должны его любить во Христе, то есть любить его по нормам, Им указанным, любить Его силой благодатной, сущностью которой является та же любовь, любить в нем все Христово и ради Христа. Бог – свет, и нет в Нем никакой тьмы[370]. Ясно, что этого не может быть в человеке. Любя его за все Христово, как сущность Его природы, мы ко всему чуждому в нем и болезненному, как всякая страсть и грех, можем и должны относиться только отрицательно (славян-

[369] Младшая дочь Л. С. и А. В. Ряшенцевых.
[370] 1 Иоан. 1, 5.

ское «ненавидеть»). Это темное может не только овладевать нашим ближним, но через него может стать как принцип или нравственная препона на нашем пути к Богу. Если подчиниться ей, то это угодничество (нам заповедано человеколюбие и запрещено человекоугодие) может стать в противоречие нашей любви к Богу. Делать этого нельзя. Это и есть та ненависть, какая может быть при любви и к отцу и домашним и к кому угодно. Любовь к ним принимает в этом случае характер жаления, а ненависть – противления их воле и неподчинение. В этом смысле, и только в этом, то есть в смысле препятствия – соблазна, самые близкие и даже любимые («домашние») могут стать нашими «врагами»[371], каких все же, по заповеди, мы должны и можем любить. В вопросе о любви к Богу и ближнему надо иметь в виду как бы три стороны одного целостного по существу процесса: психологическая природа или сторона любви, моральная, или практическая, и благодатная, или мистическая. Вот в этих путях своего развития любовь к Богу так тесно соприкасается и переплетается с любовью к человеку (и обратно), что та или другая «нераздельно», но и «неслиянно», как божеская и человеческая природы во Христе, становятся одним процессом. Относительно «бегай людей и спасешься» – приведу буквальные слова преподобного Никиты Стифата, пресвитера Студийской обители и ученика Симеона Нового Богослова. «Быть монахом, – говорит он, – не то есть, чтобы быть вне людей и мира, но чтобы, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (то есть в бесстрастие). Если Великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, жил среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом, старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми»[372].

Хорошо, что в своей комнате Вы имеете и рай, и пустыню, а большинству только так можно убежать теперь от мира и людей. Убегать от страстей в пустыню бесстрастия необходимо всякому, а имея это, иметь еще и то, что у Вас, – это уже милость Божия и снисхождение Его к Вашим немощам, не могущим часто понести и потерпеть немощи близких.

Жду на днях Таню. Она позавчера должна была быть у Владыки Варлаама и теперь, вероятно, уже в дороге сюда. Владыка

[371] Мф. 10, 36.
[372] Первая деятельных глав сотница, 76. – Добротолюбие. Т. 5. с. 111; репр. М., 1998.

Филипп[373] привет Вам передает. Он не знал, где Вы, и взаимно приветствует Вас. Варля все в том же положении; от Тани узнаю о нем подробнее. Пока у Маси все слава Богу. Да хранит и Вас Христос Своей любовью. Не забывайте, когда беседуете, и о Масе.

117
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

1.IX.1936 г.

Шлю Вам свой теплый сердечный привет к памятному для Вас и моему любимому 26-му[374]. В этот день праздник и Матушки, и два года, как Мася живет около Ее домика. Десять лет назад к этому же празднику Мася приехала на знойный юг и как раз в день памяти Адриана и Наталии нарядилась, после долгого перерыва, в свои любимые наряды. Сегодня же, только пятнадцать лет назад в Донском, вместе с Патриархом Тихоном, она восхваляла Ту, помощи Которой был обязан своей победой над татарами Дмитрий Донской. Говорят, вспоминать былое – признак старости, но иных «дни древние» ободряют своей былой радостью и духовным содержанием, хотя теплая память о них и перемешана с некоторой грустью. Невольно вспоминаю теперь и наши вечера с мамой и Вами, некоторые из которых падали, кажется, и на памятные для нас даты. Когда я был на деле, то все, связанное с Вифанией и даже с Сергиевом, было вытеснено или отодвинуто куда-то в глубь души более глубокими новыми настроениями и переживаниями, а теперь, когда и это стало былым, они снова оживают, грустно-радостные. Хорошо в них то, что эта грусть не расслабляет и радость их не туманит душу, а поднимает ее к Тому, Кто мудро строит жизнь нашу, все бываемое приспособляя к вечным целям. От души желаю, чтобы и Ваша душа почерпала в добром, пережитом Вами, новые силы и призывы следовать Ему, не страшась самоотречения и креста, в самом страдании несущего просветление и радость.

Как-то Вы живете и как погостил у Вас Слава? У Маси была Таня. Она очень извелась на работе и в суете и немало, как показалось мне, порастеряла из своей богатой жизнерадостности и внутрен-

[373] Архиепископ Филипп (Гумилевский). Последняя кафедра, которую он занимал, – Владимирская. Достоверных сведений о последних годах его жизни и кончине пока нет.

[374] Ко дню Адриана и Наталии и Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

него мира. Положим, эта печать тревоги, озабоченности, раздражения и подозрительности лежит теперь почти на всех нас. По возвращении ее ждали неприятности с квартирой. Ее почти выгнали хозяева, и пока она не нашла удобной комнаты. К этому прибавились тревоги об оставшихся в Москве дочках Маси. Волоцкие, как знаете, уже уехали[375]. Масе будет очень тяжко, если и эти надумают последовать их примеру. Сама Мася не может пожаловаться на «невнимание» к ней. Так что все обстоит, как и должно быть: и тревоги, и огорчения, и маленькие короткие радости, а над всем этим – таинственный мир ждущей нас нездешней жизни. Очень светло и торжественно было у нас 28/15-го. Надеюсь, что Матушка и поможет, и не даст в обиду Масю, какая для Нее только и делает то, за что многие, как Федя и даже Варля, ее не одобряют. Пока более высоким она не умеет Ее славить и служить людям.

Я здоров. Пока все слава Богу. Сердечный привет маме. С дорогой именинницей. Как ее здоровье?

118
НАТАЛЬЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ

2/15.XII.1936 г.

Письмо Ваше, родная моя Наташа, я получил. Это даже не письмо, а скорее стон от тяжкого внутреннего страдания и крик о помощи. Это я понимаю и чувствую. Что с Вами происходит нечто очень сложное и изнурительное и для физических и душевных Ваших сил, я давно уже чувствую, вскоре после разлуки с Вами, но, как мне кажется, это одна из тех болезней духа, какие тянутся годами и исцеляются Самим Врачом душ и телес тогда, когда сделают с нашей душой все, предусмотренное Его благим Промыслом. Я не пытаюсь гадать о возбудителях этой болезни; они часто и в нас самих, и в условиях нашей внешней жизни и работы. Об одном могу только с уверенностью сказать, что здесь необходимо терпеливо понести свою душу, так же, как терпеливо Вы выхаживаете иного трудного больного, не теряя никогда надежды на его выздоровление, это своего рода духовное истощание[376], та нравственная Гефсимания, в какой сильнее, чем когда-либо, познается свое духовное ничтожество, тяжесть своего

[375] То есть подверглись репрессиям.

[376] Богословский термин, означающий самоумаление Бога, принявшего на Себя человеческое естество, ради спасения человека.

жизненного креста, страх пред неодолимостью всевозможных препятствий и скорбей жизни, тоска от внутреннего разъединения с людьми, даже любимыми, тяжкая агония, оставленность Богом и почти физическое ощущение всей несветимой тьмы зла и греха. В состоянии уныния присутствуют почти все эти моменты, но оно не бывает (уныние) так длительно. Мне кажется, многое в Ваших переживаниях от физической и душевной усталости. Вы очень много расходуете своих сил, и Вам и дома вместо отдыха приходится напрягаться не менее, если не более, чем на работе. Такого постоянного напряжения, страха за маму, боязни не выполнить своего долга перед Виктором, обычные тревоги и заботы житейские – трудно вынести, не утомляясь. Вам, вероятно, очень мало остается времени (от дел и усталости) на пополнение запасов своего душевного тепла и бодрости, а окружающая среда так холодна, плотяна и земна, что не может пополнить Вам расходуемые Вами силы и только еще сильнее дает Вам чувствовать свою усталость и даже невозможность делать свое любимое дело. В этом тяжелом душевном кризисе более, чем когда и в чем другом, потребно смирение и «вера и терпение святых»[377]. У нас не было бы той страшной муки и боли, какие, как буря, захватывают нас во время душевных крушений, если бы мы не переоценивали себя, были крепки верой и всегда бы не только помнили, но и чувствовали сердцем и предощущениями надежды Его последние слова: «Я с вами во все дни до конца века»[378]. Он, как и прежде, с Вами. Быть может, теперь даже ближе, чем тогда, когда душа Ваша оберегалась собственной свежестью и благодатной стихией тех мест и людей, среди которых Вы еще так недавно жили.

Я думаю, переживаемое Вами в той или иной степени испытывают сейчас весьма многие, и только шум текущей действительности и грандиозной перестройки, требующей крайнего напряжения всех душевных сил человека, приглушает эти тихие стоны души и мешает понять их вещий смысл. Ваше состояние – отражение общей болезни и отнюдь не есть что-то безнадежное, от чего надо допускать себя до психастении. Не без воли Божией мы поставлены в этот круговорот страстей, борьбы и всяческих дерзаний и падений. Он никого не искушает злом, и если отнять от окружающей нас действительности дух непомерной гордыни и чувственности, то на всем мы увидим отсвет Его Истины и Его заповедей. Его законы вложены в мысли и сердца людей. Это неискоренимо, как природа. И хотя зиждущие

[377] Ср. Откр. 13, 10.
[378] Ср. Мф. 28, 20.

всячески игнорируют Его и хотят устранить Его и даже память о Нем из жизни, но Он остается краеугольным камнем и силой основных идей нового общества. В этом залог и просветления, и обращения, и духовного обновления, а для страдающих и болеющих над этим «отступлением» – ободрения, спокойствия и терпения...

Судя по концу Вашего письма, Вы, видимо, немного отдохнули и уже многое воспринимаете спокойнее. Не унывайте! Мы всегда без Него наги и бессильны. Он и вчера, и сегодня, и вовек Тот же[379]. Разве Он может быть не с нами, когда кругом и в нас самих такая буря?! А с ним все можно выдержать и мужественно встретить все испытания. Он и с Вами и с мамой. Он силен мгновенно отнять всю боль от Вашего сердца и исцелить болезнь Вашей души, но этого не делает, потому что лучше этим переболеть, а для этого надо просить у Него только терпения.

Теперь немного о Масе. Она не всегда знает, удобно ли писать, и потому только отвечает на письма. Она помнит друзей, особенно тех, около которых она становилась яснее и чище. Живет она мирно, но скоро думает куда-либо перебраться. Первого марта кончается срок договора, и возобновлять его едва ли придется. Но куда ехать и как и с кем жить – вопрос очень сложный. Работать по специальности едва ли придется. Хотелось бы жить ей так, чтобы «не давать повода ищущим повода»[380], чтобы никого не соблазнять. Таня работает курьером в Москве на телеграфе и живет в большой, хорошей комнате, в двадцати семи верстах по Савеловской железной дороге. Дом в саду, и рядом лес. Пишет, что очень удобно комнату приспособить для отца, и зовет его к себе. Но я боюсь, что она измучает его своей крайней нервозностью и резкостью, да и чрезмерным и неудержимым Марфиным рачением. Лучшей няньки для него не найти, но не для всех полезно жить с няньками, и очень часто они входят в роль опекунов и отпугивают тех, кто хочет их отца назвать и своим. Зовут и в Вязники и в Арзамас. Но не знаю, стоит ли ехать туда, где климатические условия оказали дурное влияние на здоровье. Не лучше ли Масе подражать своему брату Вите, какой живет как затворник; а это едва ли возможно у Тани, да и в вышеуказанных местах. Есть у нее знакомые в Новгороде, и к этому городу лежит у нее душа, но не знаю, как благословит Господь. Словом, она в большом затруднении, а посоветовать ей что-либо не придумаешь. Что касается меня лично, то в общем я здоров, но сил стало значительно меньше. Условия жизни стали здесь значительно

[379] Евр. 13, 8.
[380] 2 Кор. 11, 12.

легче, чем прежде. На рынках и в магазинах почти все есть. Уголок наш по-прежнему функционирует, и Мася занимается вокальной частью его. Пока Господь нас хранит и милует. Да хранит Он и Вас и иже с Вами.

Сердечный привет маме. Всегда помню Вас, и в нарочитые дни особенно. Сердечно приветствую Вас с грядущим Новым годом и Его праздниками. Да поможет Вам Господь преодолеть свой кризис. Не теряю надежды увидеться, если буду в Москве.

ОТЦУ МИХАИЛУ ШИКУ И НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ ШАХОВСКОЙ-ШИК

1927–1932

1
ОТЦУ МИХАИЛУ И НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ[1]

Канун отдания Пасхи,
<18.V.1927 г.>

Спасибо сердечное, дорогой отец Михаил, за Ваше письмо. Радуюсь вместе с Вами, что Вы теперь в кругу своих, и еще более сорадуюсь тому радованию, какое теперь входит в душу Вашу как благодатное зерно духовных озарений и способностей вхождения в глубь и земного и небесного[2]. В послании к своему любимому ученику Тимофею апостол Павел так определяет сущность этого «дара Божия»: «дал нам Бог духа не боязни, но силы <и> любви и целомудрия»[3]. Таким образом, это венчание ограждает душу прежде всего от тех постоянных колебаний, своего рода стыда и неловкости, какая бывает почти у каждого из нас при разрешении и тем более при обнаружении наших верований. Эти колебания как известный соблазн ума или воли остаются, но глуби сердца, из которых исходит самое решающее и влияющее и на ум и на волю, ярко озаряются тем светом, какой никогда не забывается и который можно или полюбить, или отвергнуть, но никогда не забыть. Это является питающим началом той силы и прочности убеждений и твердости воли и верности Господу сердца, какая, не насилуя, влечет к Богу не только душу самого пастыря, но и души отданных его водительству. Этот «дар Божий» раздвигает узкие и тяжелые рамки личности, и тем более уродливых ее отклонений в форме самолюбия, замкнутости, черствости сердца, и вливает в нее то победное начало любви, какое из многих личностей делает одну соборную личность – Церковь, соединяет небесных и земных и Бога делает всяческим во

[1] Письма 1–3 посланы из Ходжейли в Турткуль.
[2] Речь идет о рукоположении (состоявшемся позднее) отца Михаила во священника, которое совершил по поручительству епископа Германа архиепископ Таврический и Симферопольский Никодим (Кротков) в Турткуле 30 мая/12 июня 1927 года.
[3] 2 Тим. 1, 7.

всех. Человеческому сердцу в сфере благодатного воздействия на него этого дара возвращается нормальное чувство сострадания, постоянного стремления служить другому, а не себе и независтного расточения всего своего, как Божьего, и всем, как Божьим детям, принадлежащего (конечно, разумею главным образом ценности не материальные, а духовного порядка по преимуществу). В этом благодатном Божьем даре возвращается человеку наконец то внутреннее здоровье, какое так очаровывает нас в невинном ребенке и глубоко умиляет и успокаивает в чистоте и нетронутости взрослого. Это не только чистота как отсутствие вспышек похоти и безумства плоти, а именно та цельность души, внутренняя гармония и согласие ее сил, без которого немыслимо подлинное, всепроникающее целомудрие. Вот как много Вы теперь получили, что, однако, необходимо всегда возгревать не только молитвой и трезвением, но главным образом постоянным стремлением служить всем этим нашим ближним.

Как подвиг брака и те силы, какие даются от Бога для его совершения, познается, конечно, на протяжении фактического его прохождения и фактического выполнения всех его функций, так, конечно, и дар пастырства и силы его развиваются и одухотворяют и плотяность нашу и душевность в процессе действительного служения данной от Бога пастве. Сейчас многое для этого у Вас будет отсутствовать, но это должно только направлять духовную энергию данного теперь Вам от Бога в сторону проникновения (особенно через стояние и участие в трапезе) в небесное и неизреченное. К этому неизреченному отчасти, по-моему, относится и вопрос о радости, какую мы жаждем и просим у Бога и которая, когда приходит, как будто удаляет нас от Него, и о скорби, против какой всегда протестует наше существо и которая, однако, несомненно более для нас полезна. Псалмопевец довольно ясно указывает, какая радость плодотворна для души, когда говорит, что надо «работать Господу со страхом и радоваться Ему с трепетом»[4]. Когда в наших радостях нет этого священного трепета как ощущения дыхания особой милости и снисхождения к нам Бога, то радость даже из разряда чисто духовных переживаний (например, радостное состояние после или во время молитвы) становится душевным явлением или просто земной радостью, если и без грубого элемента греховности, то в яркой окраске плотяности и немощи нашего естества. Такое состояние, конечно, ослабляет то радование, какое несет с собой или скорбь ради Господа, или вообще земное злострадание, испепеляющее или нашу плотяность, или греховную

[4] Пс. 2, 11.

самость. Мне кажется, Христос никогда не требует от нас, чтобы мы подавляли или отсекали «всякое житейское радование». Я не думаю, что греховно, когда я с наслаждением дышу чистым, напоенным ароматом цветов воздухом, когда я радуюсь восходящему солнцу и т. д.; когда радуюсь, чувствуя глубями своего сердца во всем этом Того, Кто начало и конец всему; но все это и другое, что питает наше житейское радование, может стать неполезным и греховным, если не будет в душе поднимать этого тихого веяния благодарности Богу и благоговения к Его милости. Его же милость всеобъемлюща и охватывает весь мир и все наше существо, как тело, так и душу и дух наш. Мне кажется, можно и в радости житейской радоваться о Господе, можно и в скорби не почувствовать Господа и впасть в отчаяние и в духовное оцепенение. Для более сильных, конечно, возможно, более полезны скорби, так как в их преодолении раскрывается в них данное им от Бога и углубляется, если можно так сказать, их естественное богопознание, а потом, конечно, скорбь почти всякого заставляет почувствовать то, что иногда мы забываем: временность и несовершенство всего настоящего, и сильнее потянуться к вневременному, где истоки всего живого и действительно радующего.

Вот кратко отвечаю Вам на Ваш вопрос, оставляя за Вами право снова спрашивать, чтобы снова с Вами говорить о том, что полезно и для настоящего и для будущего.

Сказаний соловецких отцов[5] у нас нет. Ч. давно ничего не говорил, быть может, немного обиженный моей косностью в переписке, которая была вызвана приездом гостей и недосугом. Из Самарканда к Вам, кажется, едут новые туристы. Быть может, и из наших братий кто-нибудь захочет посмотреть здешние края. От маленькой Тани нет до сих пор известий, а моя Т<аня>[6] в Богослова, когда по-нашему она должна быть уже в Москве, запрашивала, почему я уже второй месяц не пишу. Все наши здравствуют и приветствуют Вас. Да озарит Господь сердце Ваше светом любви Своей и тем миром, ради которого можно нести всякую скорбь и радоваться всякому испытанию. Прошу молитв.

Так близко Вы теперь, Наталья Дмитриевна![7] И так радостно и за отца Михаила, что Вы в наших краях! Хоть и не вижу Вас глазами, но ощущаю сердцем и чувствую, как близко к нам пододвинулась та стихия, близкая и далекая в одно и то же время, какая всех нас часто

[5] Здесь, как и далее, имеется в виду Послание соловецких узников. См. ниже примеч. 11.
[6] Очевидно, одна из духовных дочерей Владыки.
[7] В 1927 году Наталья Дмитриевна со старшим сыном навестила в Турткуле отца Михаила.

соединяла около преподобного Сергия. Как хорошо Вы сделали, что оторвались на время от своих обычных мест и занятий и принесли столько тепла туда, где люди иногда грубеют без этого или приобретают болезненные сдвиги, трудно целимые в обычной обстановке. К отцу Михаилу это не относится, но и он еще растет и долго еще будет, мне кажется, искать то неизменное, на чем успокаивается душа, хотя и сейчас уже имеет и любит «единое на потребу».

Я с глубокой грустью сначала в Самаре, а потом в Турткуле расстался с ним, так как благодаря Вам он очень доверчиво относился ко мне, несмотря на все мои недочеты, и от этой сердечной близости мог многое я получить. Если бы пришлось нам вместе возвращаться, то это было бы радостно именно поэтому. Я бы дышал той атмосферой, которую, кажется, очень люблю и ради чего Пионерская[8] и Сергиев всегда останутся моими любимыми местами.

Слава Богу, что так хорошо Вы относитесь и к теперешней Вашей радости, и ко всему тому, что выпало на Вашу долю. Меня глубоко трогает и то, что Вы считаете полезным наше знакомство с отцом Михаилом.

Быть может, Господь для того и разъединил нас, чтобы не омрачать этого какими-либо житейскими мелочами, какие часто в наших условиях кажутся огромными и убивают взаимную любовь, и чтобы неизведанность еще нашего внутреннего достояния и впоследствии делала наши встречи и желательными и радостными.

На Константина и Елену именинник наш отец Михаил, а Ваш не в этот ли тоже день? И мы помолимся, чтобы Господь запечатлел Своей благодатью Своего нового служителя. Желаю Вам благополучно и с Господом вернуться к себе. А мы уж за Вами будем торопиться. Христос с Вами. Сережу целую и благословляю.

2
ОТЦУ МИХАИЛУ

Канун праздника
в честь Владимирской иконы Матери Божией,
<22.VI.>[9] 1927 г.

Вчера получил Ваше письмо, дорогой отец Михаил, и радостью возрадовался, что в день Живоначальной Троицы, день светлой

[8] Улица в Сергиевом Посаде, где жили Верховцевы.
[9] Письмо получено 5 августа 1927 года (по штемпелю на конверте).

радости для всякого верующего и нарочитого торжества для живущих под кровом обители преподобного Сергия, совершилось давно чаемое. Что касается духовного смысла этих многократных отсрочек, то я думаю, смысл их двоякий: 1) всякое доброе дело трудом стяжевается и <2)> самое главное – то, о чем говорит апостол Павел к евреям (12, 18–26). Это должен помнить всегда каждый из нас, и особенно в то время, когда окружающая нас жизнь является как будто живой иллюстрацией последних из цитируемых слов апостола.

Что касается того, что нельзя было выполнить сорокоуст, то это не всегда удается даже в строгих обителях, и смущаться этим в условиях нашей жизни не приходится. Закрепление благодатного настроения в обстановке нашей жизни совершается и иными путями, чем обычными в нормальной обстановке оседлости и т. п.

Вы, конечно, знаете о синдикате М<итрополита> С<ергия> и о том, что ему выдан патент[10]. Многие полагают, что можно бы и, пожалуй, лучше жить и без синдикатов и патентов, но я думаю, что это необходимо для середняка и бедняка, и раз это совершилось, то не без воли Божией, и, быть может, это первое как бы знамение, что начинает сокращаться попущенное всемогущество воздушного и не надо, отвергши терпение, радость тесного пути, низко в унынии опускать голову. Думаю, что, быть может, это явилось результатом творения отцов-исповедников обители Зосимы и Савватия[11]. Это замечательное слово, какое золотыми буквами должно быть написано на сердце каждого христианина, так поднимающее дух, достигающее такой христианской прямоты, церковного разумения Христовой истины и всего бываемого, недавно мы читали, восхваляя Господа за то, что через страдания Он порождает здесь на земле нечто от вышних, запечатленное несомненно Духом Святым. Какую светлую бодрость должно это вливать в сердце каждого путника и пришельца на земле сей! Да будет Господь милостив к островитянам, и особенно к тому из них, кому на сердце взошли эти чистые и сильные своей правдой истины о Церкви Православной!

Алеша Верховцевых навлек гнев Сержа, хотя и сам, кажется, действительно кое-чем погорячился, но все же удаляют его куда-то в Рыльск[12], да по прежнему шаблону – без суда и, еще хуже, быть

[10] Имеется в виду июльская Декларация митрополита Сергия и последовавшая за ней официальная регистрация Патриаршего Синода Наркоматом внутренних дел.

[11] Послания (или декларации) соловецких узников (Обращения православных епископов из Соловецкого лагеря особого назначения к Правительству СССР) в мае 1926 года. См.: История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М., 1994, с. 235–245.

[12] В апреле 1927 года епископ Алексий (Готовцев) был назначен митрополитом Сергием на Рыльскую кафедру.

может, по желанию известной Вам Женички[13]. Это, конечно, вопиющее безобразие, и я на его месте просто ушел бы в отставку и остался бы со своими детьми. Сейчас там целая каша, и я отнюдь не желаю, чтобы она была расхлебана. Эту манеру надо оставить прежнему церковному быту и забыть ее раз навсегда вместе с ним.

Что касается «корки», то хотелось бы мне, чтобы Вы были правы, что я или возвожу на себя напраслину, или это необходимо для воспитания в себе духа действительной кротости и безгневия.

Я почел бы большой радостью ехать вместе с Вами. Мне кажется, что придется приехать к Вам, потом на автобусе в Чимкент и тем же способом в Кзыл-Орду. Но одна дорога до Кзыл-Орды встанет, таким образом, около ста рублей, но и зимовать здесь тоже не особенно хотелось бы. Будем надеяться, что Господь устроит все это так, как лучше для нас обоих. Передайте мой привет святителям и братии. Мы все благополучны. Да хранит Вас Христос. Будете писать Наталье Дмитриевне – привет от меня. Мир Вам.

Быть может, преосвященный Митрофан[14] не успеет написать Вам: ему крайне необходим веронал, какого здесь нет. Не пришлете ли его ему?

3
ОТЦУ МИХАИЛУ

День Смоленской Матери Божией
и св. Питирима Тамбовского,
<28.VII.1927 г.>

Спасибо сердечное, дорогой отец Михаил, за двойное письмо. В том и другом слышатся те грустные нотки, какие как диссонанс неминуемый, а быть может, аскетически необходимый всегда почти и у всех, вплетается в те нравственные настроения, какими звучат мелодии наших многоразличных переживаний на всем протяжении жизни. Мы и, быть может, мы, живущие теперь по преимуществу, утеряли равновесие и нормы духа и тела, и потому все наши радости или неполны, или отравлены неминуемой реакцией с той или иной стороны. Цель каждой человеческой жизни – в данной телесности найти

[13] Евгений Тучков – уполномоченный ОГПУ по делам религии, возглавлявший противоцерковные акции государства в 1922–1939 годах.
[14] Епископ Митрофан (Поликарпов, 1871–1934), также отбывавший ссылку в Ходжейли.

бисеры неизменяемой духовности и ими благоукрасить все текучее и изменяющееся. В браке и его радостях, быть может, это гораздо сложнее, чем в безбрачии, но отнюдь не труднее. Нет греха в наслаждении смотреть на небо, усеянное мерцающими звездами, мы не окаяваем себя за то, что наша грудь с жадностью дышит чистым, прохладным воздухом и т. д. То же должно быть и в иных потребностях и их удовлетворении нашей телесной природы. Они становятся только тогда опасными, когда ставятся как самоцель и как главное и превалирующее. Сон, еда и другое необходимы, но, конечно, они при напряженных и высоких требованиях духа часто становятся на пути его переживаний, и мы чувствуем немощь нашей плоти. Так, мне кажется, нужно смотреть и Вам, не расхолаживая горячности своего духа, на все то, о чем писали и Вы и Наталья Дмитриевна.

Вы, конечно, отлично знаете, что можно читать ежедневно полунощницы и т. д. и быть очень посредственным христианином, и можно делать как будто самое обычное, серое повседневное дело и быть выше пустынников, все время посвятивших подвигу и молитве (пример Макария Александрийского, посланного поучиться христианской жизни у двух замужних женщин).

Никогда не надо, по-моему, назначать себе молитвенных программ, но надо непременно вырабатывать в себе постоянное памятование о Боге и вечном и дух сокрушения и сострадания. Все это не так-то скоро удается и никогда почти не приходит «с соблюдением»[15]. Что же касается методов и средств к этому, то они до бесконечности, как знаете, разнообразны; поэтому одному – одно, другому – другое, всем же особенно необходимо смирение, которое, как сущность и плод покаяния и послушания, выше поста и молитвы.

У нас все по-старому. Валя очень интересуется теми вехами, какими приходится идти у Вас в Туркуле после окончания срока. Этим путем уже прошли Т. и Ник<анд>р[16], и Вы напишите об этом поподробнее. Правда ли, что Неуд<ачин>[17] все еще у Вас? Пример Арен.[18] и Н<иканд>ра говорит о том, что надо помышлять не об авто или верблюде, а о том граде Средней Азии, где лучше поселиться. Господь устроит путь каждого из нас, а пока будем терпеливы и бодры духом, так как Сам Господь поставил нас на путь, который завершается

[15] Доступным для наблюдения образом (*слав.*) – Лк. 17, 20.
[16] Митрополит Одесский Никандр (Феноменов, 1872–1933), находившийся в ссылке в Туркуле. Его срок окончился в 1927 году.
[17] Лицо, упоминаемое, по свидетельству родных, в письмах отца Михаила из ссылки.
[18] Написано неразборчиво.

Его Царствием. Привет А. Н. и остальным. Наши тоже Вам кланяются. Мир Вам.

P. S. Письмо Наталье Дмитриевне перешлите, так как не знаю точного адреса.

4
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

День Смоленской <Божией Матери>
и св. Питирима Тамбовского,
<28.VII.1927 г.>[19]

Спасибо Вам, Наталья Дмитриевна, за письмо, писанное на пароходе. Хоть и много грусти в этом письме, но мне как-то все казалось, что вижу оживленную группу на верхней палубе, дедушку Ник<одима>[20], обсуждающего с Сережей план охоты на тигров[21], и никак не мог захватиться от этого Вашей грустью, в какой не такто много действительно печального. Хотя отнюдь не разделяю воззрений тех, кто психологию называет теперь рефлексологией, но у нас много этих нужных и еще более ненужных и вредных рефлексов, которые делают нас по большей части или недовольными, или бессильными перед теми волнами разъедающего самоанализа, какой отравляет всякую естественную радость этой жизни и часто уменьшает темп и движение тех духовных утешений, какими Господь по Своей воле нас обвеселяет.

Относительно «лучше и чище» не только в Вашей конкретной постановке, но вообще в смысле оценки тех затруднений, какие стоят на Вашем нравственном пути и какие, по Вашему мнению, могут сделать Вас плохой подругой Вашему мужу, укажу Вам на маленький эпизод из жизни преподобного Макария Александрийского. На его помысл о том, что он многого достиг, было откровение, что он по духовному устроению и жизни гораздо ниже двух замужних женщин. Когда он разыскал их и настойчиво расспрашивал, какие подвиги они несут, то узнал, что живут они вместе со своими мужьями, разделяя с ними ложе, хотя между собою не родные, никаких подвигов абсолютно не несут, но только никогда не ссорились друг с другом и никого не осудили. Таким образом, это как будто непри-

[19] Приписка отца Михаила на полях: «Получено для пересылки 30 авг. 27 г. М. Ш.».
[20] Епископа Никодима (Кроткова), провожавшего Наталью Дмитриевну при ее отъезде из Турткуля.
[21] Это продолжение шутливого разговора старичка-попутчика с ребенком, описанного в рассказе Натальи Дмитриевны «Аму-Дарья» о ее путешествии по реке на лодке из Чарджоу в Турткуль: *Н. Д. Шаховская-Шик.* Рассказы о детях. М., 2000.

метное смирение делало всю их жизнь как бы постоянной молитвой, и каждое их обычное дело становилось своего рода служением Богу. Так и в Вашем положении, при куче детей и обычных заботах матери и хозяйки (а это ведь тоже Божье все, как и заповедь возделывать рай), трудно держать внешнее молитвенное правило, но ведь сущность молитвы не в словах, поклонах, иконах и т. д., хотя все это необычайно важно, а для некоторых даже необходимо, сколько в постоянном хождении перед Лицом Божиим в благоговеинстве и смиренном радовании своего духа. Это же, быть может, сильнее может захватить все существо Ваше, когда Вы, как мать, смотрите в невинные глаза Вашего ребенка. Никогда, быть может, Вы так прочно не воспитаете в себе заповеданного нам терпения и сострадания, как проводя бессонные ночи около тех же своих ребят, выполняя и сострадая их нуждам, заботясь о их духовном росте и т. д. У апостола Павла так ясно и глубоко указан путь Вашего и всякой матери спасения: 1) страдание чадородия, 2) эта самая терпеливая любовь и 3) целомудрие[22]. Раз все это есть, то Вы на верном пути и все духовное придет в свое время, и есть, и растет, и, конечно, не может умалить всего этого, если Вы при подвиге матери имеете и чисто человеческие телесные радости жены. Когда они входят как момент во все то сложное духовное, чем полна Ваша жизнь, то они так же естественны и необходимы, как для нашего духовного роста необходимо наше тело и наша настоящая земная жизнь.

Спасибо Вам за пожелания. Жара теперь свалила, и стало легче. Если придется мне вернуться, то, вероятно, московский климат покажется и сырым и холодным. Ведь мы теперь так набалованы солнцем и теплом. Помоги Вам Господь дождаться отца Михаила и вместе с ним и Вашей домашней церковью радовать всех нас и Господа. Да хранит вас всех Христос.

5
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

День трех святителей,
<30.I.1930 г.>

Спасибо сердечное за Ваше милое подробное письмо. Я уже стал беспокоиться за Вас и не так давно послал Вам открыточку по прежнему

[22] 1 Тим. 2, 15.

адресу. Слава Богу, что у Вас по-прежнему, хотя Вы, бедненькая, видимо, очень устаете. Тем дороже мне те строки, какие тоже очень живо дали мне почувствовать Ваших близких, малых и больших. Вас я всегда одинаково чувствую и радуюсь, что не иной, а такой же, какой Вы впервые со мной встретились[23]. Это действительно одна из тех встреч (одна обстановка чего стоит), когда из таинственных недр беспредельности встретились около Него два дотоле незнакомых друг другу человека и стали родными. Ведь в Нем даже параллели сливаются. Иногда люди сами ищут встреч, добиваются их, повинуясь велению зародившегося чувства или с какой-либо определенной целью, но здесь ведь все было, по-видимому, выражаясь человеческими понятиями, случайно, но эта «случайность» была необходима для обоих, чтобы друг через друга и не где-то даже около, а в себе самих увидеть этот дивный Лик, который уже никогда не забудешь. Бывают такие моменты, когда Чьи-то таинственные всевидящие Очи с бесконечной лаской любви заглянут тебе в душу, и все заулыбается им навстречу, засветятся самые темные бездны неразгаданного и смутного, смолкнут вихри земного и преисподнего, и все твое существо как-то разом войдет в область сверхвременного и неизмеримого, где так все просто и ясно, где такой светлый и блаженный покой... Вот видите, в чем Вы виновны передо мной, и здесь уже никакие объяснения и оправдания не помогут. Спаси и сохрани Вас Господь.

Вы так живо представили мне всех Ваших, что я как будто воочию всех Вас увидел, как бывало в Посаде у Веры Тимофеевны или старца М.[24] с Сережей, или тогда, когда Вы провожали нас в далекий путь с крошкой Лизой на руках. Не эта ли грусть, которая невольно заставляла Вас искать тогда особенно ободрения и покоя у Него, и отразилась и вошла как определенная стихия в душу ребенка и так ярко выражается в ее тяге ко всему святому и священному?.. Дедушка, которого так любит Миша, – это Дмитровский, тот, что жил, а быть

[23] Знакомство произошло в Бутырской тюрьме (см. предисловие). Из письма Натальи Дмитриевны от 28 марта 1921 года: «В субботу я ждала вечера-всенощной, но пришло горе. Епископа Германа перевели с рабочего открытого коридора на закрытый, куда нам нет хода... Зато сегодня случилась нежданная радость. Через одну нашу товарку, более настойчивую и проникающую к епископу, он мне прислал образок. Не знаю, как это могло прийти ему в голову, – я ни разу к нему не подходила и не говорила с ним, кроме исповеди. И я не могла это принять иначе, как то, что благословение это мне прислано не от него, а только через него. А то, что образок – преподобного Сергия, показалось мне уже явственным чудом». В тот же день «епископа и других священнослужителей заперли в строгие одиночки» (архив семьи Шаховских).

[24] Может быть, имеется в виду Михаил Александрович Новоселов, о котором Владыка упоминает в письме Н. А. Верховцевой от 28 октября 1923 года (с. 107), называя его «старцем».

может, и теперь в Меленках[25]? Я его очень и до сих пор сердечно люблю, хотя и не разделяю образа его теперешнего жития, как того «отъединения» или даже «уединения», о каком с таким гневом говорил Достоевский как о явлении исключительно почти интеллигентском, чуждом простой смиренной вере народа, не осуждающей даже смрад греха и жалеющей, как несчастного или больного, павшего в него. Это уединение страшно еще и тем, что почти гарантирует от всяких путешествий и замыкает человека в круг очень немногих избранных, и не всегда Богом. Я считаю более безопасным в духовном отношении и правильным в каноническом смысле идти за плугом даже в том случае, когда хозяин его, своими ли слабостями или резкостями личного характера, затрудняет работу. Что эта работа, несмотря на многое несовершенство как самих работников, так и их инструкторов, все же Божья работа – об этом ясно свидетельствуют самые глухие уголки Севера и других наших окраин, где часто почти в буквальном смысле повторяется то, что сказано в 36 и 37 стихах Апостола, который читается перед Рождеством Христовым[26]. Нелишне, думаю, – быть может, это интересно вспомнить и отцу Михаилу – привести выдержку из одного письма старца Амвросия Оптинского. «Думаю, помните вы сами церковную повесть: когда один святой пресвитер молился Богу, чтобы избавил от епископа, отягчавшего город разным *неподобным нестроением*. В ответ на его усердную молитву пресвитер услышал глас: „Для этого города *потребен был епископ еще худший*". Мое грешное мнение: если бы каждый из членов, или по крайней мере многие, составляющие общество ваше, вместо ропота обратились к Богу с усердным молением и исповеданием немощей своих и желанием впредь направляться к стезям монашества (письмо к монашествующим) по силе и возможности, то скорее бы, кажется, благоволил Всеблагий Господь изменить главную вину настоящей тяготы и неудобства и чрезмерной общей скорби»[27]...

Люблю, как знаете, очень Сережу Мор. и очень скорблю и негодую на всякие резкости Сережи Митрополита и товарищей его, но все же, полагаю, лучше принять на себя поношение ревнующих не по разуму и остаться с народом Божиим, чем самому поносить и судить

[25] Священномученик Серафим (Звездинский, 1883–1937), епископ Дмитровский, был «непоминающим», однако не запрещал своим духовным чадам причащаться в подчиненных митрополиту Сергию храмах. См. о нем: «Все вы в сердце моем». Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского. М., 2001.

[26] Рим. 8, 36–37.

[27] Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Козельск, 1995, с. 192–193 (письмо № 147). Курсив владыки Германа.

и самому сходить с того Креста, на который (по словам явившегося некогда святителя Митрофана своему преемнику, тоже святому епископу Антонию Воронежскому) «восходят, но с которого не сходят, а снимают». Все эти отъединения, уединения, коринфские споры об именах и формулах, по-моему, только углубляют взаимное непонимание и вражду, а путь к выздоровлению не в этих красивых позах и не в негодовании, какое едва ли приближает к нам правду Божию, а в том, о чем выше говорит батюшка Амвросий, чему и я хотел бы, по силе своих немощей, следовать в дальнейшем. Простите, что так распространяюсь по этому вопросу, но почему-то эта часть Вашего письма заставила тоскливо сжаться мое сердце, хотя я, как и Вы, «твердо уповаю, что это временное».

Что Сережа Ваш больше похож на девочку и в некоторых отношениях «совершенно еще младенец», конечно, не плохо, а хорошо. Вообще, мне кажется, ничего в детях не надо форсировать, а религиозно-нравственную стихию надо поддерживать примером и всем тем, что обычно называется обрядом, чем-то как будто внешним, даже, с точки зрения иных, ненужным для истинного религиозного роста. Зажженная лампадка, образочек в изголовье, благословляющий крест отца или матери на сон и со сна, если возможно, хоть кратенькие общие молитвы – это все такая сила, при искренней религиозности родителей, какую никогда не вытравят все хоть и сильные, но пустые ветры модных настроений и безверия. В воспитании я сторонник дисциплины, но согретой любовью, которой у Вас в сердце хватит не только на своих близких и родных. Но хорошо знаю, как вредна односторонняя строгость и требовательность, и «покорную съеженность» знаю из своего детства. Надо по пословице: строгостью не ожесточать, ласковостью не расслаблять. Конечно, власть над душой ребенка любви более могуча, чем одна разумная, но часто холодная дисциплина. А вот с раздражительностью и нетерпеливостью всячески надо бороться, так как это страшно портит характер детей, да и тех, кто раздражается. Я по себе знаю, как во многом была испорчена моя нервная система с детства благодаря горячности и нервозности моей матери (у ней было нас восемь человек). Насколько ее горячность обижала, настолько впоследствии ее кроткая снисходительность стыдила и от многого удерживала. Конечно, хорошо об этом рассуждать, да нелегко это делать. Сам этим недугую, но все же согласен с Вами, что Господь может обратить в пользу не только немощи наши (это ведь немощи), но даже и грехи. Помоги Вам Господь во всем и в этом.

Отца Михаила крепко целую. Здесь со мной отец Ар. Державин-Капельский, с которым его вспоминанием. Я здоров и нервами как будто окреп. О себе пока не напоминаю. До весны поживу, а там – что Бог даст. О всех вас всегда молюсь, а когда, как сегодня, трапеза, то и сугубо. Христос с Вами.

6
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

12.XI.1931 г.
п/о Деревянск, Коми области

Очевидно, Господу было угодно, чтобы моя открыточка удивительным образом нашла Вас, а Ваша ответная – нашла меня, хотя я теперь в шестистах верстах от Великого Устюга. После премудрой Софии и ее непорочной, уневестившейся Христу троицы я оставил красивый Устюг и на свой счет, как обычный путешественник отправился в святой удел великого святителя Стефана. Нерадостно было оставлять намоленный еще до нас наш уголок и очень добрых старичков. У нас было очень убого снаружи (ветхая столетняя, покосившаяся и вросшая по окна в землю изба), чистенько внутри, тихо, уединенно и благодатно.

Я, кажется, писал, что я встретился в Устюге и потом жил там и живу здесь с келейником и учеником своего старца схиархимандрита Гавриила, и с ним же в числе очень многих (среди них оптинские Феодот и Макарий-духовник[28]) поехали сюда.

Хотя в Котласе, а потом в Усть-Сысольске пришлось в студеные дни и ночи (четверо суток) ждать пароходов и претерпеть некоторые неудобства и маленькие отступления от обычного, но это восполнилось свиданием с друзьями по Москве и знакомством с живыми, горячими любовью и верой братьями и сестрами. В Куломе мы пробыли, не сходя с пристани, всего несколько часов, и так как ранее нас сюда прибывшими же из Устюга был занесен тиф, то нас направили в большое (пятьсот шестьдесят домов) село Деревянск (двадцать пять верст от Кулома, ближе к Усть-Сысольску и в ста пятидесяти

[28] Иеромонахи Оптиной пустыни Макарий (Чельцов), бывший благочинный, и Феодот, бывший старший рухольный, находились в лагере для ссыльных, устроенном в Троицком Гледенском монастыре, который располагался недалеко от города, на другом берегу реки Сухоны. Там же была и монахиня Амвросия (Оберучева), одна из первых женщин-врачей в России, описавшая подробно условия жизни в этом лагере, где свирепствовали тиф и дизентерия. – *Монахиня Амвросия* (*Оберучева*). Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостью и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжелых страданий. [Б. м., б. г.], с. 354, 358, 365 и сл.

верстах от последнего), куда мы и приехали за два дня до Покрова. От Устюга путешествие продолжалось двенадцать дней. Путешествие по красивой Вычегде (впадает в Двину около Котласа; на ней и Усть-Сысольск, и Деревянск, и Кулом), главным образом среди зырян, было, несмотря на многие неудобства, не неприятно, а впечатление от тех, среди которых предстояло нам жить, было самое доброе. На свежего человека бросаются в глаза их жизнерадостность, сердечность и отзывчивость, несмотря на их скудость. Здесь даже и теперь глубоко чувствуется красота и широта той нравственной стихии, в какую вовлек их один человек, победивший их силой своего терпения, кротости и любви.

Мы первое время жили у двух женщин, какие имели несчастье быть когда-то зажиточными. На наших глазах им приходилось платить непосильную дань этому прошлому, и мы, говорю главным образом о себе, положительно изумлялись их спокойствию, упованию на милосердие и помощь Божию и удивительной нежной предупредительности к малейшей нашей нужде, а быть может, даже капризу. У них, с одной стороны, и днем и ночью много мешал нам писк и гомон малышей, а потом к этому присоединились стоны и бред больных и умирающих от exanthématique[29], который и сюда завезли наши ссыльные. Весь дом был взят под лазарет, и Господь еще лучше устроил нас в другом месте. Хотя здесь очень трудно и с продовольствием (кооперация дает нам по шесть килограммов муки и в ничтожном количестве круп и сахару), нет керосина, все молоко законтрактовано, почти не достать картофеля, хотя его много у жителей, но здесь «невозможное у людей становится возможным у Бога»[30]. Хотя с мая я уже на восьмом месте, но все грустное, тревожное, физически тяжелое, тревожное, морально безотрадное, надрывающий вид людского горя, страдания (о, я насмотрелся здесь, на так называемой «вольной высылке», гораздо больше, чем там, где был до мая), режим подневольного голода, отрыв от своих и т. п. – в конечном итоге дали душе так много положительного, что у меня стало меньше усталости, какая не только телом, но и душой моей стала овладевать в растлевающей атмосфере приморского Севера.

Много интересных наблюдений я сделал и над теми, кто в своей ревности уходит дальше, чем муж Ефросинии Николаевны[31], за ко-

[29] Сыпного тифа (*франц.*).
[30] См. Лк. 18, 27.
[31] Отец Сергий Мечёв, женатый на Е. Н. Шафоростовой.

торого часто теперь трудится мой казахстанский спутник[32]. У Зосимы я территориально и как сослуживец и работник в одном и том же производстве оказался в центре кафаров. Мне было тоже очень нелегко расстаться с Кемью, где у меня было много друзей и условия жизни меньше всего напоминали о том, где я, но на острове я понял, что Господь это сделал для того, чтобы я проверил свои церковные позиции и утвердился в том, в чем были мы единомысленны с братом родной и любимой Вами Елены[33]. (Буду вспоминать и ее.) Разве он теперь иначе мыслит или маросейские Студиты[34] теперь не спешат сурово судить того, с кем можно не соглашаться, за кого можно и должно болеть душой, но не судить раньше Суда или, по крайней мере, раньше того, кто не без Промысла носит имя Кифы?[35]

Мне в последнее время там, а потом и на распутьях настоящего моего скитания приходится жить среди не десятков, а гораздо больше братьев Миши, и я всегда всем говорю, что Господь для того всех нас так тесно (конечно, прежде всего физически) соединяет, чтобы мы поняли, какой соблазн в «малых сих»[36] мы сеем своими ссорами, разномыслием и имеющим образ благочестия фарисейством, что все мы повинны перед Богом в том, что не умеем воспитать сынов из детей Божиих и вместо самоокаявания и исправления своих немощей ищем теперь виновников вне нас самих, вне нашего нерадения,

[32] То есть отец Михаил. После возвращения из ссылки отец Михаил служил некоторое время как внештатный священник вместе с отцом Сергием Мечёвым в храме святителя Николая в Кленниках. В 1929 году отец Сергий вместе с двумя другими священниками маросейского храма (отцом Константином Ровинскими и иеромонахом Саввой) был арестован и сослан на три года в Северный край (Архангельск, затем город Кадников Вологодской области).

[33] Сестра отца Михаила, незадолго до того скончавшаяся.

[34] Настоятель храма святителя Николая в Кленниках (на улице Маросейка в Москве) протоиерей Сергий Мечёв по ряду вопросов церковной жизни придерживался взглядов, противоположных позиции митрополита Сергия, а главное, не мог признать каноничности главенства последнего и не возносил за богослужением его имени. Отъезд отца Сергия из Москвы в ссылку пришелся на день памяти преподобного Феодора Студита, в чем он увидел удостоверение преподобным правильности своего пути (Надежда. Вып. 16. Базель–Москва, 1993, с. 152). После закрытия маросейского храма ядро его общины не посещало «сергианские» церкви, и лишь под влиянием обращения к непоминающим владыки Афанасия (Сахарова) после избрания патриарха Алексия (Симанского) молитвенное единение с первоиерархом было восстановлено. См. также ниже письмо отца Михаила Шика отцу Сергию Мансурову по вопросу церковного разделения (Приложение, с. 346).

[35] Имеется в виду священномученик Местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр (евр. Кифа), законный глава Русской Православной Церкви, содержавшийся с 1931 года до расстрела в 1937 году в свердловской и верхнеуральской тюрьмах, в одиночной камере.

[36] Мф. 18, 6.

маловерия и малодушия, и, изощряясь в канонических тонкостях, забываем ясные слова Господа (Мф. 5, 22–24; 6, 14–15; 7, 3–5 и др.), изобличающие пустоту нашего книжничества и холодность нашего сердца.

Рад, что Господь хранит Вас и умножает новыми чадами Вашу домашнюю церковь, чтобы пополнить ими земную и небесную... Сережа, Маша, Лиза – последний Николай, а одного запамятовал. Вас обоих всегда тепло вспоминаю и дорожу Вашей дружбой. Да хранит Вас Пречистая и милость Божия да будет выну[37] с Вами.

Прошу Ваших святых молитв.

7
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ
(*открытка*)

12.XII.1931 г.

Не так давно послал Вам письмо и на днях получил от Никодимова спутника[38]. К сожалению, я не помню его московского адреса. Радуюсь, что он заботится о своей храмине и живет около своих деток. Он не меньше меня знает, как трудно жить по всем правилам гигиены. Эти микробы и незаметны и живучи, и постоянно приходится бороться с этой скверной. Это жало в плоть, а нам хотелось бы быть чистенькими, что очень хорошо, но часто вокруг нас образует атмосферу какого-то холода и эгоцентризма. Нансен в свое время, когда пытался открыть Северный полюс, целый год провел в нечеловеческих и антигигиенических условиях, однако это нисколько не убавило его духовно-культурного веса, еще более разожгло в нем жажду новых знаний и новых устремлений и тем самым еще более увеличило его ценность и духовный рост. Нечто бывает и с нами, хотя и в других областях жизни и иных устремлениях. Было бы желание <исцеления> и сознание своей болезни. Это главное, иное часто не в наших сроках[39]. Я слышал, что владыка Никодим живет тихо у себя в Костромской губернии. Разыскал недавно я Наташу и Веру Тимофеевну, и сколько взаимной радости от одной только письменной встречи! Не теряю надежды встретиться и с Вами, если это нужно для нас и вечности. На Филарета я кончаю. Что буду делать дальше – не знаю. Напоминать о себе не хочу. Думаю, что про-

[37] Всегда (*слав.*).
[38] Отца Михаила.
[39] Возможно, описка вместо «силах».

буду здесь до весны. Очень плохо здесь с почтой. Посылки где-то застряли, но не хлебом одним жив человек. Для этого мы и здесь. Сурово, но здорово. Я здоров и бодр духом. Сердечный привет и благословение.

8
НАТАЛЬЕ ДМИТИРИЕВНЕ

28.XII.1931 г.

Вчера только получил от Вас весточку к 6/XI. Вы еще пишете на Устюг, а я уже третий месяц живу в большом зырянском селе. Мой адрес: п/о Деревянск, Коми обл. На Вашу открыточку после именин я послал Вам на Малоярославец письмо. Жаль, если оно пропало. Потом было письмо от казахского ишакогонителя, и ему я послал на Вас. Неужели все это куда-то исчезло? Я всегда сердечно Вас вспоминаю, и душа согревается, даже издали ощущая Вас. Посылочки от сестры еще нет. Здесь удивительная почта. Ни в Сибири, ни в Азии ничего подобного не было. Посылки или ползут месяцами (нет до сих пор посланных из Москвы в сентябре), или мирно отлеживаются, скорее всего, в Котласе. Привет от Вашего отца[40] меня глубоко трогает. Если он все еще только около стен, то это одно уже говорит, что если не своим сознанием, то мыслями сердечными, определяющими сущность истинных устремлений нашей души, он внутри ограды. Помоги Вам Господь сохранить во всех детях то, что так трогает Вас в маленьком Николеньке. А как он? Радуюсь, что устроились в Малоярославце. Приветствую Вас с новолетьем и светлыми праздниками. Мишу целую. Да благословит всех Вас Господь. На Филарета Милостивого я кончил[41]. Что-то речет Господь.

[40] Дмитрий Иванович Шаховской (1861–1939) – известный общественный деятель либерального направления, автор ряда работ по истории русской культуры и русских либеральных течений. В оппозиции власти ему виделось семейное предназначение; в 1913 году он писал в автобиографии: «Я – внук декабриста и всегда помнил это». Был одним из основателей Конституционно-демократической партии в России, министром государственного призрения в составе Временного правительства. Несмотря на преклонный возраст, арестован в июле 1938 года и приговорен к расстрелу. См.: Звенья. Исторический альманах. М.– СПб., 1992, с. 174–175.

[41] Официальный срок ссылки истек 14 декабря 1931 года.

9
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ
(*открытка*)

5.II.1932 г.

Что-то давненько ничего не слышу о Вас и начинаю раздумывать, все ли у Вас по-прежнему или есть что-либо заставляющее напрягать свои силы и успокаивать свою смятенную душу? У меня по великой милости Отца все более или менее в порядке, возможном в нашем положении. Праздники прошли тихо и мирно, и я не раз получал ту радость, какую мы так любили, когда были далеко на юге. Это особенно дорого и незаменимо теперь. В нашей глуши нашелся Достоевский, и чтение его как-то окрыляет душу и вливает в нее прежнюю бодрость и легкость. Словом, начинаю понемногу опять приходить в нормальное состояние, что во многом нарушилось беспорядочной моей жизнью в эти последние годы. Так хотелось бы утвердиться в этом внутреннем светлом покое и не отдавать сердца мглистым заботам и тревогам текущего момента, что только изнуряет душу и бесплодно растрачивает силы. К праздникам как-то прорвались кое-какие посылки, так что и с этой стороны было утешение. А как Ваш меньшой? Сердцем своим часто бываю с Вами. Привет Мише. Да хранит Вас Он.

10
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ
(*открытка*)

9.IV.1932 г.

Сегодня месяц, как начался новый этап моей скитальнической жизни. От прежнего места я теперь подался еще на сто четыре километра в глушь Зырянского края. Село Вочь, Усть-Куломского района, еще не видело, кажется, за все время своего существования православного кира. Народ грубоватый, серый, мало и в свое время, и особенно в последнее, согретый вся немощная[42] врачующей силой, так как большинство – беспоповцы-староверы, ничего не разумеющие, конечно, ни в дониконианском, ни в послениконианском православии. Но все же по иронии ли судьбы или, вернее, по действу Промысла, и первое обиталище, и теперешнее у бабушек-староверок и первая помощь опять-таки от них и от пришлой старушки нищей, какая

[42] Все немощное (*слав.*).

очень трогательно, не столько словами, сколько руками (стала гладить меня по голове, что-то трогательно и жалостливо приговаривая) выражала нам сочувствие, когда мы, совершенно измученные, в понедельник 21.III добрались до Вочи. Все сто километров пришлось идти по сыпучему, часто по колено, снегу в очень сильную метель. Я удивляюсь, как я дошел. Своей сломанной ногой[43] прежде я с трудом осиливал пятнадцать-двадцать километров. Очевидно, Тот, Который привел меня сюда, послал крепость, и спокойствие духа, и терпение, и благодушие. Очевидно, надо мне не только посмотреть чужое горе, но и самому пожить так, как живет большинство не имеющих Града.

Почти все вещи и продукты остались на прежнем месте, и едва ли я скоро их добуду. Почта здесь есть, но нет уже телефона, и пароходная пристань от нас в сорока верстах. И летом трудно отсюда выбраться, и к моим сверхурочным четырем месяцам придется, вероятно, прибавить и много других. Но в условиях настоящей моей жизни лучше смиряется душа и заметнее все Божье... Бездомные очень тепло меня встретили, и моя девятка многих, видимо, ободряет и примиряет с посланным и им. Дорога портится, и едва ли скоро буду иметь возможность писать Вам, поэтому примите мой привет к Светлому дню и не забудьте нас в своей радости. Здешний Сион бездействует. Адрес: обл. Коми и пр.

11
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

Казанская, <8.VII.> 1932 г.

Письмо Ваше с пасхальным приветом шло очень долго и добралось до меня уже после Троицы. Сразу почему-то Вам не ответил, и вот уж светлый день Казанской, с какой у меня много воспоминаний – и по Казани, где я учился, и по родному городу, где недалеко от нашего дома был Казанский монастырь, где жили местные Владыки, и по своему последнему городу, где был чудный древний кафедральный собор в честь Казанской и Ее чудотворный образ, написанный схимником-затворником более трехсот лет назад. Вы, конечно, знаете, сколько в жизни нашей родины связано с этим образом и чрез него с Той, у Которой никому не тесно, и особенно тем,

[43] В 1900 году епископ Герман перенес перелом правой ноги, как отмечено тюремным врачом в 1925 году.

кто в напастях, скорбях, болезнях и обременен грехами многими. Прошу и Вам и себе у Нее «полезная»[44].

Я, кажется, писал, что Господь дал нам – здесь живущим – «нечаянную радость» пред Своим Светлым днем. С вечера Великого Четверга начал благовестить местный, доселе полтора года безмолвствовавший Сион. Поэтому и эти предпасхальные дни, и вся Светлая Седмица, и день Святой Троицы, и другие наши нарочитые дни дали душе столько светлой радости, что тесное, скорбное, более удручающее тело, чем душу, только ярче оттенило и углубило ее живительную силу, ободряющую душу, укрепляющую веру и дающую уразуметь и ощутить радость Креста. Слава Господу и благодарение.

Вы правы, когда говорите, что смысл жизни в несении всего посланного нам, но безгрешно, когда близко приближаются устрашающие душу испытания, молиться, как молился Он в Гефсимании, склоняясь под Его высокую и всегда милостивую волю. Мне вот тоже иногда тоскливо, когда я живу в этой глуши уже восьмой сверхмесяц, но успокаиваю свое мятущееся сердце тем, что это, быть может, величайшая ко мне милость, так как, быть может, да это и несомненно, что едва ли могу служить чем другим, как одним терпением посылаемого мне и полной уверенностью, что этим обновляется и моя личная жизнь и всех связанных со мною.

Когда я вспомнил нашу встречу, то не хотел похвалой искусить Ваше смирение, а хотел только поделиться радостью, как близок Господь к нам, грешным; Его сила мои как бы случайные слова сделала такими действенными, а Ваши искания Его и Его благодати дали ощутить мне, как близок Он ко всем кающимся и как Духом Его всякая душа живится. Кажется, дедушка М<иши?>[45] вернулся? Радуюсь за него и отца Михаила. Да поможет Вам Господь. К нам прибывают все новые и новые гости. Есть и москвичи, между ними отец Савва с Маросейки[46]. Милость Божия да будет с Вами. Привет отцу Михаилу.

---

[44] Из тропаря Казанской Божией Матери: «Всем полезная даруй и вся спаси, Богородице Дево...»

[45] Очевидно, имеется в виду епископ Серафим (Звездинский).

[46] Иеромонах Савва (в мире Кузьма Дмитриевич Чиркин, 1881– ?) служил вторым священником в храме святителя Николая в Кленниках с 1923 года. Выходец из крестьян, стал послушником Саввино-Сторожевского монастыря в 1904 году, а в 1920–1923 годах подвизался в Гефсиманском скиту. 28 октября 1929 года вместе с настоятелем Никольского храма отцом Сергием Мечёвым был арестован и приговорен к трем годам ссылки. Впоследствии жил в Волоколамске, навещал отца

12
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ
(*открытка*)

<Август 1932 г.>

Примите сердечный привет ко дню Натальи – Адриана. Я все отдыхаю. Конечно, это вполне комический отдых. К именинам Веры Тимофеевны кончил свою девятилетку. В здешних местах много знакомых и по Северу и по Москве. С Маросейки здесь отец Савва, и вообще здешняя пустыня процвела, яко крин[47], такими, как он. С моей легкой ноги сюда потянулись почти со всех углов Северного края калики перехожие, и в очень почтенном количестве. Для них, для поднятия в них настроения, конечно, полезно побыть здесь и далее, но все же хотелось бы куда-нибудь поближе к своим, русским. Отовсюду пишут, что поедут не только кончившие курс, как я, но и больные, и даже не окончившие курс, но пока начали отпускать окончивших, но не по специальности маросейских. Понятно, что все эти страшно нервничают, мечтают и в величайшем нервном напряжении. Это и неудивительно, когда нет ни работы, ни положительного куска хлеба. Это тем ужаснее, что у местных прекрасный урожай всего, но сердце каменносердечное. Да, кто выдержит эту школу и не возропщет на людскую безжалостность, тому легко будет везде.

Я здоров, чувствую себя неплохо и пока бодр духом. Желаю сугубо и Вам этого. Сердечный привет М<ише>.

Сергия в Твери и Рыбинске в 1937 и 1940 годах (ЦА ФСБ РФ, д. Р-40103; Архив УФСБ по Ярославской области, д. С-12434). Как вспоминает И. С. Мечёва со слов знавших его прихожан, «по характеру отец Савва был очень кротким, миролюбивым. Помимо седмичной чреды, обычно служил по праздничным дням раннюю литургию. В стихотворении Надежды Павлович, написанном в 1932 году, когда церковь святителя Николая в Кленниках была закрыта („Храм наш заперт, но в страданьи светел он и прост...“), отцу Савве посвящены строки:

Для служенья литургии ранней
Уж четвертый год
Из далекой Коми робкий странник
Не придет.

После окончания срока ссылки отец Савва жил на квартире где-то вне Москвы, болел. Несколько прихожанок храма постоянно посещали его». В издании «Пастырь добрый» (М., 2000, с. 741) ошибочно отождествлен с иеромонахом Саввой (Борисовым, 1870?–1937), духовником Саввино-Сторожевского монастыря (расстрелян на Бутовском полигоне).

[47] «Процвела есть пустыня, яко крин» (лилия) – начало ирмоса воскресного канона второго гласа, песнь третья.

13
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

10/23.IX.1932 г.

Получил Ваше письмо, писанное в сегодняшнее число прошлого месяца. Я послал Вам привет и ко дню Адриана и Наталии. Не знаю только, получили ли Вы его. Я позабыл новое название Вашей Успенской улицы и поставил № 38 (кажется, правильно?) и старое название улицы. Как-то Вы провели этот день? Отдохнула ли Ваша душа в том особом благодатном радовании, какое бывает в этот день, когда душа как бы ощущает светлый поцелуй своего небесного покровителя? Надо особенно дорожить этим вхождением души нашей в область неизменного, тем более что одно воспоминание об этой тихой пристани успокаивает, освежает, смягчает нашу постоянную озабоченность и бесполезное нервное напряжение, не говорю уже про ее глубокий мир. Знаем мы это, а, однако, как трудно (согласен с Вами) приучить себя к этой святой мысли и привязать свое сердце к этому спасительному якорю. Мы, конечно, более чем когда проходим теперь опыт чистой веры. Трудно теперь довольствоваться ее суррогатами или только желанием веровать и иметь спасительную надежду, и в этом отношении хоть и трудна, но благодетельна суровая школа, какую снова начала проходить Сима[48]. Помоги ему и всем несущим этот подвиг Господь.

Радуюсь, что у Вас все благополучно, а летом у Вас как на даче. У нас, конечно, нет ни вишен, ни яблок, ни груш, но цветами мы тоже не обделены и довольно в свое время полакомились и морошкой, и черной смородиной, из какой наварил вкусную пастилу, и голубикой с черникой, а теперь грибами. Милость Господня в том, что Он послал нам двух старушек, которые с Пасхи ущедряют нас за сносную плату (а вообще-то ни за что не найти) молочными продуктами, а без этого было бы очень плохо, так как многих из нас лишили и того мизерного пайка, какой мы получали здесь из СПО[49] за наличный расчет. Нашей братии (исключительно, кроме меня, профессии отца Михаила) все прибывает. Кому-то, видно, Господь внушил, что в Вочи жить обычной жизнью нет мочи, поэтому туда и посланы те, кто должен быть стражем и очами Божьими здесь на земле. Один мой духовный друг говорил мне, что еще до революции говаривал ему один

[48] Епископ Серафим (Звездинский) был вторично арестован в апреле 1932 года и в июле приговорен к трем годам ссылки.
[49] Магазин «сельского потребительского общества» (сельпо).

близкий его знакомый, режиссер, артист по профессии, человек необычайной чуткости и одаренности, что обновление Русской Церкви должно начаться с Севера. Не потому ли и ранее сюда стремились подвижники, спасались от преследований раскольники, что вся обстановка здешней жизни способствует сосредоточенности духа, бесстрастию и духовному просветлению? Дал бы это Господь и пишущему эти строки и всем, кто с ними или придет к ним на смену. О себе могу сказать то, что услышал вчера от новых наших, пришедших из района. Есть списки отпускников, и среди них значится и мое имя, о чем кто-то неизвестный просил очень передать мне. Думаю, что это соответствует действительности. Едва ли я буду всецело располагать собой. По совету своих, вероятнее всего, возьму Спас-Клепики Рязанской губернии. Что он из себя представляет – Бог весть. В ближайшие дни все, вероятно, выяснится, и я, Бог даст, буду зимовать поближе к своим и к Вам. В день Софии и чад ее ровно девять лет[50]. Слава Богу за все. Христос да сохранит и Вашу домашнюю церковь. Сердечный привет отцу Михаилу. Мир Вам.

14
НАТАЛЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

(*открытка*)

Получено 26.XII.1932 г.

Сердечно благодарю Вас за привет <...>[51] опоздал, так как ходил на прежнюю квартиру <...> в девяноста километрах. Я писал Вам недавно, и Вы <...> те, что я рассчитывал, как это узнали <...> к Вам гораздо ближе. Но, видно, на это нет высшей санкции, и мне полезнее побыть в обстановке, какая способствует самособранности и чрез постоянное соприкосновение с различного рода лишениями его окружающих людей и лично его помогает ему в том, что всегда остается с ним и так необходимо и для настоящего и для будущего. Не скажу, что я все случившееся принял совершенно спокойно. Это не был ропот, но все же я был выбит из обычного равновесия. Приходилось снова устраиваться. Все съестное я оставил прежним своим сожителям, а здесь все так же трудно достать, как и там, и отсюда появилась та суета житейская, какая так осложняет внутреннее спокойствие. Теперь все

[50] То есть девять лет с фактического начала первой ссылки, но это, очевидно, ошибка памяти – в Самарово Владыка прибыл 13-го, а не 30 сентября 1923 года (см. выше, с. 100).

[51] Край открытки не сохранился. Дата указана по штемпелю.

успокоилось, и отдал я и сроки, и времена, и расстояние в волю Того, Кто все положил в Своей власти. Думаю, что все будет так, как Он хочет, а не мы или кто другой. Вероятно, я зазимую, и вообще все неопределенно, кроме того, что я завтра начинаю пятилетку. Вы тревожитесь за здоровье дедушки, а там условия жизни куда лучше, чем в наших краях, хотя для многих очень труден климат.

Скоро приближаются праздники. Сердечно приветствую Вас и Ваших. Желаю Вам домашнего мира и благополучия. Помоги Вам Господь в Вашем материнском подвиге. Как движется Ваша география?[52] У нас зима снежная, но избушка наша пока справляется с холодами. Всегда всех вас помню. Привет отцу Михаилу. Не забывайте и Вы меня. Адрес: Усть-Кулом, Коми области.

[52] Н. Д. Шаховская-Шик была автором нескольких научно-популярных книжек для школьников.

СХИИГУМЕНИИ ОЛИМПИАДЕ

1934–1936

1

<1934 г.>

Простите, дорогая Матушка, что задержался ответом на Ваше утешительное письмо. О, как бы хотелось, чтобы хоть малая доля того, что сказали Вы о пользе теперешней моей жизни, соответствовала действительности. Конечно, не радостно думать, что все пережитое за одиннадцать лет[1] является только наказанием за нерадение и те грехи, какие главным образом очищаются через лишения, но еще более страшно подумать, что Господь ублажает за то, чем заполнены эти годы, когда сам по своей совести хорошо знаешь, как во всем этом мало и от Климента[2], и еще более от Студита[3]. Совне как будто – и твердость и непреклонность, а внутри смятение и малодушие. Со стороны – вера и самоотречение, а в действительности только краткие приливы веры, или точнее жажды веры, и почти полное отсутствие самоотречения. По форме жизнь, богатая тревогами, лишениями и всем, что называется несчастьем, а на самом деле почти постоянное упокоение плоти и пользование теми благами, какие отнимаешь от помогающих тебе... Но, как всегда, и в моей жизни и чрез мое положение действует та же сила, какая являет свое могущество в немощи, что и поддерживает бодрость и надежду, что Господь помилует. Надеюсь на эту милость Божию, несмотря на свое нерадение и устарелую плотяность. Прошу Вас помолиться, чтобы ко благу и спасению моему послужило все бываемое со мною. Никак не могу

[1] С 1923 года, со времени первой ссылки.

[2] Возможно, имеется в виду священномученик Климент, папа Римский, ученик апостола Петра. Он был изгнан и отправлен на каторжные работы. За то, что и в изгнании святой Климент продолжал проповедовать Христа, был утоплен (память 25 ноября). Или священномученик Климент Многострадальный, епископ Анкирский, который в течение двадцати восьми лет претерпел мучения от одиннадцати мучителей, вместе с учеником своим Агафангелом (память 23 января).

[3] Преподобный Феодор Студит (память 11 ноября), исповедник, при императоре иконоборце Льве Армянине (813–820) находился в заключении в жесточайших условиях и подвергался избиениям. Был освобожден при восшествии на престол Михаила II Травла.

спокойно и благодушно переносить частые перемены квартиры: волнуюсь, раздражаюсь, унываю, поддаюсь многоболтливости и нетерпению и не властвую, а подчиняюсь своим дурным нервам. О, как мне от них достается! Все почти время такая нервная напряженность и страх перед возможными неожиданностями и сюрпризами, что мирность помыслов и ровность настроений мало мне теперь известны. Это очень утомляет и безусловно препятствует тому, что нужно стяжать здесь, чтобы не оказаться нагим. Конечно, все это оттого, что слаба преданность Его благому Промыслу, сильна привязанность к миру, не крепка верность Его заветам и не положены еще основания подлинной любви, с которой приходит в душу и мир, и ясность, и презрение временного.

Слава Богу, что Ваш подвиг окончился[4], и теперь начинается новая полоса жизни и возвращаются прежние болезни, чтобы через терпеливое несение их подготовить душу к вечному. Как отрадно слышать, что у Вас есть самое главное для утешения и Господь еще хранит и самое место, и тех, кто Ему служит. Я одно только прошу у Матери Божией Казанской, чтобы Она не отсылала от Себя и потерпела меня около Себя хотя бы до весны. Относительно скорбей будем помнить утешительное слово Исаака Сирина. «Познается человек, – говорит он, – о котором особенно печется Господь, по непрестанно посылаемым ему скорбям»[5]. Да хранит Вас Господь.

[4] В 1930 году игумения Олимпиада (в мире Вера Марковна Иванова, 1871–1952) была арестована и без объявления приговора отправлена в ссылку на пять лет в Северный край. В 1934 году по болезни и старости (ей шел шестьдесят четвертый год) освобождена досрочно и вернулась в Москву. Так как жить в столице ей было запрещено, она поселилась сначала в деревне недалеко от станции Редкино под Тверью, а затем в селе Новом на Волге (в Тверской области), где оставалась действующей Крестовоздвиженская церковь и где жило несколько акатовских сестер. Свою жизнь в ссылке матушка подробно описала в непритязательных по форме, но глубоко трогательных заключенной в них правдой стихах, составивших большую поэму.

Бог везде, а с Ним и радость,
Был бы Он в душе твоей,
Не оставит Он пришельца
В чуждой дальней стороне –

вот главное настроение, которое игумения Олимпиада хранила во всех испытаниях.

[5] См. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина... Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911 (репр. М., 1998), Слово 35, с. 152–153 (далее страницы указаны по этому изданию). Цитаты святых отцов, приводимые Владыкой, иногда не совпадают буквально (возможно, выписки сделаны им из другого издания или сознательно упрощены), но никогда при этом он не допускал искажения смысла.

2

12.XI.1934 г.

Сердечно благодарю Вас, дорогая Матушка, за привет и пожелания к моему тезоименитству. Очень бы хотелось, чтобы Господь за Ваши молитвы дал мне душевный мир. Это Вы мне желаете, и это особенно мне нужно. Все же остальное, что Вы мне желаете, и все великие названия, какие даете, отношу к Вашей любви, но отнюдь не к себе. Если и можно назвать меня страдальцем, то только в том смысле, что все время страдаю от своего нерадения, плотоугодия и многоразличных страстей. Несомненно, Господь и меня и всех моих братий для того и ставит на путь, каким давно идет папа маленькой Тани, чтобы светить своей верой, терпением, кротостью и любовью, но я со всей искренностью могу сказать, что чем дальше идешь этой дорогой, тем больше убеждаешься в своей крайней привязанности к миру, в своем маловерии, несдержанности, холодности сердца, внутреннем непостоянстве, духовной лености и многом другом. Уж если этот путь, ведущий в жизнь, мало исправляет, то что же будет, если действительно получишь возможность подвинуться ближе к Вам? Я думаю, что иждивенчество будет равносильно добровольному отходу от того дела, которое я так люблю. Да если бы и дали дело, то разве есть надежда, что заслужишь что-либо иное от своих чад, чем мои собратья? Если бы, паче чаяния, и можно жить у маленькой, то там нет самого главного, чем утешает нас Господь здесь. Там еще заметнее станешь тем пятном, какое раздражает сынов века сего. Если прежде не было никакого блаженства идти за горьким, то за сладким – целый подвиг и мука. А если мой жребий заключается в затворе и молчании, о каком усиленно говорила мне одна блаженная прозорливая старица[6], когда я отдыхал год в Арзамасе, то здешние условия гораздо благоприятнее для этого, чем где-либо в другом месте. Поэтому у меня нет не только огнепального, но и вообще обычного желания идти даже на комиссию, какая будет через несколько дней. Думаю, что не получу и необходимую категорию. Но вероятнее всего все же пойду и если паче чаяния получу вторую, то только к весне начну все остальное. Получившие вторую два месяца назад и представившие поручительства все еще здесь; с ними обычная, хорошо нам знакомая канитель: «приди сегодня, приди завтра» и т. д. Вот и не хочется добровольно идти на эти мытарства, ни тем более на те, о каких пишете Вы. Помоги Господи Вам.

[6] О блаженной Дарье см. с. 242 и 247.

Глубоко благодарен Вам за гостинец. Меня это особенно трогает, потому что все, что по любви – не малое, а великое и вечное. Да поможет Господь Вам келейничать так, чтобы быть Марфой для работающих и Марией для своей души и спасения. Когда я был в Средней Азии, то для своих я не только устроил Сион и нес заботы о нем, но очень часто помогал им в житейском: ходил на базар, закупал продукты, дрова и т. д. И, однако, эта суета для других и во имя любви сделала то, что я почти всегда чувствовал необычайную душевную легкость, внутренний мир и сердечную теплоту и умиленность в молитве. Полагаю, что такова награда всякому, кто помнит и по силе выполняет заповедь Господа. Радуюсь, что С. и А. около Сиона. Как счастливы все, кому Господь дал эту радость. Им более чем кому надо помнить завет Дмитрия Ростовского: «С утра в молитве будь серафимом, в делах херувимом, в обхождении ангелом»[7]. Спасайтесь все о Господе и помолитесь о мне нерадивом. Пока у меня все благополучно. Мир Вам.

3

3.I.1935 г.

Взаимно молитвенно приветствую Вас, дорогая Матушка, и живущих с Вами сестер с великими праздниками Христовыми. Его ясли да научат нас смирению, вертеп – не бояться бедности и убожества, пастухи – простоте и незлобию, волхвы – подчинять свое мудрование и все земные познания мудрости евангельской, звезда – ходить во свете просвещенной Его благодатью совести, ангелы – взаимному миру и славословию, Иосиф – праведности, а Дева Матерь непорочной чистоте и целомудрию, которые не только видят Бога, но и воспринимают Его в себе. Все ближе и ближе праздник. Церковные песни уже видят грядущую к Вифлеему Деву, подготовляют к торжеству пастырей, собирают хоры ангелов, торопят от Персиды мудрецов востока и ужасаются безумию Ирода, замышляющего убить Христа. Они уже полны предпразднественного ликования и зовут к нему небо и землю. Как и чем откликнется на этот зов наша душа? Найдется ли место около Его колыбели нам, бедным любовью и смирением, бессильным в своей слабой вере и решимости идти к Нему, как бы долог и тяжел ни был путь?! Когда-то были Им сказаны полные глубокой нежности и светлых обетований слова: «Вселюсь в них и буду

[7] Богодухновенное наставление христианское. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Ч. 1. Киев, 1824, с. 139.

жить»[8]. Возможно ли это для нас и нам ли это сказано?! Нам... и возможно. Какая радость! Какая радость стать Его учеником, чадом Божиим! Какая радость осветиться Его кротостью и беззлобием, просиять Его чистотою, стать носителем благоухания от Его святыни и любви, живя в миру стать «не от мира», отречь себя от его скверны и победить его похоти и холод суеты теплотою веры и добродетелей! Узки врата к этому, тесен и тяжел путь; «многи скорби праведнику»[9], но только чрез них, сострадая Ему и сраспинаясь с Ним, можно войти в нездешнюю радость Его мира. По Его неизреченной милости я пока благополучен; здоров больше, чем полезно, и бодр духом. Да утешит и Вас Христос Своею благодатной силой, немощная врачующей и оскудевающая восполняющей[10]. Да устроит Господь м<ать> Е. и Сашу. Благоволение Его, милость и мир да будут со всеми Вами.

4

Лазарево воскресенье,
<8.IV.1935 г.>

Молитвенно приветствую Вас, дорогая Матушка, мать Е. и всех сестер, какие около Вас, с светлой радостью праздника праздников. Рекший женам мироносицам «радуйтеся» да дарует Свое «веселие вечное» и Вашей душе, и свет Воскресения, исполняющий ныне небо и землю и преисподнюю, да отгонит от сердца Вашего все скорбное и мрачное, упокоивая душу в живом и умилительном ощущении Христа, близ нас сущего, а в дни пасхальные независтно[11] дающего нам предвкушение будущих благ и непрестающего блаженства.

По великой милости Господа, мирно, в постоянном посещении Его дома и принесении Ему хвалы уст прошла святая Четыредесятница. Слава и благодарение Господу! Вот уже достигли до начала Страстей Его и, уповая на Его неизреченное снисхождение, надеемся весело прославить и Его тридневное Воскресение. Как-то совершенно незаметно прошла зима. И совсем она была мало похожа на суровые

[8] Ср. 2 Кор. 6, 16.
[9] Пс. 33, 20.
[10] Из возгласа архиерея в чине хиротонии во диакона, священника и епископа при возложении рук («Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая, проручествует...»).
[11] Щедро (*слав.*).

северные зимы. Только два раза за всю зиму дня по два-три были морозы до сорока градусов, все время температура не падала ниже нашей московской зимы. По реке идет сплошной ледоход. Вероятно, к Пасхе уже пойдут пароходы и приедет, думаем, много гостей. Хорошо бы, если бы нас оставили здесь. Но Господу лучше известно, что лучше для нашего спасения и искупления наших грехов. Только бы дал терпения и укрепления физических сил. Конечно, их стало поменьше, чем было, но, благодарение Господу, я бодр духом, да и условия жизни за этот год были гораздо лучше, чем прежде. Стараюсь приучать себя на всяком месте владычества Его воссылать Ему хвалу и, не унывая от длительности своего странничества, чаще помышлять, как бы стать достойным хотя самой последней обители, но в Дому Его. Да не вотще будет труд мой.

Да хранит Вас Христос Господь.

5

22.X.1935 г.

Сегодня после обеда наша письмоносица принесла Ваше письмо. Спаси Господи за весточку о себе и добрые чувства и пожелания. Я благодарил бы Господа, если бы хоть немного был таким, каким кажусь Вам. «Венец старцев многосторонняя опытность, и хвала их – страх Божий» (Сирах)[12]. По летам и годам иночества, казалось бы, пора быть уже старцем, а до сих пор нет ни опытности, так как не было духовных подвигов, нет ни страха Божия, потому что тогда не было бы постоянной рассеянности и неисправимого нерадения. А если что и есть, то что все наши добродетели без смирения? Не более как пыль, уносимая первым дуновением гордости (митрополит Филарет).

Вот наша беда, что учим других и знаем, что все должно начинаться со смирения, все должно им оберегаться, что оно является тою «солью», какая должна осолять все приносимое нами Богу, а сами почти не чувствуем его благодатного веяния в себе, потому что далеки от всего, что его воспитывает. Правда, есть надежда, что самый путь, которым Господь ведет меня, в конце концов приведет к Нему, потому что все на нем бывающее смиряет. Но у меня еще далеко нет того, что является Его преддверием. Чем ближе подходит человек в своем внутреннем делании и настроениях к Истинному Свету, тем больше

[12] Сир. 25, 8.

и больше открывает в себе темных сторон и притаившихся во мраке духовной лености и греховности страстных навыков или наклонностей. Именно, как пишете Вы, «с каждым днем все больше и больше чувствует свою никуда-негодность». Это значит, что стал понемногу светить в нашей совести Свет, Которого не сможет уже объять никакая греховная тьма, раз мы сами искренно желаем от нее освободиться. Не надо нам забывать, что и с духовными нашими немощами бывает то же, что и с физическим болезнями. У каждой болезни есть свой период, раньше которого никогда не наступает кризис и не может быть выздоровления, как бы ни искусен был врач и ни хотел этого сам больной. То же и с нашими духовными немощами. «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению» (Филипп. 2, 13). Потому и великий Апостол языков все приписывает Богу. «Я тружусь и подвизаюсь, – говорит он, – силою Его, действующей во мне могущественно»[13], поэтому не надо падать духом, потому что не изжиты у Вас тяготящие Вашу совесть и душу немощи, хотя всячески Вы хотите переломить себя. Значит, не пришел еще для этого час воли и милости Божией. Надо, следовательно, еще и потужить, и помолиться, и поплакать, и потомиться, сугубо ощущая свой грех и необходимость все побеждающей благодати Божией. Сравнительное уединение и безмолвие, в каком Вы теперь живете, тоже будет помогать в этом стремлении к духовному здоровью. «Безмолвие, – как говорит Исаак Сирин, – умерщвляет внешние чувства и возбуждает внутренние движения»[14].

Конечно, Ваши повседневные занятия нельзя назвать «занятием внешним». Не на этих занятиях сосредоточены интересы и цели Вашей жизни, не в них Вы полагаете смысл Вашей жизненной миссии, и потому надо стараться, чтобы они не выходили из своего чина как необходимого дела для поддержания тела, не вытесняли самого главного и были тем физическим занятием, каким занимались и отцы, чтобы дать некоторый отдых себе от напряжения молитвенных подвигов и других дел, ведущих к благочестию. Больше надо помышлять о небесном отечестве и о том Чертоге, для которого необходимо еще здесь приготовить подобающее одеяние, чтобы не оказаться недостойной Вечери. Не к нам ли должен быть отнесен призыв древнего пророка Сафона? «Взыщите Господа, – взывает он, – все смиренные земли, исполняющие закон Его. Взыщите правду, взыщите смиренномудрие, может быть, вы укроетесь в день гнева Господня»[15]. Если мы еще

[13] Кол. 1, 29.
[14] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 21, с. 94.
[15] Соф. 2, 3.

далеко не смиренные, то смиряемые; таких он и разумеет и им-то и указывает ту защиту от бед и одержащих их скорбей и искушений, которую никогда не сможет осилить вся злоба и соблазны мира. В этом стяжании кроткой Христовой праведности и живой воды чистого смирения и да поможет нам Господь.

Маленькая устает от своей работы ночного сторожа и все никак не может понять, что нельзя ей жить вместе с отцом, и главным образом от этого расстраивается и обижается на других. Варлаам, видимо, совсем стал инвалидом: не может ходить более нескольких минут от крайней утомляемости сердца. Я пока здоров и благополучен. Да укрепит вас всех Господь Своею благодатию.

Мир Вам.

6

День Скоропослушницы,
<9.XI.1935 г.>

Молитвенно приветствую Вас, дорогая Матушка, с светлым праздником Скоропослушницы[16]. Да услышит Она сокровенные вопли и боли Вашего сердца и дарует скорбь Свою и благодатную помощь. Сердечно благодарю Вас за привет, Е., А., С. и Любу за память и гостинец. Вы сами пишете, что он есть выражение их «большого усердия» и «любви», а всякое выражение любви трогает душу, тем более, что все это не ради меня, а ради Господа. Да воздаст им Господь вместо их телесного духовными Своими дарами: прежде всего укреплением в терпении, смирении и уповании на Промысл Божий, Который всех ведет, хотя и разными дорогами, к спасению.

Хорошо понимаю Вас, Матушка, как Вам тяжело и с больной Р<афаилой>[17] и с народом, как Вам хочется и отдохнуть и сосредоточиться, но думаю, что не без воли Божией, что к Вам идут и Вам большее время приходится быть не одной. Если бы шли только ради вре-

[16] Образ Божией Матери «Скоропослушница», подаренный иноками афонского Пантелеймонова монастыря в благословение вновь открытой Акатовской обители в 1891 году, особенно почитался в монастыре, перед ним ежедневно читался акафист. После разорения храма в 1929 году какой-то безбожник из окрестных деревень унес икону и устроил из нее коровьи ясли. По-видимому, слух об этом дошел до матушки Олимпиады, и она послала в деревню одну из сестер с поручением выкупить икону. В марте 1944 чтимый образ Богоматери, к великой радости игумении и сестер, был привезен на санках в село Новое. Сохраненная во время гонений, ныне эта икона, особенно любимая прихожанами, находится в Крестовоздвиженской церкви села Новое.

[17] Душевнобольная монахиня Рафаила. (*Примеч. публикатора писем в «Вестнике РСХД».*) Монахиня Рафаила (в мире Агриппина Чижова, из крестьян Тульской губернии) поступила в Акатовский монастырь, как и сама игумения Олимпиада, в двадцать с небольшим лет и подвизалась в нем до его закрытия.

мяпрепровождения, для празднословия или иного чего малоспасительного, то тогда, конечно, надо бы принять меры, чтобы пресечь это и сберечь себя и чужие души от языкоболия, от которого множество грехов и великое опустошение для души. Но к Вам идут за духовным словом, ободрением, утешением, и здесь надо быть сугубо осторожной, чтобы свой покой не возлюбить больше заповеди Господа, заповедовавшего нам всегда отрекаться от себя и идти за Ним, взявши тот крест, какой Он Сам накладывает на нас в ту или иную пору нашей физической и духовной жизни. Быть с Рафаилой, конечно, крест, но если его примете ради спасения своей души и ради того, чтобы Рафаила что не сделала с собой в другом месте, то услышите: «Болен был, и походили за Мной»[18]. Как ни ненормальна Рафаила, но она почему-то боится идти от Вас. Думаю, что ее душа инстинктивно жмется к Вам, потому что чувствует, что ей в другом месте с другими людьми не одолеть ни тоски своей, ни отчаяния. Конечно, если уж совсем нет сил оберегать ее от злого искусителя, какому попущено, быть может, перед скорой ее смертью искушать ее, то надо попросить взять ее в психиатрическую лечебницу. Если нет такой возможности и нет человека, который ради Господа походил бы за ней на ее квартире, то потерпите ее, не опасаясь ни за свои телесные, ни тем более духовные силы. Конечно, в ее болезни валерьянка мало пригодна, нужен бром или что-нибудь в этом роде, а еще лучше почаще прибегать к лекарству апостола Иакова[19], тем более что оно действует не только на физические корни болезней, но и на всю психику, снимая с души даже забываемое, но не сознательно от «свидетеля» утаиваемое. Почему утаивалось? Вероятно, от стыда пред человеком, по гордости и бесстрашию пред Богом и той страшной расплатой, какая рано или поздно постигает человека и разит его здесь мучительными нравственными состояниями (что часто и ведет к искреннему раскаянию) или там бесконечными муками. Да исцелит Господь душу Рафаилы, а наш долг молиться, чтобы Господь не попустил врагу насмеяться над ней. Когда у нее бывают просветы, надо энергично убедить ее пойти к свидетелю, или даже пригласить на дом с тем, чтобы она обязательно рассказала все утаенное и воспользовалась после этого животворными водами от Источника бессмертного. Да поможет Вам Ваша Скоропослушная Мать всех христиан и наипаче подражающих Ее чистоте.

Относительно «гостей»... Конечно, они приезжают не для того, чтобы таскать воду, колоть дрова или исполнять неотложные работы.

[18] Ср. Мф. 25, 36.
[19] К таинству елеосвящения (Иак. 5, 14–15).

Но думаю, будет невредно для Вас, когда особенно взаимная беседа начинает больше походить на празднословие, попросить помочь Вам, в чем нужда. Мы мало прежде умели жить началами взаимопомощи, но теперь надо к этому приучать и себя и других, и только совсем неразумная не поймет, что это и естественно и должно. Ведь к Вам приезжают главным образом сестры, и, думаю, каждая с любовью принесет воды, поставит самовар, поколет дрова. А Вам, когда с ними утомляетесь, не грех прилечь, а их попросить почитать что-нибудь назидательное или хоть немного вместе помолиться. Если можно так делать, то и физически не будете переутомляться, и тем более не будут остывать и окаменевать сердца. Теперь каждому из нас надо особенно хранить внутреннее сердечное тепло и, видя и слыша про ужасы и падения свои и близких, нам <надо> чаще воздыхать ко Господу и окаявать себя. Все это наши детища: брошено когда-то, может быть, очень давно легкомысленное слово, допущена какая-нибудь вольность в обращении, брошен на кого-нибудь взгляд или даже просто зажглась искра страсти и т. д., все это, быть может, и забыто и в самих себе изжито, а оно пошло бродить по свету и к слабым душам и часто к нам, виновникам дурного, приходит и уже пришло в тех мерзостях и нравственных ужасах, от каких мы достойно и праведно страдаем. Когда что-либо из этого видим или о том слышим, будем всегда вопрошать свою совесть: «Не я ли, Господи?»[20]

О смерти О. В. слышал от маленькой. Я надеюсь, что Любочка, Бог даст, освободится от излишнего надеяния на свой разум, что никого не приводило (в духовной жизни) к добру, и будет мыслить о себе так, как надо ученику Христа. Еще премудрый Соломон говорил: «Надейся на Господа всем сердцем твоим и не полагайся на свой разум»[21], а новозаветное слово дополняет его и предостерегает, что «кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя» (Гал. 6, 3). Да поможет Господь в работе Вашей. Е. Я. согласен с Вами, что лучше не ездить по торжественным собраниям, а сидеть дома, довольствуясь скромным уголком, куда ходите по праздникам. По милости Господа пока у меня все слава Богу. Мой день[22] очень меня утешил всем. Самое трогательное в том, что в этот день мне подарили здесь старинный крест со многими частицами, среди которых святитель Николай, святой Тарасий и многие другие. Обычная будничная служба в Сионе превратилась в праздничную, и думаю, что

[20] Мф. 26, 22.
[21] См. Притч. 3, 5.
[22] День Ангела Владыки 6 ноября.

это оттого, что в храме оказались в своих честных останках именитые Граждане Небесные. Все это меня очень утешило.

У нас в продаже есть почти все. Можно посылать деньгами. Да хранит Вас Христос. Вам, всем Вашим мир и благословение Божие.

7

13/26.XII.1935 г.

Спаси Вас Господи и помилуй, дорогая Матушка, за память о моих именинах и за теплые воспоминания со благодарением Господу о нашей встрече около благоверного и любимого нами Александра Невского[23]. Я тоже в нынешнем году почему-то все это вспоминал с самыми мельчайшими подробностями. Полезно вспоминать и дни древние, но не для того, конечно, чтобы потужить о том, что их уже нет, а чтобы научиться от них и утешиться милостию Бога нашего, Который «и вчера и сегодня Тот же и во веки»[24]. Он милостив – всегда и, быть может, особенно в те дни, когда мы болезнуем и считаем себя несчастными, подобно тем малым детям, которые капризничают и плачут, когда их моют, не зная того, как им будет легко и радостно, когда они станут после этого чистенькими и на них наденут праздничные одежды. В жизни истинного последователя нашего Небесного Учителя обязательно должны отобразиться в той или иной форме особо важные ее моменты, и никто не может прожить без своей Гефсимании или Голгофы. Может быть, для Вас наступила теперь Ваша Гефсимания; когда что-нибудь, разумею не столько внутреннее искушение (в чем чаще всего бываем повинны мы сами и наши демоны-страсти), сколько внешние обстоятельства, как бы насильно, помимо нашей воли и часто вне зависимости от каких-нибудь наших раннейших поступков, слов и начинаний, врываются в нашу жизнь, то это явный знак, что это от Бога. «Путь Божий, – говорит Исаак Сирин, – есть ежедневный крест. Никто не восходит на небо, живя прохладно... А из сего узнается, что он под Промыслом Божиим, когда Бог непрестанно посылает ему печали[25]. Тем и отличаются сыны Божии от прочих людей, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем[26]... Во всяком деле предоставляет им Бог по мере сил показать подвиг

[23] Имеется в виду Акатовский Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь.
[24] Евр. 13, 8.
[25] Слово 36, с. 152–153.
[26] Слово 36, с. 156.

свой и потрудиться в молитвах. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякой печалью, чтобы опытно изведали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог, потому что вследствие искушений приобретается мудрость»[27]. Вот для этого Вам и дана настоящая обстановка и теснота и постоянные посетители и неотвязчивый контролер Ваш, «пакостник плоти»[28], и вынужденное общение с мирскими. Вы иногда в нетерпении говорите или спрашиваете Его: «За что же Ты послал на меня такой крест?» И сам крест, Вашими же устами отвечает: не за что, а на что он Вам послан – «чтобы показать мне мои недостатки, чтобы я поняла, что во мне кроется... Думала, что люблю Бога и ближних, а теперь вижу, что нет во мне этой любви, нет самоотречения, раздражаюсь (значит, есть и самолюбие, и гнев, и, быть может, даже и гордость), злюсь (это дар, только не Святого Духа), не могу потерпеть даже больной (а Он праведникам скажет: „Болен был, и вы походили за мной"[29]), раздражаюсь, даже когда никто не раздражает, люблю только свой покой, а забываю, что и мой ближний тоже хочет, чтобы ему никто не мешал, не огорчал, ропщу, обвиняю других в немилосердии, а сама всячески хочу с себя сбросить венец милосердного самарянина... Может быть, и смирюсь» (значит, пока смирения не хватает – «Научитеся от Мене, ибо Я кроток и смирен сердцем»[30]).

Дорогая Матушка! Да послушайте все это! Это ведь не я, а Вы сами говорите! Это Вы сами разъясняете, сколько великих духовных благ Вы уже получили от этого своего настоящего, разумеется, не особенно и не для всех легкого креста. Поймите, родная, какая дана Вам большая радость от этого креста. Апостол Павел учит своего любимого ученика Тимофея: «Вникай в себя и в учение, занимайся этим постоянно, ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя»[31], а Вы не только вникаете в себя, но и увидели кое-что и больное, быть может, случайное, но все же, как нарост и болячка, приставшее к Вашей душе. Когда идем куда-нибудь, где должны быть в полном порядке, то внимательно осматриваем себя с ног до головы и как бываем благодарны зеркалу, что оно облегчает нам эту работу. А мы ведь собираемся на вечерю к небесному Жениху, и как нам надо благодарить Его за то, что Он нас поставил в такие условия, что мы увидали

[27] Слово 37, с.157.
[28] 2 Кор. 12, 7 (*слав.*).
[29] Ср. Мф. 25, 36.
[30] Мф. 11, 29.
[31] 1 Тим. 4, 16.

мельчайшие пятнышки на своем сердце. Какая это великая радость! Какая это великая милость Божия увидеть самого себя! «Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося увидеть ангелов», – говорит преподобный Исаак Сирин[32]. Конечно, без смирения, а Бог дает его всем независимо, трудно мириться с этим крестом, но «если смиренно будешь думать о себе, – говорит авва Пимен, – то найдешь покой везде, где бы ты ни был»[33]. Тем и благодетельны испытания, что скорби их рождают смирение. «Если стремишься к добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому открыта дверь гордости», – вот как учат нас те, у кого слово было делом[34]. Тот же Исаак, которого я очень полюбил за сокровищницу его богатых духовных мыслей и подвижнического опыта, говорит, что ничто так скоро не избавляет монаха от беса гордости и нечистой страсти, как посещать больных, одержимых скорбию плоти[35]. Конечно, не легко быть все время на людях, но теперь для того нас Господь и лишил уединения, чтобы мы через общение с мирскими увидели свое мирское настроение, но отнюдь не для того, чтобы мы всячески сторонились тех, кого Он дал нам как наших ближних. «Для многих служит достаточным побуждением, – говорит Златоуст, – к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города, а мы, у которых град, и дом, и стол, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и Глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судия, и Творец, и Отец – все общее, какое будем иметь извинение, удаляясь общения друг с другом?!»[36]. Конечно, здесь нужно большое терпение. Но Вы прошли уже хорошую школу терпения, и Вам ли надо напоминать, что «всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение отражает бедствие, а малодушие есть матерь мучения. Терпение есть матерь утешения и некая сила, порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти такую силу в скорбях своих без Божией помощи, обретаемой неотступностью молитвы и излиянием слез» (Исаак Сирин)[37]. Просите и дастся вам[38]. Вот «колицыми кни-

[32] Слово 41, с. 175.
[33] Об авве Пимене, 81. – Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999, с. 390.
[34] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 34, с. 149.
[35] Слово 55, с. 253.
[36] Толкование на Мф. 32. – Собрание сочинений. Т. 7. СПб., 1901, с. 360 (репр. М., 1993).
[37] Слово 79, с. 391.
[38] Мф. 7, 7 (*слав.*).

гами» написал Вам. Да будет это все Вам к ободрению и спасению. Взаимно молитвенно приветствую Вас и сущих с Вами с великими праздниками. Да будет мир Божий и радование Его благоволения с Вами.

Пока у меня все по-прежнему. Стали только вместо двух ходить к благодетелю три раза. Это хорошо. Лишний разок пройдешься по свежему воздуху, лишний раз из глубины души воздохнешь – и легче будет встретиться с воздушными контролерами. А. Н. на днях кончил и уезжает. На всех нас он произвел хорошее впечатление, и один случай показал его глубокую преданность своему делу и благородство души его. Всегда можно ошибаться в человеке. Будем молиться, чтобы Господь исправил путь каждого из нас и примирил нас друг с другом ради торжества Его истины и любви. Мой привет и благословение всем сестрам и Вашим домашним. Христос с Вами.

8

Канун дня митр. Филиппа Московского,
<8.I.1936 г. >

Милость Божия и утешение от Духа Святого да пребудут с Вами, боголюбивая Матушка! Спаси Господи за письмо с конвертиком от матерей А. и С., которое в полной исправности получено сегодня мной. Очень благодарю Вас за пожелания. В моей жизни как будто не было особенных бед и горестей, если не считать (а это есть действительное несчастье) многих грехов и страстных навыков, которые с удовольствием бы отпустил в вечность, а вот мира и спокойствия душевного, какого желаете мне, действительно у меня мало. Вернее всего, от гордости, какая боится и своей тени, или от маловерия. Вера, какая все время, как евреи в пустыне, искушает Господа и испытывает Его, плохая вера. Только вера, согретая теплой любовью ко Господу и Его правде, только эта вера крепка, стойка и мужественна. Конечно, как постоянная духовная сила она дар Божий, и стяжать его да поможет нам Господь.

Что касается красоты, то у всех людей, если не одинаковая внешность, то душа несет на себе печать Божией красоты. И если не увидим, что портит или искажает эту красоту, то никогда и не достигнем того преподобия, без которого, пожалуй, нас не признают там за званных на вечерю. На земле оно у нас смешано с «высоко», а это все надо оставить, чтобы увидеть Кроткого и Смиренного сердцем. Вот для

этого и посылаются нам те искушения, какие случались и с Вами, дорогая Матушка, в связи с Вашей болезнью и блажью Рафаилы. Этот случай, конечно, и смирил Вас, и показал, какие искушения могут с нами быть при смертном часе. Ведь едва ли нам придется умирать со всеми удобствами, и случай с Вами, думается мне, должен научить Вас, чего Вам надо бояться. Вы ведь собирались умирать? Просили у Бога терпения (если просили об этом вслух, то этого не надо делать, лукавый заранее узнает Ваши планы и легко берет Вас тем, на что Вы более другого податливы), и вдруг такие плачевные результаты: раздражение, нетерпение, гнев, обида, уныние, ропот и т. д. У Макария Великого есть указания, как одна страсть или немощь связана с другой. У Вас после описанного происшествия остался такой осадок против Рафаилы, что это очень похоже на ненависть. У Макария Великого как раз и начинается с нее. Отчего же ненависть? «Ненависть, – говорит великий подвижник, – от гнева, гнев от гордости, гордость от неверия, неверие от жестокосердия, жестокосердие от лености, леность от ослабления, ослабление от презрительства, презрительство от уныния, уныние от малодушия, малодушие от сластолюбия»[39].

Привожу Вам эту справку, чтобы легче было ставить себе диагноз, когда захватит душу напасть, подобная той, какую Вы мне описали. Мне кажется, лучше для спасения, если, быть может, не совсем правильно увеличим список своих немощей и будем смиряться и пред Богом и людьми, чем его сократим и выбросим то, что в смертный час врасплох нападет на нас и приведет нашу душу в крайнее и лютое смущение. То же можно сказать и о той «благодати», какую ощущали у Вас другие (и чем, быть может, и ублажалось Ваше сердце и какой не стало с Рафаилой). Я глубоко уверен, что она послана Вам как испытание Вашего терпения, смирения, сострадания, кротости и всего того, что должно быть в нашем багаже, когда пойдем в последний путь. Обычно люди, упражняющиеся в физических играх и различного рода видах спорта, прежде чем вступить в состязание, подготовляются к этому, изучают всевозможные положения, в каких они могут очутиться, тренируются – так надо и нам, подумывающим о последнем подвиге и встречах с воздушными мытарями. Так, советую, и смотрите на приезды Рафаилы, как на те испытания, какие неминуемо надо будет преодолеть на мытарствах. Мне кажется, каждое отдельное мытарство будет не только напоминанием о той или другой страсти, но и соблазном этой страстью. Если душа еще здесь на земле

[39] См. Беседа 40, 1; Слово 1, 8.

привыкла и знает, как и чем ее можно преодолеть, то и там легко преодолеет искусителей, а если этому мало научилась и имеет сильное предрасположение к ней, то ей будет очень трудно и опасно. Рафаила и помогает Вам вскрывать в себе то, что Вы еще не преодолели, и лучше учиться на ней побеждать таящееся в себе, чем увидеть при смертном часе или, не дай Бог, уже при самом восхождении к Господу. Разумеется, если можно на время отдохнуть от нее, то воспользуйтесь (укоряя себя), а если нет, то покорно и без ропота примите как горькое, но очень полезное для спасения лекарство.

Первый стих десятой главы Евангелия Иоанна ясно говорит о том, каковы отцы, к каким идут даже такие понимающие, как Люба. Они вошли в нашу церковную жизнь не как реформаторы, а как самые обыкновенные жулики, и все у них по внешности «одинаково», а по существу «от лукавого»[40]. Он ведь тоже умникам является в образе ангела светлого, а то и Самого Владыки жизни. Там, где все от самовластия, там нет смирения, там, где гордость и клевета, там нет благодати. Они пришли не чрез дверь канонов и законного преемства, а потому ясно, что они – пришедшие не в Его, а в свое имя.

Да поможет всем нам Господь спасаться. Пока все у меня по-прежнему. Мир Вам. Праздники, слава Богу, провели торжественно, но вражонок стал сильнее нападать на Сион, да и нас слегка лягает.

9

Канун Владимирской Божией Матери,
<22.VI.> 1936 г.

Благодать Господа Нашего Иисуса Христа и Отца и причастие Святого Духа Утешителя да будет с Вами, дорогая Матушка, и сущими с Вами. Вот прошли уже все великие праздники, завершенные Пятидесятницей, и идет седмица Святого Духа. А я, сначала из-за распутицы, а потом поджидая весточки от Вас, пропустил все сроки и только теперь молитвенно приветствую Вас с великой милостью Божией. Как струя чистого свежего воздуха, ворвавшаяся в зараженное всякими испарениями и смрадом темное и сырое подземелье, так и эти святые дни и благодать их для нашей жизни. Это ли не милость Божия и радость среди всех скорбей и невзгод?! Как далеко ни ушли мы сердцем и жизнью от всего того, что вспоминается в эти светлые

[40] Речь идет об обновленцах.

дни, как ни огрубела наша душа, стала нечуткой, неспособной воспринять их таинственные силы и ощутить в их радости зачатки «Божественного веселия» невечернего дня, а все же без них нам нечем было бы дышать и жить. Поэтому, когда Господь дал нам здесь мирно, утешаясь прекрасными службами в уголке нашей Матушки, провести всю душеполезную Четыредесятницу и с великим торжеством, при постоянном обилии гостей, встретить все великие праздники, начиная с Пасхи, это почувствовалось с особенной силой.

Еще перед Пасхой начался отлет от нас нашей молодежи, главным образом москвичей[41]. После Пасхи с пароходами уехали в Ваши края и остальные. Большинство из них были очень близки к папе маленькой, и с ними он сам молодел душой и заражался их горячностью и любовью к Тому, в Ком свет и жизнь. С последней партией уехал и известный Вам зосимовский Исидор[42], некоторое время подвизавшийся в Акатове. Они поехали через Вологду, чтобы повидать болящего... Двое из самых близких были у него[43]. Маленькая комнатка с грязными обоями, отделенная от хозяев тонкой перегородкой с занавеской вместо двери. Бедно покрытая кровать, около нее столик и два других стола у стен. Вот и вся ее обстановка. Пишут, что он худой, бледный и совершенно седой. Чувствуется скудость – как им показалось (это так и есть), приятная для болящего. Он принял их очень ласково, интересовался жизнью брата и посоветовал ему больше заниматься внутренним миром, чем делами внешними, хотя и добрыми. В этом тоже много правды. Дал им духовные советы и очень их утешил. Спаси его Христос. Он доволен своею болезнью, приковавшей его к кровати и сделавшей его почти затворником. Я сам глубоко верю в промыслительность этого; это спасает его от утомительных передвижений и несомненно помогает ему еще больше накопить то духовное тепло, какое так нужно в наше холодное время. Его брат пока живет в тех же условиях. Вы, вероятно, знаете про болезнь[44], какая захватила его близких. Для него это великая скорбь, хотя все

[41] Духовных детей Владыки Германа. (*Примеч. публикатора в «Вестнике РСХД».*)
[42] Иеромонах Смоленской Зосимовой пустыни Исидор (Скачков, 1883–1959), впоследствии архимандрит, был в ссылке в 1933–1936 годах.
[43] Зосимовский Исидор ехал с нами. Ехали через Вологду мы четверо. *Двое из самых близких* – послушник Петровского монастыря Владимир и я были у болящего – архиепископа Варлаама, брата родного епископа Германа. Архиепископ Варлаам умер в тюрьме в Вологде. Со слов *маленькая комнатка* – это выдержка из моего письма к Владыке Герману. *Интересовался жизнью брата*, то есть епископа Германа. *Посоветовал ему больше заниматься внутренним миром* – писано мною по указанию архиепископа Варлаама. (*Примеч. публикатора в «Вестнике РСХД».*)
[44] Имеются в виду аресты. (*Примеч. публикатора в «Вестнике РСХД».*)

случившееся не без воли Божией, какая лучше нас знает, как надо вести каждого человека к его конечной и вечной цели. А как милует Вас Господь? Я о Вас ничего не знаю, кроме как из маленького Вашего письмеца к Тане, недавно ко мне пересланного. «В терпении вашем стяжите души ваша»[45]. Да хранит Вас Христос. Привет и благословение сестрам.

10

День преп. Антония Киево-Печерского,
<10.VII.> 1936 г.

Мир Вам, дорогая о Господе Матушка! Пользуюсь отъездом в Вашу сторону маленькой, чтобы с ней послать привет ко дню чтимому Вами блаженной диакониссы Олимпиады[46]. Да утешит Вас в теперешней Вашей жизни образ этой добровольной мученицы и подвижницы, променявшей покой и довольство сытой и богатой жизни на дела милосердия и служения Церкви Божией, на муки сострадания к обиженным и гонимым и, наконец, на скорби и лишения изгнанничества и смерти на чужбине. Наши письма разошлись, и мое письмо к Вам пришло, очевидно, одновременно с Вашим ко мне. Я не спешил Вам отвечать, потому что во многом посланное письмо к Вам отвечало на Ваши недоумения и скорби. От них никуда не убежишь, и чем мы рьянее от них отгораживаемся, тем назойливее они нас преследуют, потому что только терпение, а еще вернее, и благодарение Богу за них умеряют их напор на нас. Убегать от скорбей, по мнению отцов, то же, что убегать от спасения. Это тот огонь, каким должна осолиться жизнь каждого, кто хочет наречься чадом Божиим, кто стремится к тому, чтобы жизнь и дела его стали благоугодной жертвой Богу. Вы к этому стремитесь, а отсюда вытекает и образ Ваших отношений к Рафаиле. Ясно, через нее испытывается Ваша любовь к людям, Ваше смирение, незлобие и т. д. Так Вы и смотрите на нее, как на своего рода земное мытарство, как на искушение, какое надо преодолевать силою Божией в духе заповеданной кротости. Оно указано определенно нам, как обязательный пример для подражания. Христос пришел послужить нам и, омывая ноги учеников Своих, что делали рабы, прямо указал, что этим Он дает нам образец («образ») нашего отношения к людям. Помоги всем нам Христос в тер-

[45] Лук. 21, 19 (*слав.*).
[46] Память 25 июля.

пении спасать души свои, смиряясь друг перед другом, уступая во всем, что безразлично или не вредит спасению, сострадая и ожидая за все скорби и лишения воздаяния в царстве неувядаемой славы и невечернего дня.

Маленькая кое-что рассказала мне про жизнь сестер. Не многим удалось быть при уголках, и эти, конечно, более счастливы, чем другие, какие боялись в свое время стать на эту работу, оберегая покой свой, а в итоге ни телесного, ни духовного покоя. Видно, надо прежде всего и во всем стараться исполнять заповеди, данные как единое на потребу, а «остальное», если не сразу, но все же приложится, а главное, будет внутренний мир, без чего никакое изобилие не дает удовлетворения.

Пока по милости Божией у меня все по-прежнему. У нас стоит чудесная погода. С Рождества Предтечи пришли обильные дожди, все отдохнуло, зелено, свежо и благоуханно. Я купаюсь и сплю на свежем воздухе. Но самая большая радость – это возможность каждый день бывать у Матушки и приносить «хвалу уст». Передайте мой привет всем Вашим сестрам. Да хранит всех вас Господь Своею благодатию. В терпении будем стремиться спасать души наши.

11

Канун Успения Матери Божией,
<14.VIII.> 1936 г.

Милость Божия да будет с Вами, дорогая о Господе Матушка! Спаси Господи за весточку. Помоги Вам Матерь Божия в скорбях Ваших. Мы всегда по немощи нашей возмущаемся ими, забывая, что нам ясно сказано, что в мире, где мы теперь живем, будем иметь скорбь[47]. Святые отцы говорят, что скорби – печать избранничества. Если бы мы были духовны, то должны бы не только без смущения, тем более уныния и ропота, а с радостью встречать и терпеть находящие скорби. А мы всегда унываем и печалимся, что нет у нас покойного и беспечального жития. Не знаю, как Вы, а я под этим покоем всегда мыслю житейское беспечалие: квартирка, дрова, продукты и т. п. А про этот покой отцы говорят, что он самый главный и коварный враг инока. «Надежда покоя во все времена, – говорит Исаак Сирин, – заставляла людей забывать великое благо и добродетели... Если человек небрежет о Царстве Небесном, то скорее всего по надежде малого здешнего утешения»[48].

[47] Иоан. 16, 33.
[48] Слово 49, с. 221.

Вы скорбите, что жизнь Ваша шла и теперь идет и складывается не так, как хотелось бы Вам. Как это подчас бывает тяжко, я знаю, как часто это раздражает против людей, а часто ожесточает даже против Бога, к сожалению, мне тоже знакомо. Но надо нам, хотя бы в одиннадесятый час нашей земной жизни, стараться научиться жить по мудрой народной пословице «не так живи, как хочется, а как велит Господь». «Не желай, – говорит авва Дорофей, – чтобы все делалось так, как ты хочешь, но желай, чтобы оно было так, как будет (то есть как устраивает Господь), и таким образом будешь мирен со всеми»[49]. «Указывать Богу: так и так меня спаси – невозможно, потому что спасение как дар Божий выше постижения человеческого. Почему желающий спастись должен просить себе спасения как неизреченной милости Божией, предавая себя вполне воле Божией» (Игнатий Брянчанинов)[50]. «Бог приводит человека к духовным целям такими путями, которые по внешности имеют характер неприятностей и несчастий»[51]. Смиримся пред этой благой ведущей нас ко спасению десницей Божией и одно только всегда будем вопиять Ему от сердца: «имиже веси судьбами[52] спаси мя».

В отношении родных по плоти нам даны примеры и указания в житиях древних. Как знаете, они более склонялись к отказу от длительного общения с ними и отнюдь не поощряли особого ухаживания за ними. Думаю, Вы не особенно погрешите, если не будете особенно привлекать к себе тех, кто «против». Их не переубедите, а с ними расстроитесь. А к чему? Разве это Ваш долг? Мне кажется, Вы не погрешили, отпустивши А. к сестре, чему она и сама не противилась и к чему подошли обстоятельства, каких Вы искусственно не создавали. Конечно, обращать много внимания на упреки В. не приходится, потому что она мыслит по-житейски, а не так, как нам заповедано.

Здоровье Рафаилы, как Вы его описываете, кажется, куда хуже, чем то нездоровье, в каком она была у Вас. Неужели так ожесточилась ее душа, что ей стало чуждо все, чему принесена в жертву и молодость, и отданы лучшие и самые высокие порывы души? Да избавит и ее и нас Господь от этого окамененного нечувствия. Жаль, что телесные Ваши недуги препятствуют Вам посещать любимый уголок. Это огромное лишение. Но разве Вы не могли бы с палочкой при помощи других дойти до уголка? А там все время можно сидеть. Ваша рана, вероятно,

[49] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания... Калуга, 1895 (репр. М., 1991), с. 196.
[50] Собрание сочинений. Т. 7. Письма. М., 1993 (репр.), с. 388.
[51] Там же, с. 389.
[52] «Какими Ты (Сам) знаешь судьбами» (*слав.*).

такого же происхождения, как и у моего сожителя. Это от закупорки вен. Ему помогают теплые ванны из некрепкого раствора марганцовки. Помогает и ихтиоловая мазь. Ногу, конечно, надо забинтовывать на день, когда Вы ходите, и на ночь давать отдохнуть от бинта. Как знаете, Лествичник называет болезни «отраднейшим подвижничеством»[53]. Все духовные требования к болящему сводятся главным образом к трем основным: терпи, благодари и молись краткими молитвами.

Да поможет Господь приготовиться в путь болящей матери Аполлинарии[54]. Об этом пути всегда надо помнить, а нам пора уже помаленьку и собираться. По утешительному убеждению Игнатия Брянчанинова, «Бог верен и никак не лишит спасения того человека, который желает спастись. Он не пошлет преждевременной и безвременной смерти такому человеку, но даст ему время на приготовление»[55]. Надо бояться не телесной, а духовной смерти, избавлением от которой является милостыня. Хорошо бы и мать Аполлинарию располагать к этому, пока она жива. Это облегчит ей переход от здешнего к тамошнему и будет лучшим средством избавиться от воздушных мытарей.

Пока у меня все по-прежнему. Тревожусь только о московских дочках и Тане, какая осталась без угла. Да будет Христос с Вами, ободряя, утешая и исцеляя Вас. Прошу святых молитв.

12

15.XII.1936 г.

Взаимно молитвенно приветствую Вас с светлыми праздниками. Да утешит и Вас Христос тем миром, какого не знает мир, и да успокоится Ваше сердце от всего, что мешает Вам с душевной теплотой больше пребывать в лучах Солнца правды, чем быть среди сумрака забот и тревог мимотекущей жизни. Передайте мой привет и благословение живущим с Вами сестрам. Спасибо Саше за гостинец, какой мной получен, но вообще посланное таким способом часто пропадает, и лучше делать это проще или передавать для меня Тане.

Как относиться к снам, Вы знаете. Безопаснее им не доверяться и лишь принимать как выражение нашего душевного и физического

[53] Леств. 26, 55.
[54] Монахиня Аполлинария (в мире Акулина Короткова, из крестьян Клинского уезда Московской губернии), также с молодых лет подвизавшаяся в Акатове.
[55] Собрание сочинений. Т. 7. Письма, с. 295.

состояния. Мне кажется, пригрезившееся Е. К. говорит только о том, что около нее много всякой нечисти, и если она будет забывать обращаться к Кому следует, то эта нечисть может ее захлестнуть. Видение, конечно, имело своею целью показать, как близко около нас и смерть и истязание воздушных мытарей, и только благодать Божия и заступничество тех, к кому мы прибегаем, может спасти от внезапности искушений и страшного часа. Думаю, что слишком дерзновенно думать, что это была Матерь Божия.

Недавно умер один знакомый мой епископ. Когда я начал свою службу в Пскове, он был ключарем собора и регентом архиерейского хора[56]. Архиереем тогда был Арсений, впоследствии митрополит Новгородский, а потом Ташкентский, где не так давно (нет еще года) он умер[57]. Ключарь перешел к нему в Новгород, где потом и стал викарным епископом. Он готовился служить в день своей смерти. В ночь перед службой во сне приходит к нему митрополит Арсений, взял его за руку и сказал: «Пойдем на суд». Он проснулся, задумался, но все же стал готовиться к служению. Вскоре почувствовал недомогание, служить не смог и слег в постель. После службы его пособоровали и причастили, и в пять часов вечера этого же дня он скончался, по мнению врачей от разрыва сердца. Вот дал бы Господь такую блаженную кончину. Игнатий Брянчанинов на основании писаний святых отцов говорит, что «внезапная смерть не случается с людьми, желающими очистить себя покаянием, хотя бы они по временам и побеждались своими немощами»[58]. Хотите этого и Вы, а потому храните это желание и все, о чем пишете, считайте за крест, какой смиренно носите, не малодушествуя, а непоколебимо веря в Того, Кому себя уневестили. Вы хорошо сказали, что у апостолов, оставивших Господа во время Его страданий, «малодушие не пересилило любви», будем и мы всегда просить Его, чтобы ни соблазны мира, ни испытания, ни малодушие не осилили нашей веры в Его благой Промысл и любви к Его истине.

Таня мечтает, что отец маленькой не только приедет к ней в гости, но и останется жить, так как иждивенцев прописывают. Но мне

[56] Протоиерей Николай Стягов (1867–1936), ключарь Новгородского кафедрального собора, после монашеского пострига с именем Никита был 6 декабря 1923 года хиротонисан во епископа Боровичского, викария Новгородской епархии (с декабря 1934 года архиепископ). Скончался 6 августа 1936 года.

[57] Арсений (Стадницкий, 1862–1936), митрополит Новгородский (1910–1933), а затем Ташкентский и Туркестанский (1933–1936), скончался в Ташкенте 23 февраля 1936 года.

[58] Собрание сочинений. Т. 7. Письма, с. 384.

пишут из Ленинграда сестры, с какими я путешествовал на юге, что прописывают только отца, мать, брата, сестру, и только. Пока не разочаровываю маленькую, но мало верю в ее мечту. Не знаю, как Господь все устроит. От Него направляются стопы человека, и Его прошу, чтобы указал путь, каким надо идти. Самому решать этот вопрос – страшно трудно. Пока у нас все мирно. С каждым днем будет сильнее чувствоваться приближение праздников. Хотелось бы их провести без всякой суеты и огорчений. Нынешний сочельник особенный... Многие ли не постыдятся Его пред человеками? Да хранит всех вас Христос. Мир вам.

ПОСЛУШНИЦЕ ТАТЬЯНЕ

1935–1936

1

Канун Великого Поста,
<25.II.1935? г.>

«Горе нам, что не знаем душ своих. Не знаем и того, к какому житию мы призваны, но эту жизнь немощи, это состояние живущих, эти скорби мира и самый мир, и пороки его, и упокоение почитаем чем-то значительным» (Исаак Сирин)[1]. Мы знаем, что у нас должно быть «покаяние нераскаянное»[2], то есть постоянная скорбь и плач о грехах. Самый образ той жизни, какую мы возлюбили, есть постоянное покаяние. Что же для этого нужно, чтобы действительно, на деле, а не на словах, быть нам кающимися и чрез то детьми Божиими, «чадами света и дня»[3]? «Покаяние, – говорит тот же великий подвижник, – есть корабль, страх Божий его кормчий, любовь же – Божественная пристань. Страх вводит нас на корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и пристает к Божественной пристани»[4]. Итак, со страха за свое духовное здоровье, от страха за свою будущую судьбу начинается истинно постническое житие и через воздержание приводит нас к цели всех подвигов жизни – к любви. Люди мира и чувственности думают, что постническое житие противоестественная жизнь, потому что убивает тело. Им отвечает великий Пимен: «Мы учились, – говорит он, – умерщвлять не тело, а страсти»[5]. «От яств постись по временам, а от невоздержания постоянно», – говорят отцы. На первом плане у нас должна быть забота о душе. Потому мы во многом отказываем телу, что «по той мере, как утучняется тело, истощается душа и, напротив, по мере истощения тела укрепляется

---

[1] Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина... Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911 (репр. М., 1998), Слово 80, с. 395. Далее страницы указаны по этому изданию.
[2] 2 Кор. 7, 10 (*слав.*).
[3] 1 Фес. 5, 5.
[4] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 83, с. 399.
[5] Об авве Пимене, 183. – Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1999, с. 421.

душа»[6]. Для того и постоянное воздержание, а временем и пост как сугубое воздержание, чтобы восстановить утраченное равновесие между телом и духом, чтобы вернуть нашему духу его главенство над телом и его страстями. «Пост для тела есть пища для души» (Исаак Сирин)[7]. Пост есть не телоубийца, а страстоубийца. Макарий Великий говорил, что монах с таким рассуждением должен вести дело пощения, как бы имел пробыть в теле сто лет, и так обуздывать душевные движения, забывать обиды, не предаваться печали (мирской), ни во что ставить скорби и лишения, как могущие умереть каждый день[8]. «Неумеренное воздержание вреднее пресыщения, потому что от последнего в силу раскаяния, покаяния можно перейти к правильному действованию, а от первого нельзя» (Кассиан Римлянин)[9]. Как во всем, так и в этом, как будто немудром деле нужен навык и умение. «Святые постились, в рай вселились, а мы постимся, никуда не годимся» (пословица). Если пост есть главным образом борьба со страстями, то надо их увидеть прежде. Это так важно, что подвижник говорит, что «кто сподобился увидеть себя, тот выше сподобившегося увидеть ангелов» (Исаак Сирин)[10]. Но это невозможно без помощи Божией, вот почему мы и просим: «даруй ми зрети моя согрешения». Но увидеть свои грехи еще не есть покаяние, надо почувствовать всю мерзость греха, признать свою виновность в нем, осудить себя. Всякое осуждение грешно, но это похваляется: «Если бы, – говорит Апостол, – так себя осуждали, то не были бы судимы с миром»[11]. «Восчувствовавший грехи свои выше того, кто своею молитвою воскрешает мертвых», – говорит Исаак Сирин[12].

Каким же образом пост «основание всякой добродетели, предшественник добрых дел» и «кто нерадит о посте, тот приводит в колебание все доброе» (Исаак Сирин)[13]? Через пост мы боремся со страстями, и в первую очередь с плотскими. Наша душа так тесно связана с телом, что все бываемое в теле отражается в душе, как и душа, и ее состояние, в свою очередь, воздействует на тело. На этом законе базируется подвижническая практика. Как, например, бороться

[6] Об авве Данииле, 4. – Достопамятные сказания, с. 132.
[7] «Ибо когда тело изнемогает в посте и смирении, тогда душа укрепляется молитвою» (Слово 22, с. 110).
[8] См.: О чревобесии, 5, 41. – *Преп. Иоанн Кассиан Римлянин.* Писания. Сергиев Посад, 1993 (репр.), с. 73.
[9] 2-е собеседование аввы Моисея, 17 «О неумеренном посте и бдении». – *Преп. Иоанн Кассиан Римлянин.* Писания, с. 200.
[10] Слово 41, с. 175.
[11] 1 Кор. 11, 31.
[12] Слово 41, с. 175.
[13] Слово 21, с. 89.

с похотливостью? Подвижники отвечают: «Возобладай над телом, пока оно не возобладало над тобой. Насыщение есть мать блуда, а утеснение чрева – виновник чистоты. Когда чрево утесняется, тогда смиряется и сердце, если же оно упокоено пищей, то сердце возносится» (Лествичник)[14]. «Утесняй чрево воздержанием, и ты возможешь заградить себе уста, ибо язык развязывается от множества яств» (Лествичник)[15]. Вот так телесный пост помогает нашему покаянию. «Покаяние восставляет нас, плач ударяет в небеса, а смирение отверзает врата небесные» (Лествичник)[16]. «Ничто столько не соединяет и не сближает нас с Богом, как слезы в непрестанном сокрушении сердца, проливаемые о себе или о чужих грехах» (Златоуст). «Как огонь сжигает хворост, так чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны». «Если не плачешь, то плачь о том, что не плачешь» (Лествичник)[17]. «Множество яств иссушает источники слез. Покаянный плач ударяет в небеса, а врата отверзает смирение»[18]. Смирение есть сознание своей немощи и бессилия. Если прибавить ко всему этому молитву – подругу поста, то станет страстям страшно. Говорю страстям, а не бесам, потому что «страсти предваряют бесов, а бесы последуют за страстями» (Григорий Синаит)[19]. Бесы приражаются, сообразуясь с господствующими и действующими в душе страстями. Страстной привычкой они обыкновенно пользуются к размножению в нас страстных воображений, от каких, как и от бесов, да избавит нас Господь, шествующих теперь путем душеспасительного поста.

2

Канун Татьяниного дня,
<11.I.1936 г.>

Сейчас вечер. Отпили чай. Старец[20] затеял большую работу и стучит на повети. Поля[21] кончила стирку после святок. Эти дни было очень тепло, хотя и не таяло, а сейчас холодает и в трубе воет и свис-

[14] Леств. 14. 17, 5, 21.
[15] Леств. 14, 23.
[16] Леств. 25, 16.
[17] Леств. 7, 22.
[18] Леств. 7, 31.
[19] Добротолюбие. Т. 5. М., 1998 (репр.), с. 210, § 74.
[20] Схиигумен Лука, живший в одном доме с епископом Германом. См. примеч. 340 на с. 247.
[21] Монахиня Пелагея (Фокеева), осужденная по тому же делу, что и епископ Герман, келейница Владыки и схиигумена Луки. См. о ней предисловие, примеч. 74 .

тит ветер. Почему-то вспомнились сейчас юрты, наша избушка, тишина, полная возможность делать что хочешь и спасаться. Завтра день твоего Ангела. Ты хорошо знаешь, как я люблю мученицу-диакониссу Татиану. Люблю ее и за то, что она послала на моем пути маленькую диакониссу, какая не только для меня, но и для многих моих братий сделала немалые добрые дела и показала не раз свое христианское самоотречение. Да утешит тебя Христос за все, что ты делала в Его имя, и да поможет тебе в твоей духовной жизни. Я чувствую, как теперь страшно трудно сохранить свой внутренний мир, как трудно хранить смирение, когда многое вокруг нас вызывает на осуждение, негодование и гнев, когда так все насыщено и напитано самолюбием и гордостью, как трудно быть кротким, как еще труднее любить и хранить внутреннюю тишину, среди которой только и возможно слышать благодатное веяние Святого Духа Божия. Но невозможное для человека возможно для Бога[22]! Нам невозможно часто изменить внешние условия своей жизни, невозможно избежать многих повседневных неудобств и житейских скорбей, но Богу возможно все это обратить нам на душевную пользу и дать нам для этого терпение.

«Щедролюбивый Отец наш, – говорит Исаак Сирин, – у истинных сынов своих, когда соблаговолит сотворить облегчение их искушений, не отнимает эти искушения, но дает им терпение во искушениях»[23]. Вот этого-то спасительного терпения, какое нужно в обычной нашей жизни и делах и драгоценно в жизни духовной, я и желаю тебе от Господа. Тот же святой и великий подвижник указывает, от чего зарождается терпение и как само оно, как благодатное семя, дает начало многим добродетелям, необходимым для спасения. «По мере смиренномудрия, – говорит он, – дается тебе терпение в бедствиях твоих, по мере терпения приемлешь утешение, по мере утешения увеличивается любовь к Богу, а по мере любви увеличивается радость о Святом Духе»[24]. Ты и сама замечаешь, что когда смиришься пред обстоятельствами своей жизни и пред теми, с кем не без воли Божией живешь, то легче становится переносить их и хорошо и тихо бывает на сердце. Вот подвижники и выясняют, как это связано одно с другим, и что все в духовной жизни начинается смирением и ничего не приобретается без терпения. Запомни слово отеческое: «Тем и отличаются Сыны Божии от прочих, что они живут в скорбях, а мир гордится

[22] См. Лк. 18, 27 (*слав.*).
[23] Слово 79, с. 392.
[24] Там же.
[25] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 36, с. 156.

роскошью и покоем»[25]. «Бог и Ангелы радуются, когда мы в нуждах, а диавол и делатели его – когда мы в покое»[26]. Вот почему и хорошо бы тебе оставаться там, где живешь, и только в крайнем случае уйти. Сколько раз ты хотела уйти, и пока на это нет благословения. Это подтвердил и жребий, который ты вытянула. Я не советую прибегать к этим жребиям, но раз ты, помолясь усердно (не менее трех раз), вынула, то надо исполнять. С этим шутить нельзя, а то попадешь из огня да в полымя. Молю Господа, чтобы Он Сам управил путь твой и дела твои. Радуюсь, что встретила святой праздник, хотя и не без обычной болезни. Бог ничего не требует от болящего, кроме терпения, смирения и благодарения, говорит авва Варсонофий[27]. Поэтому когда они с тобой приключаются, то не смущайся, что приходится сокращать молитвенное правило и даже опускать Сион... Болезнь сама за тебя молится, если не ропщешь и переносишь ее с терпением, в полной уверенности, что она обивает в тебе плотские грехи и пресекает много грехов. Терпи ее и старайся душу успокаивать краткими молитовками и сокрушенным сетованием о своих немощах.

У папы маленькой[28] все праздники прошли в большом торжестве, но были немного отравлены некоторыми страхами. Начали сильно наседать на домик Матушки, но пока они здоровы и домик цел. Были опасения, что придется куда-нибудь поехать в другой район, но пока этот страх миновал. Не знаю, жалеть Риму[29] или радоваться, что Господь отводит от тяжких искушений и ответственности. Если правда, что он уехал в Устюг, то там его ждут большие скорби и ему придется очень смириться. На весь город остался только один настоятель собора, какой помог всем остальным, начиная с кира их, Николы[30], человека святой жизни, возжелать жить у Саруханова. Конечно, об Риме надо молиться, тем паче, если он выходит на первые роли. Тот митрополит умер. Перед смертью освободился от сво-

[26] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 77, с. 384.

[27] См. ответы 168, 169, 345 и др. – Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1998 (репр.).

[28] То есть самого Владыки Германа.

[29] Рима – Питирим (Крылов, 1895–1937), архиепископ Великоустюжский с 1 января 1936 года. До назначения в Великий Устюг был временно управляющим Московской и Коломенской епархией. Расстрелян в 1937 году.

[30] Священномученик Николай (Клементьев, 1875–1937), был архиепископом Великоустюжским с августа 1933 года, в 1936 году осужден на пять лет ссылки в Казахстан. В 1937 году арестован в селе Ванновка Тюлькубасского района и 31 декабря расстрелян. Ниже, возможно, епископ Герман пишет о нем, называя его «митрополитом» и сообщая полученное от кого-то ошибочное известие о его кончине.

его недуга. Он очень любил твоего папу. Умер в Баку, и некому было его отпеть.

Прошу тебя, ничего не трать на меня, а побалуй себя и молочком, и другим, что поддержит твое здоровье. Был бы очень рад, если бы ты на это брала из папиных денег. Ему сейчас не нужны ни деньги, ни посылки.

3

<Сентябрь 1936 г.>

Милая Таня! Получил твое грустное письмо о скорбях с хозяевами. Как лучше? У каждого в жизни бывает свой крест и у всякого есть свой «пакостник плоти»[31]. «Пакостник плоти» – это постоянное искушение, то, от чего Господь часто не освобождает целые годы, а иногда и всю жизнь. Мне кажется, что и твой «пакостник плоти» – это вражонок, который всегда восстанавливает против тебя твоих хозяев и тем портит твое настроение, вызывает на гнев, раздражение, осуждение и нетерпение. Пакостник всегда действует на нас извне. В нас самих часто нет для него места, и не у тебя начинается нелюбовь или досада на живущих с тобой, а они под влиянием вражонка начинают так или иначе наседать на тебя и тем отравлять твое настроение, что и надо врагу. Куда ни уйдешь, туда за тобой и твой пакостник. Как же быть в таких случаях? Ясно, трудно ждать, чтобы он отстал через перемену квартиры. Если там будет более сносно, то что-нибудь в этом роде будет по службе. Апостол три раза горячо просил Господа, чтобы Он избавил его от вражонка, но Господь не внял его молитве, так как это искушение было полезно для самого Апостола, и ему оставалось только смириться и терпеть. Врага ничем не победишь, как только смирением и терпением. Мирских не особенно слушай. Они почти все недугуют самолюбием и не знают, что если против самолюбия будешь ставить свое самолюбие, на чужую гордость вооружаться досадой, ненавистью, раздражением, то из этого, кроме постоянных огорчений и домашнего ада, ничего не получится. Мы с тобой иначе должны мудрствовать. В подобных неприятностях и искушениях надо так рассуждать: все в нашей жизни от воли Божией. Всех Он нас любит и, как мудрый врач, лечит. Наши мудрые отцы и наставники учат, что самому не надо напрашиваться на скорби, уничижения и страдания, но если по воле Божией они

[31] См. 2 Кор. 12, 7 (*слав.*).

нас постигают, то их надо встречать не только спокойно, но и с радостью. «Всякий человек, о котором особенно печется Господь, познается, – как говорит Исаак Сирин, – по непрестанно посылаемым ему скорбям»[32]. Не будь скорбей и искушений, никто бы не спасся (Евагрий)[33]. «Возведи умные очи в небесные селения, – говорит святой Тихон Задонский, – и посмотри на живущих там. Ни одного не найдешь, кто пришел бы туда не путем терпения»[34]. Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа (преп. Ефрем Сирин). Конечно, беда наша еще в том, что у нас самих нет внутреннего мира. «Умирись сам с собой, – говорит Исаак Сирин, – и умирятся с тобою небо и земля»[35]. Поэтому наше доброе и справедливое в себе самом несет яд нашей нестойкости, гневливости и горячности, а ты по мне знаешь, что такой вспыльчивый, как я, возбуждает раздор, а терпеливый, как Варля и подобные ему, утишает распрю (Притч. 15, 18). «Мягкий язык переламывает кость» (Притч. 25, 15). «Злое слово и добрых делает злыми, а доброе и злых превращает в добрых» (преп. Макарий Великий)[36]. Не надо забывать, что и ты, и твои взбалмошные хозяева – члены одного тела Христа. Всем нам сказано: «Будьте братолюбивы друг другу и с нежностью носите бремя друг друга»[37]. Это, конечно, требует постоянного самоотречения и терпения. Потому-то «путь Божий есть повседневный крест. Никто не входит на небо, живя прохладно. А из сего познается, что он под промыслом Божиим, когда Бог непрестанно посылает ему печали[38]. Тем и отличаются сыны Божии от прочих, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем[39]. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякою печалью, чтобы опытно изведали помощь Его и то, сколько промышляет о них Бог, потому что вследствие искушений приобретают мудрость» (Исаак Сирин)[40]. «То угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет. 2, 19). «С радостью терпи то бесчестие, которое по Божьему усмотрению, а не по твоей воле постигнет тебя, и не смущайся и не питай ненависти к тому, кто бесчестит тебя» (Исаак Сирин)[41]. Будем помнить о великой награде, какую Бог обещал всем

[32] Слово 35, с. 152–153.
[33] Об авве Евагрии, 4. – Достопамятные сказания, с. 161.
[34] О истинном христианстве. – Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского.Т. 2. М., 1889 (репр. М., 1994), с. 276.
[35] Слово 2, с. 10.
[36] Об авве Макарии Египетском, 38. – Достопамятные сказания, с. 299.
[37] 1 Пет. 3, 8; Гал. 6, 2.
[38] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 35, с. 152–153.
[39] Слово 36, с. 156.
[40] Слово 37, с. 157.
[41] Слово 11, с. 51.

терпеливым: «Как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле» (Откр. гл. 3)[42].

Так всего лучше бороться с «пакостниками плоти», каким Господь попускает всегда тревожить нас, чтобы через то побудить нас видеть свою немощь, постоянно вопиять ко Господу о помощи и защите, смиряться через скорби, приобретать через испытания духовной мудрости и накоплять терпение, каким только и можно спастись в наше время. Ты сама говоришь, что в прошлом году в это же самое время ополчились на тебя хозяева, а потом утихли. А как ни трудно было тебе зимой, зато сколько раз благодарила Господа за то, что у тебя было уединение и свой угол. Это ведь далеко не всем теперь доступное благодеяние. Но если терпеть нет сил, то поищи что-либо другое. Быть может, что-либо можно достать в деревне. Только редко бывает так, что все будет хорошо. Везде будут свои шипы и искушения, и Господь потому попускает их на нас, чтобы мы не забыли своего настоящего отечества и того действительного и радостного покоя, куда приходят через скорби и лишения. Не мне говорить тебе о том, как мы терпим всевозможные неудобства и лишения в дороге на пути, когда стремимся к какой-нибудь одушевляющей нас цели. Вспомни, сколько ты перенесла, будучи всегда в поездках. Часто эти скорби земного пути не окупаются радостями, ради которых мы их предпринимаем. Скорби же пути к небесному отечеству всегда сторицею окупаются еще здесь на земле духовными утешениями от Господа, а там, куда идем, в Невечернем Свете Его Царства ничто не будет забыто и будет отерта всякая слеза, ради Господа здесь на земле пролитая, непрестающим веселием блаженной вечной жизни. Всегда прошу Господа, чтобы при умножении скорбей твоих в сердце твоем утешения Его услаждали душу твою (Пс. 93, 19).

Наша Матушка еще здорова, но с Ильина дня тоже тормошат ее служащих, и еще неизвестно, пустяки это или что-либо серьезное. Как везде, так и здесь, еще не научились жить тихо и скромно. Любят попеть за чарочкой, развязывают свои языки, забывая мудрое наставление псалмопевца: «Если хочешь видеть дни благи, удержи язык свой от зла»[43]. Сами себе вредят языками, а через то и затрудняют Господа, Который хочет, чтобы все спаслись и в разум истины пришли[44]. Пока Господь хранит всех нас. Да хранит тебя Господь и поможет во всем.

[42] Откр. 3,10.
[43] Пс. 33, 13–14.
[44] См. Иез. 33, 11; 1 Тим. 2, 4 (*слав.*).

4

День пророка Даниила и трех отроков,
<17.XII.1936? г.>

Молитвенно приветствую тебя, дорогая Таня, с великим праздником Христовым и Новым Годом. Да дарует тебе Господь по сердцу твоему и вся твоя прошения исполнит. Да обратит скорбь твою в светлую и спасительную радость; телесными болезнями и трудами да укрепит душевное твое здоровье и даст тебе Свой сладостный мир. Только неделя до праздника. Прошу Господа, чтобы дал Он нам свою милость, чтобы в мире и благополучии его встретить и провести. Как бы хотелось, чтобы ушли из души и темные тучи всяких тревог, и гнилые туманы неподобных настроений. Как хочется, чтобы душа, как чистое дитя, в простоте и незлобии подошла к Его яслям, как вифлеемские пастухи, чтобы все свои самые глубокие и заветные мысли подклонила к Нему, как свои души, мудрость и дары волхвы, чтобы все внутри пело, как славословили Его ангелы, чтобы благоукрасилось и прияло Его в себя сердце, как вертеп, каким не возгнушался Он – Творец, Царь мира, чтобы все внутри исполнилось Светом Его Истины, силы и любви, как от чудесной звезды, возвестившей всему миру, что Христос рождается, что воссияло Солнце правды. Нас везде остается малое стадо. Что мы без Него? Или кто или что может устрашить нас, если Он с нами, если пребываем в Его любви? «Бог и Ангелы, – говорит один святой отец, – радуются, когда мы в нуждах, а диавол и ангелы его – когда мы в покое»[45]. Не скудость страшна, а страшно, когда оскудевает любовь, когда исчезает смирение, когда остывает душа без молитвы, когда вихрь раздражения убивает кротость, когда меркнет свет веры, когда опускаются крылья души – надежда, когда эта земная жизнь с ее суетой, соблазнами и беззаконием вытесняет память о будущей, к какой всегда надо готовиться. Но Он Сам сказал: «Не бойся, малое стадо»[46], не только Его ближайшим ученикам, но и <всем> ученикам, и всем верующим. Им сказано: «Я с вами во вся дни до скончания века»[47]. «Не молю, чтобы взял их от мира, – просил Он некогда Отца, – но чтобы сохранил их от зла»[48]. Это буди, буди и с тобой, и со всеми нами.

[45] *Преп. Исаак Сирин.* Слово 77, с. 384.
[46] Лк. 12, 32.
[47] Мф. 28, 20.
[48] Иоан. 17, 15.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

Посвящается Н. В. Р.[1]

Тридцать три года... Мистические годы... Жизнь как море... Годы – его волны... И в предсветные сумерки, и в розовое благоуханное утро, и в ранний золотой час дня, и в горячий яркий полдень, годы, как волны, неустанной чредой подходят к берегу жизни, приходят и уходят... И каждый несет свой сказ, свою невозвратную быль...

Первые годы – полусонные волны... безвольные... бессветлые... В полусумерки подходят они к берегу – к темному, загадочному, молчаливому... Приходят и уходят, сумеречные... дремные.

Ранние годы – волны, разбуженные румяной зарей... Нежные, чистые, светлые... улыбчивые... И кажется, жизнь – как красивые цветы, проснувшиеся под поцелуями солнца, как зорние песни, как аромат искристой росы, как ласка матери, такой близкой и любимой, с ее певучей и колыбелящей теплотой...

Годы юные – беззаботный смех кипучего дополудня... Годы юные – цветы с их песнями... звезды с их грезами, зовущие улыбки незнойного солнца... Жизнь заиграла... В пьянящем хороводе бодрые исканья, пылкие мечты, светлые надежды... Годы юные – волны, завороженные бирюзовой бездонностью неба... волны, убаюканные гимнами утра... лучистые... полнозвучные... немятежные... неозноенные... ждущие...

Тридцать три года – волны с отравою знанья... волны, думой встревоженные... волны с невозвратным былым... Сказки рассказаны... мечты побледнели... замирает аккорд первых встреч и любви... Волны озноенные... волны мятежные... волны, в пенах своих обнаженные... волны, морщиной подернутые тинной глуби...

Годы, как волны, приходят и уходят... Но для этих уж не будет зорних шепотов, ни тихой утренней мечты, ни трепетных ожиданий еще не разгаданного дня...

[1] Нина (Антонина) Владимировна Ряшенцева, жена Леонида Степановича, брата епископа Германа.

Волны, опаленные полуденным солнцем... волны, заплаканные непогодой лишений... волны, затуманенные тоской...

Волны могучие... волны полуденные... волны безгрезные... волны рубежные... В них день к вечеру, солнце к западу, а жизнь к закату... В них радость с усталою грустью...

Но они еще не вечерние... Они творящие... они бурно-ищущие... они огнистые... они сильные и красивые... годы полуденные... годы мистические... тридцать три.

1 декабря 1917 года

***

Длинная проселочная русская дорога. Бесконечными нитями, заплаканные осенними дождями или засыпанные горячей пылью, переплетаются ее колеи. Печальные тихие ивы по краям. Суровая одинокость и пустынность. Грустные дали. Холодно и бесприютно. Где-то далеко, как мечта, искристая жизнь, люди, интимный уют, любовь и нежная ласка... И дорога кажется еще серей, а ее спутники – еще сиротливей...

Не такова ли доля народной учительницы?.. Около нее всегда движенье и жизнь. А сама она как будто вне этого движения, вне жизни. Так близко и так далеко от людей. Вдали от их радостей. Чем нужнее она людям, тем равнодушней к ней жизнь. Чем длиннее ее путь, тем безотрадней кажется ее личная доля... И многим жизнь ее кажется усталой осенью без весенних цветов и яркого солнца... Труд ее представляется серыми буднями без светлых праздников... А сама она – кроткой, забытой при дороге жизни ивой...

И кто другой, как не она сама, знает свою одинокость? Она больше других чувствует всю тяжесть своей работы... Но и одной только ей известны те небесные зарницы, которые ее одиночеству сообщают теплый уют, ее неприметному, почти всегда безотрадному труду – светлую лучистость, а ее делают идейно богатой.

Она ли не знает, что значит служить идее! Нужно ли ей объяснять, какое это большое страданье!.. Каждый год ее работы как бы по кусочку дробит и уносит часть ее сердца... Но она знает, что она творит чудо. Она знает, что она зажигает подземные огни. Она знает, что ее школа – та же колыбель, где лелеется не физическая только жизнь одного ребенка, а сознательная жизнь целых поколений. Она знает, что она творит и воспитывает душу целого народа.

Душа ребенка как звезда. До школы она зажглась и засияла чужим, не своим светом. Учительница первая зажигает в ней ее собственный святой огонек самостоятельной мысли и сознательного чувства.

Дети цветы жизни. До школы они расцветают... Но так же учительница, как солнце, вызывает к жизни их благоуханье...

Она будит в ребенке человека. Она не убьет ни его детских грез, не разрушит чудес его сказок... Она поднимет в его душе грезы о правде и знании, она зачарует чистое детское сердце тоской по той Вечной Красоте, которая человека поднимает над мещанством жизни и делает его не рабом, а господином земли.

Как талантливый скульптор свою мечту воплощает в жизнь и вдохновением своего дарования оживляет холодный гранит или мертвый металл, как художник силой своего гения собирает таинственные чары красоты, разлитой по всему миру, на маленьком кусочке полотна, так и она силой своего внутреннего огня открывает всему миру подлинный лик своего родного народа, всю его моральную красоту и культурную силу.

...Без нее жизнь людей была бы беспредельными сумерками...

28 сентября 1917 года

ЛЕГЕНДА О ЗВЕЗДАХ

Первый день земли был полон звуков и искристых красок. В сладкоуханных цветах, в прозрачных глубинах вод, в нежной зелени трав и лесов золотые лучи солнца горели многоцветными огнями. Казалось, земля улыбалась звездными улыбками. И пела дивный гимн Вечной Красоте и Жизни... и улыбчивые цветы, и думная зелень, и мечтательные воды, все живое давало свой отклик на эту песню. Но только в человеке съютились и вся ее ласка, и грезы, и зовы, только в нем одном была ее разгадка и смысл ее сказов... Их было двое: мужчина и девушка, женщина... Для нее он был ясным солнцем и ликующей радостью, для него она – жизнь с ее цветами и колыбелящей нежностью. И были они как цветы, обрызганные душистой росой, как чарующий предсветный аромат, как чистая радость утра... Были они невинны и прекрасны. Земля была как небо, в зорнем уборе, бездонная и безбрежная, тихая и радостная, полная мира и любви... Любовь была ее

солнцем, чудным созвездием человек, все лучистые огни ее звездами, и самой лучшей из них женщина-девушка...

Первый день земли был безоблачный и певучий... Не было еще страданья и горя... Не было зла...

Но прошел этот день, и наступили иные... Появились тучки... Родилось зло... Затуманилась непорочность... Охладела любовь... Застонало горе... Полились слезы, и чистую землю запятнала человеческая кровь... И стали меркнуть на земле ее небесные огни, а на небе стали загораться новые и новые звезды... Всякая надземная мысль человека, тоска его по уходящей с земли Нетленной Красоте, все его горячие порывы, как волны добра, все его раны и слезы в борьбе со злом, все это поднимается в его душе, как отсвет золотых небесных огней... Все это загорается на небе кроткими звездами. И у каждой есть свой сказ о земной непогоде и не принятая землей своя молитва. И поют звезды свою тихую песнь. Все высокое и светлое, на земле загубленное, все грезы о Красоте, земною грязью забрызганные, все невинное, грехом оскорбленное, все благородное, пошлостью оневоленное, все муки о правде, в бессильи и бесплодных сомнениях погибшие, все огнистые надежды и голубые мечты о умиреньи земного с небесным, все светлое и горящее, все в любви и непосильном страданьи угасшее, все это, умирая на земле, воскресает на небе и поет о себе вещий стих в молчаливых, далеких и близких человеческому сердцу звездах. И поют звезды свою грустную песню, и слышна она чуткой душе. Как увидит звезду в небесной выси, так и услышит... Затоскует сердце, куда-то как из тяжкой неволи в невидимый светлый простор просится оно, как будто услышит знакомые волнующие зовы, и близко-близко видит чьи-то живые, родные, говорящие о забытом, невозвратимом былом, любимые глаза...

Чем ночь темней, тем ярче звезды, чем глубже грусть, тем слышней их тихие сказы.

В полуночной тиши, как Божьи стражи, поют свою грустную песню мерцающие звезды, поют они о том, что не бывать уж земле небом, но что будет примиренье: будет новое небо и новая, лучшая земля, и под песню эту баюкающей грустью, какой-то сладкой тоской сжимается непокойное сердце...

АКАФИСТ СВЯТОМУ БЛАГОВЕРНОМУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДАНИИЛУ, МОСКОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ[1]

КОНДАК 1

Избранный чудотворче и предивный угодниче Христов, града Москвы и державы Российския крепкое ограждение, раздоров и нестроений искоренителю, благоверный княже Данииле, похвальная восписуем ти, к раце мощей твоих притекающе. Ты же, яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких нас бед свободи, зовущих: Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

ИКОС 1

Ангелов Творец и Господь во дни великих бед и напастей, обышедших страну нашу от нечестиваго царства агарянскаго, восхотев людем страждущим утешение даровати, яви тя, княже Данииле, яко плод красен от чресл великаго князя Александра; людие же, о рождении твоем радости исполнившеся, взываху ти сицевая: Радуйся, корене благочестиваго прозябение; радуйся, добродетелей отца твоего и матере наследниче. Радуйся, рождением твоим люди града Владимира возвеселивый; радуйся, грядущую славу Москвы предвозвестивый. Радуйся, избранниче Божий; радуйся, правило веры благочестивыя. Радуйся, образе кротости духовныя; радуйся, Бога яко истиннаго Отца нашего издетска познавый. Радуйся, яко Иосиф, от братии твоей досаждения сладце претерпевый; радуйся, последи и братию свою в любовь к себе призвавый. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

[1] Печатается по московскому изданию 1918 года.

КОНДАК 2

Видяще ближнии твои, блаженне, день от дне во благочестии тя возрастающа, и не точию млеком матерним, но паче благодатию Божией питаема, радовахуся и, Господа о сем хваляще, взываху: Аллилуиа.

ИКОС 2

Разум богопросвещен имея, уразумел еси, всехвальне, по словеси апостольскому, яко нужнейши всего есть благочестие, имже и потщался еси обогатити душу твою, в молитвах и научении словеси Божию всеусердно пребывая; Того ради людие ублажаху тя сице: Радуйся, молитвенниче теплейший; радуйся, послушниче Евангелия усерднейший. Радуйся, добродетели высокия в сердце твоем вкореневый; радуйся, в заповедех Господних вся дни живота твоего ходивый. Радуйся, образом жития твоего мир посреде братии водворивый; радуйся, Господа твоего паче всех возлюбивый. Радуйся, положити душу свою за други своя непрестанное желание имевый; радуйся, благодать Господню в сердце свое заключивый. Радуйся, и тело свое тою просветивый; радуйся, оное и по смерти нетленно сохранивый. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 3

Сила Вышняго укрепляше тя, блаженне, егда, в кротости и в смирении души твоея возрастая, уготовлял еси себе на служение княжеское и о помощи небесней молился еси, взывая Богу: Аллилуиа.

ИКОС 3

Имея присно в души твоей глагол Господень, пророку реченный: «На кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словес Моих», потщался еси, святе, оными добродетельми себе украсити; Того ради ублажаем тя сице: Радуйся, подвижниче доблий, на высоту добродетелей возшедый; радуйся, нищетою духовною Царствие Небесное стяжавый. Радуйся, кротости ради землю обетования

наследивый; радуйся, правды и истины паче всего искавый. Радуйся, чистотою сердца твоего Господа созерцавый; радуйся, миротворец нарочит в житии своем явивыйся. Радуйся, изгнания правды ради смиренно претерпевый; радуйся, мзду вечную добродетельми стяжавый. Радуйся, чистоты душевныя и телесныя сокровище; радуйся, любве и кротости Христовы вместилище. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 4

Бурею агарянскаго нашествия людие российстии потрясаеми, на тя, всечестне, яко на избранника Божия взираху, и под кров твой державный прибегающе, защищение и утешение приимаху, вкупе с тобою взывающе Богу: Аллилуиа.

ИКОС 4

Видяще, святе, братия твоя отрока тя еще мала суща, наследия отча лишити тя умыслиша и удел малейший, московский точию вдати ти изволиша; ты же, кроток сый и незлобив, ничтоже противовещал еси и за обидящих тя Господеви молился еси. Сего ради ублажаем тя сице: Радуйся, кротости Христовы подражателю; радуйся, предивный нестяжателю. Радуйся, удел твой малейший возвеличивый; радуйся, всего себе воле Божией предавый. Радуйся, от Него токмо единаго помощи искавый; радуйся, богатство тленное презревый. Радуйся, сокровища духовная возлюбивый; радуйся, от юности в благодати у Бога и человек возраставый. Радуйся, яко и по скончании земнаго жития твоего тую же благодать сугубо восприявый; радуйся, яко и мы благодати Божией по молитвам твоим сподобляемся. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 5

Боготечной звезде подобяся, на земли течение твое светло совершил еси, благоверный княже Данииле, лучи святости и потоцы милости всем изливая; ихже ради и в сонме святых пребываеши, поя с ними: Аллилуиа.

ИКОС 5

Слышавше ближнии и дальнии, яко в малем еще граде Москве на высоте стола княжескаго возоблистал еси, преславне княже Данииле, под сень крилу твоею притекаху, похвалы таковыя ти приносяще: Радуйся, княже благосердый, любовию своею всех покрываяй; радуйся, владыко прелюбивый, бедствующия защищаяй. Радуйся, мудрость отца твоего князя Александра восприявый; радуйся, страны Московския утверждение. Радуйся, державы Российския украшение; радуйся, Церкве Христовы похвало высокая. Радуйся, людей российских упование благонадежное; радуйся, тобою бо во едино братство совокупляемся. Радуйся, яко твоим научением от распрей свобождаемся; радуйся, заповедей Божиих верный исполнителю. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 6

Проповедник Царствия Божия явился еси, благоверный княже Данииле, над людьми бо своими царствуя, слезу всяку от лица страждущих отымал еси, подвизая звати всех: Аллилуиа.

ИКОС 6

Возсиял еси, яко пресветлое солнце, на престоле Московстем, благоверный княже Данииле, величием души твоея и добродетельми всю землю Российскую озаряя и подвизая всех ублажати тя сице: Радуйся, мужу желаний духовных; радуйся, стяжателю даров небесных. Радуйся, милосердия сокровище неисчерпаемое; радуйся, кротости наставниче. Радуйся, заповедий евангельских делателю неленостный; радуйся, нищету вольную Христа ради возлюбивый. Радуйся, сиротам и вдовицам отче благосердный; радуйся, людем твоим помощниче богодарованный. Радуйся, в чине властителя кротость детскую проявивый; радуйся, душу твою в храм Божий добре претворивый. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 7

Хотяй Всевидец Господь прославити тя, блаженне, постави тя владыку преславна во смирении людем Своим, иже и взирающе на тя и добродетелей твоих богатству чудящеся, пояху Ему: Аллилуиа.

ИКОС 7

Новаго и дивнаго устроителя земли Российския вемы тя, княже Данииле, кротостию бо, смиренномудрием, братолюбием и мудростию небесною княжение Московское возвеличил еси и сильно сотворил еси е; сего ради приими от нас сицевая: Радуйся, мудрость Соломонову стяжавый; радуйся, кротость Давидову восприявый и тою враги твоя победивый. Радуйся, многия други себе стяжавый; радуйся, стольный град твой храмами Божиими украсивый. Радуйся, величию Москвы тем послуживый; радуйся, воине Христов неодоленный. Радуйся, от бед и скорбей всем скорое прибежище; радуйся, от всех зол твердое защищение. Радуйся, унывающим доброе вразумление; радуйся, всем братолюбцем присное одобрение. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 8

Странника и пришельца себе на земли быти помышляя, час кончины твоея пред очима твоима присно имел еси и сего ради обитель иноком во славу тезоименитаго ти преподобнаго Даниила возградил еси, идеже молитвы твоя Господеви возсылал еси, поя Ему: Аллилуиа.

ИКОС 8

Всего себе от юности Господу возложив, вся дни живота твоего, благоверный княже, Тому усердно работал еси и ко блаженному успению достиг, в мире глубоце дух свой Ему предал еси. Людие же княжения твоего, окрест гроба твоего собравшеся, пояху ти сицевая: Радуйся, княже наш вожделенный, ко Господу отошедый; радуйся,

нетленное тело твое нам оставивый. Радуйся, ароматы добродетелей твоих нам благоухаяй; радуйся, сиянием небеснаго света озаренный. Радуйся, обилием любве твоея вся удививый; радуйся, и врагом твоим благое упокоение у себе устроявый. Радуйся, крепость державы твоея тем созидавый; радуйся, наследником твоим присное научение. Радуйся, гроб твой, аки краеугольный камень, граду Москве положивый; радуйся, яко молитва твоя о людех и по смерти не оскудевает. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 9

Вси небеснии чини и святых собори радостно тя прияша, богомудре, подвиг земнаго течения своего добре совершивша и к вечному животу пресельшася, идеже с ними поеши: Аллилуиа.

ИКОС 9

Витий человеческих уста не возмогут изрещи пречуднаго прославления памяти твоея, угодниче Божий: егда бо гроба твоего место забвению предадеся, сам яве предстал еси юноше благочестивому, господина месту тому себе нарицая, и князя Иоанна обличая, и глаголя: «Чесо ради предал мя еси забвению? аще же и забвен аз тобою, не забы мя Господь». Мы же, явление твое благоговейно почитающе, сице вопием: Радуйся, града нашего Москвы Богом данный покровителю; радуйся, обители твоея неусыпный хранителю. Радуйся, яко и по успении твоем нас не оставляеши; радуйся, яко милосердие Божие о гресех наших умоляеши. Радуйся, мзду трудов твоих восприявый; радуйся, небесною славою душу твою осиявый. Радуйся, князей Российских добрый учителю; радуйся, к добродетели твердый тем наставниче. Радуйся, и всем людем благий пред Богом предстателю; радуйся, молитвы их к Престолу Его возносяй. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 10

Спастися всем хотяй Господь вельможу некоего, гроб твой, святе, поправша, недугом порази, обаче согрешение свое познавша и проще-

ние от тебе приемша помилова, да и мы вси, достойно почитающе тя, благодарно вопием: Аллилуиа.

ИКОС 10

Стену необоримую и забрало крепкое царствующему граду Москве и всей державе Российстей Господь дарова тя, блаженне, верным в скорбех и нуждах пребыстрое заступление, да зовем ти сице: Радуйся, призывающим тя во благое скорый помощниче; радуйся, чистоты душевныя и телесныя сокровище. Радуйся, душевных и телесных недугов целителю; радуйся, державы нашея утверждение. Радуйся, Церкве Российския украшение; радуйся, яко отец чадолюбивый, чада твоя назираяй. Радуйся, яко воевода непобедимый, пределы земли нашей ограждаяй; радуйся, небрегущия о святыне страхом вразумляяй. Радуйся, яко кающимся скорое прощение испрошаеши; радуйся, яко благим подвигом тех научаеши. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 11

Пение всеумиленное приими от нас, прехвальне, и молитвы, приносимыя тебе, не презри; к тебе бо в скорбех прибегаем и пред гробом твоим слезы проливаем, зовуще: Аллилуиа.

ИКОС 11

Светозарна светильника благодати яви тебе всех Творец, силою бо, данною ти свыше, юношу при гробе твоем от одра смерти возставил еси; сего ради ублажаем тя сице: Радуйся, милостивый скорбящим помощниче; радуйся, сосуде, Святаго Духа исполненный. Радуйся, дарами Того обогащенный; радуйся, сими дарами и молящихся тебе обогащаяй. Радуйся, ко Святей Троице дерзновение велие стяжавый; радуйся, дерзновение сие на помощь людем направляяй. Радуйся, силу чудес от Бога приявый; радуйся, за грешныя Господа умоляяй. Радуйся, любве и кротости Христовы вместилище; радуйся, безпомощных скорый помощниче. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 12

Благодатию, данною ти свыше, недуги исцеляеши, враги и супостаты от нас отгоняеши, жизнь нашу умиряеши и душам нашим полезная подаеши, да благодарственно взываем Богу: Аллилуиа.

ИКОС 12

Поем честныя подвиги твоя, ублажаем чистое житие твое, восхваляем священную память твою, Данииле благоверне, и прославляюще Господа всех вопием ти сице: Радуйся, яко крест богоугоднаго жития до конца понесл еси; радуйся, яко о скорбех твоих Бога благодарил еси. Радуйся, всяку добродетель в себе изобразивый; радуйся, иго Христово возлюбивый. Радуйся, немощи немощных на себе носивый; радуйся, благоволение Божие людем твоими испросивый. Радуйся, присно на Небеси торжествуяй; радуйся, на земли преславно чудодействуяй. Радуйся, людем твоим помощниче богодарованный; радуйся, ангелом собеседниче достойный. Радуйся, преподобне княже Данииле, Московский чудотворче.

КОНДАК 13

О, преславный угодниче Христов и чудотворче, преподобне княже Данииле, отрадо и утешение всех с верою к тебе прибегающих! Приими от нас, недостойных, сие малое моление, с любовию тебе приносимое, и теплым ходатайством твоим ко Господу огради святую обитель твою, умири жизнь нашу и даруй нам покаяние совершенное, избави нас от бед и вечныя муки, да купно с тобою благодарственно вопием: Аллилуиа.

(Сей кондак чти трижды. Посем чти икос 1-й «Ангелов Творец» и кондак 1-й.)

ТРОПАРЬ, глас 3-й

Подобен «Дева днесь»

Явился еси во стране нашей яко звезда пресветлая,* благоверный княже Данииле,* лучами света твоего озаряя град твой и обитель твою,* царем православным поборник еси,* пленным свободитель

и нищим защититель*, моли Христа Бога* державе Российстей даровати мир* и спасти души наша.

КОНДАК, глас 6-й

Подобен «Еже о нас иполнив смотрение»

Еже по образу соблюд непреложно,* и иже в мире тленная оставив,* со ангельскими лики предстоиши Христу,* преподобне княже Данииле,* никакоже забывая чад твоих,* но милостивно посещая и глаголя им:* аз есмь с вами и никтоже на вы.

МОЛИТВЫ

1

Церкве Христовы похвало высокая, града Москвы стено необоримая, державы Российския божественное утверждение, преподобне княже Данииле! К раце мощей твоих притекающе, усердно молим тя: призри на нас, память твою воспевающих и с верою под кров молитв твоих прибегающих. Пролей теплое твое ходатайство ко Спасу всех, яко да утвердит миром страну нашу, грады и веси ея и обитель сию добре да сохранит, благочестие и любовь в людех твоих насаждая, злобу же, междоусобие и нравов развращение искореняя; всем же нам вся благая ко временному животу и вечному спасению даруй молитвами твоими, яко да прославляем дивнаго во святых Своих Христа Бога нашего во веки веков. Аминь.

2

О, угодниче Божий, святый благоверный княже Данииле, сада Христова благовонный цвете, неба церковнаго кроткая звездо, земли нашея небесный уме, града Москвы и державы нашея мудрый здателю, теплый к Богу молитвенниче, скорый в помощи, милостивый в нуждах! К тебе припадаем и тебе молимся: буди предстатель наш пред Престолом Божией славы неусыпный. Собери нас друг ко другу, да печали ближняго своего кийждо любовию нелицемерною приобщается. Онебеси ум наш, да иго тяжкое земных попечений отвергше, бремя легкое Христова Евангелия возлюбим. Открый очи наши, да узрим нетленную красоту Господню и да не отчуждени будем жизни Божией. Тихость Духа Божия да соблюдет сердце наше. Весна покаяния да украсит дела наша. Княже милостивый и щедрый! Сохрани страну нашу, град твой и зде молящихся тебе от всякия напасти, от враг видимых и невидимых, от губительства и глада, от междоусоб-

ныя распри и внезапныя смерти. Отверзи нам двери милосердия Божия и избави нас от всякаго зла. Под крепкий покров благостыни твоей прибегающе, молим: буди нам тихое пристанище в скорбех. Остени нас молитвами твоими. Соблюди нас от падений греховных и заблуждений, да сердцем сокрушенным, духом смиренным в печали и радости выну зовем: Господи, предстательством преподобнаго Твоего помилуй нас. Аминь.

ПИСЬМО В ВОЛОКОЛАМСКИЙ ИСПОЛКОМ[1]

Копия

30-го апреля текущего года состоялось постановление местного Исполкома о воспрещении ношения чтимой иконы святителя Николая, о чем я был уведомлен настоятелем собора отношением Отдела управления за № 2229. Тем же приказом Управления от 3 мая за № 2319 были сообщены и те мотивы, какими руоводствовался Исполком в своем решении.

Эти мотивы, как и само решение, резко расходятся с вероисповедной политикой и политикой центральных органов республики, так как <так> своеобразно толкуют закон об отделении Церкви от государства, что фактически его отменяют и в основе своей имеют непроверенные слухи и толки, на которых едва ли возможно кому бы то ни было, тем более власти, построить решение немаловажного значения.

Конечно, Исполком лучше меня знает, что практика центра в делах веры и понимание им Закона о свободе совести диаметрально противоположно принятому решению 30-го апреля. Центральные советские власти совершенно спокойно смотрели и смотрят на всевозможные церковные и вообще религиозные церемонии. В столице государства крестные ходы рядового и исторического значения так обычны и часты, что юридические отделы соответствующих районов не требуют от устроителей их даже предварительного уведомления. Многочисленные святыни Москвы совершенно свободно износятся верующими и приносятся нередко из одного конца столицы в другой, приносятся для молебствований пред ними в такие рабочие центры, как фабрики и разные промышленные предприятия, и это не считается ни нарушением общественного порядка, ни стеснением чьей-либо религиозной совести, ни источником заразы (хотя Москва, как известно, уже два года живет в полосе и под угрозой всевозможных эпидемий), ни «затемнением классового самосознания».

[1] ГАРФ, ф. А-353, оп. 3, д. 737, л. 229–232. Копия для Московского Епархиального управления, сделанная рукой епископа Германа.

Таким образом, принятое 30-го апреля постановление Исполкома стоит в резком противоречии как с практикой центра республики и губерний, так и с традициями местных Исполкомов прежнего состава.

Что касается едва ли не главного мотива запрещения, что это делается во имя свободы совести, то согласитесь, такое понимание декрета об отделении Церкви от государства и 5 ст. его уничтожает самый закон и является явным насилием над совестью, которую, по словам самого же Исполкома, «нельзя стеснять ни прямым, ни косвенным путями». В самом деле, раз, допустим, сегодня обряды православных стесняют свободу сектантов (каких, по статистическим данным, в Волоколамском уезде нет, а старообрядцев ничтожный процент), то завтра обратно: церемонии сектантов или вообще иноверцев будут стеснять свободу совести подавляющего большинства населения – православных. Раз православным воспрещается стеснять свободу неправославных (как будто кто-то насильственно привлекает их и заставляет участвовать в крестных ходах с иконой), то обоюдно и сектантам, и старообрядцам одинаково нельзя насиловать свободу православных. Таким образом, выходит, что ни для тех, ни для других нет никакой свободы совести. Для тех и других есть только один общий запрет.

Между тем конституция Республики и ст. 3 декрета определенно говорит – «каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы ни было веры или исповеданием никакой веры, отменяются». Нельзя же предположить, что Исполком устанавливает новое законоположение, охраняющее право на свободу старообрядцам и сектантам, но не православным, что в свою очередь противоречит ст. 2 декрета, которая гласит: «в пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы и постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан».

Что касается религиозных розней, во избежание которых Исполком решается нарушить Закон о свободе совести, то если бы государство так их боялось, то совершенно уничтожило бы всякое вероисповедное состояние, упразднило бы и Церковь. Но мы знаем, что наши основные законы говорят не об уничтожении Церкви, религии и свободы совести, а лишь об отделении Церкви от государства, гарантируют всякой религии, как частному делу граждан, свободу исполнения ее обрядов и даже больше того, признают за всеми

гражданами свободу пропаганды, как религиозной, так и антирелигиозной (ст. 13 конституции). В силу этого в Москве существуют всевозможные благовестнические курсы, богословские школы, специальные религиозные просветительские общества, ведутся еженедельно диспуты на религиозные темы. Все это безусловно обостряет религиозное самосознание борющихся между собой верований, и однако центральная власть все это разрешает, не пугаясь ни религиозной розни, ни взаимной вероисповедной борьбы – разрешает во имя дорогой всем свободы совести.

Совершенно, далее, непонятно, как ношение иконы святителя Николая может мешать повседневной работе кого бы то ни было: ее приносят в то селение и тот дом, где того сами желают; для этого не делается каких-либо принудительных нарядов, никто насильно не отрывается от своего дела, и неизвестно, чей же общественный порядок нарушается там, где принимают икону, как говорится в таких случаях, «всем обществом». Да и оффициозный толкователь ст. 5 декрета считает нарушением порядка и посягательством на права граждан те случаи, кои к православию и ношению святых икон никакого отношения не имеют: если «чья-либо вера ведет к убийству, саботажу, преступлению и буйству» («Свобода совести и отделение Церкви от государства». Изд. «Революционный социализм»).

Не считая себя компетентным разбирать мотивы медицинского характера, считаю должным только указать на то, что почти все крестные ходы с иконой святителя Николая установлены в воспоминание избавления от свирепствовавших или угрожавших краю эпидемий. Как ни покажется Исполкому это невероятным, все же это факт – они установлены не по инициативе духовенства, об алчности которого, как полагается, он (то есть факт. – *А. В.*) говорит, а самим народом. Служители культа нередко были даже против них; были даже попытки (преосвященный епископ Августин) отменить исторический крестный ход из Волоколамска в Теряеву слободу (около Иосифова монастыря), имеющий в настоящее время за собой 150-летнюю давность, но сам народ заставил духовенство это оставить.

Конечно, легко все это назвать «обманом», но серьезная наука, и медицина в частности, знает множество случаев не усиления, а поразительного уменьшения и прекращения всевозможных заболеваний, фактором чего были религиозные верования и обряды, или религиозный подъем. Отнимать у народа то средство, говоря языком

[2] Фраза подчеркнута в оригинале, на полях вопрос.

рядового практического деятеля, да еще в такое время, когда не так-то много и людей и средств для медицинской борьбы с инфекционными заболеваниями, едва ли целесообразно[2]. К тому же, чтобы быть последовательным, Исполкому пришлось бы тогда запретить и театры и кинемо, и всевозможные увеселительные вечера, которые, без всякого сомнения, не меньше, чем до сих пор еще неизвестные случаи заболеваний от целования святых икон, способствуют распространению болезней, вроде сифилиса и туберкулеза.

Наконец, что касается того, что ношение иконы служит поводом к распространению слухов, что половина сборов с этого идет на Исполком, то, конечно, не эти сплетни, на которые ни одни сознательный гражданин не обращает внимания и не верит им, дискредитируют власть, а то явное неуважение, какое если не Исполком, то его исполнительные органы обнаруживают в отношении святыни края – образа святителя Николая.

Согласитесь – называть народную святыню «идолом», который должен быть водворен на его обычное место «стоянки», не значит ли совершенно не уважать ни народа, ни его вековых верований. Как самым постановлением, так и этим всего меньше можно разрушить, как хочет того Исполком, «обманы и самообманы трудящихся масс». Запрещать и не допускать – это прежние способы борьбы, которые, как показала жизнь, приводили и приводят всегда и везде лишь к тому, что запретное становится особенно желанным, и то, что называет Исполком «обманом», даже для людей безграмотных начинало казаться истиной.

С подлинным верно.

11. V. 1920 г. *Е. Герман*

ПИСЬМО ОТЦА МИХАИЛА ШИКА ОТЦУ СЕРГИЮ МАНСУРОВУ ПО ПОВОДУ ЦЕРКОВНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ[1]

Дорогой брат о Христе!

...С тех пор как я услышал Ваше слово, отлучающее меня от церковного общения с Вами, я ношу на сердце тяжелое горе.

Еще и еще раз я пересматривал наше разногласие и еще раз укрепился на том, на чем стою. Я признаю М<итрополита> С<ергия> канонически правомочным заместителем Московской патриаршей кафедры, в то же время осуждая его декларацию и последовавшие за нею его деяния, однако считаю, что ни декларация, ни другие его действия не уполномачивают нас на основании правил и преданий Святых Отец прерывать евхаристическое общение с ним. Относительно правомочий М<итрополита> С<ергия> и оценки его деятельности мы, я знаю, единомысленны. Расхождение наших мнений и поступков начинается с вопроса о возглашении имени М<итрополита> С<ергия> на общественном богослужении. Оставим пока это разномыслие открытым. Оно не пугает меня и не представляется мне таким глубоким. Но воистину страшная пропасть между нами разверзлась оттого, что это разномыслие Вы признали достаточным поводом для разрыва общения со мной во Христе. Только об этом я хочу говорить с Вами. Происшедшее между нами я поспешил рассказать нашему общему духовному отцу[2], а затем имел случай рассказать и отцу Досифею[3] – и от обоих не слышал осуждения себе и увидел, что оба так же огорчены происшедшим и так же недоумевают, как и я. После беседы с ними смущение, с которым я приехал от Вас, совсем прошло, но горе мое не уменьшилось – скорее напротив. Бог видит,

[1] Печатается по изданию: Надежда. Душеполезное чтение. Вып. 3. Frankfurt/Main, 1979. Письмо это не было отправлено отцу Сергию, но примирение все же состоялось: через Наталью Дмитриевну Шаховскую-Шик, посетившую Мансуровых в Верее незадолго до кончины отца Сергия, последний известил отца Михаила, что готов, как и прежде, у него исповедоваться. См. там же.

[2] Иеромонаху Порфирию (Горшкову), старцу Гефсиманского скита.

[3] Отец Досифей (Шонин) – духовник Смоленской Зосимовой пустыни.

как тяжело сознавать, что брат и сослужитель, которого люблю, как друга, и чту, как наставника, отлучает меня от общения с собой в Церкви, то есть говорит: Христа среди нас нет!

Мне было бы легче, если бы я мог по совести признать целиком вину на своей стороне и Вашу правоту и тем заполнить разверзшуюся между нами пропасть церковного разделения. Но совесть не позволяет этого сделать. Рука долго не поднималась написать Вам. Я боялся, что письмо еще определеннее положит черту между нами, закрепив ее новыми словами. Дай Бог, чтобы этого не случилось. Но прошедшее время дало почувствовать, что молчание может привести к еще большему разделению, чем слова, и потому, помолившись Богу, чтобы Он вразумил меня сказать нужное и как должно, пишу Вам во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Начну с того, что в одном отношении я чувствую свою вину в этом деле. Некоторое время в истекшем году я грешил тем, что вслушивался не только в голос правды, проверяемый умом и совестью, но внимал и голосу человекоугодия (я каялся Вам в этом на исповеди) и, дорожа отношением к себе известного круга чтимых людей, допустил себе склониться в сторону аргументов, которые иначе не имели бы для меня решающей силы.

Теперь изложу, как я пришел к своим взглядам.

После того как я попытался сам изложить свои мнения на бумаге, мне стала ясна заключающаяся в них фальшь. Я понял, что кафарские настроения, которым и я дал себя увлечь, неминуемо ведут к тому, к чему приходили все кафары в истории Церкви – к разделениям и расколам. Вы – такой знаток истории Церкви – лучше меня знаете ту внутреннюю логику церковной жизни, в силу которой те, кто хотел своим произволом охранять непорочность Невесты Христовой, оказывались перед замкнутыми дверями Брачного Чертога. Для пояснения этого не нужно вспоминать далеких монтанистов и донатистов, новациан и энкратитов. Ближе к нам, в XVII веке, Аввакум и его сторонники были одушевлены великой ревностью о чистоте церковного предания и правил – и во имя этой чистоты нарушили эти правила. Мы теперь знаем, что для их ревности было немало достойных оснований – и тем не менее они заблудились в дебрях внецерковности.

Если бы те настроения, каким Вы следуете, имели силу в церковной жизни и не преодолевались бы тяготением к церковному единству в любви, то церковные расколы возникали бы по крайней мере каждое поколение. Ведь история Церкви пестрит именами недостойных,

иногда преступных патриархов, митрополитов, синодов. Если бы во времена Феофана Прокоповича наши отцы руководствовались Вашими правилами, возник бы еще один раскол – антисинодальный, но те, кто откололись бы тогда от церковнопреступного Синода, оказались бы не на той стороне, где полнота церковной благодати произрастила Иоасафа Белгородского,Тихона Задонского, Серафима Саровского и другие не прославленные, но великие сосуды Святого Духа.

Значит, император Петр I и Феофан Прокопович с его вызывающими наше негодование соратниками не могли ни повредить, ни умалить благодатную жизнь Церкви, несмотря на то, что стояли во главе Ее правления, и это поняли их православные современники. Значит, вообще грехи первостоятелей Церкви не нарушают чем-либо существенным течение благодатной жизни Церкви, и, очевидно, сохранение церковного единства в любви и мире, как нравственная задача, первенствует для сынов Церкви перед их правом требовать от пастырей и собратий безупречной чистоты личного и общественно-церковного поведения.

Вы опираетесь на авторитет преподобного Феодора Студита. Но оставляя даже в стороне повод, вызвавший отделение преподобного Феодора от святого патриарха Никифора (я считаю, что этот повод догматически гораздо более весок, чем то, что имеет место ныне, и во всяком случае догматически был четко определен, чего нет в наши дни), я спрашиваю, где основания руководствоваться этим совершенно исключительным в истории Церкви примером и что дает право утверждать, что Церковь одобрила действия преподобного Феодора в этом деле? Спрашиваю и не нахожу ответа. Почему в истории Церкви не было авторитетных подражателей преподобному Феодору в аналогичных случаях, которые повторялись и в царстве Ромеев и на Руси (Иван Грозный, Петр I)? Несомненно, конечно, что Церковь и не осудила преподобного Феодора, но разгадку этой проблемы надо искать, я думаю, во всей совокупности святой личности преподобного Феодора, а не в его действиях в данном случае.

Довольно. Я не собираюсь исчерпать всей огромности затронутой темы. И без того, боюсь, я слишком увлекся спором. Простите меня, ради Бога, если я не сумел удержать в словах этого письма выражений горечи, порожденной горем разделения между мною и Вами. Я писал не для спора, а ради любви моей к Вам и почитания, которые так же крепки, как были.

Любовь моя дает мне дерзновение сказать Вам: Христос посреди нас! – с убеждением, что если Вы еще ответите нет, то Ангел Ваш хранитель произнесет: есть и будет. Аминь.

20 января 1929 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Августин, епископ 345
Агафангел, св. мученик 295
Агафангел (Преображенский), митрополит, св. исповедник 200, 202
Агафон, авва 258
Адриан, св. мученик 130, 131, 166, 203, 222, 224, 236, 237, 266, 291, 292
Александр Невский, св. благоверный князь 305
Алексеев Корнилий 202
Алексий (Готовцев), епископ («Алеша») 108, 109, 113–117, 133–135, 154, 156, 173, 175, 178, 181, 183, 184, 188–191, 197, 203, 209, 257–261, 275
Алексий Зосимовский (Соловьев), иеросхимонах, преп. 96, 120, 129, 148, 213, 250
Алексий (Симанский), патриарх 285
Амвросий Оптинский, преп. 281, 282
Амвросия (Оберучева), монахиня 283
Анастасия Узорешительница, св. великомученица 212, 251
Андрей Первозванный, св. апостол 227
Андрей (Ухтомский), епископ 160
Антоний Великий, авва, преп. 137, 219
Антоний Воронежский, епископ 282
Антоний Киево-Печерский, преп. 312
Антонин (Грановский) 97
Аполлинария (Короткова), монахиня 315
Арсений Великий, преп. 265
Арсений (Стадницкий), митрополит 316
Архангельская Лидия 207
Афанасий Великий, святитель 115
Афанасий (Сахаров), епископ, св. исповедник 212, 285

* В указатель включены имена, упоминаемые в письмах епископа Германа и в примечаниях к ним.

Борис, св. страстотерпец 244
Борис (Шипулин), архиепископ 240
Борисов В. М. 88, 90, 91, 105, 106
Буланцев П., священник 176
Буланцева Л. П. 174
Буланцевы 174, 176
Бусыгин Владимир (обновленческий епископ Иннокентий) 143, 250
Бусыгина (урожд. Ряшенцева) Зинаида Степановна (Зина) 143, 250

Вакх, св. мученик 257
Валериан (Рудич), епископ («Валя») 165, 166, 168–170, 174, 177, 178, 182, 185, 196, 277
Варвара, св. великомученица 108
Варлаам (Ряшенцев), архиепископ («Варля», «Витя», «Дорогой», «Псковский») 96, 97, 106, 108, 109, 113, 114, 116, 117, 131, 135, 140, 142–144, 148, 174, 177, 179, 181, 183, 186, 189, 193, 195, 196, 200–207, 212, 213, 217, 220, 235, 237, 241, 243, 251, 252, 255, 263, 265, 266, 267, 269, 302, 311, 324
Варнава Гефсиманский, преп. 89
Варсонофий (Варсануфий), авва, преп. 322
Варфоломей (Ремов), епископ 125
Василий, св. блаженный 253
Василий Великий, святитель 115
Васильчикова (Егорова) Екатерина Павловна (Катя) 112, 167, 200, 203, 250
Вениамин (Федченков), митрополит 238
Верховцев Ростислав Александрович (Слава) 86, 96, 97, 102, 104, 107, 110, 116, 120, 135, 148, 190–192, 197, 203, 209, 216, 224, 233–235, 239, 241, 251, 155, 258, 263, 266
Верховцева Вера Тимофеевна (Лёля) 86–89, 96, 102, 114, 116, 117, 120, 128, 130, 132, 134, 137, 141, 143, 146, 152–154, 161, 170, 171, 173, 179, 184, 186–188, 197, 198, 202, 205, 207, 212, 230, 239, 245, 249, 264, 280, 286, 291
Верховцева (Виноградова) Наталья Александровна (Наташа) 86, 87, 93, 94, 96, 108–110, 112–116, 120, 124, 126, 129, 130, 131, 133–135, 137–142, 145, 149–152, 155, 156, 161, 163, 164, 167, 170, 173–176, 180–182, 184, 186, 189–193, 195, 197–199, 202–207,

209, 214, 215, 222, 232, 234, 236, 237, 242, 244, 247, 255, 257, 261, 262, 264, 267, 280, 286
Верховцевы 199, 214, 253, 274
Виноградов Василий, протоиерей 127
Виноградов Виктор Капитонович (Виктор, Витя) 199, 204, 213, 217, 220, 222, 223, 233, 235, 241, 245, 260, 268
Владилен (сын В. С. Ряшенцевой) 243
Владимир, св. равноапостольный князь 152

Гавриил (Зырянов), преп. 211, 213, 283
Георгий Победоносец, св. великомученик 207, 232
Герасим-грачевник (Герасим Иорданский), преп. 221
Герман, авва 137
Герман (Архиереев), иеромонах 231
Герман Казанский, святитель 110, 127, 168, 192, 210
Герман (Ряшенцев), епископ, св. мученик (Николай, Коля, «Мася») 87–89, 92–95, 97, 99, 106, 108, 109, 112, 113, 117, 126, 128–131, 134, 137, 141, 143, 144, 150, 152, 153, 155–160, 176–178, 181, 183, 185, 187, 190, 192, 195, 201–203, 205–208, 210–224, 227–232, 234, 237–242, 244–249, 252–255, 257, 259–261, 263, 264, 266, 267, 269, 271, 280, 281, 289, 311, 322, 342, 245
Гиацинтов Александр, священник 218
Глеб, св. страстотерпец 244
Готовцева Лиза 257, 258
Григорий Синаит, преп. 320
Григорий (Яцковский), епископ 250
Гурий (Степанов), архиепископ 95, 127, 138, 234, 241, 250

Давид, св. псалмопевец 195
Дамаскин см. Иоанн Дамаскин
Дамиан, св. бессребреник 154, 191
Даниил, преп., Великий князь Московский 188, 221
Даниил, св. пророк 326
Дарья (Дашенька), юродивая 242, 247
Державин-Капельский Ар., священник 283
Диомид (Егоров), иеромонах 102, 110, 112, 114, 119, 126, 167, 209
Дмитрий Донской, св. благоверный князь 266
Дмитрий Ростовский, святитель 298

Домитиан (Горохов), епископ 231
Дорофей, авва, преп. 256, 258, 314
Достоевский 123, 281, 288

Евагрий, авва 324
Евдоким (Мещерский), обновленческий епископ («Дося») 113 127
Евдокия, монахиня (келейница митрополита Кирилла) 206
Екатерина, св. великомученица 106, 200, 232
Еленушка, духовная дочь епископа Германа 217
Елена, св. равноапостольная царица 274
Ефрем Сирин, преп. 324

Зверева Евгения Михайловна 104
Зверева Елизавета Михайловна 104, 106, 107, 134
Златоуст см. Иоанн Златоуст
Зоннер Леонид 250
Зосима (Егорченков), иеромонах (схиархимандрит Захария) 94
Зосима Соловецкий, преп. 205, 209, 226, 232, 275, 285

Иаков, св. апостол 138, 303
Игнатий (Богоносец), епископ, св. мученик 242
Игнатий (Брянчанинов), святитель 262, 314–316
Иезекииль, св. пророк 143
Израиль (Андреев), игумен («Иван Израилев», «Ваня») 89, 93, 94, 96, 102, 104, 106, 108–110, 112, 114–118, 120, 125, 128, 129, 132, 134, 135, 137–140, 142, 146, 156, 158, 167, 173, 183, 186, 191, 193, 220, 221, 225, 229, 243, 248, 252, 253, 255, 259, 260
Иисус, сын Сирахов (Сирах) 300
Иларион (Троицкий), архиепископ, св. мученик («Ларчик») 90, 108, 127, 192, 201, 202, 204–208, 211, 212, 215, 218, 224, 235, 240, 253, 259
Илия, св. пророк 212
Иннокентий (Орешкин), иеромонах 236
Иоанн, св. апостол и евангелист 210
Иоанн Дамаскин, преп. 220
Иоанн Лествичник, преп. 315

Иоанн Златоуст, святитель 115, 172, 239, 307, 320
Иоанн Кассиан Римлянин, преп. 319
Иоанн Кронштадтский, св. праведный 148, 166
Иоанн Предтеча, св. 202, 313
Иоанн Тобольский, святитель 99
Иона Киевский, преп. 247
Иосиф Волоцкий, преп. 88, 89, 92, 255
Иосиф Обручник, св. праведный 298
Ипполит (Яковлев), игумен 205
Исаак Сирин, преп. 296, 301, 305, 307, 313, 318, 319, 321, 322, 324, 326
Исаия, св. пророк 115
Исидор, отец (?) 155
Исидор (Скачков), архимандрит 311

Казанская (урожд. Ряшенцева) Ольга Степановна 194
Киприан, св. 121
Кирилл (Смирнов), митрополит, св. мученик 127, 206, 243
Климент Многострадальный, епископ, св. мученик 295
Климент, папа Римский, св. мученик 295
Ковалева Нина 112
Комаровская Варвара Федорована 123
Комаровский Владимир Алексеевич 123
Константин, св. равноапостольный царь 274
Корнилий-сотник, епископ, св. исповедник 121, 122
Косма, св. бессребреник 154, 191
Кочеткова Елизавета Ивановна 234
Красницкий Владимир 127
Кронид (Любимов), архимандрит, св. мученик («Кроня») 118, 139, 149, 173, 187, 214, 240
Ксения (дочь В. С. Ряшенцевой) 243

Лаврентий, архидиакон, св. мученик 242
Лев, св. исповедник 141
Лев Армянин, император 295
Ледоковский 116
Лонгин-сотник, св. мученик 168, 197
Лот, св. праотец 201

Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ, св. исповедник 135, 160
Лука (Тарара), схиигумен 247, 320
Луначарский 108
Львов В. Н. 91
Любимов Н. А., протопресвитер 97

Магдалина (Мария Магдалина), св. равноапостольная 239
Магомет 176
Макарий Александрийский, преп. 277, 278
Макарий Великий (Египетский), преп. 309, 319, 324
Макарий (Невский), митрополит Московский, святитель 87, 89, 101, 148
Макарий (Чельцов), иеромонах 283
Максим, св. блаженный 253
Максимилиан (Марченко), иеромонах («Макс») 120, 204, 205, 209, 215, 217, 228, 240, 243
Мамант, св. мученик 164
Мансуров Сергей Павлович, священник 107, 113, 285
Мария, акатовская монахиня 94
Мария Египетская, преп. 239
Мария (Тимофеева), монахиня 99
Марфа, св. праведная 298
Маслов Андриан 131
Матвеев Василий Никифорович (дядя Вася?) 95, 96, 119, 182, 187, 192
Матвеев Николай Васильевич 96
Матвеева Надежда Александровна 96, 112, 114, 119, 157, 167, 182, 192
Матвеевы 173
Матфей, св. апостол и евангелист 136
Мечёв Алексий, протоиерей, св. праведный 99
Мечёв Сергий, протоиерей, св. мученик 284, 285, 290, 291
Мечёва Ирина Сергеевна 291
Мещерский Иван Сергеевич, князь157, 167, 207
Милославин Павел, священник 218
Митрофан Воронежский, святитель 171, 282
Митрофан (Поликарпов), епископ 276
Михаил (Ермаков), митрополит 194, 211
Михаил Травл, император 295

Михей (Владимирский), игумен 102, 120, 149, 183, 215
Мотовилов 121

Назарий (Блинов), епископ 152
Нансен 286
Наталия, св. мученица 130, 131, 166, 222, 224, 236, 237, 266, 291, 292
Неудачин 277
Никандр (Кудрявцев), епископ 90
Никандр (Феноменов), митрополит 277
Никита Стифат, преп. 265
Никита (Стягов), архиепископ 316
Никодим (Кротков), епископ, св. мученик 160, 255, 271, 278, 286
Николай (Добронравов), архиепископ 155
Николай (Клементьев), архиепископ, св. мученик 322
Николай (Покровский), архиепископ 152
Николай Угодник, святитель 88, 91, 106, 107, 200, 304, 342, 344, 345
Николенька (сын В. С. Ряшенцевой) 243
Никон (Пурлевский), архиепископ, св. мученик
Никон Радонежский, преп. 210
Новоселов Михаил Александрович, св. мученик 88, 107, 280

Окунев Н. П. 97
Олимпиада, диаконисса, св. праведная 312
Олимпиада (Иванова), схиигумения («Акатова») 128, 296, 302
Олсуфьев Ю. А. 218
Ольга Иосифовна (?) 86
Онисим (Пылаев), епископ, св. мученик 240, 241
Онуфрий Великий, преп. 233
Осколков Михаил, священник 209
Островский А. Н. 158

Павел, св. апостол 115, 119, 133, 137, 146, 271, 279, 306
Павел, епископ, св. исповедник 155, 211
Павлович Надежда 291

Пафнутий, иеромонах 91
Пахомий (Кедров), архиепископ 206
Пелагея (Фокеева), монахиня 251, 257, 320
Петр, св. апостол 121, 143, 199, 295
Петр I, император 171
Петр (Зверев), епископ 104
Петр (Полянский), митрополит, св. мученик («Кифа») 87, 155, 158, 234, 285
Пий X, папа Римский 123
Пимен Великий, авва, преп. 307, 318
Питирим (Крылов), архиепископ 322
Питирим Тамбовский, святитель 276, 278
Платон, св. мученик 260
Платон (Левшин), митрополит Московский 211, 225, 261
Полищук Е. С. 88
Порфирий (Горшков), иеромонах 89, 167
Потамий (Гужев), иеромонах (Потамушка) 102, 112, 114, 119, 126, 167, 206, 209, 220, 224, 229, 240, 251

Раевский С. П. 96
Рафаила (Чижова), монахиня 302, 303, 309, 310, 312, 314
Ровинский Константин, священник 285
Розанов В. В. 218
Розанова Т. В. 218
Розов Константин, протодиакон 96, 97
Роман, диакон, св. мученик 260
Роман Сладкопевец, св. 242
Ряшенцев Владимир Степанович 181
Ряшенцев Леонид Степанович (Лёня) 110, 119, 129, 130, 250, 264
Ряшенцева Антонина Владимировна (Нина) 217, 243, 250, 264, 329
Ряшенцева Вера Степановна (Вера, Верочка) 95, 97, 104, 107, 110, 112, 119, 126, 131, 134, 138, 139, 142, 143, 146, 150, 156, 158, 170, 175, 177, 181, 192, 194, 196, 217, 224, 226, 241, 243, 250, 252, 256, 264
Ряшенцевы 146, 250, 264

Савва (Борисов), иеромонах 291
Савва Звенигородский, преп. 239

Савва (Чиркин), иеромонах 285, 290–292
Савватий Соловецкий, преп. 205, 275
Савонарола 212
Самарин А. Д. 234
Самарина-Чернышева Е. А. 234
Серапион (Шевалеевский), епископ 232, 241
Серафим, отец (?) 110
Серафим (Звездинский), епископ, св. мученик («Сима») 90, 281, 290, 292
Серафим Саровский, преп. 121, 122, 187, 232, 247
Серафим (Чичагов), митрополит, св. мученик 113
Сергий, св. мученик 257
Сергий Радонежский, преп. 95, 104, 112, 114, 168, 261, 274, 275, 280
Сергий (Страгородский), митрополит, впоследствии патриарх («Серж», «Сережа») 188, 190, 202, 202, 231, 263, 275, 281
Сидоров Сергий, священник (Сережа) 120, 144, 155, 166, 185, 203
Симеон Новый Богослов, преп. 265
Симеон (Холмогоров), архимандрит 263
Сирах см. Иисус, сын Сирахов
Скворцов Иоанн, протоиерей 158, 180
Смарагд (Архангельский), иеромонах 209
Соловьев, священник 218
Соломон, царь 304
Солопова (урожд. Ряшенцева) Гали Леонидовна 87, 129, 170, 250
Сорвачев Александр, блаженный 253, 263
София, св. мученица 283, 293
Софония, св. пророк (Сафон) 301
Спиридон Тримифунтский, святитель 242, 243
Стефан, архидиакон, св. первомученик 219, 242
Стефан Пермский, святитель 230, 283
Стратилат см. Феодор Стратилат
Сычёв Николай Михайлович 167, 214, 216
Сычёва Мария Васильевна (тетя Маша) 167, 187
Сычёва Татьяна Николаевна 214

Талызина Ольга Анатольевна 87
Татиана (Татьяна), св. мученица 219, 321

Татьяна (Харламова), рясофорная монахиня (Таня маленькая) 94, 96–98, 101, 103, 104, 107, 108, 111, 120, 124–126, 129, 130, 132, 135, 138, 140, 144, 146, 148, 150, 152, 153, 158, 167, 173, 177, 178, 182, 184, 188, 196, 201, 202, 204, 207, 212, 214, 215, 217, 220, 223, 224, 226, 229, 231, 232, 234, 237, 242, 245, 250, 251, 252, 255, 263, 265, 266, 269, 273, 297, 312, 315, 316, 323, 326
Тимонова (урожд. Ряшенцева) Екатерина Леонидовна (Катя) 243, 250, 264
Тимофей, св. апостол 271, 306
Тихон, патриарх всея России, святитель («Донской», «Дед», «Дедушка») 87, 90, 106, 108, 113, 115, 127, 135, 149, 151
Тихон (Задонский), святитель 163, 324
Тихон (Шарапов), епископ 157, 192
Толстой А. К. 147
Трофим (Якобчук), епископ 202
Тургенев И. С. 147
Тучков Евгений («Женичка») 276

Феврония Ивановна, московская старица 94
Федор, тульский священник 234, 244
Феодор (Поздеевский), архиепископ («Данилов», «Федя») 95, 96, 108, 112–117, 126, 127, 134, 135, 138, 140, 148, 149, 154, 155, 157, 165, 174, 188, 191, 193, 209, 212, 213, 217, 223, 232, 258, 259, 263, 264, 267
Феодор Стратилат, св. великомученик 157, 200
Феодор Студит, преп. 115, 285, 295
Феодот, оптинский иеромонах 283
Феофан Затворник, святитель 138
Филадельф 177, 212, 228
Филарет, митрополит Московский, святитель 300
Филарет Милостивый, св. праведный 227, 286, 287
Филипп, митрополит Московский, святитель 308
Филипп (Гумилевский), архиепископ 228, 264, 266
Флавиан, патриарх Константинопольский, св. исповедник 141
Флоренский Павел, священник 107, 218
Фудель Иосиф, священник 108
Фудель Мария (Маруся) 108, 127, 206, 243
Фудель Сергей 108, 206

Харалампий (Харлампий), епископ, св. мученик 219
Хвостова Екатерина Сергеевна (Катя) 236
Хвостовы 96
Хреновский Лев Митрофанович 157

Шаховская-Шик Наталья Дмитриевна 116, 117, 120, 135, 139, 150, 156, 159, 163, 164, 167, 180, 273, 276–278, 294
Шаховские 280
Шаховской Дмитрий Иванович 287
Шафоростова Ефросиния Николаевна 284
Шик Елена 285
Шик Лиза 156, 280
Шик Маша 286
Шик Михаил Владимирович, священник 107, 155–157, 159, 162, 164, 166, 167–180, 193, 194, 196, 197, 271, 273, 274, 279, 280, 285–294
Шик Николай (Николенька) 286, 287
Шик Сережа 108, 274, 278, 282, 286
Шилова 258
Шингарев Михаил Николаевич 135, 175

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....5
«Высшее изящество веры». Жизнеописание священномученика Германа, епископа Вязниковского (*А. Воробьева*).....7

Письма владыки Германа

Письмо семинаристов ректору Вифанской семинарии архимандриту Герману.....79
Ответ архимандрита Германа.....81
Вере Тимофеевне и Наталье Александровне Верховцевым.....86
Отцу Михаилу Шику и Наталье Дмитриевне Шаховской-Шик....271
Схиигумении Олимпиаде.....295
Послушнице Татьяне.....318

Приложения

Стихотворения в прозе.....329
Акафист святому благоверному Великому князю Даниилу, Московскому чудотворцу.....333
Письмо в Волоколамский исполком.....343
Письмо отца Михаила Шика отцу Сергию Мансурову по поводу церковного разделения.....347
Указатель имен.....351

ПИСЬМА ВЛАДЫКИ ГЕРМАНА
Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа,
епископа Вязниковского

Серия «Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви»

Главный редактор издательства
протоиерей Владимир Воробьев

Составитель и редактор *Александра Воробьева*
Художник *Владимир Каллистов*
Компьютерная верстка *Киры Кузнецовой*

Подписано в печать 3 августа 2004 г. Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$. Объем 25 п. л.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 10458
Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института
ЛР № 030568 от 29.09.1993 г. 113184 Москва, Новокузнецкая ул., 23б.

Отпечатано в ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

В СЕРИИ «МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в двух частях. Сост. М. Е. Губонин. М., 1994, 1064 с.

Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995, 294 с.

За Христа пострадавшие. Гонения на русскую Православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 1. А–К. М., 1997, 698 с.

Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000, 1016 с.

Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000, 710 с.

Все вы в сердце моем. Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима, епископа Дмитровского. М., 2001, 608 с.

В СЕРИИ «МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ПОДГОТОВЛЕНО К ИЗДАНИЮ:

Дневник митрополита Арсения (Стадницкого). Т. 1. 1890–1901. 40 п. л.

Дневник, начатый выдающимся иерархом Русской Церкви митрополитом Арсением (Стадницким, 1862–1936) в 1880 году, во время учебы в семинарии, и доведенный до октября 1916 года – ценнейший исторический документ, важный не только для истории Церкви, но и для истории России вообще. Он с большой полнотой отражает путь церковного и общественного служения архиерея, занимавшего видные и ответственные посты – ректора Московской Духовной академии, члена Святейшего Синода, Государственного Совета и др., – содержит отклики практически на все важные события церковной жизни того времени, в которых митрополит Арсений был не просто очевидцем, но и активным участником.

Издание предполагается осуществить в шести томах.

В СЕРИИ «МАТЕРИАЛЫ ПО НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ» ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Второй том биографического справочника «За Христа пострадавшие» (Л–Я).

Сборник документальных свидетельств о жизни и деятельности святителя Агафангела (Преображенского), исповедника. (Материалы, извлеченные из периодической печати, государственных архивов, в том числе следственное дело святителя, воспоминания о нем родственников и других лиц.)

Жизнеописание и сборник миссионерских трудов (беседы с раскольниками и сектантами, обличение хлыстовства) священномученика протоиерея Константина Голубева.